

Татяна Ермоленко
Ольга Морозова

Погоны
Буденовки

Ермоленко Татьяна Федоровна
Морозова Ольга Михайловна

**ПОГОНЫ И БУДЕНОВКИ:
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
ГЛАЗАМИ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ И КРАСНОАРМЕЙЦЕВ**

УДК 355.292:316.66(47+57)“1917/1920”(092)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)

Ермоленко, Т.Ф., Морозова, О. М.

Погоны и буденовки: Гражданская война глазами белых офицеров
и красноармейцев / Т. Ф. Ермоленко, О. М. Морозова. –
_____ . – 356 с.

ISBN _____

Монография посвящена феномену гражданского милитаризма и исследованию информативного потенциала источников личного происхождения. В книге используются неопубликованные архивные документы, принадлежащие участникам Гражданской войны на стороне красных и белых. Среди рассмотренных в книге вопросов: прогностические ожидания россиян в годы революции и Гражданской войны, особенности сплочения в белых армиях и РККА, взаимные оценки большевиков и белогвардейцев, участие иностранных граждан в Гражданской войне, реконструкция послереволюционных событий в Баку и Закавказье, а также деятельности большевистского подполья в Ростове-на-Дону, Архангельске и Баку; изучение мотивов участия в революционном терроре, основанное на записках причастных к нему; история расстрелов советских комиссаров в 1918 г., рассмотренная в качестве достаточно типичного для этого года явления.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, студентов.

УДК 355.292:316.66(47+57)“1917/1920”(092)

ISBN _____

© Ермоленко, Т.Ф., Морозова, О. М., 2013

© _____

ВВЕДЕНИЕ

Человеческой природе свойственно возвращаться в своей памяти к самым счастливым и драматическим моментам жизни, и как ни парадоксально, многие из них переживались людьми в годы войн. Самая крепкая дружба, самые яркие ощущения удачи и полета, чувства страха и горя приходятся на времена, когда массы людей обречены переживать эмоции в небывалых масштабах. Страну охватывает эпидемия страстей – ярости, энтузиазма, азарта, упоения, паники, человеколюбия, ненависти, вожделения, злобы.

Вне зависимости от того, когда они оказываются занесенными на бумагу – через десять лет или в тот же вечер, это воспоминания. Но отбор фактов для дневника и мемуаров отличается. Эмоциональность переживаний и впечатлений делает их сюжетами составленных по горячим следам текстов; значимость для последующего развития жизни – для написанных спустя годы, после череды многих-многих событий. Поэтому и содержание дневников и воспоминаний будет отличаться.

В данной монографии будет сделана попытка показать специфику предмета описания в синхронных и деферативных источниках¹. Деление исторических источников с учетом времени создания влияет на приемы критики источника в связи с пониманием характера информации, мотивов автора и обстоятельств написания.

К синхронным источникам личного происхождения традиционно относят письма и дневники. В их число также стоит включать черновики неопубликованных статей (еще не подвергшихся редакторской правке), жалобы, обращения людей; записки, подаваемые в различные инстанции по инициативе и в порядке служебной деятельности, поскольку в них нередко содержится субъективный, личностно окрашенный взгляд на происходящее. В отношении времени Гражданской войны с размером того краха старого государственного аппарата и трудностями формирования нового к документам личного происхождения можно отнести и протоколы ротных, батальонных, полковых собраний и внутреннюю переписку советских, партийных и армейских структур особенно в отношении документов, следовавших по горизонтали и снизу вверх, т.е. не имеющую директивного содержания.

При всей ценности такого рода источников они могут дать ответ лишь на вопросы определенного типа – об эмоциональном восприятии и непосредственных реакциях на события, ожиданиях, о подробностях текущей жизни. Попытки осмысления происходящего встречаются довольно редко, но по ним можно проследить изменение оценок и механизм влияния на них других факторов – окружающей действительности, агитации и мнения других людей, процесса внутренней рефлексии человека. В связи с информативными особенностями синхронных источников нами собран материал, касающийся содержания прогностических ожиданий людей в годы Гражданской войны; оценки ими своего окружения и противной стороны конфликта, а также о союзниках; непосредственных реакций на собственные победы и поражения; выявление тех усилий, которые предпринимал отдельный человек для влияния на события (в деферативных источниках они, разумеется, всегда выглядят преувеличенными).

Методы внутренней критики таких источников в основном касаются работы по определению или уточнению авторства, реконструкции личностных характеристик автора и обсто-

ятельств, сопутствующих созданию документа, что помогает формированию отношения к полученной информации. В случае с перепиской является актуальной реконструкция характера отношений автора и адресата, причин их контакта вообще и поводов к составлению конкретного документа в частности. Важным итогом этой работы является психологический портрет автора документа. В синхронных источниках обоснование мотивов действий автора редкость, поэтому понимание личности создателя документа помогает осмыслить, что стоит за теми или иными его поступками.

По характеру записей дневники стоит различать на *контекстные*, содержащие информацию о происходящих вокруг человека событиях, и *исповедальные*, служащие своему автору как укромное место, где можно поделиться личным, наболевшим; поразмышлять и, возможно, прийти к важному решению.

Дневниковые записи, относящиеся к контекстному типу, являются наиболее ранними по времени появления, чем тот, который назовем исповедальным. Таков вывод голландских ученых из группы по изучению эго-документов в Институте Йохана Хейзинги университета Амстердама². По их мнению, ранняя, контекстная, форма дневниковых записей выполняла двоякую функцию контроля времени и выработки «Я». Стремление к самоанализу появилось позднее, на материале Голландии этот рубеж датируется второй половиной XVIII в.

Большинство обнаруженных дневников периода Гражданской войны принадлежит к категории контекстных. Событие в данном типе текста важнее чувств, а тем более анализа и самоанализа. Крайне любопытен дневник уже упоминавшегося красноармейца Алексея Долгобородова, воевавшего на Важском фронте в Архангельской губ.³. Там описаны события лета-осени 1919 г., происходящие вокруг автора и влияющие на его судьбу. И даже на этом информационном уровне незамысловатый текст простого деревенского парня поясняет многие из реалий того времени. 18-летний Алексей пошел в армию добровольно, потому что лишился родителей, рассчитывая в армии

найти опору и поддержку. Он описывал свои текущие занятия, перебои в снабжении, и как он с разрешения командира ходил в деревню работать за продукты, и как без всякого понукания сиделся вечерами вокруг костра и до утра с товарищами по роте говорил «серьезно о будущей нашей жизни и как жили раньше при царизме, разбирались в политических вопросах»⁴. Запись за 21 июля 1919 г. показывает влияние на крестьянское сознание некоторых форм пропаганды. Весь день у Алексея было хорошее настроение, потому что накануне выдали папиросы. Но ночью после митинга, на котором говорили о религии и боге, ему не спалось и стало «очень скучно», а он все думал, что некому о нем позаботиться, «хотя бы поддержкой продуктами». Парень, воспитанный с убеждением, что за него Боженька молится, вдруг почувствовал себя одиноким и брошенным.

Как видим, сама структура и тематика дневниковых записей может стать основой для более широких обобщений.

Автор анонимного дневника офицер Сумского гусарского полка⁵ заносил в тетрадку половинного формата из тонкой папиросной бумаги записи типа путевых заметок, рожденных желанием сохранить впечатление и мелкое событие, ценное только и именно тем, что оно случилось с автором дневника. Никаких раздумий, откровенностей. Несмотря на кажущуюся низкую информативность таких дневников, они многое рассказывают о личности автора: это образованный офицер, но не интеллигент, лояльный, но высокомерный. Судя по кругу общения и месту службы – аристократ. Он не описывает быт, он выше этого, он описывает «случай». Примечательно, что он использует элементы новой орфографии; отказался от твердого знака в конце слов, оканчивающихся на согласную, но продолжает писать отмененные декретом буквы ъ – «ять» и і – «и десятиричное», явно автоматически, т.к. иногда опускает их в соответствии с новыми правилами. Полностью отсутствует «фита». Чувствуется опыт проживания в большевистской Москве с февраля по июль 1918 г.

Среди бумаг Евгения Архиповича Лучко (1898-1941?), есаула 1-го Кубанского пластунского батальона, сохранился и его небольшой дневник за декабрь 1918 г. – январь 1919 г.⁶ Режим жизни солдат, предстающий со страниц его дневника, характеризуется сочетанием рутины и неослабевающего напряжения.

«Дневник похода Добровольческой армии. Первый и 2й Кубанские походы. С 9/II – 16/X 1918 г.», подписанный А. Моллером⁷, мало рассказывает о боях. Более всего в нем слов о хозяевах квартир, на которых пришлось останавливаться, о еде, которую удалось найти. Записи в дневнике такого рода: «1 апреля. Утром в 6 ч. убит Корнилов разрывом снаряда в хате, в которой он пил чай. [...] Едем в поле. Летают майские жуки. Командование принял Деникин»⁸. Запись от 22 марта 1918 г., ст. Новодмитровская: «На площади выстроены 4 виселицы – кого-то будут вешать». В дневнике есть намеки и на иные интересы, кроме военных и чисто бытовых. Записи типа «Вечером была М-те Адамович» или «Вечер провел с Френкель» означают, что Моллер ходил к проституткам. В августе 1918 г., когда уже казалось, что история большевистской революции идет к закату, Моллер принялся за осуществление коммерческого проекта – организации торговли в Ростове и Новочеркаске шампанским из Абрау-Дюрсо⁹.

С началом 2-го Кубанского похода меняется атмосфера дневника. Описания боев 1918 г. становятся более многословными и подробными. Это понятно и объяснимо: война понемногу теряет партизанские черты, офицер начинает обретать почву под ногами. Преображается идея дневника: из фиксирующего события для собственной памяти он превращается в «памятник времени». Как-то подспудно предстает желание Моллера оставить нечто для истории, для потомков. Свои переживания, на которые и так скуп автор, он не доверяет бумаге уже совершенно. Персонажами дневника становятся исключительно сослуживцы; исчезает обывательское население, хозяева

квартир и хуторские девушки, также как и противник, – к Моллеру вернулось ощущение боевого механизма.

Исповедальные дневники, как правило, пишут люди, для которых свойственно трепетное отношение к своему внутреннему миру. Цель записей не только привести в порядок собственные мысли и чувства, но и вступить в мысленный диалог с кем-то значимым. Степень «готовности» информации в дневниках такого типа существенно выше, но становится более актуальной реконструкция мотивации автора. Как правило, материала для вынесения суждения в источниках такого типа достаточно.

Ярким примером текста исповедального характера являются письма-дневники генерала Ивана Георгиевича Эрдели (1870-1939), хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области в виде двух копий – машинописной и рукописной¹⁰. Судьба подлинника пока неизвестна. Возможно, что его состояние стало плачевным еще в 1920-е гг., о чем сообщают сопутствующие документы. Тот факт, что эти тексты использовались в качестве источника в 1920-1950-х гг. советскими историками Н.Л. Янчевским и В.Т. Сухоруковым, свидетельствуют о том, что эти весьма информированные авторы питали к ним доверие.

Это документ редкого жанра. С одной стороны, это ведущийся синхронно событиям жизни дневник, с другой – письма, предназначенные для чтения другим человеком и обращенные к нему. Генерал делал записи в толстых тетрадах, которые отсылались с оказией Марии (Маре) Константиновне Свербеевой (1870-1963), женщине с которой у него был длительный роман. Круг содержащейся в них информации исключительно широк: от описания событий военно-политической жизни до подробностей интимных переживаний и физического состояния генерала. Причиной этого было его стремление сохранить с Марой Свербеевой состояние духовного единения, которое и он, и она очень ценили.

Ошибочно приписан А. Моллеру дневник другого белого офицера, имя которого осталось неизвестным¹¹. Текст документа имеет другой характер: если записи Моллера – это типичный контекстный дневник; то тексты Псевдо-Моллера относятся к исповедальному типу личных записок. Так вышло, что все его родные оказались далеко, по-видимому, в Киеве. Образовавшийся вакуум и вызвал появление многих глубоко личных сюжетов дневника, например, сюжеты об участии в боях под Армавиром летом 1918 г. и о том, как оставляли в поле еще живыми раненых товарищей¹². По-видимому, покинутые раненые беспокоили совесть автора. Рассказ о них на страницах дневника – единственный им памятник, возможный в тех условиях.

В образованной среде *дневник* считался одним из этапов социальной инициации. Примером такой оценки может быть обмен мнениями между императорской четой в январе 1916 г. Александра Федоровна писала мужу, что наследник принял решение вести дневник. Царь одобрил начинание: это научает ясно и кратко выражать свои мысли¹³. Другой внимательный родитель профессиональный революционер Прокопий («Алёша») Джапаридзе наставлял дочь Люцию: «Знаешь, что, Люция, так как я далеко от тебя и в письмах не успеешь мне всего сообщать, то заведи дневник, скажи маме, чтобы она купила такую тетрадь, записывай в этой тетради, что твое внимание будет привлекать – из жизни в школе, дома, о книгах, которые ты будешь читать и т.д. Мама объяснит, о чем писать. Каждый день у тебя не будет времени, а может и не о чем [писать], но в 3 дня раз, ну, наконец, в неделю раз 1 раз [пиши] непременно. Ну хоть по воскресеньям обязательно, приеду[,] прочту[,] и получится так, что как будто я все время был с тобой»¹⁴.

Русский образованный слой в обязательном порядке вел дневники, не отказываясь от этой привычки в экстремальных условиях и делая записи о событиях, не подходящих для занесения в личный дневник, да и для записи вообще. Находясь в рядах антибольшевистских вооруженных формирований, белогвардейские офицеры не бросали свои дневники. Командир

красно-зеленого отряда, вошедшего в Новороссийск в марте 1920 г., увидел на улицах города не только брошенное оружие и развороченные чемоданы: «...Везде пестрели листки изорванных дневников»¹⁵. Он и прежде часто находил дневники у пленных и убитых офицеров и с иронией высказался по поводу этого обычая: хотят показать себя культурными людьми. Член Донского областного революционного комитета А.А. Френкель упоминал в 1925 г., что в 1918 г. он читал бумаги, оставшиеся после смерти атамана А.М. Каледина, что-то вроде личных записок, но дальнейшая их судьба неизвестна¹⁶. Уцелела лишь малая часть личных архивов офицеров-белогвардейцев. Некоторые хранятся в коллекции Русского заграничного исторического архива¹⁷. Большая часть из них принадлежит обер-офицерам и представляет собой записки в полевых книжках, сделанные карандашом. Дневники чиновников, даже относящиеся к периоду войны, сделаны на бумаге делового формата.

Следует отметить, что эти рукописи крайне трудно поддаются прочтению. Авторы писали неразборчиво, может быть таким образом пытаясь избежать постороннего внимания в случае, если их записки попадут в чужие или даже враждебные руки. Примером такого рода могут быть дневниковые тетради одесского акцизного чиновника В.С. Маркова¹⁸. Те из них, что относятся к периоду его пребывания дома, в Одессе, написаны достаточно разборчивым почерком. Но те, которые он вел в период работы в финансовых структурах Добровольческой армии, находясь в 1919 г. в Екатеринодаре и Ростове-на-Дону, представляют собой вязь из мелких шришков, совершенно неотличимых друг от друга. Хотя графологи сказали бы, что такое изменение почерка свидетельствует о нервозности человека.

Заявление З.Н. Гиппиус «Вести дневник в Совдепии – вещь исключительная» не совсем справедливо¹⁹. Среди большевиков, которые вели в те годы дневники, можно назвать красноармейца 156-го полка 6-й армии Алексея Долгобородова²⁰; жену красного командира Клавдию Гулину-Епихову²¹; комиссара 38-го Рогожско-Симоновского советского полка Сергея

Измаиловича Моисеева²²; кавалера ордена Красного знамени и начальника одной из кавалерийских дивизий армии Дальневосточной республики Н.Д. Томина, который начал вести дневник, работая приказчиком галантерейного магазина в с. Куртомыш, и продолжал до самой своей гибели в 1924 г.²³. Осетин Р.Б. Битемиров, рабочий завода, в дни офицерского мятежа во Владикавказе стал вести дневник, который не уцелел, но это помогло ему сохранить в памяти многое из тех событий²⁴. Сотрудник Астраханской чека при Г.А. Атарбекове Иван Дудин, бывший балтийский матрос, заболев малярией, развлекался во время болезни тем, что записывал какие-то пропущенные события в свой дневник²⁵. Его близкий товарищ Тимофей Отраднев, погибший в июле 1919 г. в Ленкорани, также вел дневник. Как отмечал на собрании участников Морской экспедиции Кавкрайкома 29 января 1932 г. Ян Лукьяненко даже за тот день, когда Отраднев погиб, имеются записи в его дневнике. Например, о том, что посланная к муганцам парламентарша промерила ногами расстояние до маяка, чтобы скорректировать огонь. Этот дневник затем был передан в Кавкрайком²⁶.

Причина существования дневников представителей так называемых низших слоев состоит, по мнению С.Я. Вольфсона²⁷, в том, что наряду с интеллигенцией как особой социальной группой в каждом классе существуют «интеллигентские прослойки», состоящие из «умственно-квалифицированных» членов данного класса.

Письма – наиболее редкий тип источников личного происхождения применительно к периоду Гражданской войны. Условия жизни не давали людям возможности накапливать их в личных архивах. Но и то, что обнаружено, вносит свою лепту в дело сбора информации о побудительных мотивах действий в условиях внутригражданского конфликта и о том, какие реальные человеческие типы скрываются за шаблонными персонажами «кадет», «белогвардеец», «комиссар», «красный командир» и пр. Письма, адресованные близким людям, один из самых информативных источников, дающих информацию об уди-

вительном разномыслии людей, которые принимали внешне, казалось, похожие решения.

Содержание писем из частной переписки кроме богатой информации о бытовой стороне жизни разных слоев общества, характере дружеских и внутрисемейных отношений дает возможность анализировать их с точки зрения дискурсивного метода для выяснения скрытой информации о ценностных ориентирах и мотивах поступков людей, а также для определения конкретно-исторического содержания понятий, используемых в другом смысле и контексте в современном языке.

Часто письма случайно попадают среди бумаг различных учреждений. По-видимому, в связи с тем, что не могли быть получены адресатом. Так, например, среди штабной переписки Терской группы Красных повстанческих войск найдено письмо, написанное женой офицера-моряка из Севастополя. Мужа она называла Костя, и из письма было понятно, что ранее он служил на Каспийском море. Женщина описала своим друзьям обстановку в Севастополе и условия службы в Черноморском флоте белых. Работа с базами данных по офицерам флота позволила предположить, что это письмо жены капитана 1-го ранга К.К. Шуберта. Судя по всему, человек, который вез это письмо в Порт-Петровск, попал к красно-зеленым, потому оно и оказалось в штабных архивах.

Другой тип архивных фондов, где могла отложиться переписка времен Гражданской войны, это личные дела или фонды, сформированные в начале 1920-х гг. Бумаги, брошенные белогвардейцами при отступлении, в крайне небольшой доле все же попадали в архивохранилища. Такого рода документы встречаются в архивах Ростова-на-Дону и Краснодара как местах эвакуации деникинской армии. В архивы передавали свои документы лица, направляемые на службу в другие части СССР, и они таким образом пристраивали свои личные архива, поскольку были убеждены в их ценности для истории революции. В фондах, даты создания которых относятся к более позднему периоду, мы писем не найдем, там в основном мандаты, офици-

альные характеристики, рукописи воспоминаний. Письма специально не сдавались в архив, поскольку они могли скомпрометировать своего владельца опасными знакомствами и дружескими связями.

Примером может служить дело с личной перепиской Михаила Павловича Донецкого. В нем отложились документы 1917-1923 гг. Среди адресатов Донецкого можно обнаружить, например, С.В. Коссиора. А одно из писем Донецкому начинается словами «дорогой Мишель!». Письмо датировано 20 сентября 1919 г. Автором его был начальник 1-й Донской дивизии М.Ф. Болдырев. Поводом к письму был конфликт с одним из сотрудников Особого отдела Южного фронта Н. Поповым. Кроме информации о особенностях столкновения интересов в краснокомандирской среде там представлены точки зрения Болдырева на советскую работу среди казачества и роль таких органов как особые отделы и чека: «Особые отделы и Ч.К. сейчас, как никогда, нам необходимы. Мы переживаем наиболее критический момент существования Сов. Власти Р.С.Ф.С.Р. [...] На них лежит чрезвычайной важности работа и это должен сознавать каждый трудящийся. Там должны быть сотрудники крошечные, как голуби, мудрые и решительные, как змеи»²⁸.

К документам личного происхождения синхронного характера стоит отнести и *черновики статей*. Между первым вариантом статьи и опубликованным текстом, если статью принимала к публикации редакция какого-либо издания, может быть большая разница. Человек берется за перо в состоянии крайнего возбуждения, вызванного внешними вызовами. То, что он пишет в этот момент, крайне интересно. С другой стороны, черновики статей отражали те идеи, которые человек хотел передать другим как программу массового действия, поэтому не стоит их содержание полностью относить к истинным мыслям и чувствам автора. К какой из сторон спектра близко содержание текстов, предназначенных для печати, может показать только комплексный анализ самих документов и исторического контекста их создания.

Иван Дмитриевич Попов, член Донского отдела Союза русского народа, оставил после себя ворох черновиков статей в крайне правую газету «Ростовский листок», датированных 1910-ми гг. Они свидетельствуют, что фигура обличителя общественных пороков с опорой на авторитет организации придавала чиновнику IX класса, каким был Попов, смелость безоглядно критиковать влиятельных лиц города и области, компенсируя таким образом свое личное скромное положение²⁹. Несмотря на сугубо личный характер оголтелой классово-этнической агрессивности маленького человека, бумаги Попова выразительно представляют степень социальной напряженности в последнее предреволюционное десятилетие. Вектор ненависти не важен, существенно то, сколько непримиримых конфликтов скрывалось в многослойной толще российского социума. Социальное негодование имело не только левую, но и ультраправую окраску.

Черновики статей генерала В.А. Ажинова, посла Дона при Кубанском правительстве, помогают ответить на вопрос, что стояло за разговорами о независимости Дона при атамане П.Н. Краснове. Его взгляды на этот вопрос в равной степени совмещают в себе государственнические и автономистские ценности³⁰. Он активно публиковался в печати, и очевидно, что его мысли находили отклик у аудитории.

Протоколы армейских собраний, хранящиеся как в Военно-историческом архиве, так и в других архивах ясно показывают характеристики комбатантской среды, круга волновавших ее проблем, приемы влияния на нее, использовавшиеся командным и комиссарским составом. К исследованным в ходе выполнения проекта относятся документы частей Саратовского и Черноморского укрепрайонов, Латышской стрелковой дивизии, Терской группы Красных повстанческих войск, отдельные документы армейских структур, собранные в фонде редакции «Гражданская война в СССР».

Примечательны *внутренние документы провинциальных советских учреждений* и, прежде всего, уездных исполкомов. В

них в отличие от волостных проявлялась реальная активность, кипели страсти, сталкивались интересы. Уровень грамотности сотрудников был достаточным, чтобы отразить это на бумаге. При этом в уездных документах еще нет той заформализованности, которая быстро приобрелась губернскими структурами. Провинциальная бюрократия ранней советской эпохи интересна тем, что именно с ней имеет генетическую связь последующая советская действительность. Если сравнивать советские центры и русскую провинцию, все разнообразие региональных форм провинциальной власти, устанавливавшихся при участии большевиков, то окажется, что накал борьбы уменьшался по мере удаления от политических центров. Исследованные документы ряда уездных центров Псковской, Астраханской и Царицынской губерний показывают отношения зарождающейся советской бюрократии и населения, структуру сотрудников уездных учреждений, их манеру работы, формы проведения досуга, особенности возникавших конфликтов.

В связи с информативными особенностями синхронных источников нами собран материал, касающийся содержания прогностических ожиданий людей в годы Гражданской войны; оценки ими своего окружения и противной стороны конфликта, а также о союзниках; непосредственных реакций на собственные победы и поражения; выявление тех усилий, которые предпринимал отдельный человек для влияния на события (в деферативных источниках они, разумеется, всегда выглядят преувеличенными).

Есть ряд вопросов, которые совершенно по-разному предстают из синхронных и деферативных документов. Среди них – содержание прогностических ожиданий; оценка окружающих, в т.ч. и соратников; мотивационная составляющая борьбы; содержание воинской жизни.

В деферативных источниках, а это, прежде всего мемуары, запечатлена стершаяся и заново написанная, точнее откорректированная индивидуальная память³¹. В критике их содержания важно учитывать мотивы и обстоятельства формирования этой

«обновленной» памяти. Учитывая психологические аспекты человеческой памяти, мы обращаем внимание на процесс очищения при переводе информации из краткосрочной памяти в промежуточную (буферную), а затем уже и в долговременную. Механизмы перемещения информации напрямую связаны с качествами личности человека и ее мотивационной составляющей.

Деферативные источники в значительно большей степени, чем синхронные, испытывают влияние внешних по отношению к непосредственным впечатлениям факторов, главным из них является влияние последующего жизненного опыта и знание «конца истории». Это влияет и на отбор фактов, и на их интерпретацию. В мемуарах в отличие от дневников присутствует категория памяти – изменчивая стихия, избирательная и непредсказуемая. В мемуарах фиксируется переосмысленное прошлое; человек решает, что достойно забвения, а ретроспективные оценки могут быть в высшей степени обманчивы. Работают и «фильтры самооценки»³². Они слабее ближе к дате события, когда автор еще эмоционально не остыл, не создал свой миф события.

Письма, жалобы и автобиографии, направлявшиеся в центральные и местные государственно-административные органы в 1920-1930-е гг. ветеранами Гражданской войны, включают в себя куски мемуарного характера, которые, испытывая влияние общего контекста документа, часто имеют высоко экспрессивный характер, содержат выразительные примеры и оценки революционных и военных событий³³.

Центрами, куда стекались письма рядовых граждан, были редакции газет и журналов, канцелярии учреждений, где работали популярные в стране лица³⁴. Ветераны революции и Гражданской войны писали в комиссии помощи демобилизованным комсомольцам и бывшим красным партизанам при исполкомах различных уровней (1920-1935). Изучению информационного потенциала этих учреждений была посвящена монография одного из соавторов³⁵. Исследователь истории латышских красных полков Видсуд Штраус также обратился к фондам, образо-

ванных деятельностью этих комиссий. Темой его будущей монографии будет судьба репрессированных латышей, в связи с чем он рассматривает параллельно и сравнивает их автобиографии, поданные в районные комиссии, и показания, данные во время следствия.

В фондах комиссий мы находим тексты, содержащую фактуру по истории Гражданской войны, потому что составление автобиографии и описание собственного участия в борьбе было важным условием получения удостоверения красного партизана. Далекое не каждое дело из десятков фондов по стране, связанных с деятельностью этих комиссий, может содержать ценную информацию о настроении и поведении людей в период войны, отражать специфику мировоззрения активных участников революции и Гражданской войны. Тут отчетливо проявляются личностные качества конкретного ветерана. Большинство следовали инструкциям, не стремясь или не умея сделать свой рассказ шире, чем сухой перечень дат и событий. Но встречаются по-своему талантливые люди, которым удалось запечатлеть на бумаге яркую картину прошлого, в которой отражалась их память о своих страхах и надеждах, удивлении и боли. Не прослеживается зависимость между авторами лично окрашенных автобиографий и уровнем образования, социальным происхождением, местом жительства или профессией. Конечно, чтобы написать пространную автобиографию, нужно было уметь писать, но на этом зависимость прерывается. Встречались тексты, написанные чудовищным языком, но их автору удавалось передать всю гамму обуревавших его чувств и воспоминаний.

По установившейся с самого начала работы «партизанских» комиссий традиции лучшим подтверждением участия в борьбе за советскую власть считался рассказ о наиболее памятных ветерану событиях Гражданской войны, по которым члены комиссии могли вспомнить его самого и удостовериться в том, что он – настоящий участник революции. Поэтому в документах архивных фондов, образованных этими комиссиями, много

ярких описаний революционных и военных событий, полных неожиданных деталей и достоверных образов.

В первые годы работы комиссий ветераны, претендующие на «партизанские» документы, писали пространные автобиографии с упоминанием имен командиров и однополчан, с описанием боевых эпизодов, которые запомнились и могли остаться в памяти у многих. Источники этого периода наиболее информативны, однако они количественно уступают фондам комиссий, образованным в 1930–1935 гг. После 1930 г. в деятельности комиссий произошли не только унификация делопроизводства, но и формализация отношений с ветеранскими слоями: поступавшие бумаги характеризовались сухим, выхолощенным содержанием. Уходит мотив тягот и страданий, появляются наигранный пафос и речевые штампы, сюжет выстраивается под влиянием известного исхода событий: «...Выиграли сражение конечно наши»³⁶. Но и в этот период встречаются, хотя и реже, искренние и подробные повествования о пережитом в дни Гражданской войны.

Главная цель работы комиссии подчас сужала содержание записей ветеранских рассказов. Важно было зафиксировать факт участия соискателя «партизанской» книжки в красногвардейском или краснопартизанском отряде. На собрании политка торжан 1931 г. при Днепропетровском истпарте выяснилось, почему протоколы собраний по проверке красных партизан такие лаконичные: Истпарт, в контакте с которым работала местная «партизанская» комиссия, решил сэкономить на стенографировании, запись вел секретарь, который едва успевал записывать фамилии и несколько сказанных фраз. Как выразился выступающий старый большевик: уплыло много ценного материала. Откликнувшийся на это замечание некто Цуканов вспомнил незаписанный рассказ о том, как повешенный спасся, потому что его веревку пробила случайная пуля³⁷.

Наиболее полно в этих документах представлена информация в отношении сложившихся в Красной армии горизонтальных и вертикальных связей; причин популярности или не-

популярности командиров и комиссаров; о мотивации своего участия в революции и Гражданской войне; о роли в ней различных социальных и этнических групп; а также сведения о событиях Гражданской войны, рассказ о которых часто сопровождался сообщением совершенно неожиданных фактов.

Некоторая часть документов из фондов «партизанских» комиссий тяготеет к стандартизированной форме: к концу 1920-х гг. стали вводиться унифицированные формы анкеты красного партизана и анкеты-рекомендации. Эти фонды являются серьезными источниками, поэтому они не могли не быть подвергнуты изучению с помощью количественных методов. Благодаря информации, заключенной в таких анкетах, можно реконструировать социальный облик слоя сражавшихся за советскую власть; выявить повторяемость наиболее интересных фактов из жизни бывших красных бойцов, обнаружить типичность и частотность их представлений о смысле их участия в войне.

Даже у архивных работников фонды «партизанских» комиссий оказались скомпрометированными теми конфликтами, которые бушевали в партизанской среде. Нередки были разоблачительные письма по адресу других ветеранов. На собраниях звучали разоблачения. В 1932 г. участник Особой морской экспедиции Кузнецов возмущался, что некий Марин имеет партизанскую книжку, и рекомендацию ему подписал Лаповец, один из самых заслуженных «бензинщиков». Спрошенный об основаниях одобрения заявления Лаповец стал оправдываться: я такой – не могу обидеть, как дал ему и сам не знаю; подписал, думая, что военком не утвердит. После допроса с пристрастием, устроенного Кузнецовым Марину на «чистке» красных партизан, тому пришлось признать, что в 1918 г. он работал в союзе водников, что он сотрудничал с Центрокаспием, выполнял какие-то поручения в Форт-Александровском и даже получил крест от Л.Ф. Бичерахова. Присутствующие подтвердили, что все это так, но позже Марин работал и с Кавкрайкомом, был членом райкома в 1919 г. И таких «вертунов», как их называли «твердые» ветераны, было немало, что вызвано спецификой по-

литических процессов в Закавказье. Здравомыслящие в 1920-е гг. это понимали, но в 1930-е это уже не стало аргументом. И «твердые» любили подчеркивать, что многие из соискателей примкнули к большевикам «от некуда деваться»³⁸.

Объективной причиной отрицательных отзывов были зигзаги в боевой судьбе соискателей звания красного партизана. Достаточно типично переход из одного вооруженного отряда в другой; только спустя годы одни считаются красногвардейскими, другие анархическими, бандитскими, и тогда человек получал отвод. Реплика с места в защиту одного такого «политически незрелого бойца»: «Дело в том, что та дисциплина, которая существовала тогда в Красной армии, нам всем известна. Определенного устава, который диктовал, что этого нельзя сделать, а это можно – не было»³⁹. Таких было немало, кому не повезло с установленной Истпартом политической ориентацией отряда.

Воспоминания участников революции и Гражданской войны обычно собраны в фонды Истпарта и в специальные коллекции воспоминаний, которые формировались уже в послесталинский период.

Представление о том, что частные впечатления от войны крайне важны, сложилось еще в годы Первой мировой войны. На имя популярного русского мыслителя Василия Розанова в 1915 г. пришло письмо от женщины, предложившей начать сбор копий писем с фронта для последующей их публикации, что было им горячо поддержано. Эта идея имела хождение и в годы Гражданской войны. Сразу после штурма Чонгарских укреплений М.В. Фрунзе предложил собрать «письма» красноармейцев 268-го полка 30-й стрелковой дивизии, которая в ночь на 11 ноября вела бой у Сивашского железнодорожного моста. Они были изданы в брошюре «На Врангеля!» (1933) и в сборнике «Перекоп» (1941), выпущенном Главной редакцией «Истории гражданской войны в СССР». И получился потрясающий рассказ с живыми нервами, страхом и ненавистью, с несуразницей, тяготами и хаосом фронтовой жизни. Следует отметить,

что опубликованные в том же сборнике дневники комиссаров носили явные признаки позднейшего редактирования.

5 мая 1920 г., через неделю после прибытия пяти советских бронепоездов на бакинский вокзал на общегородской конференции АзКП Саркис Саркисов предложил издать брошюру об истории борьбы бакинского пролетариата, что было с энтузиазмом поддержано⁴⁰.

После образования Истпарта он стал главным резервуаром революционной мемуаристики. Этот орган сохранения коллективной памяти был образован в августе 1920 г. и занимался собиранием, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции. Была создана сеть местных Истпартов, которые объединяли вокруг себя ветеранские круги, собирали и хранили документы, вели просветительскую работу, объясняя значимость всякой информации о начальной истории советской власти. В первые годы работа местных бюро Истпарта практически не регламентировалась, поэтому ранние поступления в эти фонды отличает непосредственность и эмпатичность. Со времени слияния с Институтом В.И. Ленина в 1928 г. материалы Истпарта меняются в сторону усиления формализации⁴¹. Сеть местных Истпартов в течение последующих лет была сокращена, крупнейшие из них были преобразованы в научно-исследовательские институты истории партии.

Региональный истпартовский орган – Институт истории КП Азербайджана им. С. Шаумяна – был открыт в 1928 г. в ознаменование 10-летия расстрела 26-ти бакинских комиссаров. Секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Левон Мирзоян в своем докладе по случаю открытия института назвал его задачей организацию воспитательной работы среди уклонов партии, за возвращение колеблющихся на правильные большевистские позиции. Вторая задача – борьба против национализма в рядах самой партии. Но главное: не дать забыться героическим страницам истории партии; т.к. работа республиканского Истпарта в предыдущие годы не чувствовалась. А партийному молодняку,

как выразился оратор Плешаков, нужно напоминать о славном прошлом⁴².

Истпарт становится частью государственной машины по организации памяти, от его вердикта зависит многое в судьбах отдельных людей и целых коллективов. Наметившаяся на рубеже 1920-1930-х гг. идеологическая и концептуальная зависимость воспоминаний от официальной версии событий завершилась качественным перерождением этого типа текстов. Они лишались оригинальности, стали выглядеть как писанные под копирку. О характере их перестройки хорошо говорит рекомендация, прозвучавшая на одном из собраний в 1925 г.: «Затем мы поговорим о характере тех воспоминаний, которые следует каждому товарищу сделать в своем клубе для того, чтобы наши воспоминания имели, так сказать, систематический, организованный характер, потому что часто бывает так, что вскрывают и рассказывают совершенно ненужные детали»⁴³. Как видим, тенденция зародилась еще раньше.

В документах, чем они ближе к 1935 г., тем сильнее начинается прослеживаться закономерность, что наиболее достоверные воспоминания и выступления на вечерах ветеранов чаще критикуются и выбраковываются представителями Истпарта. На стенограмме выступления Алая Байрамова стоит пометка: выдает себя за большевика, поэтому с его воспоминаниями следует обращаться осторожно. Подписано: Эминбейли⁴⁴. Байрамов, член правого крыла партии «Гуммет», тем не менее, был точен в своем рассказе. Председатель добивался от него, какой была возглавляемая им организация – большевистской или меньшевистской? Байрамов говорит, что в 1904-1905 гг. этих слов никто не знал, о делении стало известно только в 1906 г., а определенно разделились только в 1917 г. Председатель тут же возложил вину за то, что массы не знали о различиях между меньшевиками и большевиками, на самого Байрамова как руководителя секции «Гуммет». В этом выступлении зафиксировалась важная тенденция в жизни революционных организаций: низовые функционеры ориентировались на лидеров, с которыми

ми у них существовали личные контакты. Когда Байрамова попросили определить свое место в политической палитре, он сказал, я был там, где был Ерзнкян⁴⁵.

Выступление Раевского, сотрудника Института истории партии им. Шаумяна, относящееся к 1934 г. объясняет, почему сотрудников его учреждения раздражало наличие противоречий в воспоминаниях старых большевиков: перед институтом была поставлена задача создания двухтомника по истории АЗКП, для которого была важна точная оценка событий и политической ориентации действующих лиц⁴⁶.

На истпартовские диспуты оказала влияние атмосфера внутрипартийных дискуссий и постоянного размежеваний и перегруппировки сил. Деление на «мы» и «они» сильно не только в воспоминаниях бакинских большевиков, но и украинских ветеранов. И.Г. Жуковский (Мирон Трубный), выступая, подчеркнул, что екатеринославские рабочие никогда не имели местнических настроений. Здесь он намекает на то, что луганские ветераны держат себя так, как будто в стране было только два центра революции – Петроград и Луганск⁴⁷.

В 1930-1940-е гг. количество опубликованных и рукописных мемуаров сократилось. Становилось ясно, что писать воспоминания – дело опасное: никто не может гарантировать, что выведенный в качестве боевого товарища персонаж завтра не окажется врагом народа. При описании прошлого нужно было чутко реагировать на настоящее. Матильда Булле, написала вслед за автобиографическим очерком, написанном по заказу редакции «Истории Гражданской войны в СССР» для сборника «Женщина в Гражданской войне на Северном Кавказе», письмо, в котором потребовала исключить из текста упоминание о Мдивани как о близком сотруднике Кирова, «ведь он оказался сволочью»⁴⁸. В свою очередь очерк о Булле не вошел в книгу, вышедшую в 1938 г., поскольку к тому времени она была арестована и возможно уже расстреляна.

И Истпарт, и комиссии помощи демобилизованным красноармейцам и красным партизанам работали в контакте. Со-

трудница Института им. Шаумяна Альма Вильмут обмолвилась на вечере воспоминаний участников бронепоезда №2 в 1933 г. о заинтересованности ветеранов в результатах обсуждения прошлого: после того как стенограмма будет готова, и товарищи удостоверят, что такой-то действительно был участником, то на основе этой справки бюро красногвардейцев может восстановить в правах красных партизан⁴⁹.

В послевоенное время ветеранские мемуары все больше стремились (в меру понимания каждого из авторов) соответствовать главному историко-партийному тексту «Краткому курсу истории ВКП(б)».

Переписка двух старых большевиков К.А. Лаврушина и Игнатова за 1949 г. показывает вектор «исправления» ветеранских мемуаров. И так невообразимо официозные воспоминания Лаврушина по мнению Игнатова недостаточно полно отражают процесс оформления большевистской организации на Брянском заводе в Екатеринославе в 1911-1916 гг. Он рекомендует старому товарищу описать создание ячеек в каждом цеху, работу среди молодежи, сбор библиотеки нелегальной марксистской библиотеки⁵⁰, установление связей с другими ячейками и партийной организацией города. Предавшись «воспоминаниям» о партийной жизни в те годы («...Был руководящий орган, партийный комитет Брянского завода, комитет через своих членов проводил организационную работу в цехах, и мы в комитете, в котором я состоял, знали, в каком цеху сколько у нас сил и как велико их влияние на остальную массу рабочих...»), Игнатов все же упомянул и реальное содержание рабочего движения на екатеринославских заводах, которое вращалось вокруг основной кассы⁵¹.

Воспоминания П.М. Кращенко, датированные 1949 г., содержат удивительные вещи. Повсеместно в период до революции 1905 г. имеются нелегальные организации РСДРП, рудничные ячейки руководят аграрным движением в деревне. Кращенко описал, как осуществлялось лично им такое руководство: он трубил в охотничий рог, и крестьяне по его сигналу выезжали

на помещичьи поля, делали потравы, косили чужое сено и пр. Причем никто не знал, кто дает сигнал!! Дальше еще интереснее: «В 1915 г. на фронте в Австрии мною была налажена связь с подпольными социал-демократическими организациями Австрии. Почти все время при переходе из одного города в другой я всегда доставал явку в тот город, куда мы направлялись, а часто по две-три явки одновременно, так как трудно было определить, куда часть направляется». На одну явку, к некоему профессору Морозу, он явился в женском платье⁵². Человек явно страдал не только провалами в памяти, но и расстройством мышления.

В эпоху «оттепели» появляются рукописи вызывающие интерес и внушающие доверие. Неоднократно авторы воспоминаний, написанных в конце жизни, подчеркивают свое стремление изложить все предельно точно. В этом они видят свой долг перед умершими товарищами. Осетин Б.Б. Худалов написал в сопроводительном письме к своим воспоминаниям: «Я считаю что история, это святое дело, и там не должно быть ни одной соринки... и за неправильное сочинение истории наше потомство нас будет проклинать», а в заключении подчеркнул: «Написал своей рукой и только своими соображениями. Даже без всяких записок и через тысячу лет нельзя забыть все ужасы гражданской войны»⁵³. Движения мысли и понимание происшедшего, изложенные в них, оставляют впечатление «реликтовых» образов памяти, бережно хранимых как частица собственной идентичности. Такие воспоминания входят в состав базовых черт личности.

Вторую тенденцию того периода составляло никуда не девшееся давление идеологических стереотипов сталинского времени, а также стремление подогнать под шаблоны собственную память. Некий Захарченко продемонстрировал на собрании старых коммунистов Днепропетровска в 1956 г., как можно избежать в рассказе таких моментов прошлого, на которые утвердился ортодоксальный взгляд, но личные воспоминания ему не соответствуют. Он, уходя от освещения подпольной работы в

предреволюционный период, сказал, останавливаться не буду, т.к. каждый здесь представляет, как проводилась в то время политическая работа⁵⁴.

Столкновение реальной памяти и нормативной рождало наивные вопросы. В 1956 г. Линев, председательствующий на собрании старых коммунистов Екатеринослава, назвал среди вопросов из истории рабочего класса города 1917 г., которые остаются туманными, роль фабрично-заводских комитетов в формировании отрядов Красной гвардии. Об этом писал сам В.И. Ленин, почему же это не просматривается по ветеранским мемуарам нашего города? Выступавший на этом собрании ветеран Пугачев так и не смог проследить связь ФЗК и отрядов Красной гвардии. В итоге старые коммунисты посчитали нужным обратиться к историко-партийным структурам: мы много путаем, нам нужна программа, чтобы правильно изложить и сделать правильные выводы⁵⁵. Подкрепить примерами тезис вождя было действительно трудно, ведь в екатеринославских ФЗК было засилье меньшевиков.

Методы работы с текстами ветеранских мемуаров предполагают понимание особенностей их авторов. Во-первых, надо «освоить» язык автора. Петр Иванович Бицюк описал пережитые, которые пережил будучи советским работником: «А с Новоукраинки при наступлении махна и Шкуро амегрировал до Бобринска»⁵⁶. Расстояние между населенными пунктами составляло 50 км. Нередки в текстах произвольно использующаяся терминология и описание загадочные событий. Т. Каймазова обрисовала процесс организации Красной гвардии в 1917 г. в Грозном, свое участие в отряде, названный партизанским. Противник, с которым велись бои, она называла белой бандой. При этом она различала «белую банду» и армию Деникина⁵⁷.

Во-вторых, овладеть приемами реконструкции исторического контекста воспоминаний.

С большим трудом особенности авторы «партизанских» мемуаров ориентируются, с вооруженными силами какой власти они сражались. Не меньшую сложность представляет опре-

деление части, в которой служил ветеран. По словам одного из бывших красноармейцев Антоненко, в регулярной Красной армии бойцы редко знали имена командиров выше полка (1931)⁵⁸. Это очень ценное замечание, поскольку отмечает отчуждение командного и рядового состава, которое пришло на смену плотных лично окрашенных отношений между выборными командирами и бойцами в отрядах партизанского типа.

Постепенно формируется умение читать между строк и видеть смысл в кажущейся путанице сюжетов. И тогда многое удастся расшифровать. Например, Цыганин в рассказе об образовании красногвардейского отряда упоминает о борьбе с мелкобуржуазным населением Екатеринослава, которая сопровождалась перестрелками. Внимательное чтение протоколов ветеранских вечеров в 1920-1930-е гг. позволяет предположить, что реальная подоплека его рассказа – это объединение городских люмпенов с целью грабежа населения и ответная реакция обывателей на установившийся произвол⁵⁹.

Третье. Крайне важно понять структуру документа и найти объяснение явным пробелам текста. Например, Арон Давидович Злоткин в своей автобиографии путает даты, перескакивает с одного на другое. Но его нарратив прекрасно передает характерные черты эпохи. Пропуски им больших временных промежутков объясняются тем, что повествование идет от одного яркого события к другому⁶⁰.

Обобщение большого числа революционных воспоминаний свидетельствует о существовании стандартных искажений: чисто профессиональные организации называют революционными комитетами; с датами почти у всех авторов – беда, мало того, что забывают, еще стремятся перенести события на более ранний срок, чтобы не производить впечатление колеблющихся и примкнувших к большевикам с большим опозданием. Типична неточность в именах, фамилиях, в чинах и должностях упоминаемых лиц.

Все вышеперечисленные проблемные зоны революционных мемуаров не являются причиной пренебречь ими как исто-

рическим источником. В монографии будет предпринята попытка обоснования правомочности использования документов личного происхождения для реконструкции конкретных исторических событий. Собственную методику авторы предлагают именовать методом *коллективного свидетеля*, когда за счет массовости эти материалы приобретают качественно новые черты как комплекс документов, объединенных объектно-субъектной общностью. Это не новый прием. Так в 1930-е гг. секретариат Главной редакции «Истории гражданской войны» в книге «Перекоп: сборник воспоминаний» (М.-Л.: ОГИЗ Гос. социально-экономич. изд., 1941) при написании ряда очерков использовал метод реконструкции событий по нескольким рассказам очевидцев и участников. Хотя рисунок политических ролей и испытал влияние формирующегося культа, но описания боев, некоторые диалоги, броские фразы и колоритные мизансцены явно взяты из жизни, поскольку относятся к разряду «фронтowych баек», которые, пережив некоторую гиперболизацию, прочно оставались в памяти.

Основной идеей монографии является представление специфики информативных возможностей синхронных и деферативных источников посредством решения ряда эвристических задач конкретно-исторического характера. Это оказало влияние на структуру книги. Глава, посвященная феномену чувствительности гражданского населения России к милитарному образу жизни, тяги к военизированным формам организации и соответствующим моделям поведения, призвана прояснить культурную основу событий 1917-1920 гг.

ГЛАВА 1

ГРАЖДАНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ В РОССИИ, ЕГО РОЛЬ, СПЕЦИФИКА И ПРОЯВЛЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Период в истории нашего Отечества, заключенный в хронологических рамках 1917 – 1920 гг., является особо значимым. Революция и братоубийственная Гражданская война стали точкой смены цивилизационной парадигмы развития нашей страны. Одним из следствий этого разлома стало то, что некогда огромная Российская империя превратилась в новое Советское государство, аналогов которому не имелось в истории мировых обществ. Его появление и формирование тесно связано с особыми обстоятельствами – оно родилось в условиях, когда внешний конфликт – первая мировая война – перерос во внутренний конфликт гражданского противостояния, в результате чего российское общество из войны выйти так и не сумело, пролонгировав ее в общественном сознании как перманентное состояние на долгие годы.

В 1917 г., усталость и недовольство затянувшейся войной, неудачи и поражения на фронтах привели не только к революционному брожению в войсках, к массовому дезертирству и полному разложению армии, но и к массовому заражению всего общества бациллой милитаризма. Среди вопросов, которые решались в России в 1917 – 1920 гг. были не только такие как

изменение государственности и миропорядка, борьба за передел собственности в условиях острых политических и идейных противостояний, но и напряженные духовные искания, обретение новой идентичности. События этих лет были столь существенны, что и в дальнейшем – при переходе к мирной жизни после гражданской войны – сохранялись основные ценностные установки и поведенческие стереотипы, присущие военному времени. Это состояние прекрасно выразил А.Н. Толстой в рассказе «Гадюка» в образе главной героини – Ольги Вячеславовны: «Когда появлялась Ольга Вячеславовна, в ситцевом халатике, непричесанная и мрачная, – на кухне все замолкали, только хозяйственно прочищенные, полные керосина и скрытой ярости шипели примусы. От Ольги Вячеславовны исходила какая-то опасность»⁶¹. Мы и в дальнейшем будем использовать литературные произведения в качестве доказательной базы, руководствуясь теми же соображениями, что и В. Хёсли: «Конкретные примеры, которые я привожу в своем тексте, не имеют отношения к исследованию каких-то реальных ситуаций, они взяты из литературы, – поскольку я уверен, что искусство имеет прямое отношение к истине и что поэтому оно может поспорить с наукой и философией, когда мы пытаемся понять не эмпирические факты, а сущность действительности»⁶².

Гражданская война усилила и без того глубоко укоренившийся в русской ментальности так называемый гражданский милитаризм. Гражданский милитаризм в российском общественном сознании имеет сложную конфигурацию и пустил глубокие корни. Даже сегодня, анализируя социокультурный контекст современного российского общества, обнаруживаешь актуализацию некоторых проблем, связанных с конфликтным, расколотым характером российской культуры. Многие наши сограждане живут с ощущением того, что не только весь мир стремится уничтожить Россию, но и внутри страны есть «враги народа», находящиеся с ними в сговоре. Исходя из этой установки, рождается готовность общества признать, что государство вправе требовать от народа больших жертв, на фоне кото-

рых «занесенная врагами» демократия выглядит тем малым, чем вполне можно поступиться. Несогласные с таким утверждением подвергаются осуждению, как предатели национальных интересов, ибо «кто не с нами – тот против нас». Объясняется это тем, что многие столетия жизнь страны была подчинена нуждам войны и армии, поэтому стоит ли удивляться, что гражданский милитаризм пустил в России настолько укоренен. В дореволюционных гимназических, постреволюционных советских, и в большинстве современных постсоветских учебников Россия всегда представлялась государством, обреченным вечно жить во вражеском окружении, вести изнурительные оборонительные войны. И эта опасность призвана объединять фрагментированное общество. «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов!» – эти строки из песни – фигура речи, объединяющая российский социум.

В ходе работы над изучением культурных архетипов российского общества, исследователям неоднократно приходилось «выходить» на такой элемент российской культурной традиции как конфликтность общественного сознания. И в исторической, и в современной России обнаруживалось множество социальных и культурных проявлений, при ближайшем рассмотрении оказывающихся милитаристскими по своему сюжетному содержанию, если понимать под милитаризмом не только «деятельность по достижению поставленных целей военными средствами, но и распространенность военных идеалов и ценностей внутри гражданского общества»⁶³.

Мало кто из современных исследователей отрицает, что изначально, еще в исторической России была заложена система общественных отношений, в которой военные интересы являлись приоритетными, и в обязанности государства входила поддержка этой приоритетности. В силу многих обстоятельств общество оказалось подчинено государству, а государство – идее силового решения внутренних и внешних проблем. В результате не только выстраивалась мобилизационная модель развития, но и происходила милитаризация сознания, как пра-

вящей элиты, так и народа, который был воспитан в духе того, что должен жертвовать собой ради величия державы. Таким образом, милитаристская доминантность стала имманентным состоянием российского общественного сознания. Термин «милитаризм» широко вошел в обиход в середине XIX века. В конце столетия один из основоположников научной социологии Герберт Спенсер в «Принципах социологии» разделил типы государственного устройства на два класса: один назвал «индустриальным», другой «воинственный» (т.е. милитаристский, хотя Спенсер не использовал этот термин). В него он включил страны, в социальной системе которых жизнь, свобода и имущество гражданина принадлежат государству, целью которого является война. В 20-е годы прошлого столетия американский политолог Гарольд Лэсвилл написал работу «Заметки о государстве-гарнизоне», отметив, что в таком государстве организация экономической и социальной жизни систематически подчиняется потребностям вооруженных сил. Американский исследователь Альфред Вагтс в своей «История милитаризма» отметил, что милитаризм представляет собой совокупность обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но неизменно претендуют на гораздо большее, чем просто удовлетворение военных потребностей, т.е. гражданский милитаризм – это безоговорочное принятие военных ценностей, манер, принципов и отношений в обществе «без войны». Распространенным в литературе становится термин «милитократия», означающий власть военных, правление выходцев из военизированных структур. Относительно России он обретает прилагательные определения, объясняющие целевые установки такой власти: либеральная милитократия, модернизационная милитократия⁶⁴.

В данном контексте гражданский милитаризм предстаёт как состояние российской культуры, предопределившее тот общественный конфликт, который называется «Гражданская война», и которое мы постараемся исследовать методом воспроизведения историко-культурной архитектурной конс-

трукции – т.е. смысловой конструкции, органически связывающей культурную семантику и социодинамику, раскрывающей внутреннее единство ценностно-смыслового и социально-исторического аспектов национальной культуры. Поскольку культура в своем историческом становлении проходит последовательные этапы, программирующие её смысловую конфигурацию, то каждая последующая парадигма «наслаивается» на предыдущую, в результате образуется архитектурно-конструктивная единая конструкция в форме ступенчатой пирамиды⁶⁵.

Объективные предпосылки образования в России милитаристской культуры, прежде всего, обусловлены принадлежностью России (в силу её природно-географического положения) к обществам мобилизационного типа. Еще Ф. Ратцель, рассматривавший государства как пространственные организмы, утверждал, что движение истории предопределено почвой и территорией, и что в государстве отражается объективная географическая данность и субъективное общенациональное осмысление этой данности, выраженное в политике. **Х. Дж. Макиндер**, иерархируя планетарное пространство через систему концентрических кругов, ее центр – «географическую ось истории» – отождествил с Россией. С его точки зрения Россия может осуществлять нападения во все стороны и подвергаться им со всех сторон, кроме севера. Именно по этой причине цивилизации, проистекающие из «географической оси истории», из самых внутренних пространств «heartland'a» имеют, по мнению Макиндера, «авторитарный», «иерархический», недемократический и «неторговый характер». **П. Турчин**, профессор Коннектикутского университета, отметил, что в тех регионах земного шара, где военные конфликты особенно интенсивны и вероятность уничтожения этносов особенно высока, выживают только наиболее сплоченные группы. В доиндустриальную эпоху одними из самых ярких примеров таких областей были степные пограничья между аграрными и кочевыми обществами. Результатом жесткого межгруппового отбора стала эволюция крайне агрессивных обществ, обладающих большим потенциа-

лом к экспансии и высоким уровнем внутренней сплоченности. Возникновение и расширение Московского государства, с его точки зрения, полностью вписывается в эту макроисторическую закономерность⁶⁶.

Действительно, исторический опыт показывает, что стремление к расширению территории в России было реакцией как на внешнеполитические условия борьбы со Степью, так и на природно-климатические условия и нехватку ресурсов для развития иной российской государственности. Климатическая, почвенная и ресурсная скудость, внешнеполитическая нестабильность требовали создания компенсаторного механизма, каким и стало общество мобилизационного типа. «Необходимость выживания общества и государства в чрезвычайных обстоятельствах вынуждает их обращаться к чрезвычайным средствам, а воспроизводство этого процесса на систематической основе служит причиной возникновения мобилизационного типа развития». Общество, развивающееся в мобилизационном режиме – это общество милитаризованного типа развития, главным императивом которого является оборона. Импульсы модернизации здесь формируются не в результате кумулятивного эффекта как органическая потребность в экономико-технологической модернизации, а исходят из внешнего источника и осуществляются дискретно, катастрофично, революционно, часто в связи с военным поражением или потенциальной угрозой⁶⁷. Эта особенность русской истории неоднократно отмечалась различными авторами. Так, еще П.Н.Милюков охарактеризовал Россию как «военно-национальное государство», основную пружину развития которого, составляли потребности самообороны. Незаметно и невольно они порождали политику объединения и территориального расширения. Под влиянием того и другого Московское государство уже с конца XV века становится военным организмом, нацеливаясь на территориальное присоединение южных и восточных земель. Постепенно в милитаризованном обществе формировалась адекватная ему психология. Жизнь человека мельчала на фоне глобальных

сверхзадач. Не ценилась жизнь любого человека – будь то крепостной крестьянин, солдат в окопе или даже представитель высших сословий. Это стало психологической установкой русского народа, его культурным архетипом. В российском обществе человек, даже находящийся внутри самой власти – лишь легкозаменяемый винтик большой машины.

Формирование гражданского милитаризма в недрах русского общественного сознания, как и все процессы социальной эволюции, приобретения этносом форм социальной сплоченности и установок коллективной психологии – результат не одного столетия. Задумываясь над вопросом о том, почему тот или иной народ отдает предпочтение определенным принципам и формам власти, русский философ Л.А. Тихомиров отметил, что это обуславливается психологическим состоянием нации: «Нация, то есть народ, внутренне слившийся в нечто целое, с известными привычками, традиционным опытом, общим характером, с известным духом и мирозерцанием, а стало быть, с известными идеалами, эта нация есть первоисточник власти. Она составляет силу, которая создает верховную власть того или иного типа»⁶⁸.

С позиций объективно существовавшей геополитической предопределенности в России не могло не сформироваться общество с особым милитаристским сознанием. Это обусловлено, прежде всего, иерархической организацией ее внутренней структуры: если в рамках экономико-центричной модели развития, свойственной европейским странам, действуют равноправные элитные группировки – различные по имеющимся в их распоряжении ресурсам, но равно независимые в их отношении к верховной власти, то в рамках служебной модели, свойственной России, борются два неравноправных элемента – верховная власть и являющийся ее инструментом правящий класс. Такое противостояние обуславливает традицию приоритета жестких силовых методов взаимодействия внутри элиты в тех или иных формах (например, опричнина, сталинские чистки и пр.). Другой исток конфронтационности – особенности формирования

политической культуры России в условиях «военного лагеря». Будучи воспитаны в традиции жестко-конфронтационного духа войны на уничтожение как единственно возможного в отношениях с противником, политические оппоненты бессознательно переносят этот стиль и в область внутривнутриполитического взаимодействия, в ходе которого и власть и оппозиция рассматривают друг друга в качестве смертельных врагов, а компромиссы и договоренности расцениваются как предательство.

В период первого этапа модернизации в XVIII- XIX вв. милитаризм был унаследован страной не только как комплекс всей экономической, политической и социальной жизни, но и как культурный архетип. Военная реформа Петра для нашей истории – это не просто вопрос о государственной обороне, она оказала глубокое воздействие и на психический склад общества, и на дальнейший ход событий. Такой вывод позволил современному исследователю петровских реформ Е. В. Анисимову определить петровские преобразования необходимыми предпосылками сначала выживания, а затем превращения Московского царства в великую империю⁶⁹.

Классики геополитики К. Шмитт и Х. Маккиндер в своих работах различали два вида империй: теллурократические и талассократические. Континентальные теллурократические империи при присоединении соседних земель превращали их в свои провинции, где устанавливали действие общих имперских законов. Иногда организовавшие империю этносы растворялись в доминирующей массе населения империи. Другой тип империй – талассократический – колониальный, морской. Их основная цель направлена на использование стратегического положения в пользу господствующей метрополии⁷⁰. Россия, несомненно, относится к типу континентальных теллурократических империй со всеми присущими им свойствами. Русская история неоднократно демонстрировала тот факт, что при наличии компенсаторного милитаристского сознания центробежная тенденция, раздирающая страну на части, начинала затухать, а интегративный процесс, наоборот, набирать силу. Влияние этого истори-

ческого фактора очевидно и в событиях 1612 года, и в Отечественной войне 1812 года, и во всех последующих войнах. Это состояние русского характера и милитаризованного сознания прекрасно отразили в кантате из к/ф «Александр Невский» в 1938 г. С. Прокофьев и В. Луговской:

*Вставайте, люди русские,
На славный бой, на смертный бой.
Вставайте, люди вольные,
За нашу землю честную!*

*Живым бойцам почёт и честь,
А мёртвым – слава вечная.
За отчий дом, за русский край,
Вставайте, люди русские!*

Размышляя над процессами образования милитаристского культурного стереотипа, следует помнить, что человек формируется не только в общих параметрах наследуемой культуры, но и господствующей идеологией. Стоящие перед обществом задачи формулирует политическая элита, власть. Противоречие между задачами страны и возможностями населения по их осуществлению она разрешает не только через применение государством мер принуждения, насилия, но и путем идеологических манипуляций и иных социальных действий. Согласно М. Веберу – социальное действие – это действие, сознательно ориентированное индивидом на ожидание других людей и тем самым уже соотнесенное с их настоящим, прошлым и будущим поведением: «акция» заранее предполагающая более или менее определенную реакцию. Вебер выделяет четыре типа социального действия: 1) целерациональное, использующее средства для достижения рациональной цели; 2) ценностно-рациональное, основанное на вере в ценность определенного поведения, независимо от его последствий; 3) аффективное и 4) традиционное, основанное на традициях, обычаях и привычках⁷¹. В итоге формируется определенная модель социального

поведения, которая является средством поддержания социального порядка. Но в условиях социальной неопределенности и политической неустойчивости оказать деструктивное воздействие на общество.

Сформировавшийся на ранних исторических этапах стереотип поведения, свойственный экстремальной военной угрозе, стал матрицей государственной идеологии на долгие годы и даже века. В упомянутой выше работе Е.В. Анисимов назвал Петра I основоположником «военного коммунизма» как формы общественного устройства и способа манипуляции общественным сознанием. Следующим важным этапом, повлиявшим на формирование гражданского милитаризма в России, стало также время побед русского оружия в русско-турецких войнах Екатерины Великой. Но завершением его оформления стали победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г. и последовавшие затем заграничные походы российской армии, ибо это время было и временем формирования русского национального самосознания, связанного с гордостью за страну, победившую полководца, который покорила всю Европу. Люди в военных мундирах стали эталоном общественного поведения. Это замечательно выразил А.С. Грибоедов в пьесе «Горе от ума»:

*Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали!
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали.*

А.С. Пушкин в повести «Метель» так описал состояние общественного преклонения перед военным сословием: «Война тем временем кончилась, полки возвращались из-за границы. [...] Обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был еще сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве».

Не мог не повлиять на милитаризацию общественного сознания и многолетний процесс присоединения Кавказа и Кав-

казская война XIX века, ставшие естественным фоном обыденной жизни для нескольких поколений. Казалось, ни один писатель золотого века русской литературы не обошел Кавказ стороной: Пушкин, Лермонтов, Толстой – не столько певцы военной доблести эпохи покорения Кавказа (для них Кавказ – это скорее территория свободы), сколько невольные создатели военизированного гражданского сознания. Поскольку именно в это время художественная литература получила в жизни русского общества преобладающее влияние, заменяя невозможные в то время публицистические выступления и выполняя функцию национальной рефлексии, то ее специфическое милитаристское содержание оказало колоссальное воздействие на общественную идеологию и сознание. Элита оказалась заражена гражданским милитаризмом даже в большей степени, чем опекаемый ею народ, ибо милитаризм оказался еще и романтизированным, обрел прекрасный флер литературного романтизма. Представляя собою аккумуляцию исторического опыта, военизированное сознание сформировалось как традиционная корпоративная ценность правящего класса, которая затем, не без влияния элиты, усилила уже имеющийся компонент в массовом сознании российского общества, таким образом став одним из аспектов системоцентристской национальной этики.

Однако пафос военного величия и воинской славы зиждился в России на непрочном фундаменте расколотой культуры. Еще в начале XX века Г.П. Федотов говорил об «органично-катастрофическом» процессе русской истории, весь путь России мыслится им как череда расколов, а Н.А. Бердяев указывал на антиномичность России, её крайнюю противоречивость, где бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. На современном историографическом этапе идею расколотости русской культуры реализовал в ряде работ А.С. Ахиезер, который отмечает, что для России свойственен раскол как «особое состояние социальной системы, для которой характерен стойкий длительный разрыв коммуникаций между слоями

общества», русскому сознанию свойственен инверсионный тип осмысления явления – осмысление через крайности. Инверсия – это абсолютизация полярностей и минимальный интерес к взаимопроникновению этих крайностей. Медиационный же тип осмысления, оценки явления, который характеризуется отказом от абсолютизации полярностей, в России существует лишь на заднем плане инверсии⁷².

Раскол этот начался со времен христианизации Руси, постоянно углублялся, кульминация раскола связана с Петровской эпохой. В последующие царствования он не был преодолен, чему свидетельство масштабное противостояние элиты и народных масс эпохи восстания Емельяна Пугачева. Войдя в модернизационные процессы XIX века, культурный раскол был обречен на возрастание до масштабов общероссийского противостояния. Русско-японская война 1904-1905 гг., мыслимая правящей элитой «маленькой победоносной войной» для отвлечения народа от революции, обернулась небывалым поражением, революционизировавшим массы. Но роковую роль сыграла первая мировая война, которая подготовила войну гражданскую, приобщив массы к психологии комбатанта, дав им в руки оружие и уничтожив представление о ценности жизни. Вспомним, как тяжело переживал Григорий Мелехов, смерть первого убитого им австрийца на фронте, и как беспощадно он разделялся с внутренними «врагами» уже по окончании войны с врагами внешними, когда душа уже выгорела, и ее тлеющие угли приходилось заливать самогоном.. Именно Гражданская война стала тем Рубиконом, после которого враг внешний в массовом сознании уступил место врагу внутреннему. «Нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), "защищать отечество" иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т. е. худших врагов нашей родины» – этими словами В.И. Ленин открыто сформулировал цель превращения империалистической войны в гражданскую.⁷³ В этой войне брота не было. Брат шел на брата, сын на отца. Ведущим лозунгом стал лозунг

«Кто не с нами – тот против нас!» Классовая борьба переориентировала общественное сознание на поиски предателей внутри страны. Да, были у нас в стране и опричнина и смутное время, и крестьянская война Емельяна Пугачева, и покорение Польши и Кавказа. Но именно с 1917 г. формируется очередной слой российской культурной архитектоники: началось качественное изменение гражданского милитаризованного сознания. Внешний и внутренний враги уже были не различимы, более того, внутренний враг виделся более опасным и, главное, достижимым для уничтожения.

Процессы идентификация и самоидентификации комбатантов Гражданской войны

Гражданская война в России, во многом предопределившая дальнейшее развитие страны, является одной из самых изучаемых тем российской истории, в том числе и в последние годы. Особенность нового историографического этапа обусловлена не столько количеством научных трудов (а их количество действительно возросло), сколько изменением качества знаний: происходит междисциплинарная интеграция исследований, их предметно-содержательное изменение, расширяется проблематика, обновляется теоретический и методический инструментарий. Историография исторической науки сегодня демонстрирует тенденцию сочетать микро и макропроцессы, проявления общего и индивидуального, эволюционного и традиционного, объективного и субъективного во взаимоотношениях человека и общества. Современные авторы все чаще ставят задачу проанализировать поведение человека на войне, исследовать его жизненные ценности и установки, мотивы поведения, их результаты и последствия. Актуализировалось изучение проблем ментальности, психологического восприятия действительности. По времени это совпало с фактом актуализации интереса и к проблемам социальной идентичности.

В социальных науках существует множество теорий, обращенных к проблемам идентичности. Исследование её содержания, функций, механизма формирования и реализации занимает значительное место в работах представителей различных научных направлений и школ философии, психологии, социологии, антропологии и т.д. Индивиды и социальные группы являются носителями сложной, множественной идентичности. Идентичность не есть данность, застывшая в своем неизменном качестве, она представляет собой постоянно развивающийся процесс, переход от одной ситуации в другую, из одного состояния в другое. Доступ к пониманию содержания идентичности открывается через изучение истории её формирования. Все аспекты и уровни идентичности прямо или косвенно взаимодействуют друг с другом, скреплены причинно-следственными структурными, функциональными и прочими многообразными связями и зависимостями. Существуют внешние обстоятельства, воздействующие на сознание многих людей, оказавшихся в сходных жизненных ситуациях, они также вырабатывают у них характерные особенности психологии. Поэтому очень важно обозначить факторы, определяющие некоторые процессы и механизм формирования нового идентификационного состояния комбатантов в годы Гражданской войны в условиях уже сформировавшегося и укорененного милитаризованного общественного сознания.

Большевики, взявшие власть в Петрограде в октябре 1917 г. были марксистами-интернационалистами. Вооруженные марксистской классовой теорией, они полагали, что революция, начавшаяся в России, вскоре будет поддержана европейским пролетариатом и примет характер мировой пролетарской революции. Таким образом, большевики ориентировались в своей деятельности на некий мировой пролетариат, частью которого являлся рабочий класс России. Перед Первой мировой войной промышленный рабочий класс в России был немногочисленный, но весьма сплоченный и политически активный. Рабочие не только создали первые Советы в ходе революции 1905-1907

гг., но и сыграли решающую роль в свержении самодержавия и формирования новой власти в феврале 1917 г. «Большевизация» Советов в ходе борьбы с наступлением Корнилова на Петроград вроде бы подтвердила претензии большевиков на звание пролетарской партии и на захват власти от имени рабочих. Но не успела пролетарская революция завершиться, как стала понятна беспочвенность этих ориентиров: в короткие сроки в стране были уничтожены и классовая структура общества, и классовый пролетарский базис революционной политики. Промышленный рабочий класс рассеялся, так как фабрики и заводы закрылись, рабочие бежали из города в деревню, спасаясь от голода, становились кустарями-ремесленниками, призывались в армию (и Красную и Белую) и пр. Деклассирование и маргинализация коснулись не только рабочих. Миллионы людей меняли социальный статус, рушились социальные структуры, связи, менялись идентичности.

По мнению большевиков, общество должно было разделиться на два антагонистических лагеря: пролетарский и буржуазный. Но значительные слои общества (еще или уже) не имели ярко выраженного буржуазного или пролетарского характера. Даже расслоение деревни, начавшее после аграрной реформы Столыпина, было остановлено после принятия декрета «О земле» и стихийного «черного передела» в годы революции. Перед большевиками стала задача заново создать классовую основу своей политики, а значить дать своим адептам усвоить новую социальную идентичность. Начало этого процесса, в полном объеме осуществленное в 20-30-е гг., уходит корнями в Гражданскую войну. Ленин писал в 1915 г. в работе «О поражении своего правительства в империалистической войне» так: «Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами невозможна революционная тактика. Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. 2) Ненависть к

«врагу». 3) Ненависть к своему правительству к своей буржуазии»⁷⁴.

Опираясь на эти «потоки бурных чувств» большевики сознательно формировали классовую ненависть в народных массах. Но именно тогда стали развиваться представления о классовой идентичности не по роду нынешней деятельности субъекта, а по его происхождению и даже «классовому чутью». И, в соответствии с требованиями времени, граждане новой России стремились усвоить и «улучшить» свою идентичность. Война всегда приносит страх, кровь, слезы, является страшным испытанием для человека. Но война – это еще и время, когда возникает необходимость четко и, зачастую, однозначно отождествить себя с одной из воюющих сторон, то есть самоидентифицироваться, выстроить для себя новую идентификационную модель, ибо «индивидуальные и коллективные кризисы действительно случаются, и в наше время, возможно, даже чаще, чем прежде» и «только выбрав, каким ему быть, только найдя свое место в социальной иерархии разных людей и функций, «я» может достичь новой и стабильной идентичности»⁷⁵.

Человеку нелегко привыкнуть к войне, к ее опасностям и лишениям, иной шкале жизненных ценностей. Адаптация к военной обстановке требует ломки прежних стереотипов сознания и поведения, без которой просто не выжить в экстремальных условиях, на грани жизни и смерти. Однако и вернуться к спокойному, мирному существованию человеку, прошедшему на фронте хотя бы несколько недель, не менее сложно; обратный процесс перестройки психики протекает столь же болезненно и порой затягивается на долгие годы. Особенностью Гражданской войны в России было именно то, что она непосредственно переросла из внешнего конфликта во внутренний — это значит, что общество из состояния войны выйти так и не сумело. Ценностные установки и в ходе, и после гражданской войны определялись мировыми катаклизмами начала XX века.

Изучение комбатантов гражданской войны в России осложняется некоторыми обстоятельствами. С одной стороны,

события, начавшиеся в 1917 г. вписываются в многовековой всемирно исторический процесс и встают в один ряд с революциями в других странах, иногда поражая удивительными совпадениями отдельных эпизодов. С другой стороны, эти события следует рассматривать и как явления, вызванные сугубо отечественной историей, ибо все, что проявилось в смутные годы Гражданской войны, было укоренено в ментальных характеристиках народа и обусловлено развитием общества и государства. Здесь имело место наложение разновекторных социальных, культурных, и иных идентичностей, которое порождало напряжение и конфликтность в обществе, причем не двухполюсное, а более сложное, многоуровневое. Это же обуславливало и «метание» участников событий из стороны в сторону, как это исторически точно описано М. Шолоховым. Самый колоритный персонаж периода Гражданской войны в советской литературе – Григорий Мелехов – так и не смог найти своего берега, как, в конечном счете, не нашел его, не смотря на якобы «вписанность» в советскую действительность, сам автор «Тихого Дона».

Гражданская война в столь сложно организованном обществе, как Российская империя, неизбежно оказалась мультисубъектной. Понимая это, В.И. Ленин настойчиво подчеркивал необходимость слияния разных потоков «освободительного движения», чтобы наиболее эффективно мобилизовать потенциал конфликтности, накопленный в России за многие годы. Как отмечает один из современных исследователей Гражданской войны в России под углом зрения политической конфликтологии А.В. Посадский: «Коварство запущенного революционного процесса заключается, прежде всего, в отсутствии в нем чисто «страдательных» персонажей, а взаимное сведение счетов, «самостийное» политиканство оборачиваются ростом ожесточенности и углублением логики борьбы на уничтожение».⁷⁶ Любое жесткое противостояние в обществе, тем более военное, сопряжено с запуском механизма конфликта идентичностей. Посредством войны или её угрозы различные части челове-

ского сообщества отстаивают свои права (подлинные или мнимые) на признание их идентификационных притязаний. Усиливаются процессы, ведущие к разделению на «своих» и «чужих». Бесспорным фактом, подтверждённым и подтверждаемым всей мировой историей, является то, что конфликтность – характерная черта человеческого сообщества. «Война происходит среди людей – война семейств, война классов и сословий, война внутри социальных групп и политических партий, война наций и государств; наконец, есть не меньшая склонность людей к войнам вероисповедальным и идеологическим» – писал Н.А. Бердяев. Со временем локальные противостояния стали встраиваться в вертикальное противостояние в рамках «большого» общества, что создавало принципиальную возможность для мощнейшей мобилизации ресурсов на основе идентификации и самоидентификации. Война в самом общем виде даже может быть определена как предельный способ выяснения отношений между разными обществами или разными частями одного общества (в случае гражданской войны) по поводу идентичности.

Российский образованный человек был внутренне расколот на красную и белую «половинки». В нем боролись гуманист, воспитанный на христианских европейских и российских ценностях и «народный заступник», создавший иллюзию народа-богоносца, нуждающегося для его же блага в опеке и руководстве «железной рукой», даже если придется переступить через кровь и «слезу ребенка». В ходе гражданской войны позиция большевиков оказалась притягательной для массы людей, в том числе принадлежавших к образованному кругу. Ранние произведения молодых советских писателей правдиво отображали внутреннюю борьбу и раскол человеческой души. Это позже, став маститыми «инженерами человеческих душ» они объясняли неизбежность краха «ложного гуманизма», обреченного историей на исчезновение под натиском революционной бури. Так, в 1932 г., будучи уже признанным советским писателем, А.Фадеев в докладе «Мой литературный опыт – начинающему автору» говорил, что главная мысль романа «Разгром»

состоит в том, что «... в гражданской войне происходит отбор человеческого материала, все враждебное сметается революцией, все ... случайно попавшее в лагерь революции отсеивается. [...] Происходит огромнейшая переделка людей»⁷⁷. Но в двадцать лет люди еще обычно честны. Сбор материала двадцатилетний Фадеев осуществлял в начале 20-х гг., из этого материала вышли два произведения: «Разгром» и «Последний из удэге». Если мы пройдемся по текстам хорошо всем известных авторов глазами историка, то увидим, как шел процесс формирования психологических тождеств у участников Гражданской войны.

Октябрьская революция не только разделила общество на красных и белых, актуализировав лозунг «Кто не с нами – тот против нас». Внутри лагерей шли сложные социокультурные и психологические процессы, усилилось размывание основных социальных барьеров, прежде всего в красной военной среде. После революции были упразднены не только сословия, но и офицерские чины и звания, отменялось ношение погон, орденов и знаков отличия. Армия состояла теперь из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии, в которой особо ценилось происхождение из социальных «низов». Во многом это определялось тем фактом, что Первая мировая (империалистическая) война фактически уничтожила довоенный офицерский корпус, на смену которому пришли выпускники ускоренных курсов военных училищ и специально открытых школ прапорщиков, образованные разночинцы, произведенные в офицерский чин за боевые отличия унтер-офицеры и солдаты. К октябрю 1917 г. из 250-тысячного офицерского корпуса 220 тыс. составляли офицеры собственно военного времени, причем это пополнение было в 4,5 раза больше, чем число кадровых офицеров накануне войны. И это была уже совсем другая армия, с другой психологией. Когда кадровые офицеры и солдаты были в большинстве выбиты или ранены покинули армию, традиции частей стали исче-

зять, армия стала все больше приобретать психологию толпы и заражаться теми идеями, которые владели обществом.

Однако из самой сущности армии как социального института, организованного по жесткому иерархическому принципу, из характера профессиональной деятельности командного состава неизбежно вытекало объективное неравенство военных начальников и их подчиненных. В ходе Гражданской войны «панибратство» довольно скоро было вытеснено относительно строгой субординацией, хотя сохранялись и основные внешние атрибуты равенства: обращение «товарищ», демократизированная форма без погон, и т. п. Формируется противоречие «равенство – иерархия» и проблема собственного места и самооценки.

В «Разгроме» изображен командир красного дальневосточного партизанского отряда – коммунист Левинсон – обладатель «нездешних глаз». Описание Левинсона заслуживает особенного внимания. «Он ни с кем не делился своими мыслями и чувствами, преподносил уже готовые “да” или “нет”. Поэтому он казался всем... “человеком особой, правильной породы”». Для бойцов естественным казалось желание подражать ему, стать таким как он, т.е., стать идентичным с этим «человеком особой, правильной породы»⁷⁸. Подобные сюжеты встречаются в других литературных произведениях красных лейтенантов Гражданской войны. Например, начдив из рассказа И. Бабеля: «Савицкий, начдив шесть, встал, ...и я удивился красоте его гигантского тела», кроме того он тоже был обладателем необыкновенных глаз, правда, серых, «в которых танцевало веселье». Однако владелец прекрасного тела и таких же глаз был явно не в ладах с грамотой, что явствует из описания попытки написать приказ, при этом начдив «измазал весь лист», зато подписал его с завитушкой. Автор, от лица которого ведется рассказ, кандидат прав Петербургского университета, испытывал чувство второсортности, «завидуя железу и цветам этой юности». Более того, он получил упрек за ношение очков: «Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки». Эту же неидентичность общей массе бойцов мы видим в дальнейших эпизо-

дах. Квартирмейстер с виноватой улыбкой сообщил герою рассказа: «Канитель тут у нас с очками, и унять нельзя. Человек высшего отличия – из него здесь душа вон. А испортить вы даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка...». И действительно, пока наш герой не совершил мародерства, он был чужаком. После же аморального, с точки зрения гуманизма и всего прошлого жизненного опыта, поступка бойцы решили, что «парень нам подходящий», назвали «братишкой», пригласили ужинать с ними, дали ложку, и даже выслушали чтение газеты с ленинской речью на Втором конгрессе Коминтерна. «И громко, как торжествующий глухой, я прочитал казакам ленинскую речь»⁷⁹. Таким образом, очки были прощены, так как нашлись более весомые идентификационные признаки.

Война влияет на формирование специфической идентификационной структуры личности, но она не отвергает, а, наоборот, выдвигает на первый план какие-то ее латентные потенции. Рассказ М. Шолохова «О ДонПродКоме и злоключениях заместителя ДонПродКомиссара товарища Птицына» из цикла «Донские рассказы», написанный в 1923-1925 гг., дает возможность реконструировать следующую идентификационную модель. Этно-социальное происхождение – из казаков – «казачок Проваторовской станицы»; психо-физическая идентичность – военно-агрессивная: «за поясом маузер в деревянной упаковке, две гранаты, за плечиком винтовка, а патронов, кроме подсумка, полны карманы...». Социально-близкие люди, с которыми он себя идентифицирует – не казаки, («Приду ... к казаку, какой побогаче, и ... конечно, без жалостей маузер в пупок воткну»), а люди, принадлежащие к одной с ним идеологической социальной группе: «Дружок мой тесный товарищ Гольдин. Сам он из еврейскова классу. Парень был не парень, а огонь с порохом и хитер выше возможностей». Однако полной идентичности с ним у Птицына все же нет – по психологическим идентификационным признакам: «Гольдин призывает меня и тихо говорит: «Ты, Птицын, суровый человек и дуги здорово умеешь гнуть. Чудак ты, нету в тебе мякоти. Но

уважали нас одинаково. Гольдина за девственность – потому он был, как девка, тихий, ну, а меня, Птицына, опробовали бы не уважать...». В этой же идентично близкой категории оказались культурно-исторические чужаки – матросы, с которыми «хлеб качали» у мужиков. А вот крестьяне бывшему казаку – хлеборобу Птицыну чужды. «Приятно там хлеб качаем. ... И до того докачался, что осталась на мужике одна шерсть. И тово добра бы лишился, на валенки обобрал бы, но тут перевели Гольдина в Саратов», а за ним последовал и наш герой. Как видим, доминантой данной идентификационной структуры становится идеологическая принадлежность. Она подчиняет себе все остальные идентификационные уровни.

Следует отметить, что претерпев многократную трансформацию в ходе противостояний XX в., идеологические установки тождества большинству социума в кризисные годы, как кажется, определяет поведение и современных россиян. Опрос, проведенный в конце девяностых годов XX века, показал, что в России на удивление мало – считанные проценты – людей, которые рассматривают отсутствие порядка в доме, в семье, на работе, в своем регионе в качестве первоочередных проблем. Зато по отношению к предельно общему и абстрактному уровню – государства в целом – ситуация кардинально меняется. Беспорядок на общегосударственном уровне переживают как самую главную личную проблему... 65% жителей России – подавляющее большинство. Основная масса россиян ориентирована на «правильность» устройства общественной жизни в целом⁸⁰.

Политический раскол общества обеспечивает общее идеологическое доминирование в идентификационных структурах личности. Немалая доля ответственности за то, что на протяжении десятилетий развитие российской общественно-политической жизни протекало в таком русле, лежит как на красной, так и на белой идеологиях. В ходе Гражданской войны в России впервые была применена та властная технология, которая преобладает и в современном мире: самоидентификация

дезориентированного массового сознания через «сваривание» реальной совокупности идентичностей в единую идентификационную модель через доминирующее идеологическое тождество и управление общественным конфликтом в интересах доминантных политических элитных групп.

В переломный послереволюционный период существования общества, отягощенного психологическим **шоком** от распада единого социума, каким была Российская империя, у людей возник дисбаланс идентичности. Одновременная смена экономического уклада, политического строя, духовных жизненных устоев ставила граждан перед необходимостью выбора приоритетов, к которым можно и нужно примкнуть, с кем себя идентифицировать, т.е. кризис идентичности приводит людей к необходимости разобраться в своих социальных ролях и их иерархии. Движущей силой формирования «советской идентичности» у части образованного общества был страх перед отпадением от народа. Речь идет о слабости иной системы консолидации общества, недостаточности действия иных социальных интеграторов. В таких условиях основным объединяющим фактором становится идеология как чрезвычайное средство для преодоления раскола. Небольшевистские наблюдатели с горечью отмечали, что «государственная правда» большевиков в идеологической борьбе оказалась более притягательной, в том числе и для образованных кругов.

Гражданский милитаризм и этническая идентичность в Гражданской войне

Особое место в вопросе накопления гражданского милитаризма в России имел национальный фактор. Революционные события 1917 года обострили накопившиеся в России проблем межэтнических взаимоотношений. Это было обусловлено как всеобщим кризисом: политическим, социальным, экономическим, так и историческими обстоятельствами формирования

Российской империи, сохраненными в исторической памяти народов, вошедших в ее состав. Несмотря на попытки Временного правительства противодействовать центробежным тенденциям ситуация в этой сфере постоянно ухудшалась. Так называемые национальные движения не только стремились как можно быстрее добиться политической и экономической самостоятельности народов и регионов, но удовлетворить претензии местных элит, взяв некий исторический реванш. Первоначально почти неизменно речь шла лишь о гарантиях свободного развития этнической культуры и о конфессиональном равноправии. Безусловно, жесткий имперский централизм и унитаризм в начале XX столетия тормозил проведение давно назревших преобразований, и слом имперской системы позволял надеяться на продвижение к более равновесной организации полиэтнического общества. Но такая организация совсем не предполагала общей сецессии и распада. Этноты находились на разных уровнях развития, обладали неодинаковым опытом политической культуры и деятельности, были в различной степени русифицированы. В связи с этим некоторые территории добивались федерализации страны, культурной или территориальной автономии. Другие, как Финляндия, Польша, Прибалтика – надеялись на обретение государственной самостоятельности и выход из состава России.

Октябрьскую революцию национальные организации на местах восприняли в большинстве своем как покушение на демократию и угрозу своим планам. Повсеместно начался процесс провозглашения национально-государственных образований, противостоявших центральной власти советов. Так, в обращении Белорусской рады говорилось, что большевистский переворот угрожает анархией, а представитель Украинской рады в разговоре по прямому проводу с главкомом Крыленко заявил: «Претензии СНК на руководство украинской демократией тем менее могут иметь какое-либо оправдание, что навязываемые Украине формы политического правления дали на территории самих народных комиссаров результаты, отнюдь не вызываю-

щие зависть. Пока в Великороссии развивается анархия, экономический, политический и хозяйственный развал, пока там царит грубый произвол и попрание всех свобод, завоеванных у царизма революцией, генеральный секретариат не находит нужным повторять этот печальный опыт на территории Украины»⁸¹. Украина прошла через уникальный опыт борьбы за власть в соответствии с разными идентификационными ориентирами: сначала Центральная рада провозгласила себя верховным органом Украинской народной республики, но была разогнана в ходе германо-австрийской оккупации. В апреле 1918 г. была провозглашена Украинская держава во главе с гетманом Скоропадским, контролировавшаяся оккупационными властями. После их ухода в декабре 1918 г. власть перешла к Директории, образованной лидерами Украинского национального союза под председательством В.К. Винниченко.

В феврале 1919 г. этот орган власти возглавил С.Петлюра. Возникшая тогда Украинская народная республика объявила войну советской России, заключила союз с А.И. Деникиным, но эффективного взаимодействия не получилось. Попытка восстановления режима Петлюры в ходе советско-польской войны 1920 г. закончилась неудачей. Национальные партии Северного и Южного Кавказа тоже стремились ориентироваться на свою идентификационную модель. Уже 15 (28) ноября 1917 г. в Закавказье было создано местное правительство – Закавказский комиссариат, по инициативе которого в феврале 1918 г. образовался Закавказский сейм, в марте 1918 г. санкционировавший отделение Закавказья от России, а в апреле была провозглашена Закавказская демократическая федеративная республика. Вскоре, однако, она распалась. К лету 1918 г. на ее обломках образовались Грузинская демократическая республика, Республика Армения, Азербайджанская республика. В ноябре 1917 г. созданный еще в мае того же года Союз объединенных горцев Кавказа провозгласил Горскую республику. Затем появилось Терско-Дагестанское правительство, которое распалось в марте 1918 г. – с созданием Терской советской республики. В Даге-

стане же была провозглашена Республика горцев Северного Кавказа, выступившая против советской власти. Горское правительство было ликвидировано А.И. Деникиным в мае 1919 г. Таким образом, мы видим, что повсеместно в национальных регионах предпринимались попытки под флагом независимости провести этническую мобилизацию и сменить элиту имперскую на элиту национальную в соответствии с этнической идентичностью. Какая идентификационная модель могла быть противопоставлена этим устремлениям Центром? Их было две, условно именующиеся «красные» и «белые».

Национальный вопрос, вряд ли разрешимый одинаковым для всех народов способом, в условиях революции и гражданской войны и красными, и белыми, и самими национальными элитами сводился к вопросу о типе государственного устройства. Все программы национальных движений предполагали определение государственного статуса своих этносов, что во многом определяло смысл и содержание межэтнических отношений в Гражданской войне. Как известно, в дооктябрьский период большевики призывали к созданию унитарного демократического централизованного государства с широкой областной автономией. Но прагматизм политической тактики большевиков предопределил их успех в борьбе за массы. В 1917—1918 гг. большевики признали целесообразность федеративного устройства России. «Декларация прав народов России» провозгласила право наций на самоопределение, что имело чрезвычайно важное значение для укрепления новой власти на окраинах страны. III Всероссийский съезд советов, работавший в январе 1918 г., принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней впервые в законодательном акте было дано определение формы правления в стране: «Советская российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик».

В общих чертах структура государственной власти, взаимоотношения между ее центральными и местными органами

были определены в постановлении Съезда «О федеральных учреждениях Российской республики». Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом советов, закрепила федеративное устройство страны по национально-территориальному принципу. Хотя специальной статьи о праве выхода из федерации не было, в Конституции говорилось, что к ведению Съезда советов и ВЦИК относится «признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее». Вторая программа РКП(б) в 1919 г. закрепила признание федерации как типа советского государства. Непосредственными задачами национальной политики был призван заниматься специально созданный Наркомат по делам национальностей. Декретирование нового типа государства не означало, что партия большевиков имела точные теоретические представления и политические рецепты воплощения в жизнь своих заявлений. Тем не менее, привлекательный лозунг права наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельного государства обладал огромной мобилизующей силой и расширял социальную базу советской власти.

Однако мало кто из представителей этнических групп хотел отдавать жизнь за интересы «красно-белых» воюющих сторон – отсюда и перманентное дезертирство из воинских частей красных и белых, и переменчивость политических настроений на местах. Большинство населения Российской империи стремилась остаться по большей части безучастными зрителями происходящей на их территории гражданской войны. В ряды комбатантов их заставляло положение людей, оказавшейся между молотом и наковальней, характерное для многих этносов страны. Такой вывод подтверждается данными из источников и «красных», и «белых». Так, агентурная разведка 1-й большевистской армии сообщала в 1919 г. о положении в лагере противника: «При наступлении сплошь и рядом посылаются первая цепь с оружием, а вторая с нагайками, а затем с оружием третья. Мусульманам доверия нет, их всегда посылают в передних цепях, сзади ставят пулеметы; среди мусульман за послед-

нее время наблюдается сильное дезертирство»⁸². А осведомительный отдел штаба колчаковских войск указывал, что киргизы, обманным путем привлеченные на службу в красноармейские части, теперь не хотят драться против правительственных войск и массами дезертируют.

На Северо-западном Кавказе причин участия адыгских народов в Гражданской войне на стороне «белых» было несколько и классовый фактор фактически никакой роли в этом не играл.. Существенную роль в организации адыгских военных формирований в составе как Кубанской, так и Добровольческой армий, сыграл Черкесский конный полк. Представители этого полка являлись авторитетными личностями в горской среде, к их мнению прислушивались многие адыги. Адыгские аулы, пославшие бойцов в Черкесский полк полковника Султан Келеч Гирея, оказали существенную помощь Добровольческой армии накануне штурма Екатеринодара. Благодаря этому, численность добровольческой армии (даже после серьезных потерь в первый период «ледяного похода») заметно возросла – от 4,5 тысяч человек в ст. Ольгинской до 5,5 – 6 тыс. бойцов накануне штурма Екатеринодара. Помимо этого, агитация адыгской элиты среди народных масс также была небезуспешной. Усилия новой власти, принимаемые постановления, резолюции и соглашения не давали положительных результатов, и черкесские «белые» отряды получали поддержку со стороны жителей аулов. Адыги стали повсеместно вооружаться. С началом Второго Кубанского похода Добровольческой армии многие адыги входят в составы различных отрядов и прибегают к мерам насилия по отношению к близлежащим русским населённым пунктам. Такая борьба помимо политических и военных последствий имела последствия и чисто бытового, социального свойства. Всеобщая война всех против всех, общий упадок нравов и насилие, ставшее нормой общественной жизни, приводили к распространению в адыгской среде криминальных, неадаптивных действий, распространению бытовой преступности и этносоциальных конфликтов внутри регионального социума. Наступление кризиса,

всеобщая борьба, рост криминальной активности постепенно меняли всю внутреннюю жизнь адыгского социума и втягивали его в состояние социально-политического хаоса, которому не удалось противостоять даже, казалось бы, структурно и социально крепким, органически спаянным этническим сообществам. В дальнейшем на новом этапе гражданского вооруженного конфликта эти тенденции продолжали усиливаться и приобретали своё новое этнокультурное, социально-политическое выражение.

С другой стороны, в большевистских отрядах находились адыги, которые выполняли функции проводников и разведчиков, участвовали в боях против белых. Захват красными частями большей части территории Северо-Западного Кавказа, как и великодержавная политика белых генералов, привели к признанию горцами новой власти. Помимо открытых лозунгов, призывавших вступать в большевистские ряды, существовали и жесткие постановления, указывающие прекратить насилие по отношению к горцам. 30 мая 1918 г. выходит резолюция № 2, принятая Чрезвычайным Съездом Советов Народных Депутатов Кубанско-Черноморской Советской Республики. В ней говорится о том, что отдельными отрядами и жителями некоторых станиц без ведома ЦИК продолжают насилия, грабежи и убийства горцев, благодаря чему с лица земли стерты целые аулы и жители их обречены на гибель и голодную смерть. Чрезвычайный Съезд Советов Кубано-Черноморской Советской Республики поручил ЦИК немедленно оградить жизнь и имущество горцев и других национальностей от дальнейшего посягательства.

Описывая партизанское движение в другой части России – в предгорьях Алтая, Л.П. Мамет писал, что существо политического процесса здесь составляли конфликты между русским крестьянством и алтайцами. Партизанское движение русских крестьян, объективно выступавших для алтайцев в роли колонизаторов и враждебно настроенных против притязаний инородцев, к тому же нашедших условную поддержку у белых,

«всей тяжестью обрушилось на алтайское население. Были разорены целые айлы, и там, где проходили партизанские отряды, остались одно разорение и запустение». В итоге «в основном алтайские массы были в белых отрядах», а разгул партизанской вольницы был в какой-то мере ограничен лишь в конце 1919 г. с приходом регулярных частей Красной армии.

В докладной записке члена ВЦИК Строева на имя Сталина говорилось, что месть партизан алтайцам была «чудовищная, первобытная, жестокая и зверская со сплошными убийствами, грабежами, насилием, осквернением очага и верований туземцев». Но еще страшнее было то, что вслед за ними «ячейки и воинские части не ликвидировали бандитизм, а создавали его»⁸³.

Необходимо иметь в виду, что идеи самоопределения в массовом сознании народов России вряд ли имели ясное толкование. Властные структуры региональных и национально-территориальных элит всего лишь стремились к упрочению собственной власти на автохтонной территории и крайне неохотно принимали участие в междоусобной борьбе «центральных» властей. Что же тогда могло стать основой морально-нравственной мобилизации этносов для участия в Гражданской войне? Большое значение имела историческая память народов, которая составляет значительную часть их идентификационного набора. Ю.В. Бромлей одним из основных признаков этноса называет определенную общность исторического прошлого этнофоров на протяжении поколений⁸⁴. Историческая память избирательна в каждый конкретный момент исторического времени, что обусловлено социальными причинами и индивидуально-личностными мотивами. Спектр негативных эмоций неосознанно экстраполировался на историческую память. А эта память не всегда была благостной, зачастую она омрачена тяжелыми страницами взаимной вражды и непонимания, желания некоего исторического отмщения. Так, накануне штурма Екатеринодара Добровольческой армией, к которой примкнуло значительная часть адыгов, в кубанской столице ходили самые

разнообразные слухи, в том числе в местных газетах сообщалось о «предстоящей Варфоломеевской ночи со стороны черкесов».

Мы, смеясь, цитируем фильм «Иван Васильевич меняет профессию»: «Казань брал, Астрахань брал, Шпака не брал»; поем о том, как Ермак покорял Сибирь: «На диком берегу Иртыша сидел Ермак объятый думой»; декламируем Казачью колыбельную песню Ю. Лермонтова, в которой «злой чечен ползет на берег» и пр., не замечая, какие эмоции вызывают эти произведения у некоторых наших сограждан и чем может откликнуться. В памяти актуализируется далеко не все из того, что знает человек об истории своего народа и о своем собственном прошлом, а лишь то, что у него вызывает эмоциональный отклик, подкрепляя оценки дня сегодняшнего.

В этом смысле историческая память есть рефлексия современности. Так, Северный Кавказ относится к числу горячих взрывных регионов России, где периодически актуализируются антирусские настроения. В исследованиях, проведенных Р. Ханаху и О. Цветковым, подчеркивается, что исторический сюжет Кавказской войны и переселения народов (мухаджирство) более чем столетней давности тесно вплетен в социально-политическую реальность современности. Его отчетливое воздействие на нынешнюю действительность усматривают 55% опрошенных исследователями адыгов. Следы воздействия этих событий люди видят в изменении демографической ситуации (уменьшение численности коренной национальности), «расщепление» и «распыление» этноса по зарубежью, сокращение территории исконного расселения, подрыв корней национальной культуры. Эмоциональная реакция на прошлое выразилась в том, что «отпечаток» события XIX в. вызывает у современных горцев неприязненное, а иногда даже враждебное отношение к русским. И сегодня среди них муссируется идея об «исторической вине» и ответственности русского народа за Кавказскую войну 1817-1864 гг.⁸⁵. Для исторической памяти характерны парадоксы избирательности. Например, в советский период исто-

рически сложившиеся традиции доброжелательных взаимоотношений между представителями различных национальностей в основном соблюдались по всей стране. Этому во многом способствовали национальная политика, направленная на укрепление дружбы между народами, а также наличие в обществе определенной стабильности, предсказуемости в развитии. В позднем СССР сложился в целом благоприятный социально-психологический климат, что пробуждало в людях терпимость, доброжелательность. В таких условиях гражданская идентичность брала верх над этнической. А когда к концу 90-х гг. резко ухудшилось материальное положение большинства людей, оказались утерянными привычные духовно-нравственные ценности — появились озлобленность, нетерпимость, враждебность.

Схожая ситуация с исторической памятью создалась и в связи с Первой мировой войной, общим обнищанием и одичанием и распадом государства в революционной России. Историческая память сыграла свою роль в реанимации гражданского милитаризма народов Российской империи. Более того, воскресшие заново в памяти страницы истории с их обидами и несправедливостями как бы «подпитывали» человека, вселяя уверенность, что все еще может измениться, можно повернуть историю вспять, взять реванш и победить в давно прошедших битвах. Скачкообразные сдвиги в социальной действительности разрушают процесс сохранения и передачи исторического опыта, нарушают устойчивость исторической памяти. В этих обстоятельствах она может быть сведена до уровня узких, клановых, этнических интересов, может пойти по пути абсолютизации прошлых обид и потерять позитивное содержание, породить опасную деформированную нравственно-психологическую атмосферу. Мы отчетливо наблюдали это в России конца XX века, но не менее ярко это было выражено и в российском обществе времен Гражданской войны, особенно на начальном ее этапе.

Враждебное отношение этнических элит к новой революционной власти зачастую провоцировалось большевистски-

ми советами на местах. Так, когда в 1917 г. приверженцы Ленина пришли к власти в Ташкенте Съезд советов Туркестана по предложению фракции большевиков и максималистов принял такое решение: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти С.С.Р. и К.Д., так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органах высшей краевой власти фракция приветствовала бы»⁸⁶. Ответным шагом стало решение IV Краевого чрезвычайного мусульманского съезда в Коканде (26-29 ноября 1917 г.) об образовании Туркестанской автономии с центром в Коканде.

В то же время «националы» пытались довести до центра свои идеи и проекты, акцентировать его внимание на конкретной этнической специфике мест. Это взаимовлияние развивалось достаточно сложно и противоречиво. Сотрудничество с Лениным и его партией мнилось средством достижения независимости наций и государств. Те этнические элиты, которые были заражены левыми идеями, надеялись трансформировать коммунистическую модель преобразований в соответствии с собственными представлениями о путях развития своих народов. Национально-религиозные чувства и политические настроения горцев Северного Кавказа отразились в клятве аскера Народной армии Совета обороны, руководившего антиденикинским восстанием. Данная на Коране, она говорила о защите «шариата, свободы и независимости народов Северного Кавказа»⁸⁷. Сотрудничая с большевиками, социалистическая группа во главе с М. Дадахаевым и Д. Коркмасовым в ходе гражданской войны отстаивала необходимость обязательного учета специфики этнокультуры. Мусульманские социалисты, воспринимая союз с последователями Ленина как необходимость, никогда не забывали об укорененности в сознании горцев ислама и его нравственных и правовых начал. Современные авторы, анализирующие взаимоотношения Советской власти и народов

Северного Кавказа приходят к выводу, что полностью идею советов, созданных на классовой основе, «внедрить в горское сознание» так и не удалось, как не был создан и механизм «национального сдерживания» путем перманентных административно-территориальных преобразований. Лидеры этнических движений стремились, считаясь с объективными условиями и прижимая к побеждающей стороне, вырвать у руководителей новой России уступки. В то же время сами большевики не без труда добивались раскола в политическом руководстве национальных движений и выделения из них леворадикальных направлений⁸⁸.

Военно-коммунистические методы управления, пренебрежение преимущественно русскоязычных большевиков национальной спецификой (чаще всего она к тому же была им просто незнакома – или казалась несущественной мелочью в пожаре мировой революции) вызывали сопротивление, выразившееся в разных формах – от глухого раздражения и игнорирования новой власти до открытого сопротивления. Если раньше царские чиновники безответственно угнетали и чинили всякого рода насилия, то такую же деятельность теперь проявляла на окраинах другие люди из центра, прикрываясь именем большевиков-коммунистов. Я и мои единомышленники, – объяснял один из лидеров казахских автономистов А. Байтурсинов свое поведение в 1918 г., – не мирившиеся с таким положением раньше при царской власти, не могли мириться и теперь, и, думая, что подобные дела творятся повсюду в советской России, были против признания советской власти»⁸⁹. Правда, прежде чем примкнуть к белым, казахи попробовали найти компромисс с советской властью и вступили в переговоры с СНК о принципах автономного устройства края в рамках советской федерации, но соглашение, в конце концов, было сорвано.

Об использовании этнической идентичности народов окраин империи думали не только большевики, но и их противники. Антибольшевистские правительства и вооруженные силы создавались и действовали преимущественно на окраинах, населенных так называемыми инородцами, и национальная по-

литика для белых изначально была весьма важным фактором в обеспечении социальной, материальной, финансовой поддержки армий. К августу 1918 г. уже насчитывалось до 20 «центральных» и областных антибольшевистских правительств: Комуч в Самаре, Временное сибирское правительство в Омске, Уральское областное в Екатеринбурге, Амурское в Благовещенске, Деловой кабинет Дальнего Востока в Харбине, казачьи – Кубанская краевая Рада, Уральское, Оренбургское казачества и т.д. Представления лидеров таких правительств о форме государственного устройства России, о принципах взаимоотношений центра и провинции, о степени самостоятельности национальных, территориальных и культурных автономий были весьма различны. Сложное соотношение сепаратизма, автономизма, регионализма и великодержавия составило одну из важнейших характеристик событий 1918—1920 гг. Разнообразные концепции федерализма и унитаризма испытывались на практике в чрезвычайных обстоятельствах.

Из антибольшевистских организаций наиболее последовательно демократических принципов национальной политики придерживался самарский Комуч, что объясняется, прежде всего, его эсеровским составом. В Агиткультпросветотделе Комуча был создан Инородческий отдел. Он должен был регулировать отношения между национальностями, привлекать нерусское население в ряды Народной армии, содействовать укреплению власти Комуча «в нерусской части населения», рассматривать ее ходатайства, собирать материалы с мест и предоставлять их в Комитет. Комуч стремился к союзу с национальными движениями и организациями на основе признания идеи демократического федерализма. При этом, признавая, что окончательно решать вопрос о будущем государственном устройстве России полномочно только Учредительное собрание, Комуч заявлял своей целью «возрождение государственного единства России». Поэтому он отказывался признавать суверенные права за любым правительством, «откалывающимся от государственного тела России и провозглашающим свою независимость само-

стейно». Комуч временно признал все организовавшиеся к августу 1918 г. небольшевистские правительства. Это касалось казахской и башкирской автономий, Оренбургского и Уральского казачьих войск, получивших право формировать собственные вооруженные силы. В этом сказалось стремление привлечь на свою сторону союзников в условиях всё обострявшегося соперничества в борьбе за право представлять всероссийскую власть, на что претендовали не только наследники Всероссийского учредительного собрания из Комуча, но и другие антибольшевистские правительства, прежде всего Временное сибирское.

В сентябре 1918 г., когда вопрос об объединении белых на востоке страны был в центре внимания, Комуч в своей декларации по поводу образования казахского автономного правительства заявил, что «для воссоздания единой, сильной свободной России и укрепления в ней федеративно-демократического строя необходимо участие в предстоящей созидательной работе всех населяющих ее народностей», а потому «осуществление отдельными территориями и национальностями своих автономных прав является лучшим залогом успеха предстоящей героической работы по воссозданию единой великой России». Были определены сферы влияния и прерогативы субъектов федерации: за центром предлагалось оставить военные и иностранные дела, пути сообщения, почту и телеграф, «мероприятия общегосударственного характера по вопросам снабжения и продовольствия», утверждение временного положения об управлении автономией, согласование вопросов о формировании автономных вооруженных сил. Постановления, законы и распоряжения автономной власти не должны были противоречить законодательству центра, который имел своих уполномоченных, обладавших правом приостанавливать действия автономистских правительств. Спорные территориальные вопросы предлагалось решать совместно с органами власти прилегающих областей «и в соответствии с волеизъявлением местного населения, выраженного

путем всенародного голосования или через местное самоуправление».

Стремясь «последовать примеру большевиков и развить агитацию до максимальной возможности», Комуч наладил выпуск газет, листовок и брошюр на языках народов Поволжья, создавал на местах отделения Инородческого отдела, пытался организовать на подвластных территориях местное самоуправление, проводил курсы, лекции, митинги, тематические «дни» и т.п. Не отказывались сторонники Учредительного собрания и от планов предоставления отдельным народностям страны национально-культурной автономии. Гибкость в решении национального вопроса демонстрировал, например, родившийся в Самаре проект, согласно которому дисперсно расселенные «мусульмане тюрко-татар внутренней России и Сибири... образуют добровольный личный союз-нацию, обладающий в отношении своих членов принудительной властью» и выступающий как национальная единица, юридически равноправная «со всеми нациями, образующими в своей совокупности государство Российское». Однако председатель башкирского правительства З. Валидов, представители самого Комуча и Сибирское правительство усмотрели в этом опасность для целостности России и тенденцию к мусульманскому сепаратизму.

На примере национальной политики антибольшевистских сил на востоке страны можно проследить эволюцию взглядов белых. Поначалу в большинстве антибольшевистских правительств проявлялись демократические тенденции. Это во многом определялось преобладанием эсеров, представителей других социалистических партий, а также достаточно левых представителей с мест. Немаловажную роль играла политическая инерция 1917 года, когда децентрализация приобрела широкие масштабы и была весьма популярна идея федеративной республики. Однако эскалация вооруженных действий, создание фронтов и регулярных армий с обеих сторон требовали не только сосредоточения ресурсов, но и централизации управления. В этих условиях белые режимы всё больше опирались на

военных, на правые политические силы — и закономерно сужали рамки самостоятельности входивших в сферу их влияния многочисленных организаций, в том числе национальных.

Не имея подробно разработанной программы действий в национальной сфере, белые руководствовались военно-политическим прагматизмом. Демократический потенциал политики антибольшевистских сил постоянно сокращался. Усиление великодержавных амбиций, возрождение имперских традиций, невнимание к разумным предложениям бюрократии и политических деятелей о необходимости более дифференцированного и гибкого курса приводили к сужению социальной опоры антибольшевистского лагеря. В ожесточенной борьбе за власть и за народные массы большевики выиграли, потому что решительно и своевременно принимали меры, отвечавшие злобе дня, более чутко реагировали на динамику политических настроений и симпатий масс, сумели склонить к сотрудничеству лидеров некоторых национальных движений и партий. Сталин в связи с этим говорил: «Не забывайте, что если бы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича мы не имели бы так называемых «инородцев», не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, — товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает всё, — и если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому, что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были идти к нам в объятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов»⁹⁰.

Убедительным подтверждением провала национальной политики белых служит история взаимоотношений Добровольческой армии с этносами и их организациями на Юге России.

Л.Г. Корнилов заявил, что его армия будет отстаивать право на широкую автономию отдельных народностей, входящих в состав России, но при условии сохранения государственного единства. Правда, в отношении отделившихся к тому времени Польши, Финляндии и Украины признавалось их право на «государственное возрождение». Позднее, 10 апреля 1919 г., в официальном сообщении председателя Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России «О целях вооруженной борьбы с советской властью» наряду с провозглашением прежней задачи возрождения единой, великой и неделимой России говорилось о проведении децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.

Однако реализация этих деклараций не состоялась. Сам лозунг единства и неделимости воспринимался на окраинах как противоречащий любым проявлениям национальной самостоятельности. Сказывалась имперская психология, на которую накладывались проблемы взаимоотношений с союзниками, амбиции этнических элит и местных правительств. К примеру, социал-демократическое правительство Грузии в лице министра иностранных дел Е.П. Гегечкори отказывалось признать за командованием Добровольческой армии право выступать от имени России, в том числе и тогда, когда рассматривался вопрос о судьбе занятого Грузией Сочи. В результате соглашение не было достигнуто, и бои за Сочи вспыхивали неоднократно. В начале декабря 1918 г. Сочинский окружной съезд заявил о временном присоединении к Грузии, поскольку именно так население округа могло осуществить свои интересы в сфере национально-культурной жизни и земского самоуправления. В то же время подтверждалось стремление к единству России – как только в стране будет создана единая демократическая власть, основанная на народоправстве и федеративных началах. Репрессии добровольческих частей против населения округа, мотивировавшиеся его симпатиями к большевикам, еще больше усилили стремление присоединиться к Грузии. Однако войска

А.И. Деникина вскоре заняли Сочинский округ, прервав подготовку демократических выборов, отменив выборы в земства и развернув репрессии против неугодных. В итоге настроение стало склоняться в пользу большевиков. Непродуктивной оказалась политика белых и в отношении Армении и Азербайджана, как и кратковременное замирение с народами Северного Кавказа, что делало власть добровольческого командования крайне неустойчивой.

В целом же и ход военных действий, приводивший к победам Красной армии, и неудачная политика белых заставляли массы и национальных лидеров склоняться к признанию советской власти. Взамен утраченной общей гражданской (государственной) идентичности, отвергнутой «российскости» новая власть предложила классовую идентичность, которая стала главной цементирующей силой красных комбатантов, по своей силе оказавшейся в тот момент доминантной по сравнению с этнической, культурной, религиозной и даже семейной. Начался процесс не этнической, не национально-гражданской, а «классовой идеологической мобилизации» общества. Большевики сумели найти динамичные элементы (болевые точки) социальной системы и актуализировали их, не будучи связаны никакими моральными либо историческими соображениями и обязательствами. Белым эту задачу выполнить не удалось: не сумев подключиться к массовому ресурсу, они потерпели поражение. Действительно, различия между «верхами» и «низами» были слабым местом белого движения, что и привело его к военной неудаче.

Тем ни менее идентичность «красных» комбатантов не сводилась лишь к классовому тождеству, а представляла собою многоуровневую структуру, обусловленную как личной исторической судьбой участников Гражданской войны, так и их социальным, культурным, религиозным происхождением, воспитанием, моральными установками, возрастом и прочими исходными данными формирования личности. Структура множественной идентичности генерировалась как самой массой

участников Гражданской войны изнутри, так и привносилась извне. Оба фактора находились во взаимосвязи и динамическом взаимодействии. Победителем в России оказался тот, кто сумел склонить на свою сторону крестьянство, составлявшее более трех четвертей населения страны. В ходе вооруженной борьбы поддержка крестьян обеспечивалась их реальным жизненным опытом, а также скорее социокультурной близостью, нежели лозунгами, программами и другими политическими средствами.

Нельзя не отметить и тот факт, что в российской деревне не только вызрели две социальные войны, отмеченные В.И. Лениным еще в ходе первой русской революции: война основной массы крестьянства против помещиков и война пролетариев и полупролетариев против кулаков внутри крестьянства. Крестьянство заимело «своих» пассионариев – потенциальных носителей революционной идеологии. Новое разделение, видимо, шло не только по оппозиции «богатые – бедные», «общинники – хуторяне», «торговцы – землепашцы», и т.д. Слом привычного государственного порядка сделал востребованным, вывел эти пассионарные элементы, точнее, некий набор человеческих качеств и стереотипов поведения на первые роли в красном лагере. Вспомним вышеназванного заместителя ДонПродКомиссара товарища Птицына и целый ряд других «героев». Но были и вполне образованные, но неуравновешенно-агрессивные личности, отличившиеся на полях Гражданской войны. Любимый писатель советской детворы, славный литературный отец героя Мальчиша-кибальчиша Аркадий Петрович Голиков (Гайдар), чей жизненный путь получил широкое освещение в научно-справочных, литературоведческих и биографических трудах, воевал в годы Гражданской войны против петлюровцев, белополяков, возглавлял роту 34-й Кубанской дивизии на Кавказском фронте. С июня 1921 г. командовал полком на Тамбовщине, где при подавлении крестьянского восстания получил ранение. Зачисленный в Военную академию Генштаба, в сентябре 1921 года Голиков был отозван в Башкирию на должность командира коммунистического батальона. По приказу штаба

частей особого назначения (ЧОН) республики 9 февраля 1922 года он прибыл для прохождения дальнейшей службы в Сибирь и был направлен в ЧОН Енисейской губернии. Через два года Гайдар демобилизовался, а с 1925 г. начал публиковать свои произведения, став одним из основоположников советской детской литературы.

Казалось бы, славная и типичная биография молодого бойца за революционные идеалы. Однако наступившие иные общественные представления об эпохе установления Советской власти способствовали освещению ранее скрытых черт в облике и деятельности её героев, в частности Гайдара. Обратившись к сибирскому периоду его жизни, можно узнать о неоднозначной деятельности молодого командира в далёкой провинциальной Хакасии и болезненных проявлениях в его поведении. Современные исследователи считают необходимым указать, что причиной его отъезда с занимаемой должности и демобилизации послужили допущенные им расстрелы пленных. Вообще сопутствующим элементом установления советской власти, был красный бандитизм. Его феномен нашел отражение в партийно-советских документах, выступлениях коммунистических вождей и лиц, возглавлявших советские правоохранительные органы, а затем получил освещение в трудах отечественных историков.

Как отмечает историк А.А. Вилков, большевики не могли не нести на себе отпечаток типичных характерных черт русского народа, но это еще не означает их ментальной близости, а лишь – похожест, причем не по сущностным качествам. Их двойственность определена различной природой и направленностью двоецентричных идентичностей. У крестьян наличие «негативного», «дезорганизирующего» ядра есть не что иное, как своего рода накапливающаяся защитная реакция на внешние обстоятельства, мешающие жить в соответствии с сущностными положительными архетипами. Дезорганизирующие начала крестьянского менталитета становились определяющими лишь периодически, в виде выброса негативной энергии⁹¹. Большеви-

ки поэтапно эксплуатировали выгодные для себя черты крестьянства. В ходе гражданской войны они сумели завладеть общинным сознанием крестьянского большинства.

Принципиально важно при этом, что напряженность в самом «почвенном слое» общества не могла реализоваться через межпартийную борьбу. Не раз было описано сознание массового человека, выпавшего из привычных форм бытия. Именно в таком состоянии оказались массы крестьянства, что открывало перед большевиками широкие возможности для создания нового социального единства, при условии овладения стереотипами крестьянского восприятия жизни и управления. Взгляд на людей «через оружейный прицел» в годы Гражданской войны формировал специфическую идентификационную структуру личности, одновременно и подвижную и устойчивую. Устойчивость обеспечивалась классовой идеологической доминантой идентичности. Подвижность – конкретными жизненными обстоятельствами.

Мы, конечно, не должны игнорировать «родовые травмы» советского государства, которое рождалось в огне империалистической и гражданской войн. Но при этом не стоит забывать, что подобное происходило и в других странах, например США. Гражданская война между Севером и Югом в Америке тоже сопровождалась взаимным уничтожением граждан, милитаристский характер американцев и сегодня отнюдь не меньше российского. Но это совсем другой гражданский милитаризм. Благодаря ряду факторов медленно, постепенно, но произошло примирение общества под флагом американского патриотизма. Конечно, там тоже случаются рецидивы типа пресловутого маккартизма времен холодной войны, а сегодня мы наблюдаем кризисные проявления неудавшейся политики мультикультурализма. Но, в основном милитаристский характер их национального сознания направлен вовне. В России же гражданский милитаризм и социальный раскол стали нерасторжимым единством. Сознание каждого рабочего, каждого крестьянина, и в первую очередь каждого члена руководящей ком-

мунистической партии должно было быть пропитано мыслью, что наша страна находится в положении осаждаемой крепости и так продолжится до тех пор, пока в мире царит капитал. После такой констатации было логично делать вывод о необходимости поставить под ружье все народы нашего государства, превратить страну в вооруженный лагерь. Это должна быть задача не только военного ведомства, но и гражданского советского, профессионального, партийного аппарата. Именно тогда состоялся переход от милитаризма исторического, традиционного, который присутствует в культуре большинства народов, к тотальному милитаризму расколотого сознания, который пронизывал каждый шаг, все сферы жизнедеятельности нашей страны, государства, народа до 60-х гг. XX в. И здесь уместно вновь обратиться к Гарольду Лэсвеллу, который в начале своих исследований говорил о государстве-гарнизоне, а в 1940–1950-е гг. уже употреблял выражения «государство–полицейский гарнизон», объясняя реальную возможность подобной трансформации. Страна представлялась осажденной крепостью, и враг мог быть где угодно, как снаружи, так и внутри ее. Репрессии 20-30-х гг. – это апогей гражданского милитаризма в массовом сознании.

В годы Великой Отечественной войны Советское правительство и конкретно И.В. Сталин, очевидно, на интуитивном уровне уловили необходимость снизить раскол, обратиться к старым архетипам общественного патриотического милитаристского поведения. Именно поэтому для мобилизации населения на защиту Родины произошел временный отказ от классовых лозунгов и возврат к проверенным историей патриотическим символам. Если бы наши отцы и деды не имели бы общегражданской патриотической идентичности и не были внутренне готовы пожертвовать всем ради спасения Родины, страна вряд ли бы победила в страшной схватке с фашизмом, а затем и сохранила и приумножила свой статус мировой державы. Но народ, в страшной войне сломавший хребет фашизму, вновь пропитался военизированным мышлением, соединив его с клас-

совой идеологией, и, победив, вернулся к сложившимся стереотипам расколотого гражданского милитаризованного сознания. Повороту в «нужном направлении» способствовала внутренняя политика и массово насаждаемая идеология периода «холодной войны». Партийная элита, манипулируя общественным сознанием, использовала окрепшее в годы войны чувство военизированного сознания, облаченного в оболочку патриотизма. Для его поддержания приходилось даже «организовывать» врагов: «безродных космополитов», генетиков «вейсманистов-морганистов», «врачей-убийц» и пр.

По мере дряхления системы, умирала и обслуживающая её идеология. Начиная с «хрущевской оттепели», не смотря на попытки реанимации в 70-е гг., наблюдается сокращение поля её влияния. В конце 80-х гг. система сдалась без попыток сопротивления. Более того, большое значение в изменении массового сознания сыграла развернутая правящим классом – советской элитой – борьба за мир во всем мире, установление нормальных межгосударственных отношений с бывшими врагами, провозглашение построения в СССР общенародного государства и появление новой общности – советского народа.

Парадоксально, но слом советской государственности отбросил общество к старым стереотипам сознания. Раскол нарастал с конца 80-х гг. XX в., первые реальные столкновения произошли в национальных республиках, в попытках государственного переворота 1991 г. (ГКЧП). Апогей же возрожденно-гражданского милитаристского сознания приходится на кровавое противостояние 1993 г. – расстрел Белого дома: под флагом либеральных идей российский Президент расстрелял российский Парламент.

Временная победа либерализма обернулась хаосом, распадом страны и утратой статуса великой державы, что не могло не вызвать обостренного чувства ущемления национального достоинства. Был воссоздан гражданский милитаризм, который продемонстрировал, что он по-прежнему глубоко укоренен в сознании и элиты, и простого народа. В попытках создать вер-

тикаль власти, предпринимаемых в течение последних лет, без труда обнаруживается повторение исторического прошлого, естественно, с поправкой на время. Современная Россия является наследницей ушедшего имперского, а затем советского государства с укорененным в нашей жизни гражданским милитаризмом. Сегодня мы наблюдаем его новый расцвет. Гражданский милитаризм присущ как большинству современной правящей элиты, так и массовому российскому человеку. В российском народе ожило гражданское расколотое милитаристское сознание, и когда политики обращаются к этому сознанию и пытаются его эксплуатировать, направляя его не только вовне, но и вовнутрь, они «не ведают, что творят», ибо посеяв ветер, можно пожать бурю. Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции.

На новом витке модернизации в начале XXI века вновь появилась опасность усиления раскола гражданского милитаристского сознания посредством создания нового образа врага из сограждан. Возможно – это специфический российский механизм модернизации, а возможно её «ловушка». Держа курс на инновационное общество, следует быть предельно осторожными с российским общественным сознанием, склонным к силовым решениям проблем. Стоит понимать, что «Золотого века» позади нет, возвращаться к прошлому надо для извлечения уроков, а не повторения ошибок.

ГЛАВА 2

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНХРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ: ПОСТАНОВКА ЭВРИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ И МЕТОДЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Среди документов личного происхождения дневники и письма как *синхронные* документы считаются наиболее полно отвечающими признакам первоисточника. Они содержат информацию первого порядка, соседствующую с минимальным осмыслением происходящего. Их содержание сводится к фиксации событий и косвенному отражению непосредственных реакций на них. Их признаком является присутствие сюжетов, не имеющих связи с другими частями текста. Главная трудность в работе с синхронными документами – это характерное для них отсутствие расшифровки имен и названий. Анонимность и сомнительность авторства дневников и писем – достаточно распространенное явление, как и отсутствие фамилий и полных имен других персонажей. Они часто заменяются прозвищами и уменьшительными именами.

Авторы синхронных документов особенно субъективны в отборе фактов, которые упоминаются на страницах их дневников и писем, поскольку истинная значимость этих событий для будущего еще не ясна. В связи с этим вырастает роль и исследовательской субъективности, – увеличивается объем интерпретационных усилий в направлении реконструкции исто-

рического контекста и восполнения недостающей информации. Информационная модель сообщения, выстраиваемая на втором этапе исследования, обладает известной степенью условности, поскольку ее параметры зависят от полноты сведений. Будь их немного больше или немного меньше, то модель была бы уже несколько иной.

Прогностические ожидания россиян в годы революции и Гражданской войны

В частных письмах и официальных документах отражена интереснейшая часть духовного мира ушедших поколений – ощущение текущих событий и ожидание будущих. Сравнение этих предчувствий с реально произошедшими событиями даст ответ: это было предвидение или обман.

В.П. Булдаков утверждает, что победить белым помешало чувство фатальной обреченности⁹². Это типичная аберрация, которая возникает при работе с документами, созданными постфактум, при уже известном исходе событий. Впрочем, далеко не все мемуары представляют Белое движение как собрание людей, готовых только с честью умереть. Воспоминания эмигрантов Ф.И. Елисеева, Н. Волкова-Муромцева, Л. Волконской, В.С. Аверьино передают долго существовавшую уверенность в скором установлении порядка. М.Н. Левитов отмечал, что в начале наступления на Москву существовала абсолютная уверенность в успехе операции. Ставка рассылала офицерам Генерального штаба телеграммы о желании «ввиду скорого окончания Гражданской войны» знать, в каком округе желали бы они служить. У него сложилось впечатление, что командование собиралось зимовать уже в Москве и совершенно не готовилось к зимней кампании⁹³.

Сохранившиеся в памяти подобные настроения хорошо коррелируются с дневниковыми, эпистолярными и делопроизводственными документами 1918-1920 гг., которые передают текущие переживания людей. Опубликованные дневники адми-

рала В.К. Пилкина, членов семьи князей Кантакузиных; хранящиеся в архивах записки генерала И.Г. Эрдели, нескольких анонимных офицеров-белогвардейцев; корреспонденции в газеты, издававшиеся в городах, занятых белыми; переписка чиновников армии Юга России свидетельствуют, что их настроение отличала уверенность к нежизнеспособности советского эксперимента. Разумеется, как всякое настроение, оно подвергалось изменениям, на него влияло положение на фронтах, иногда людей посещало отчаяние, но потом к ним вновь возвращалась прежняя уверенность в преодолении кризиса.

В начале революции аристократия, интеллигенция, офицеры, все, кто не был согласен с приходом к власти большевиков, покидали Москву и Петроград, уезжая на отделившиеся окраины – Прибалтику, Украину, Юг, где поддерживался относительный порядок. Они намеревались прожить там всю зиму и вернуться только весной, когда все в столицах успокоится. Мало кто сомневался, что большевики так же скоро и неожиданно исчезнут, как появились⁹⁴.

Крайне любопытно проследить за настроениями генерала И.Г. Эрдели по его письмам дневникового характера, адресованных его подруге М.К. Свербеевой. К весне 1918 г. генерал устал воевать, сбор офицества под знамя Корнилова видит как реакцию людей, которым в армии безопаснее, чем поодиночке по домам. В апреле 1918 г., когда остатки корниловских отрядов двигались с Кубани в Задонье, офицеры, в том числе и Деникин, думая, что делать, если прорвутся в Россию, полагали, что надо скрываться в Сибири⁹⁵. Дошедшие до них слухи о восстании на Дону внесли изменения в планы Эрдели. В нем вдруг проснулся военный стратег: «С восстанием на Дону, мы возьмем Царицын и тогда весь юг, где теперь на Кубани и Тереке царствуют большевики, будет отрезан от России, через Царицын свяжемся с Дутовым и пойдем[,] наконец[,] походом на Россию, наша мечта[,] и пусть Москва нас встречает колокольным звоном, да еще на коленях» (21.04.1918)⁹⁶. Его огорчал развал империи – огромной страны, оккупация Украины

немцами, суверенитеты окраинных земель. Большевики ему не казались в этот момент главной опасностью из-за того, что он не мог себе представить масштаб предстоящей трансформации. К июню уверенность в победе крепнет: «Мы теперь идем на Кубань, восстанавливать там порядки, – а потом через Царицын в Россию, по “историческим путям” – на Волгу и Москву. [...] Я не думаю, что наши операции затянутся по июнь, а в июле я тебя увижу» (31.05.1918)⁹⁷.

На страницах дневника Эрдели и в 1919 г. соседствуют взаимоисключающие оценки и суждения. Его настроения менялись быстрее, чем положение на фронте. При этом он полагал, что даже поражение на Юге не ставит крест на борьбе в целом: время работает на силы контрреволюции, что большевиков можно взять измором: у них кончится награбленное, они надоедят народу; население, из которого выжмут все, очнется, и на север идти будет легче⁹⁸. Общая эмоциональная установка в отношении постигнутой страны хаоса выражается в формуле: это не может долго продолжаться, потому что это не может долго продолжаться, – потому что происходящее противоречит разуму. Но когда события опровергают базовую формулу, теряющее привычные ориентиры сознание генерала готово поверить во все. Так и окружающие его люди начинают доверять слухам, потому что «теперь самое невероятное бывает и осуществляется».

Но это было время, когда сбывались прогнозы фантазеров, а не разумно мыслящих людей. Академик В.И. Вернадский удивлялся объединению польских земель и возникновению Польши вновь на европейских картах: «Возможность восстановления свободной и независимой большой Польши не рисовалась ни мне, ни одному из реальных мыслителей. Она только была предметом веры для очень немногих. Но оказались правы эти немногие» (8/21.01.1920)⁹⁹.

Судебный чиновник из Екатеринодара Псевдо-Моллер¹⁰⁰, автор дневника за 18 августа 1918 г. – 20 апреля 1919 г., имел широкий круг общения – от фронтовых офицеров

и коллег по службе до городских обывателей. В его дневнике отражается многообразие настроений, которым подвержены эти слои. Псевдо-Моллер много общался с женской частью местного общества, которая наиболее была подвержена всяким паническим слухам. В феврале 1919 г. прошел мрачный слух со ссылкой на прибывшего с фронта офицера, который рекомендовал весной покинуть Кубань из-за усиления симпатий казаков к большевикам: «10-го / 11-го. В местном обществе все еще нервное настроение и опасения возможности возвращения “советской власти”. Всякое известие о наступлении большевиков где-либо и о захвате их отрядами хотя бы отдаленного города возбуждает тревогу, особенно между дамами. Некоторые из них доходят до отчаяния[,] что во мне возбуждает досаду. Вообще[,] что может быть несноснее нервничающих женщин, волнующихся из-за всякого пустяка? Они мучают себя и окружающих, делая глупые сцены и воображая всякие ужасы без достаточного основания. А убедить их в чем-либо невозможно»¹⁰¹. Продолжением споров по этому поводу видится запись, сделанная в начале апреля 1919 г.: «Многие[,] впрочем[,] не верят в скорое избавление наше от них [большевиков], я же думаю[,] что верующий в Бога не может быть пессимистом, и твердо надеюсь на него в переживаемое тяжелое время»¹⁰².

У находившихся в глубоком тылу людей возникала полная иллюзия одержанной победы. 22 октября 1919 г. в одной из кубанских станиц был проведен праздник в честь годовщины окончательного (!) освобождения от нашествия большевиков с присвоением званий почетных казаков и пр.¹⁰³.

Е.К. Кантакузина упоминала в своем дневнике об уверенности своего сына в победе Белой армии, которая, как он надеялся, одержит ее при помощи союзников. Княгиня писала и об оптимистическом настроении генерала Драгомирова, прибывшего в Париж летом 1919 г. для установления связей между Францией и правительством Колчака, сделав, однако, приписку, что сомневается в его прогнозе¹⁰⁴.

Осенью 1919 г. генерал В.А. Ажинов получил семистраничное письмо некоей дамы, присланное из Парижа. Ее имя установить не удалось: подписалась она крайне неразборчиво. Первые буквы имени – *Ан*, вероятно, Анна или Антонина. Первые буквы фамилии – *До*... Женщина эвакуировалась из Одессы в апреле 1919 г. во время панического отступления из города. Каким-то образом она получила тяжелое осколочное ранение ноги, и ее уже несколько раз оперировали в парижских клиниках, извлекая многочисленные осколки. Обездвиженная, с искалеченной ногой, она остро переживает ситуацию в России и во Франции. Ей кажется, что во Франции вот-вот начнется революция: «Здесь такая борьба и большевики имеют такую опору и поддерживаются французскими крайними социалистами, которые на свою сторону тянут рабочих и громко требуют революцию, т.е. диктатуру пролетариата». Опасаясь революционной ситуации во Франции, она хотела бы, чтобы в России поскорее все улеглось, и чтобы уже уехать домой с этого вулкана, который она обнаружила в Париже: «Хоть бы наша Россия до этого успела встать на ноги... [...] Слава Богу[,] хоть Дон и Кубань и Сибирь опомнились! Ведь должна же быть Россия Великая! Огромная целая нераздельная! Ведь мощь же и краса какая. Ведь пигмеи же все. Вся Европа крикливая. Кичливая[,] честная ли? [...] А России не хотят помочь? Крепче встанет[,] сама пойдет! Скажите[:] Да? Вы верите? Я хочу верить и не могу не верить. Я болею за нее. Я люблю ее»¹⁰⁵.

Адмирал В.К. Пилкин в своем дневнике также метался между сомнениями и надеждами. 10 октября 1918 г. он записал: «Неужели я ошибаюсь, и большевики тоже выиграют... кампанию? Не могу, не хочу этому верить». Через год: «На Деникинском фронте плохо, на Колчаковском фронте плохо, и все же большевизм, Ленин, Троцкий – явление временное и будет побеждено жаждой порядка, покоя, права, свободы...» (21.11.1919). Но в то же время он не думал, что большевики пали бы именно теперь, потому что большинству народа живется не хуже, а лучше, чем прежде, особенно в разных медвежьих

углах: «Налогов никаких нет, повинностей тоже. Правда, нет и керосина, нет ситца, но при натуральном хозяйстве можно без всего этого обойтись, как обходились уже тысячу лет» (11.10.1918). Народу нет смысла свергать большевиков, т.к. их присутствие – это надежда на продолжение жизни без давления центра. Но кроме народа, по мысли Пилкина, есть и другие участники исторического процесса – всеобщая логика и заинтересованные в судьбе России союзники¹⁰⁶.

Судя по дневнику адмирала Пилкина, в среде офицерства настроения противоположного характера в отношении перспектив борьбы сосуществовали практически все время. Были пессимисты и были оптимисты, причем чаще всего периоды уверенности в результативности борьбы и периоды разочарования чередовались в ощущениях конкретного человека. В апреле 1919 г. Пилкин раскритиковал генерала Суворова, который высказал мнение, что кризис большевизма все еще не назрел, крестьянство все еще довольно советской властью. Адмирал, сам еще недавно высказывавший такие же соображения, возражал: он указал Суворову на признаки изменения ситуации, например, на декрет об уничтожении комитетов бедноты. Если уничтожают – значит, крестьянство серьезно недоволено.

В военных неудачах белых армий Н.Н. Юденича, А.В. Колчака никто не видит ничего катастрофического: ни военные, ни собравшиеся вокруг армии политики, готовые «взять бремя власти». Отступление обычно обосновывается тем, что нужно хранить офицерский кадр для будущих боев, чтобы после перегруппировки можно было начать новый раунд борьбы: сохранить офицерство, значит, будет армия, значит, отвоюем Россию! И 28 декабря 1919 г., когда в действительности история Северо-Западной армии уже завершилась, Пилкин намерен подсказать Юденичу, что пора готовиться к весенней кампании¹⁰⁷.

Те же настроения отражают и корреспонденции в газете «Великая Россия» за осень 1919 г. Отход армии Колчака представлен чуть ли не плановой операцией: армия отошла к своим резервам; она наполнилась свежими силами, перегруппирована-

лась и должна перейти к активным действиям¹⁰⁸. Статья о срыве наступления Юденича на Петроград, приведя достоверную картину безответственности и рассогласованности действий, заканчивается прогнозом о близости победы¹⁰⁹. «Великая Россия» быстро среагировала на наступательный бросок армии ВСЮР на север, помещая объявления, что по мере освобождения территории от большевиков судебным чиновникам предписано немедленно являться к своим должностям¹¹⁰.

Министр иностранных дел Грузинской республики Н.В. Рамишвили на одном из совещаний на Конференции кавказских республик (апрель-июнь 1919 г.) заявил: «...На Парижской конференции ставится русский вопрос, и собравшиеся там русские сановники хотят поставить конференцию перед фактом инкорпорирования Закавказья в пределы России, поэтому хотя у них важная задача на Севере, но тем не менее, они идут на Юг. Они знают, что большевики все равно погибнут, а окраины могут отделиться, и этим объясняется движение Деникина»¹¹¹.

Так и генерал Н.Э. Бредов и начальник его штаба Б.Х. Штейфон полагали, что поражение деникинской армии лишь временное, случайное явление, поэтому после интернирования Бредов отказался от предложения поляков выдавать жалование его армии, заявив, что они не наемники¹¹².

Эту же уверенность высказывал за десять дней до крымской эвакуации и адмирал Пилкин: «Страшно за Врангеля. Потом, когда кампания будет выиграна (а она будет выиграна, т.е. большевики будут свергнуты), так жалко будет вспоминать о потерянных сражениях. Столько жертв! Считаю ли я возможным прорыв в Крым и уничтожение армии Врангеля? Увы! Считаю. Но я думаю, что как во времена Франц[узской] революции Вандея и Бретань только тогда были усмирены, когда революция кончилась, т.е. теперь белые армии будут рождаться из тыла» (3.11.1920)¹¹³.

Таким образом, у подавляющего большинства непринявших большевистский переворот было чувство, что все в конце концов образуется. Неясно когда, непонятно как, но не-

естественный эксперимент должен быть отвергнут самой жизнью. Это было широко распространенным заблуждением. Например, в дневниках В.М. Безобразова множество однообразных сентенций по поводу текущих событий, в которых он видел очевидные признаки краха большевизма. В январе 1918 г. он записал: в скором будущем Россия впадет в полную анархию, из которой она выйдет разоренной и растерзанной, но проваливши социализм. Убийства Мирбаха в Москве и Эйхорна в Киеве он рассматривал как начало антигерманской борьбы в стране и начало конца революции. 21 января 1920 г. он весьма хладнокровно писал, что после уничтожения большевиками армий Колчака, Деникина, Юденича и Миллера следует начать сформировать новые кадры в Сербии и перевести их по Дунаю или через Болгарию в Крым и так продолжить войну. Страничку дневника за 14 ноября 1920 г. украшает запись: «Армия Врангеля видимо разбита, и Крым эвакуируется. Грустно, но нет худа без добра, отпал аграрный вопрос, решенный при Врангеле неправильно. Следует нам готовить армию для нового удара по главному направлению Петроград – Москва». В 1922 г. уже больной, но не сломленный духом Безобразов ездит по Европе в поездах уже без спального места в поисках кредита «на восстановление России», заодно решая вопрос о порядке престолонаследия. Мысли о судьбах страны мирно уживаются с записями об очищении желудка и диетах¹¹⁴.

Дневниковые записи тем и характерны, что люди не позволяли себе разувериться. В воспоминаниях, написанных спустя десятилетия, бывшие белогвардейцы связывают потерю уверенности в победе с разочарованием в проводимой стратегии войны: «Никто не мог понять, были на полпути к Москве, а теперь кое-как стремимся удержаться на Дону. Боев, в которых белая армия была бы разбита, не было. Красная армия улучшилась, но не настолько. Батальон белых мог состязаться с полком красных. [...] Тактически мы в превосходстве, но что случилось с нашей стратегией» (Волков-Муромцев Н.). В. Душкин, описывая отступление армии генерала Н.Э. Бредова от Киева и

Одессы, отмечал, что неудачные бои осени 1919 г. привели к опустошению надежд: «Твердая вера понемногу растаяла, но осталось упрямство (великая вещь!) и надежда на чудо. Чуда все нет. И будет ли оно?». Отступающее многотысячное войско было неплохо вооруженной военной силой с бронепоездами и артиллерией: «Что можно было бы сделать с такой силой! Можно было бы все перевернуть вверх дном. Можно было бы круто повернуть колесо судьбы. Но не было сердца, оно было утеряно. Мы сами себя признали побежденными и думали только об одном: уйти! Уйти куда угодно, куда возможно»¹¹⁵. Эти и подобные соображения, которые наверняка высказывались и в 1919 г., приобрели свою определенность после поражения Белого движения.

И в начале эмиграции в то, что большевики останутся у власти надолго, никто не верил. Адмирал В.К. Пилкин, уже находясь за пределами России, 24 июня 1920 г. написал о большевиках: «Они падут, это несомненно...»¹¹⁶. Ему принадлежит суждение о том, что на представления о перспективах борьбы оказывает сильное влияние личный интерес. Если так, то Пилкин и Юденич, будучи уверенными в том, что борьба не проиграна в стратегическом плане, считали себя вправе отстраниться от ее активного течения как лица, сделавшие для этого все от них зависящее. В августе 1920 г. армия П.Н. Врангеля еще воюет, а офицеры Северо-Западной армии уже обустроиваются в эмиграции. Юденич на Юге Франции готовится «сесть на землю», приобретя дом. Бывший командующий занимается организацией офицерского труда в форме земледельческих колоний. Для этого он купил на личные средства грузовой автомобиль. Адмирал Пилкин также превращается в обывателя: его жена моет в квартире полы, а он тоже «опростился», – выносит мусор. Это его личная епитимия, потому что ехать к Врангелю ему, больному туберкулезом, нельзя¹¹⁷. Так бы повели себя в новой эмиграции и лидеры большевиков, если бы не масса, поверившая им.

Осталось выяснить внутренний механизм прогнозирования будущего в конкретных исторических условиях. Вероятно, что надежды противников революции питал опыт Первой русской революции. Конечно, кризис, наступивший в 1917 г., был тяжелым, но в качестве прецедента рассматривалась волна революционных волнений 1905 г.: железная дорога работала так же с перерывами, иногда по нескольку дней не было поездов, публика жила в переполненных вокзалах; в ноябре забастовали почта и телеграф, тут же передаваемые сведения превратились в слухи; служащие государственных учреждений находились в постоянной опасности, особенно те из них, кто отличился на почве борьбы с «крамолой»; на улицах проходили бои, и были погибшие. После ликвидации московского восстания, политическая атмосфера немного прояснилась, и страна постепенно входила в старый ритм жизни¹¹⁸.

У внуки президента США генерала Улисса Д. Гранта, командующего армией северян в войне северных и южных штатов Юлии Кантакузиной, пережившей в России революцию 1917 г. и Гражданскую войну, также была уверенность, что через кризис страна выйдет на новый уровень. Ведь американский конфликт был их семейной историей, и в детстве она видела, как Джефферсон Девис, президент Конфедерации южных штатов, навещал ее деда: сильнейший гражданский конфликт завершился примирением уже при жизни первого поколения¹¹⁹.

Итак, белые не допускали мысли об этом, ведь обратное противоречило накопленному культурному опыту, хранителями которого они себя чувствовали. Причина того, что прогнозирование было окрашено в тона веры и надежды, лежит в специфике духовной жизни в условиях фронтовой жизни: «Всякий знает, что в войне, во всяком случае, существуешь реальностью: ешь, пьешь, ходишь, дерешься, убиваешь и т.д., но живешь “уходом” в прошлое, в нереальное настоящее, в будущее, в мечты, в образы»¹²⁰. А случившийся упадок настроений вызывался именно крушением привычной картины мира. Многие общественные мифы, на которых был воспитан интеллигентный или

просто культурный человек в России, оказались мертвы. Он вдруг ощутил, что совсем не понимает народную массу, ради которой якобы жил, и у него не хватает ресурса научиться понимать ее заново. Этому мешала и демонизация противника, всех низов общества, априори зачисленных в его союзники. Большинство лиц, добровольно вступивших в белые армии, были беженцами с территорий, занятых большевиками. Скудная жизнь при отсутствии налаженной системы снабжения не способствовала сохранению офицерством боевого духа. Именно бытовая неустроенность белого офицерства вызывала озлобление и конфликты с населением, способствовала усилению взаимной враждебности, считал В.В. Шульгин¹²¹.

Столь же интересны предчувствия исхода борьбы у другой стороны конфликта, тем более что в отличие от белогвардейцев сторонники большевиков в случае поражения имели бы статус государственных преступников со всеми вытекающими отсюда последствиями, и в отличие от своих противников за морем земли для них не было, разве что кроме политической элиты.

Как уже упоминалось, с первых же дней пролетарской революции в среде низовых прозелитов большевизма установилась твердая уверенность, что окончательная победа не за горами. Это было основано на крестьянском мироощущении, что мир заканчивается за околицей деревни. И настроены они были воевать только в родных местах, стремясь одержать победу в своей местности, а что и как будет в других соседних или дальних городах и губерниях не важно, – лишь бы оставили в покое. На этом основано ощущение того, что именно грядущий бой будет последним и принесет окончательную победу. Если этого не происходило, возникало жгучее недовольство.

В рассказе Д. Арчакова с некоторой иронией с позиции 1920-х гг. представлены настроения бойцов Орловско-Мартыновского отряда августа 1918 г.: лежат в окопах, оборваны, разуты, не сменяли белья по три недели. Поистине кошмар! «Если враг наступает партизаны бьются как орлы[.] А когда бой

кончится[,] набьют кадетов перед своими окопами[.] Тогда собирают митинг[,] кричат[,] даеш[ь] других к[оманди]ров[!] старые негодятся [-] неумеют командовать[,] вот если бы могли командовать[,] то мы сегодня всех кадет перебили[.] А то только половина перед нашими окопами лежит побитых. Когда же мы так их выьем. Нам нужно стараться покончить борьбу да разъежаться подомам[.] Хлеб убирать, Уже хлеб поспел[.] А мы воюем[,] да и семьи возле нас мучаются[.] Ну что это за дело»¹²².

На вечере участников революционного движения на Кубани, состоявшемся в январе 1927 г., вспоминали события последнего дня февраля 1918 г., когда Екатеринодар после ухода филимоновских отрядов был объявлен открытым городом. Городская делегация, явившаяся в штаб Сорокина, была встречена оркестром, который начал играть «Марсельезу»: «...Настроение поднялось до такой степени, что все начали целоваться, ибо все считали, что борьба окончена, что раз Екатеринодар взят, то победа будет уже полная»¹²³.

В докладной записке командующего Харьковской группой советских войск А. Скачко на имя Антонова-Овсеенко делается весьма симптоматичный и красноречивый акцент: если Колчак соединится с Деникиным, то «война в России (годовая война!) будет проиграна коммунизмом» (18.04.1919)¹²⁴. В апреле 1919 г. годовая война с контрреволюцией казалась огромным сроком, сопряженным с колоссальными и, по-видимому, неожиданными усилиями по преодолению оказанного сопротивления. В написанных в пожилом возрасте воспоминаниях бывший чекист И.Г. Дудин посетовал, что большевики были в дни революции слишком доверчивы и наивны, считали каждый свой успех окончательным¹²⁵.

Советская пропаганда 1918-1920 гг., газеты и обращения к массам, делала акцент на том, что предпринятый натиск контрреволюции есть проявление их вероломства и желания вернуть утерянное. Ими часто использовался мотив прерванного вторгшимся врагом строительства новой жизни. С учетом

того, что боевые действия на определенной территории в условиях плохого прохождения информации и тяготеющих к локальности пространственных представлений большинства населения действительно носили характер вспышек, такая версия находила отклик. Упоминание о том, что везде за горизонтом видимого мира победила власть трудящихся и что ее вооруженные силы идут на помощь, было популярным приемом авторов листовок, выпускавшихся большевистским подпольем.

Лидеры Военного совета Дагестанского обкома партии У. Буйнакский и О. Лещинский, получив из Астрахани сообщение о том, что красная флотилия с десантом уже вышла в море, и в районах Чёрного Рынка и Кизляра начались активные боевые действия 11-й Красной армии, решили связаться с коммунистами Терской обл. и согласовать с ними свои действия: «Товарищи! Желая иметь с вами какую-либо связь, сообщаю вам, если вы где-либо находитесь, следующее: в Дагестане буржуазное Горское правительство не имеет никакой почвы, его можно разогнать хоть сейчас. [...] Ныне астраханцы двинулись: обновленная и усиленная XI армия наступает, флот уже в море и наш долг ударить на врага с другой стороны. На днях мы это сделаем»¹²⁶.

У. Буйнакский жил в ожидании не просто победы, но и скорого наступления коммунизма, о чем он прямо писал своей близкой знакомой Тату Булач. В феврале 1919 г. он изложил ей свой взгляд на ближайшее будущее Дагестана: «Борьба идет за возможность, за создание такой политической обстановки, при которой никто и ничто не было бы преградой на нашем пути; борьба идет за диктатуру пролетариата... [...] ...Все старое должно или подчиниться, или должно быть уничтожено... После этого мы вступаем в преддверие коммунизма. ...Мы сейчас боремся... ради установления коммунистического способа производства, распределения и потребления. Это с различными условиями может протянуться на ряд лет, где с большей успешностью, где медленнее»¹²⁷. В апреле того же года в ожидании народного восстания в самом Дагестане и военного наступле-

ния Красной армии со стороны Астрахани он поделился с Тату размышлениями о своей дальнейшей личной судьбе: «Я же заканчиваю свою работу – еще немного, и в Дагестане закончится работа, тогда я опять свободная птица. Мир необъятен. То, к чему я стремился, в одном сбывается – в политике мы победим, остальное еще, может быть, добуду также...»¹²⁸.

Документы, исходящие из слоя интеллигентных большевиков, которые испытывали на себе минимальное давление внешних и последующих событий (дневниковые записи, семейная переписка), свидетельствуют, что они действительно переживали в годы войны эмоциональный подъем и жажду деятельности. Они так же, как и все, уставали от круговорота событий, так же голодали и подвергались опасности, но их подстегивал страх упустить свой шанс. К слову сказать, они также видели «безобразные формы большевизма», но полагали, что после перехода к «нормальной жизни» все они будут изжиты.

Рядовые участники Гражданской войны на стороне красных могли испытывать такие же чувства. Бывший красноармеец в 1927 г. вспоминал, что в период войны выжить ему помогли мысли о будущем: «завоюем, и будет хорошо», и этими мечтами он был тогда счастлив, несмотря на то, что ему пришлось пережить очень многое, но он, стремясь дожить до сказочного будущего, всегда отчаянно боролся за жизнь¹²⁹. В среде большевиков настроения равнодушия к собственной жизни, если только речь не шла о готовности принять героическую смерть, по документам обнаружены не были, что говорит как минимум об их незначительном распространении.

В 1932 г. Самуил Михайлович Чавычалов из с. Троицкого Калмыцкой АО получил письмо от бывшего однополчанина, ныне работавшего начальником снабжений Особой Дальневосточной армии: «Тов. Чавычалов, наконец-то твое письмо после долгих странствий попало ко мне. Рад всегда ответить соратнику по борьбе за общее дело. Когда получаешь письмо от старых товарищей, то невольно переносишься мысленно назад, когда мы дрались с белогвардейцами, *не зная, что ожидает*

*завтра»*¹³⁰. Видимо, иступленное ожидание победы прикрывало сокровенный страх поражения. При таком исходе событий пощады те, кто связал свою жизнь с большевиками, не ждали.

В момент ведения борьбы ее активным участникам и тем, у кого слишком многое зависело от ее исхода, нужно было сохранять веру в победу. Но после того как победитель был определен, проигравшие предпочли писать о видимых признаках неблагополучия, о чувстве неуверенности, которое им приходилось преодолевать в числе других препятствий. Советские же ветераны в соответствии со стандартами историко-революционных воспоминаний делали упор на незыблемую уверенность в торжестве революции, которая должна была быть имманентной сущностью каждого коммуниста. И только вот в таком разговоре между своими, который мог состояться только в 1920-е гг., 1932 г. – это даже слишком поздний срок для такой откровенности, могло прозвучать воспоминание о сомнениях людей, уже втянутых в вооруженное противостояние.

Для человеческого настроения характерны перемены настроений даже в относительно благополучные времена. Экономисты У. Джевонс и А. Пигу предложили рассматривать это как естественный процесс. Основная идея их теории состояла в том, что оценки ситуации меняются гораздо быстрее, чем сама ситуация. Применительно к циклам экономической конъюнктуры они разработали фазы массовых настроений, влияющих на макроэкономические, да и политические процессы. Развитие цикла определяется, по их мнению, сменой настроений уныния, оптимизма, ажиотажа, разочарования и паники.

В 1917-1918 гг. все фазы цикла общественное настроение прошло примерно за год: от отрицания старого порядка до желания его вернуть. Как писал дагестанский большевик С.-С. Казбеков: «Жить пока нет, наверное, опаснее Хасавюртовского округа, нигде на земном шаре. [...] Каждый день воровство, нападения, разгромы, насилия, убийства и прочее... Народ еще не совсем знаком с происшедшим переворотом... знают только, что больше нет царя... И видя эти беспорядки, каких не было

при царе, начинают жалеть старый режим»¹³¹. Причиной высокой скорости прохождения цикла становилась неустойчивость позиций обеих сторон. Во время майского 1919-го года отступления советских частей и учреждений с Дона и Донбасса демонстративное разочарование в большевиках выказывало не только население, но и части Красной армии, которые саботировали приказы командования и распевали контрреволюционные куплеты: «Эх, яблочко, куда ты котишься, а советская власть и не воротится...» (Белоусов В.Ф.)¹³².

В мемуарах тех, кто отошел от революционного движения и уехал в эмиграцию, стало общим местом сообщать о неуверенности большевистской элиты в устойчивости своей власти. Г.А. Исецкий (Соломон) писал о нервозности сотрудников советского аппарата, их склонности к панике как хроническом состоянии. В первый месяц существования советской власти в Петрограде из-за пьяных бунтов и беспредела на улицах; после убийства Мирбаха все были уверены, что оккупация немцами Москвы неизбежна; после взрыва в Леонтьевском переулке советские служащие всерьез думали, что в Москве началось антибольшевистское восстание; известия о подходе армии Деникина к Туле и Юденича к Петрограду породили эвакуационную панику даже среди советской верхушки; служащие учреждений жгли свои партбилеты и доставали припрятанные старые документы. После общения с Троцким и Зиновьевым Исецкий составил представление, что они испытывали постоянный страх расправы¹³³. А.В. Луначарский упоминается в мемуарах и художественных произведениях Ю.П. Анненкова, сына участника организации «Народная воля», эмигрировавшего в 1924 г. из СССР. В «Повести о пустяках» персонаж «Луначарский» говорил одному из героев: «Побольше декретов, товарищ! Декреты, декреты! Советская власть не продержится долго, она кратковременна. Но по нашим декретам народ узнает впоследствии, что собирались дать ему большевики»¹³⁴. Фраза Троцкого: «Если мы уйдем, мы так хлопнем дверью, что вся Европа содрогнется», имевшая хождение в небольшевистской печати уже в

1919 г., относится, вероятно, к апокрифическим¹³⁵ и отражает видение ситуации не большевиками, а их оппонентами.

В вере большевиков в успех своего движения соединились представления об условиях победы (массовость); влияние советской пропаганды; а также защитный психологический механизм, не позволявший предаваться сомнениям людям, уже не имеющим путей к отступлению. По мысли Н.И. Шестова, эмоциональное переживание и рациональное продумывание будущего имело особое значение не только как результат, но и как инструмент организации и сплочения¹³⁶.

Синхронные документы об особенностях сплочения в белых армиях и РККА

В советских мемуарах обычно писали о крепкой фронтовой дружбе, о высокой идейности, о героизме солдат революции. Синхронные документы представляют те дни совсем с другой стороны.

Большевики буквально задыхались от нехватки людей – идейных партийцев, квалифицированных гражданских и военных специалистов, сознательных рядовых бойцов. Отзывы о тех, кто находился рядом, могут вызвать шок, а затем вопрос: и как же удалось победить?

Такая вот оценка окружающих, тех, кто считается соратниками, дана в письме И.О. Коломийцева, находящегося в Астрахани, в Баку Микояну, Анашкину, Довлатову (9.06.1919): работников, каких просили, нет: безлюдье страшнейшее; в самой Астрахани вся работа лежит на плечах 3-4 человек, умных и преданных, остальное шваль. Поездку в Москву Коломийцев планирует в частности, имея цель найти работников из мусульман. Положение советской власти в Астрахани недостаточно прочно: «В среде астраханских рабочих масса всякой сволочи, которая подтачивает твердость власти, играя на недостатке хлеба, хотя в их глотки и совают по 1-1 ½ ф. хлеба на человека»¹³⁷.

Кавказский краевой комитет, находившийся в Баку, выражал в донесении, переданном через моряков, ходивших в Астрахань, свое недовольство, что Реввоенсовет присылает непроверенных людей, среди которых провокаторы, шантажисты, алкоголики, проваливающие и компрометирующие организацию¹³⁸.

Синхронные документы могут рассказать о конфликтах, которые возникали в среде сторонников советской власти. Ход и содержание конфликта между членами и председателем Порховского уисполкома Крашинской, произошедший зимой 1918-1919 гг., хорошо показывает переплетение низкого и высокого, идейного и своекорыстного в поступках и повседневной жизни советских функционеров¹³⁹.

Ирина (Фира) Владимировна Крашинская, председатель Порховского исполкома, председатель комячейки, член диктаторской уездной тройки, и группа агитаторов, присланная губкомом осенью 1918 г., оказались в состоянии жесткого конфликта.

Агитаторы И. Александров и Сергеев явились на заседание «фракции коммунистов» 22 ноября 1918 г. Крашинская стремилась удалить их, мотивируя это тем, что будут обсуждаться проблемы чрезвычайной комиссии. Агитаторы возражали, утверждая, что имеют полномочия присутствовать на любых заседаниях. Вопрос был поставлен на голосование, и за присутствие агитаторов проголосовало большинство. В конфликте чувствуется лично окрашенный момент. Но истоки этой вдруг (или не вдруг) вспыхнувшей вражды по документам не прочитываются. Протокол сохранил лишь фразу Александрова о том, что он слышал много неприятных слухов о членах президиума и, поглядев на их физиономии, он подумал, что слухи это справедливые. До или после этого исторического заседания Крашинская пыталась просит удалиться из уезда Сергеева «во избежание в будущем всевозможных грязных историй»¹⁴⁰.

И после голосования Крашинская все равно отказалась делать доклад о деятельности чека, что агитаторы оценили как

вызов постановлению собранию. Крашинская тогда заявила, что «во всей Псковской губернии образовались тройки диктаторов и потому могут отвечать и подчиняться только губернскому совдепу и губ. комитету. Александров просит бумагу о создании в Порхове «тройки». Крашинская предлагает обратиться в губисполком за соответствующим документом. Оказалось, что Крашинская только на этом собрании заявила о существовании тройки. Александров заявил, что он лучше обратиться в Смольный, прямо к Зиновьеву.

Крашинскую обвиняли в диктаторстве и превышении полномочий, в частности в «выставлении везде собственного “я”» и расстреле партийца Андреева. Сергеев отмечал, что члены исполкома при Крашинской находились под давлением: поднимали руки не по своей воле и против своей чести. Александров, критикуя Крашинскую, неоднократно использовал обвинение в легкомыслии (женском, разумеется), что симптоматично.

В декабре 1918 г. она была арестована вместе с людьми из своей команды – председателем учека Ореховым, секретарем комитета Кононовым. Но до этого она попыталась скрыться из Порхова, когда Порховская уездная партконференция вынесла 15 декабря 1918 г. резолюцию о предании партийному суду ее и Кононова. Следствие показало, что в конце декабря 1918 г. Крашинская оказалась в отделе снабжения 2-й стрелковой дивизии, куда направлена по просьбе Латсона.

Орехов занимал вначале пост уездного руководителя по учету хлеба. Его работа получила отрицательную оценку на заседании уездного продовольственного комитета. Он не вел учет хлеба у кулаков, в итоге кулаки спекулировали, а бедняки голодали. Он ни разу не выехал в волости, не имел связи с инструкторами в волостях. Когда Орехов сдавал 19 ноября свои дела, они оказались в полном беспорядке: нет номеров учета, подписей и пр. Протокол заседания уездной партячейки от 7 ноября 1918 г. объясняет, как Орехов стал из председателя продкома председателем учека. Крашинская предложила уда-

лить председателя чека Кондратьева с должности из-за пьянства и назначить на него Орехова. Протокол зафиксировал ее замечание: если расследование деятельности Кондратьева выяснит какую-либо его вину, то Кондратьева следует предать суду¹⁴¹.

Находясь уже сама под следствием и защищая себя, Крашинская обосновала переход к диктаторским приемам работы пьянством членов исполкома и полномочиями, данными ей СОК (Северным областным комитетом партии). Инструктор-следователь Вайнер увидел в ходе разбирательства, что существовали объективные условия плохой работы Порховского исполкома: немногочисленность сотрудников в отделах. Часто там работал один человек, зато в подотделе охраны 120 чел. В Порхове имели место реальные проблемы – и пьянство ответственных работников, и недобросовестное исполнение обязанностей, Крашинская гордилась, что она железной рукой это подавила. И это не диктаторство, а мера, продиктованная самой жизнью. Она привела дела исполкома в порядок.

Третья сторона конфликта представлена рядовыми коммунистами, которые говорили во время следствия и о том, что раньше только шептались о делах Крашинской, о состоянии дел в чрезвычайной комиссии; что личные раздоры наносят вред делу партии. Один из рядовых партийцев, Лебедев, сказал, что возмущался расстрелом Андреева, прослушиванием исполкомовских и вообще городских телефонов, которое завела Крашинская; угрозами, на которые не скупилась она и Орехов¹⁴².

Для Орехова и Крашинской был составлен вопросник. Ответы сохранились в деле. Они отличаются непрошибаемым партийным апломбом. В ответ о причинах отстранения члена партии Драгунова от заведования «Советскими лошадьми», т.е. транспортом, обслуживающим уездный исполком, Орехов написал: «Занеподчинение распоряжения исполкома (лошади были нужны для выезда чрезвычайной комиссии). Прошу секрет не оглашать иначе будете арестованы». Ответ Крашинской – более деловой и лаконичный, а ведь ее обвиняли в узурпации власти в уезде: одновременно преуисполкома и глава уездной

парторганизации, чем мешала полноценному контролю советского органа со стороны парторганизации. Она также, не являясь формально членом чека, участвовала в ее работе. Она обосновала истоки своих полномочий и причины действий сложившимся в уезде положением и персональным составом имеющих работников. А в конце чисто по-женски объяснила: оповещение о расстреле Андреева и расстрелах, произведенных в ходе подавления Вышегородского антисоветского восстания, не было сделано членам исполкома, потому что на первом собрании после официального утверждения «тройки» она из-за волнения «просто забыла объявить»¹⁴³.

В другом деле этого же фонда в переписке губернского исполкома с Порховским уездным исполкомом по вопросам военного положения найдена объяснительная записка инструктора Горбунова, раскрывающая происхождение «Советских лошадей». Горбунов был направлен по деревням Порховского уезда для учета урожая и имущества крестьян. Вследствие живости воспоминаний о земской работе те предоставляли ему для разъездов лошадей, причем приличных. На них он показывался в Порхове, а его лошади вызвали интерес Орехова и Крашинской. Они спросили, есть ли у крестьян по три лошади. Узнав, что есть, выдали ему мандат на конфискацию лошадей в «многолошадных» хозяйствах, что он и сделал¹⁴⁴.

Заключительный документ дела о конфликте Крашинской и агитаторов – заключение следователя, датированное 5 февраля 1919 г. В нем изложена вся предыстория и история конфликта. Крашинскую в Порхов с широкими полномочиями направил СОК для исправления ситуации. Партийный комитет уезда назначил ее предисполкома. Она стала во главе уезда по причине того, что сильных коммунистов там не оказалось, и Орехов, Костров, Алафер, Кононов и др. оказались под ее влиянием. По ее инициативе отстранены от работы и направлены на фронт Кондратьев, Андреев и др. Андреев расстрелян за дезертирство с фронта, пользование конфискованными вещами и растрату двух тысяч руб. Крашинская командировала в Днов-

скую чека некоего Швец-Бергерна, который пробыл лишь три месяца кандидатом в члены РКП(б). Крашинская своею волею выдала ему партбилет и наделила чрезвычайными полномочиями. И началось. Местные коммунисты возмутились и стали требовать отделения от Порховской организации – подальше от Крашинской.

Следователь Комиссариата внутренних дел СКСО признал, что основания для действий Крашинской были, что агитаторы проявили «недостаточную сознательность коммунистов, не порвавших со своими личными интересами и своим собственным “я”», поэтому Крашинская, Орехов, Костров, Кононов, Швец-Бергерн освобождаются из-под ареста с предоставлением работы, но в других должностях. Этот инцидент подвиг парторганы к мысли «выработать инструкцию, кто и как может арестовать коммунистов, старых партийных работников»¹⁴⁵.

Привлечение результатов исторических исследований и баз данных дало дополнительную информацию об этих событиях и судьбе Крашинской. Она действительно была заслуженным человеком. 8 июля 1918 г. она была назначена на должность военного комиссара Колпино. До этого она по направлению Петроградского комитета РКП(б) работала в культурно-просветительной комиссии Колпинского совдепа. Ее назначение совпало по времени с левоэсеровским восстанием, а в самом Колпино противостояние большевиков и левых эсеров длилось уже два месяца (с мая) и сопровождалось провокациями, агитацией, стихийными митингами, забастовками рабочих, уличными потасовками, разборательствами и пр. Это не прекратилось после подавления левоэсеровского выступления в Москве. В 20-х числах июля из стола Крашинской были похищены два револьвера, и по отношению к ней представителями оппозиционных партий была развязана настоящая травля. 25 июля в час ночи открылось внеочередное заседание исполкома совдепа. Было решено: «отозвать Крашинскую из военкомата, чтобы избавить ее от могущих произойти неприятностей». Вскоре она была направлена на работу в Детскосельский совет, а затем ушла

добровольцем на фронт. В бою под Нарвой Крашинская заменила погибших товарищей в артиллерийском расчете: она стала и заряжающим, и наводчиком, и стрелком¹⁴⁶.

Судя по всему, речь в статье идет о боях против войск Н.Н. Юденича. Военные действия под Нарвой, где были разгромлены основные силы Северо-Западной армии, проходили в ноябре 1919 г. Это говорит о том, что после порховских событий Крашинская оказалась в Красной армии, в Порхов она была переведена из Царского села.

Следует вспомнить уже упоминавшийся факт, что в декабре 1918 г. она нашла прибежище в отделе снабжения 2-й стрелковой дивизии, куда была принята по просьбе С. Латсона. Инициал Латсона «С.», но и фамилия Крашинская написана «Крочинская». Так что переписчик мог ошибиться и в букве. А в списках репрессированных красных командиров встречается имя Освальда Петровича Латсона-Крашинского¹⁴⁷. Латсон участвовал в разбирательстве по делу и спрашивал Александрова, почему ошибки Крашинской начались тогда, когда из Петрограда приехали агитаторы.

Дальнейшая судьба самой И. В. Крашинской неизвестна. Известно только, что уже после войны она работала в Новгороде. В фондах бывшего Псковского партархива в документе от 27 ноября 1920 г. упоминается делегатка женотдела от Псковского упродкома Крашевская. Не исключена, что это та самая Крашинская, ее фамилию писали по-разному¹⁴⁸.

Советские структуры отдаленной провинции могут стать своеобразной контрольной группой в исследовании социалистического социального эксперимента. Таковой можно считать левобережные уезды Царицынской и Астраханской губерний, никогда не оказывавшиеся под белыми. Из документов уездных исполкомов предстает содержание процесса советизации в этом регионе. В зимние месяцы 1918 г. советская власть не ломала и не заменяла старую государственную машину, шло переименование старых учреждений в советские. Местный поп стал сотрудником отдела записи актов гражданского состояния.

Прежние приставы и чиновники управ – членами исполкомов и заведуют отделами, вступают в партию и считают себя идейными коммунистами. Это было вполне естественно, ведь ресурс людей, способных заниматься конторской работой в провинции был весьма ограниченным. Судя по материалам Черноярского исполкома, почти все его члены были из «бывших», при этом у них не было никаких противоречий с прибывшими фронтовиками, которые также участвовали в распределении уездных «портфелей».

Такой состав провинциальных советских органов не нравился комиссарам из центра. Они считали, что эти люди оказались в учреждениях новой власти с провокаторскими или как минимум с карьеристскими намерениями. Но можно допустить существование двух других мотивов: меркантильных соображений (причастность к распределению продуктов, выделяемых губернской властью; расчет на казенное жалование) и соблазна получить высокий социальный статус. Степень заинтересованности в этом зависела от размера получаемых полномочий. В отдел пролеткульта шли неохотно, некоторые выдвиженцы «сумели отказаться». Но в продкомиссию или в чека шли более охотно. Но не все. Например, комиссар финансов Черноярского уисполкома В.А. Попов, бывший пристав, как следует из записи в протоколе, сказал, что он категорически отказывался от выбора в Совет, но под угрозой «в полушутливой полусерьезной форме расстрелять или посадить в тюрьму» он вынужден был согласиться, и добавил: «Я не хотел идти работать в Совет, потому что там царствовал хаос вследствие неработоспособности Совета». Состав уездной милиции также был непостоянен, длительное время отсутствовал начальник, члены отряда халатно относились к делу. Видимо, что это было распространенное явление, если по постановлению СНК Республики у милиционеров должны были быть «отобраны» подписки с обязательством служить 6 месяцев¹⁴⁹.

Эта новая бюрократия была готова служить советской власти, но воевать за нее – нет. Как заявил предисполкома Ца-

ревского уезда П.И. Коростылев в отчетном докладе VIII уездному съезду советов весной 1919 г.: «Исполнительный комитет живо обозвался на мобилизацию, но к счастью она была отменена, иначе делу Советской власти в Царевском уезде был бы принесен большой вред»¹⁵⁰. Но зато на ущемление прав провинциальные советчики давали бурную реакцию. Лозунг «Вся власть советам» понят на местах буквально. Черноморский исполком дал отпор Реввоенсовету Южно-Каспийского фронта, когда тот попытался взять на себя ответственность за положение в городе Черный Яр: «...Такое отношение к советским работникам не допустимо [...] Исполнительный комитет как орган Советской Республики до последней капли крови будет защищать и отстаивать свои права, которые будут отняты от него только перешагнувши его труп»¹⁵¹. Себя местные исполкомы рассматривали как верховную власть в границах территориальных единиц. Любое посягательство на собственные полномочия вызывало приливы обиды и ревности.

Как бы ни была местная власть мала и хлопотна, собственный государственный статус она оберегала и в собственных глазах. Например, когда Ленинский уездный ревком, самочинно отправившийся в эвакуацию, был по сути перехвачен частями РККА в 120 верстах от своего города и должен был по решению командования возвращаться назад, то по пути домой в с. Житкур он принял участие в расстреле местной буржуазии, замешанной в недавнем местном контрреволюционном выступлении. Очевидно, это был своеобразный символический акт восстановления в прежнем властном статусе.

Расстрел – довольно редкая для этих уездов форма демонстрации полномочий. Арест был гораздо популярнее. Например, вновь образованная комиссия под угрозой ареста заставила старого делопроизводителя сдать дела в установленном порядке. Местными чека предпринимались аресты лесничих, которые препятствовали вырубке казенных лесов: лесничие воспринимались как продолжавшие служить старой власти. Арест также практиковался как форма демонстрации несогла-

сия с решениями других органов или отдельных служащих. В документах подчеркивается символическое значение арестов: «Этими арестами исполком также хотел провести линию, за которую не должен переступать партийный советский работник»¹⁵². Еще более популярны были штрафы. Не получая месяцами жалование, волостные служащие тратили взысканные штрафы на питание, о чем честно сообщали начальству.

Для провинциальных советских работников было свойственно игнорировать неугодные распоряжения центральной власти или интерпретировать их в своих интересах. При разверстке по волостям чрезвычайного хлебного налога сельсоветы и местные комячейки могли заявить, что у них нет буржуазии, все сплошь беднейшее крестьянство, поэтому налог разверстывать не среди кого. О каком бы уровне власти не шла бы речь, каждый стремился к независимости и неподчинению вышестоящим структурам, но жаждал сохранить влияние на нижестоящие. Отделы и комиссии исполкома работали автономно друг от друга и президиума. Их руководители препятствовали проведению ревизий, не составляли отчеты. Как заявлял продкомиссар М.В. Краснокутский: «При проверке товара я не находил нужным приглашать понятых, всецело полагаясь на свою совесть и гражданский долг»¹⁵³.

Уже на том этапе формирования советской власти проявилось торжество постоянно действующих структур над органами, работающими по созыву. Пункт регламента Пришибинского уездного съезда советов гласит: курить в зале заседаний запрещено всем кроме президиума. А там сидели докладчики – заведующие отделами уисполкома¹⁵⁴. Они чувствовали себя на вершине местной иерархии. Во время двухчасовых перерывов президиум ходил кушать в кулуары, а депутаты из волостей скудно питались за свой счет. Это так напоминало традиции работы земских органов пореформенного времени и известную картину Г. Мясоедова.

От распространенного в провинциальной среде представления о местных партийных ячейках веет неистребимой

патриархальностью. В документах используют такие выражения как «*ростук* царевской партии коммунистов-большевиков», «Капустиноярская партия коммунистов-большевиков», «Члены Пришибинской Партии». Глубокого понимания того, что коммунистическая партия имеет всероссийский характер, не было. Расчлененным представлялось даже всероссийское государственное пространство. В анкетах, которые заполняли советские служащие, есть пункт: «подданство или гражданство». Довольно часто пишут: гражданин села такого-то. Правильный ответ – гражданин Российской советской республики, гражданин Р.С.Ф.С.Р. – встречается очень редко.

Отношение к центральной государственной власти отличается разнообразием. Отмечается любовь к высшей власти персонифицированной и абстрактной одновременно. Подтверждением этого являются выборы почетного президиума из вождей российской и мировой революции на собраниях и конференциях даже в глухой провинции. Далекие вожди, воплощение идеального образа власти, за счет отсутствия осязаемости воспринимались как святой дух – везде и рядом. У находящегося в командировке в Москве Кирилла Назарова, служащего Черноярского уездсовнархоза, в трамвае украли большую сумму общественных денег. После этого два находившихся с ним в Москве товарища советовали ему обратиться в ближайший комиссариат и телеграфировать в Черный Яр, но Назаров написал два письма о случившемся: 1) жене и 2) тов. Ленину «с надписью “экстренно” в надежде получить ответ с указанием как поступить в данном случае». В Черный Яр он думал сообщить после ответа тов. Ленина, которого так и не получил¹⁵⁵.

Представляется перспективной реконструкция образа типичного провинциального советского работника. Во-первых, это человек достаточно образованный для того времени: выпускник земского двухклассного училища (4-5 лет обучения), имевший различное дополнительное образование, например, военные курсы – школы прапорщиков, военных механиков. Во-вторых, он располагал опытом службы в предреволюционное в

качестве конторщика, народного учителя, земца, официанта, телеграфиста. Третье, он имел армейский опыт, чаще всего ограниченный учебными командами и тыловыми частями; именно отсутствие фронтового опыта влияло на желание делать не военную, а гражданскую карьеру. Четвертое. Многие в 1917 г. состояли в партии левых эсеров и других левых партиях, о чем в 1919-1920 гг. вспоминали спокойно: это была типичная страница в их биографиях. Обычно вступление в РКП(б) датируется летом-осенью 1918 г.

Существование в этой среде определенного стиля поведения свидетельствует, что оформление новой социальной группы произошло в рекордно короткие сроки. Подчеркивание собственной исключительности и значимости; агрессивная реакция на мнимое и явное посягательство на авторитет или полномочия; незнание границ своей компетенции; склонность к служебным конфликтам и подмене ими межличностных противоречий; искренняя убежденность в том, что целью революции является его личное благо; желание дальнейшего общественного успеха и готовность прилагать к этому усилия – все это характерные черты провинциального бюрократа. Отдельного разговора заслуживает вопрос о злоупотреблениях советских служащих. Таковые были вскрыты комиссиями и ревизиями, но их размеры были скромнее, чем могло ожидать.

Почему же этот явно некондиционный (с точки зрения классовой теории) человеческий материал стал основой советской власти на территориях, не захваченных белыми? Во-первых, существовало представление: та власть, что в столице. Во-вторых, сработал принцип воронки: случайно попавшие в советские служащие постепенно обживались в этом качестве и проникались новым образом мыслей; в большевистские лозунги провинциалы вкладывали собственное содержание, отвечавшие их сокровенным чаяниям. Сломить эту наивность пыталась сталинская «опричнина», но она и в послесталинские времена проявляла себя в деятельности функционеров среднего звена.

Таким образом, советский аппарат на местах формировался не из идейных большевиков – их просто не было, а из людей, имевших подходящий опыт и наклонности. Это особенно стало явным после окончания Гражданской войны, когда демобилизованные красноармейцы и командиры не могли найти себе во властных структурах соответствующего их заслугам места. Это рождало множественные конфликты интересов, легко принимавших вид классовых и политических. Конфликт идейной большевички Крашинской был реакцией идеи, не выдержавшей давления среды.

Но и содержание самой большевистской идейности нельзя выверять по ленинским статьям. У партийных масс оно подчас не успевало за бегом мыслей вождя, известного своей диалектичностью. Советские мемуары редко, если речь заходит об этом, не пинают память об Учредительном собрании. Но в синхронных документах все иначе. В записных книжках И. Филетова, одного из расстрелянных «26-ти», большевика, председателя правления союза нефтепромышленных рабочих, говорится: «Учредительное собрание реальная сила[,] и перед ним нужно преклониться»¹⁵⁶. Явно тяготеющий к большевизму (но это наверняка не известно) Розе, представитель финских полков, стоявших под Петроградом, заявил на конференции фронтовых организаций Северного фронта 15 октября 1917 г.: «Если власть не перейдет к советам, учредительного собрания не будет. Какого бы состава не было учредительное собрание, оно лишает власти правительства. Поэтому наше дело переизбрать советы[,] и требовать, чтобы состоялся съезд»¹⁵⁷.

В мемуарах, когда речь идет о мотивах выбора, сделанного в пользу большевизма и советской власти, указываются в качестве таковых идейные и социально-классовые факторы. В синхронных же документах доминируют сиюминутные и даже меркантильные соображения. Это характерно и для дореволюционного времени. Среди личных документов Прокофия Апрасионовича Джапаридзе («Алеши», 1880-1918), переданные его дочерьми Люцией и Еленой Алексеевнами в 1979 г., можно

найти его оценку речи рабочего (1910 год), который готов работать с «интеллигенцией», чтобы его семья не голодала! То есть за соответствующее вознаграждение. Джапаридзе расценил этот спич как провокацию, подготовленную полицией¹⁵⁸.

Большевики как система менеджмента были прагматичнее, чем их отдельно взятый однопартиец, пусть и канонизированный после гибели. Особенно наглядно это предстает из штабного архива Терской группы Красных повстанческих войск, руководимой Н.Ф. Гикало. Это воинское соединение в тылу белых сформировалось из бывших красноармейцев и денкинских дезертиров, тянувших туда, где можно было получить еду, обмундирование, крышу над головой, хотя бы и казарменную. Для этого нужны деньги, и в горы Чечни осенью-зимой 1919-1920 гг. поступило через Кавказский краевой комитет РКП(б) около восьми миллионов рублей.¹⁵⁹

В 1919 г. деньги от К.К.К. из Баку приходили к отрядам, расположенным в горных районах Ингушетии и Чечни, тоненьким ручейком. Основным объектом финансирования был Дагестан как кратчайшая дорога к бакинской нефти. Неоднократно по рекомендации РВС Каспийско-Кавказского фронта повстанцы, располагая малыми силами, пытались готовить и осуществлять выступления в тылу белых – летом, в начале осени, в начале зимы 1919 г. Но все они заканчивались провалом. Каждый раз после неудач приходилось все начинать с начала. Командиры партизанских отрядов имели для форсирования выступлений дополнительный мотив – сохранение влияния на население и на бойцов отрядов, которым заявлялось о близкой победе. Заам Яндиев, командир ингушского отряда, писал Гикало, что настроение бойцов беспокоит его, что обстановка в отряде заставляет его думать о начале активных действий или о прорыве через фронт. Дело в том, что родные села его бойцов были сожжены белыми, население отступило далеко в горы, и они стремились последовать туда же. Единственное, что могло их удержать, это поход в расположение регулярной Красной армии с богатыми интендантскими складами¹⁶⁰. После серии без-

успешных выступлений волевым решением Гикало налагает запрет на новые выступления и ориентирует ревкомы на подготовительную работу и сохранение боеспособности, при этом рекомендуя не гнаться за численностью отрядов¹⁶¹.

К концу 1919 г. центр решил поддержать и сидящих в горах Северного Кавказа. Началу финансирования способствовал и сам Гикало докладами, которые он слал в комитет. Информация о настроениях горцев, отсылаемая в центр, содержала тенденциозно подобранные сведения о массовом ожидании прихода Красной армии. Причина этого раскрывается следующей фразой: «Здесь у нас имеется со всеми связь, но нет средств – денег на работу по подготовке восстания»¹⁶². Николай Федорович знал, что только хороший отчет сопровождается хорошим финансированием. О настроениях горцев он посчитал нужным отправить в центр такую информацию: «Сколько бы не уверяли и не говорили, что горцы восстают движимые национально-религиозными побуждениями – неправда. Все эти чувства переживаются и даже пережиты. Одно стремление, одна цель горцев – советская власть. [...] Все почти воинские части (мобилизованные из крестьян и рабочих) также ждут не дождутся восстановления советской власти».

24 января 1920 г. Гикало был назначен командующим Терской группой красных повстанческих войск¹⁶³. Политика в исполнении Гикало была поистине искусством возможного. Реальные обстоятельства влияли на стиль его поведения, меняя его подчас до противоположного. Когда пошли деньги, изменилось и поведение Гикало. Его дремавшая до поры до времени амбициозность проснулась и расцвела с опорой на получаемые из центра мандаты и финансовые средства. Из лица незначительного после интенсификации процесса сбора повстанческой армии он стал ведущей политической фигурой в регионе.

Как свидетельствует штабная переписка с полевыми командирами, мотивы сотрудничества простых горцев с большевиками носили не идейный, а прагматический характер. Любое изменение в балансе сил в регионе вызывало изменение симпа-

тий местного населения. Очевидно, что с начала 1920 г. большевистский штаб выглядел в горах Чечни наиболее существенной силой, как в организационном плане, так и в силу материальных возможностей, небольших, но превосходящих возможности конкурентов. Поэтому обеспечить себе место вблизи нового лидера стремились многие. В борьбе за это они доносили друг на друга, сплетничали, шпионили за Узун-Хаджи и его визирем; старались выслужиться перед Гикало, оказывая мелкие услуги.

При общении с горцами он получал уверения в искренней приверженности большевизму, это запечатлено в получаемых им письмах; вероятно, то же он слышал и в их речах. Однако неглупый Гикало понимал, что ими движут (в том числе) соображения практического характера: получение доступа к источнику материальных и денежных ресурсов. Об этом ему сообщали и наиболее приближенные к нему горцы. Интеллигентный горец, цитировавший стихи Надсона, писал Гикало: «...Сделаю все, что будет возможно... но за блестящие результаты не ручаюсь. Нужны средства, которые главным образом будут являться приманкой» (24.01.1920)¹⁶⁴.

Сотрудник штаба Михаил Кирисенко жаловался: «Каждая сволочь предлагает свои услуги только с целью алчной наживы пользуясь сложившимися обстоятельствами. За услугу отвезти письмо в Шатой и привезти ответ просят ПЯТЬ ТЫСЯЧ чистый деньга» (6.02.1920)¹⁶⁵.

Мазлак Ушаев подчеркивал, что есть идейные сторонники большевиков, а есть «попутчики», которых можно купить: «Вы должны знать[,] что мы работаем в пользу нашей советской власти. [...] Но как вам известно, что я работаю [со] своими людьми, [нрзб.] они стараются столкнуть меня с моего поста потому, что теперь все знают, что я имею дело с вами. Вы не думайте[,] если я прошу от вас что-нибудь, то это для себя, но нет, я прошу для общего дела[,] без которого дела не обходятся. [...] Вы должны знать, что наш народ продаст за деньги свою жизнь» (4.03.1920)¹⁶⁶.

Аббас Гайсумов, духовное лицо, подтверждал действенность такого метода: «Я считаю правильным и первой задачей назначить денежное вознаграждение некоторым муллам и даже уплатить им наличными сколько-нибудь из наших средств. [...] Вам известно как Узум-Хаджи назначили своему товарищу по 10000 руб. и даже на 15000 р. в месяц. Казаки также последнее время отпускали большие суммы для агитаторов. Народ темный[,] большей частью идут за деньгами»¹⁶⁷.

Начальник отдела снабжения Николай Гусев, отвечавший за закупку продовольствия и военного снаряжения для создающейся армии, просил штабное начальство: «Денег присылайте сюда побольше. Не скупитесь, потому что наличие средств увеличивает престиж, а самое главное кредит» (26.01.1920)¹⁶⁸.

Деньги шли на закупку у горцев различного благоприобретенного ими имущества и вооружения; на выплаты горцам, выразившим желание вступить в отряды большевистской ориентации. Считать это вульгарным подкупом и отношениями наемничества в форме, известной европейской культуре, нельзя. Оплата, на которую рассчитывали «мюриды революции», вытекала из адатного представления о том, что лидер, вождь берет на себя содержание каждого наиб-мюрида, включая оружие, коней, снаряжение и обеспечение семьи¹⁶⁹. Обещания, щедро раздаваемые большевиками, находили благодарное понимание.

Нужны были деньги и подпольщикам, потому что нужно было, например, подкармливать арестованных товарищей. Ольга Шатуновкая передавала в Гянджинский комитет список сидящих в тюрьме, которым ежедневно необходимо направлять 2 фунта хлеба и по $\frac{3}{4}$ фунта мяса (29.08.1919)¹⁷⁰. Деньги для оставшихся на территории, занятой белыми, большевиков переправлялись по каналам системы Закордонных бюро, созданных в соответствии с планами организации восстаний в тылу врага. Надеждам не суждено было сбыться, но присылаемые средства вызвали выстраивание вокруг этого финансового потока активность определенного толка, имитирующую подрывную дея-

тельность, но немало нервирующую белогвардейцев и правительства постреволуционных лимитрофов.

История большевистского подполья практически не представлена в архивных документах, хотя фонды Закордонных (Заграничных) бюро сохранились. Связано это с тем, что там собраны в основном финансовые документы и отчеты о работе, дававшие весьма отдаленное представление о реальной ситуации. Не случайно, основная доля опубликованных документов о работе Донского правительства в изгнании, как иногда называли Донбюро, связано с вопросами денежного обеспечения. В сентябре 1918 г. Френкель в докладе в ЦК РКП(б) запрашивал средства на ведение подпольной работы в Донской области: на издание газеты «Донская беднота» – 15 тыс. в месяц; печатание листовок – 10 тыс. руб.; жалование курьеров (8 чел.) – 4 тыс. руб.; жалование членам Донкома – 9 тыс. в месяц; деньги для комячек Дона – 20 тыс. руб. Всего 58 тыс. Через месяц он просил удвоить финансирование: «ЦК мало, вероятно, осведомленный об этой работе, лишает донских коммунистов средств, чем будет вызвано прекращение этой партийной работы».

К сожалению, очень мало синхронных документов, рассказывающих о внутренней атмосфере белогвардейских частей. Наиболее информативным в этом отношении может считаться анонимный дневник офицера Сумского гусарского полка.

Это молодой человек, вольноопределяющийся Первой мировой войны, пробравшийся на юг из Москвы со своим другом «Дюдей» Поляковым. Их попытка соединиться со старыми товарищами из Сумского полка оказалась безуспешной: документы о том, куда их направили, оказались утеряны. Они очутились в эскадроне Мунтянова, в котором не оказалось для новоприбывших ни лошадей, ни седел, ни другого обмундирования, т.к. их обоз был захвачен старым командиром эскадрона полковником Борисовым при уходе с новообразованным отрядом. По-видимому, Борисов считал имущество эскадрона своей собственностью. Их никто не обмундировывал, потому что было нечем. Прикрепленный к ним кубанский казак должен был

приносить им хлеб и мясо, но он ни разу не принес, и они по несколько раз ходили в кухню сами, причем не всегда успешно.

«Мы все время были совершенно отдельно от всех. Никто с нами не разговаривал, никто никуда не звал, никто нами не интересовался. Никому из эскадрона до взводных и к[оманди]ра эск[адро]на включительно не было до нас просто никакого дела. Только “поповичи” всегда были вместе вчетвером, а остальных как-то и не видно было. Такая бьющая в глаза несплоченность офицеров эск[адро]на и отношение к нам также возмущала Полякова. Я ко всему этому относился более хладнокровно. Ко мне вернулось то чувство кое бывало у меня[,] когда я был еще вольноопределяющимся: чувство необходимости покориться заранее[,] какие бы гадости не преподносила военная служба. [...] К офицерам приехавшим добровольцами из Совдепии со всеми трудностями и риском такого путешествия, хотелось бы видеть более приветливое отношение, немного больше участия, дабы не явилось у них мысли, а если так, то стоило ли придирается, что каковая мысль и была у Полякова»¹⁷¹.

Спустя некоторое время им дали несколько кляч, сказали, что фураж будут получать во взводе, который располагался по соседству, но регулярно повторялась такая история: порцию фуража выдавали кому-то для передачи для его лошади, но порция сена куда-то девалась. Он жаловался взводному, но тот ответил, что за этим надо следить самому, к тому же казенного сена мало и надо докупать самостоятельно. В итоге их лошади кормились из сострадания соломой хозяев дома, в котором они стояли¹⁷². Далее мы находим в дневнике: «Приблизительно такое же положение было и с получением на нас мяса: его нельзя было найти, всегда была масса народу, которому оно было передано, и его никогда не оказывалось налицо». Он один раз только чудом его получил¹⁷³.

Та же низкая степень сплоченности предстает и в дневниках Псевдо-Моллера и Псевдо-Петерса. Но в них она даже выглядит своего рода защитным психологическим механизмом,

призванным снизить боль от потери человеческих связей. Когда Псевдо-Петерс после двух месяцев лазарета вернулся в свою роту, то оказалось, что почти весь ее состав сменился: «стариков» почти нет. И это притом, что он нашел роту практически там, где оставил, – в Харцызске. Псевдо-Моллер описал в дневнике, как во время отступления приходилось оставлять в поле и у дорог раненых товарищей, когда не могли уже их нести.

Отчужденность как внутренняя черта добровольческих частей также явствует из бумаг подьесаула 1-го Кубанского пластунского батальона Е.А. Лучко¹⁷⁴. Там есть написанный с целью опубликования в газете рассказ о недостойном поведении некоего полковника Кузнецова, который, по версии Лучко, при отступлении из Екатеринодара не выполнил приказ начальства, и его отряд был отрезан от основных сил крупными частями большевиков. В итоге он был захвачен черкесами и передан ими в руки Туапсинского совета. Неисполнительность Кузнецова автор связывает с тайным намерением полковника за спинами своих людей пробраться к семье в Тифлис. Итоги плена для отряда были таковы: полковник был расстрелян, а остальные со временем освобождены и, по-видимому, мобилизованы красными, т.к. Лучко в своей «краткой записке» пишет, что состоял в тайной белогвардейской организации. Всякие истории о подпольной работе обычно призваны были отвести подозрение в службе у противника. После прихода белых Лучко вступил в Кубанский запасной пеший батальон¹⁷⁵.

Полковник Кузнецов остался в памяти И. Порохно, в 1918 г. члена полкового совета 1-го Майкопского полка. Порохно участвовал в допросе пленных из этого отряда. Все они говорили о своем раскаянии. Только полковник остался твердым в своей ненависти к большевикам, – его и расстреляли. Всех остальных по приказу наркома юстиции Кубано-Черноморской республики вскоре освободили, потом они ушли в горы в отряды генерала Геймана¹⁷⁶. Если бы не прекрасная память майкопского ветерана, так и остался бы полковник Куз-

нецов с запятнанной репутацией эгоистичного и недисциплинированного офицера.

Будни вне боевой обстановки: быт, снабжение, идейные ориентиры

Армейская повседневность вне боя практически не представлена в воспоминаниях ветеранов Гражданской войны. Они описывали лишь фронтовые эпизоды, случаи военной смекалки, удивительного везения или, наоборот, рокового стечения обстоятельств; пребывание в плену и панические состояния. Но то, что ели, где спали, чем занимались в перерывах между боями, практически не отражено в мемуарной литературе.

Лучшим источником информации по фронтовому быту являются протоколы ротных, батальонных и полковых собраний, а также отчеты военных комиссаров, потому что дневники красноармейцев – находка крайне редкая.

Из дневника красноармейца Алексея Долгобородова предстает ситуация с питанием в его части, относящейся к 6-й армии Северного фронта. Летом 1919 г. полк стоял в резерве, и продовольствие в него почти не поступало. Солдаты – уроженцы этих мест – подкамливались родственниками. Очевидно, что прагматичное командование учитывало этот момент. Но Алексей – сирота, и из дома ничего не получал. И только когда дома стал хозяйствовать комиссованный из Красной армии брат, Алексею стали передаваться продукты. С разрешения ротного командира он ходил в ближнюю деревню подрабатывать за харчи. Когда 29 августа он сменился с поста, то еды не было вообще. Пошел в поле нарвал колосьев, очистил зерно, попросился к хозяевам помолоть его на ручных жерновах и приготовил еду, которую ел с товарищем: «На все это добывание было затрачено 4 часа». Но когда их выдвинули на передовую, то тут же были выданы консервы¹⁷⁷.

Приведенные ниже документы в основном относятся к Латышской стрелковой советской дивизии.

Чаще всего на собраниях обсуждались бытовые вопросы – о питании, обмундировании. Среди обсуждаемых на собраниях рот и команд 8-го Латышского стрелкового советского полка вопросов такие: о выдаче продуктов на руки во время стояния полка в тылу; почему кашевар дает неравные порции; почему портные не ремонтируют одежду; почему полковая лавка не объезжает все роты¹⁷⁸.

В них запечатлена специфическая солдатская социальная активность. По инициативе красноармейцев было проведено обследование документации интендантских служб, вызванное тем, что местное население было замечено в ношении ботинок казенного образца. Провели ревизию вновь поступившего обмундирования. Оказалось, что все налицо. Тогда была и выявлено увлечение некоторых солдат карточной игрой, проигрыш в которой толкал нуждающихся в деньгах к продаже собственных ботинок. Собрание осудило картежников, призвало сообщать о них, отметив, что картежный долг может привести и к воровству, и к убийству¹⁷⁹. Врач 2-го легкового артдивизиона Латдивизии Карасик был заподозрен в распродаже медикаментов из лазарета, потому что имел питание явно не казенного происхождения: яйца, масло. Ему удалось оправдаться перед солдатами, объяснив, что население таким способом расплачивается с ним за врачебные услуги¹⁸⁰. Был проведен своего рода аукцион, когда вещи погибшего товарища были разыграны на торгу, а собранные деньги отосланы родителям, что и было занесено в протокол общего собрания рот и команд 8-го Латышского стрелкового советского полка от 21 июня 1920 г.¹⁸¹

В записке комиссара Отдельной стрелковой бригады (23.11.1919) отмечается, что командный состав поглощен оперативной работой и не интересуется снабжением и текущими делами и единственной структурой непосредственно взаимодействующей с солдатской массой являются комиссары. В этом документе автор, чью фамилию установить не удалось, показал приемы работы с армейской частью, трижды перебрассываемой

с фронта на фронт, переводимую из подчинения в подчинение, имеющую пестрый, не закаленный в боях людской состав.

«Чтобы поднять боеспособность частей, пришлось обратить внимание главным образом на то, что... одной из самых серьезных причин являлось совершенное отсутствие продовольствия и обмундированность красноармейцев, состоящих в большинстве из мобилизованных, перебежчиков и дезертиров, прошедших через Реввоен трибунал.

Для устранения возможных произойти недоразумений между комсоставом и красноармейцами на почве снабжения продовольствием и обмундированием была немедленно организована чрезвычайная комиссия по снабжению, организован полевой склад, для каковой цели были отозваны политические силы из боевых частей в ущерб политических организаций и воспитания красноармейцев, но этот пробел был заполнен тем, что в здоровом теле здоровый дух. За все время нахождения бригады в боях зафиксирован только один случай неподчинения идти в бой из-за неимения обуви... [...]

Для соревнования среди красноармейцев ввиду их революционной несознательности необходимо награждение отдельных личностей, а также полков, так как все присылаемые подарки[,] награждения очень хорошо влияют на боеспособность красноармейцев в смысле самоотверженности и отдельных случаев героизма».

Комиссар отметил, что приходится преодолевать тяжелое наследие пребывания в отрядах Махно в виде сохраняющегося духа партизанской вольницы и в частях Украинской советской армии в форме недоверия к командному составу, «продававшему солдат оптом и в розницу»¹⁸².

В 1920 г. во время боев с врангелевцами комиссар Журавский из Латышской стрелковой дивизии стыдит тех, кто требует у крестьян подавать им на обед кур и гусей: ведь мы пришли освобождать их от гнета¹⁸³. Подобное отношение к обывателям было рождено неприязнью, которую красноармейцы испытывали к тем, кто оставался дома, с семьей; впрочем, этим

отличались и белые. Оказавшись на постое, красные бойцы вели себя, используя власть силы и желая дать обывателям почувствовать тяготы переживаемого момента, а себя обеспечить максимальным комфортом.

В докладной записке комиссара санчасти Латышской дивизии в политотдел говорится как о большой проблеме об отсутствии в ветеринарном лазарете комиссара. У сотрудников мрачное настроение, они не знают, что такое советская власть, и что делается в революционной России. В лазарете масса недостатков, и нет политработника, который разъяснил бы несознательным красноармейцам причины этих недостатков! Высшие должностные лица лазарета, занимающие антисоветские позиции, главной причиной их называют саму советскую власть, что оседает в душе низшего персонала¹⁸⁴.

Комиссарская работа требовала определенного характера, потому что приходилось постоянно конфликтовать – и с начальством, и с красноармейцами, с которыми приходилось жить бок о бок. В письме инструктора по школьно-библиотечным делам К. Янсона разоблачается именно та организация быта в полку, отведенном в тыл, к которому так все стремились: «...Чисто патриархальное устройство жизни ведут в отряде: каждый устроил тихую семейную жизнь, получает каждый продукты на руки – живут себе припеваючи, и никто никого не задевая и не зная». А комиссар 1-го переотряда [передвижного, т.е. автомобильного отряда. – О.М.] 1-й бригады с подругой, зубным врачом, разъезжает по командировкам (25.05.1920)¹⁸⁵. Военный комиссар 1-го легкого артдивизиона Лапин раскритиковал содержание дивизионного рукописного журнала «Шрапнель»: в статье «На досуге» присутствует заключение, что за время своего существования советская власть наплодила множество жуликов; в статье «Местное» высказано незрелое суждение о том, что только женщина может удовлетворить нашу духовную жажду; опубликованные стихи Урбановича «Под вишней» – неподходящие для фронтового журнала, т.к. поэт пишет о настроениях, которые более характерны

для белых: тоска, разлука и пр.¹⁸⁶ Комиссар связи и батальона связи застал начальника связи дивизии, коменданта штаба, секретаря политотдела за выпивкой. И он подал заявление об увольнении, его непосредственное начальство подает дурной пример¹⁸⁷.

Повышенная конфликтность комиссарской работы проистекала из их «должностных инструкций». Некого выдающегося солдатского оратора тов. Поохэ выдвинули в комиссары, а потом политотдел Латышской дивизии решил убрать его с должности как не имеющего личной инициативы¹⁸⁸. Читай: не желающего или не умеющего идти на конфликт. В ноябре 1919 г. политотдел дивизии предупреждал комиссаров полков, что они несут личную ответственность за случаи грабежей и самочинств бойцов. Политотдел предписывал им привлекать ревтрибунал в особых случаях. Особо сложным было положение у комиссаров отделов снабжения. В их обязанности входило наблюдение за процессом хранения и распределения материальных ценностей. Тут было много соблазнов, к тому же условия для правильного хранения продовольствия отсутствовали. Примечательно, что сведения о недостатке обмундирования в частях обязаны подавать комиссары, по-видимому, с целью укрепления их авторитета и в надежде, что будет меньше злоупотреблений. Из рапорта комиссара отдела снабжения Латышской стрелковой дивизии становится ясно, что комиссар должен быть устойчивым и самостоятельным в решениях. А для авторитета важно, чтобы комиссар имел военный опыт, в ином случае ему нет доверия со стороны стрелков¹⁸⁹. Возможно, что с повышенными требованиями связаны случаи рапортов с просьбой о снятии с должности комиссара. Обычно политотдел не возражает против таких просьб.

«Неудобность» комиссаров отчасти компенсировала их культурно-просветительская работа. Она обычно активизировалась, когда часть находилась в резерве, и прекращалась с началом боев. Когда полк стоял в тылу, тут же появлялись «культурники-инструкторы», создавался «мандолиновый» оркестр,

ставились пьесы¹⁹⁰. Как было сказано в отчете о культурно-просветительской работе летом 1920 г., за неимением революционных пьес ставим «Жениха в чехле» и пьесы З.Б. Осетрова «Разбитое сердце» и «Чужая жена»; ежедневно с 6 до 9 часов вечера работает школа по ликвидации неграмотности; Е. Семиреченский сдал экзамен по греческому языку¹⁹¹. Важно было максимально занять солдат во избежание разболтанности и своеволия.

В ранних советских мемуарах комиссары как действующие лица встречаются редко, и отзывы о них, как правило, снисходительные. В дальнейшем этот образ приобрел черты Фурманова из кинофильма «Чапаев» – мудрый и тактичный советчик. Как можно судить по синхронным документам, реальность была куда богаче.

Синхронные документы личного происхождения, принадлежащие представителям Белого движения, довольно редко встречаются в российских архивах. Даже Пражская коллекция имеет в своем составе преимущественно мемуарные тексты. Основная проблема, которая не может быть решена ни на каких других источниках кроме этих – это реконструкция феномена мировоззрения¹⁹² белого офицерства. Его особенность состоит в быстроте складывания, кратковременности существования и кардинальной перестройке в эмиграции, поэтому в мемуарах предстает совсем другой белогвардеец, нежели тот, который был в реальной жизни. Его формированию способствовал некий спонтанно и наскоро сложившийся коллективный опыт, вобравший в себя многие типичные для предреволюционной России представления. Важную роль играло то, что само его существование было защитной реакцией нового слоя на ситуацию хронической социокультурной диспропорции между принятой на себя общественной миссией и реальным положением дел.

Одним из первых поднял вопрос о морально-психологическом облике офицерства А.И. Деникин, отмечавший объективную противоречивость поведения и системы ценностей добровольцев¹⁹³. В его трактовке чувствовался явный реабили-

тирующий подтекст. Нынешнее состояние разработки проблемы характеризуется наличием целого ряда работ, в которых реконструируется офицерская мораль, корпоративные представления и нормы поведения¹⁹⁴.

В эмиграции вдруг оказалось, что все белогвардейцы были последовательными монархистами и совершенно не интересовались политикой ни до 1917 г., ни после. Но в действительности массовая политизация офицерского корпуса началась уже в ходе Первой мировой войны. Брожение в офицерской среде было спровоцировано публикациями в кадетских газетах, которые поставили вопрос об измене в высших эшелонах власти. Тогда-то политика правящего кабинета, его состав и отношения с Государственной думой и стали самой животрепещущей темой для разговоров в армии. Из переписки полковника В.А. Ажинова с бывшими однополчанами по 1-му Туркестанскому артиллерийскому дивизиону видно, что между офицерами, поддерживающими доверительные отношения, шел живой обмен мнениями о происходящих осенью 1916 г. событиях. Капитан А. Омельянович писал Ажинову в Казань: «Живем, дорогой Василий Александрович, тем же, чем живете и Вы и чем живет вся Россия. Питаемся белыми столбцами газет. Но ведь эти белые столбцы тоже красноречивы» (15.11.1916)¹⁹⁵. Этот отрывок содержит намек на тот факт, что цензура запретила печатать речь П.Н. Миллюкова «Глупость или измена?», произнесенную в Государственной думе 1 ноября 1916 г. Офицеры посылали ординарцев на ближайшие к позициям железнодорожные станции за газетами и телеграммами с известиями о работе Думы. Сообщения об отсрочке ее открытия вызывали «ненависть, грозное рычание», иступление, горькие рыдания «от огорчения» и уверенность, что «это позор, это измена»¹⁹⁶.

Но после Октябрьской революции о своем бурном политическом прошлом белое офицерство предпочло забыть, но не по причине раскаяния, а в связи с тем, что политические пристрастия были существенным фактором разрушения сплоченности, – в среде белого офицерства царил разнобразие антисоветских

политических взглядов. Одни хранили верность трону, другие мечтали о федеративной демократической республике вроде «Северо-Американских соединенных штатов»¹⁹⁷. Перед эвакуацией из Новороссийска генерал А.Г. Шкуро заявлял генералу Постовскому¹⁹⁸: «Я анархист, причем синдикалист, а теперь решил сделаться индивидуалистом, потому что, как ты знаешь синдикалист – это нечто буржуазное. Нет, а ты все-таки будешь “Боже царя храни” вопить» (7.02.1920)¹⁹⁹. То, что это разнообразие могло иметь самые серьезные последствия, говорят инциденты с Л.Г. Корниловым в Новочеркасске зимой 1918 г., убийство Н.С. Рябовола в Ростове, расстрелы офицеров-эсеров в Сибири и т.д.

В Государственном архиве Псковской области среди советских официальных бумаг найдены письма, проявляющие идейные ориентиры офицера, готового присоединиться к Белому движению. 2 ноября 1918 г. начальник одной из пограничных дистанций Советско-германской демаркационной линии Федоров писал два письма своим знакомым – некоей девушке Жене и старшему по возрасту А.Н.²⁰⁰, потому что собрался перейти границу и уйти к белым в Псков. У своей коллеги Жени он просил прощения за свой уход, что не смог оставаться нейтральным, как просила его она. Вернуться он обещал только после победы над красными. В письме к А.Н. Федоров извинялся, что причиняет тому большие неприятности, но он не может противиться своим убеждениям. Он пишет, что Ч.К. рубит сук под собой, что придет время «ума, творческой жизни, культуры и людей, жаждавших свободной жизни».

«Да сгинет хамство, босяки и прочие подонки людского общества. Я не знаю почему, но, несмотря ни на что, я Вас и любил, и ненавидел. Чувствовал глубокую симпатию и отвращение к Вам, как к деятелю больш[евиков]. Идите в наш лагерь. Я протяну Вам там руку». Как человек чести и офицер Федоров сообщал, что все дела, в том числе денежные, он оставляет в порядке: оправдательные документы лежат на столе. Из казенных денег он взял 80 руб., но в счет своего еще неполученного жалования!

Из пространного письма к А.Н. становится ясно, что у Федорова уже был опыт общения с Ч.С.К. в Карамышево. Он был «взят», а в это время его сослуживцы и прежде всего некий Матвеев похозяйничали в его комнате, обнаружили и сожрали фунтов десять сухарей. Но Федоров вернулся, и им пришлось вернуть некоторые вещи, растащенные ими из комнаты Федорова. Тот был шокирован поведением подчиненных, и, по-видимому, именно то, что ему нужно было продолжать служить с такими людьми, и стало причиной его решения.

Концовка письма, обращенного к А.Н., указывает на морально-этические основания ухода и на его политические убеждения.

«По совести говоря, если у Вас будут н[ачальни]ками такие как [нрзб.] Матвеев, который заражает всех [нрзб.], дело Ваше далеко не пойдет.

Нет у Вас знающих, честных и благородных людей.

Вспомните, что Вы тоже были офицером, хотя я Вас им не считаю.

Для облегчения нахождения следов моего побега сообщаю властям, что пособников побега не имею. Вещи мною своевременно были отправлены в надлежащее место, а сам я пешком отправился в то место, где правда, справедливость, знания, наука, культура, изящество, искусство и все, все прекрасное.

Уходя, отряхну прах от ног своих и желаю Совдепии скорого конца. Кому своим побегом причинил неприятности, прошу простить меня: иначе не могу, все существо мое стремится сбросить с несчастного русского народа иго красного (действительно красного про крови), произвол и насилие.

Да здравствует власть революционеров-интеллигентов.

Федоров.

Пушкин, Толстой, Лермонтов и целые плеяды великих творцов мысли – не Ваши, а мы на их произведениях учились понимать правду, добро и истину. Наконец, надо быть честным на себе»²⁰¹.

Как видим, проблема политического выбора носила не только классовый, но и мировоззренческий, и психологический характер²⁰². Как считает Р.М. Абинякин, офицерство того времени – явно люмпенизированная среда с соответствующими настроениями нелюбви к сытой публике, к недорезанным буржуям, объясняющими мотивы грабежей и мародерства²⁰³. Но использование категорий люмпенизация и маргинализация применительно к группам, выделенным из населения страны, переживавшей длительную эпоху трансформации и многолетнюю войну, ничего не объясняет. Чувствительность к либерально-социалистическим идеям, которая действительно присутствовала в среде белых в годы войны и сменившаяся в эмиграции на массовый монархизм, говорит только о специфическом белогвардейском солипсизме, замкнутости на гипертрофированную офицерскую ответственность перед самим собой.

Дневник генерала А.Н. Пепеляева представляет собой редкий по насыщенности идейно-политический винегрет. Подобная неспособность белых офицеров различать нюансы политических настроений отражена во многих документах. Например, добровольцы считают Кубанскую раду почти большевистской организацией, с которой впоследствии придется бороться²⁰⁴. Вследствие низкой структурированности картины мира, характерной для большинства белогвардейцев, у них развились не только нетерпимость, но и нестабильность позиций. Более 14 тыс. бывших белых офицеров оказались к началу 1921 г. в рядах РККА не только под влиянием обстоятельств, но и в силу этого качества мировоззрения²⁰⁵. И в эмиграции многие вслед за своим главным историографом Деникиным утверждали, что армия привыкла быть вне политики: «Все были воины, офицеры и ждали приказа от высшего начальства»²⁰⁶.

Обнаруженные в архивах дневниковые записи офицеров и добровольцев, в том числе и дворянского происхождения, относящиеся ко времени революции и Гражданской войны, говорят о том, что они уже не связывают судьбу России и свою собственную с монархией. В анонимном дневнике бывшего офицера

Сумского гусарского полка, происходившего из родовитого дворянства, это объясняется с тем, что монархия запятнала себя тайными соглашениями с Германией и предательством национальных интересов²⁰⁷. И.Г. Эрдели описал настороженную реакцию офицеров-добровольцев на так называемых астраханцев – офицеров, которые вели агитацию за вступление в монархическую и прогерманскую Астраханскую армию. У самого Эрдели отношению к царю было чисто личное: он вспоминал его в молитвах добрым словом, ведь тот ему помогал в жизни и советом, и деньгами, и продвижением по службе. Когда узнал о смерти царя, записал в дневнике: «А жену его, стерву, не жалко, а его безумно жалко»²⁰⁸. Как и другие вожди-основатели Добровольческой армии, он считал, что монархические лозунги только отпугнут от движения и тех, кто готов встать под ружье, и население. Хотя отмечал, что офицеры-монархисты среди добровольцев есть, и их немало, но далеко не большинство²⁰⁹.

Один из таких монархистов, судебный чиновник, чье имя не удалось установить, изложил в дневнике свои взгляды: «Я всегда был уверен и открыто говорил, что в России невозможен республиканский образ правления, по крайней мере в текущем столетии. Слишком не подготовлен к республике наш народ, даже и интеллигентный его слой, не говоря о простолюдинах»²¹⁰. Но это не помешало ему оставить такую запись: «Читая историю революции 1848 г. во Франции, нахожу, что там [поведение] династии вполне напоминает наши события 1917 года. В обоих случаях упорство монархов, вызванное непониманием справедливости требований народа, помешало им своевременно удовлетворить эти требования. Не упусти Николай 2-й момента дать ответственное министерство, династия Романовых была бы спасена надолго. Ту же ошибку сделал и более умный Луи-Филипп» (4.02.1919)²¹¹.

Слухи о чудесном спасении царской семьи, которые ходили наряду с известием о ее гибели, автор прокомментировал так: бывший император – представитель партии, уже доказавшей свою неспособность руководить страной, поэтому даже если он

спасся, «историческая и государственная роль его уже сыграна, а для него возможна лишь жизнь частного человека». Избавление царя от смерти только сняло бы грех с души тех, кто изменил ему и присяге и предал его в руки убийц²¹².

В свете этих свидетельств высказываемые исследователями сомнения в истинности мнения эмигрантских мемуаристов²¹³ о монархизме белогвардейцев оправданы. Монархические настроения существовали в Дроздовском полку, но корниловцы считались республиканцами и сторонниками Учредительного собрания, а марковцы отличались симпатиями к эсерам²¹⁴.

Уже в годы войны прозвучало мнение, что монархические настроения среди белого офицерства становятся все сильнее. В основанной монархистом В.В. Шульгиным газете «Великая Россия» бывший толстовец, а теперь журналист с сильным правым уклоном И. Наживин²¹⁵ в статье «Республика или монархия?» писал, что публично за монархию высказываются лишь 5%, но с глазу на глаз – 95%²¹⁶. Об этой линии редакции газеты А.И. Деникин отзывался так, что в порыве увлечения идеей она принимала свою веру за знание, свои желания – за реальные факты, свои настроения – за народные²¹⁷.

Если в годы войны монархическая идея все же не пользовалась широкой поддержкой в лагере контрреволюции²¹⁸, то в эмиграции она вытеснила все остальные идейные ниши. Обследование общин русских эмигрантов, проведенное на рубеже 1920-1930-х гг., показало, что «подавляющее большинство русских в Польше настроено монархически и консервативно»²¹⁹. Вероятно, в эмиграции важно было выстроить внутренне согласованную историю своей жизни: три года борьбы должны были быть посвящены высокой идее, а не тому аморфному неуловимому содержанию, которое представляла собой идеология Белого движения.

Слова Долг и Честь занимают в белогвардейском глоссарии одно из важных мест. Они вступает часто в противоречивое взаимодействие, толкая офицеров на поступки, противоречащие объективным интересам движения. Например, офицер-командир

не считал себя вправе призвать к действию своих подчиненных, если сомневался в благополучном исходе этого дела²²⁰. Этот же конфликт Долга и Чести приводил к отставкам в случае несогласия с политикой командования, невзирая на трудности положения на фронте.

Кодекс чести белогвардейцев в большей степени был ориентирован на западноевропейские представления об аристократизме, патриотизме, важности индивидуальной самооценки, – всего того, что входило в понятия сакрального поля «европеизма», свойственного корпоративному самосознанию русского дворянства²²¹. На сохранение офицерской чести было направлено противопоставление себя солдатской массе, бережное отношение к кастовым признакам, таким как наличие денщика для решения бытовых вопросов и вестового для служебной связи.

Большинство мемуаристов склонны объяснять свою борьбу против большевиков мстью – за родных, за унижения, за сорванные погоны, за превращение в бесправных изгоев. Ненависть карающая виделась залогом успеха. Представление о собственном насилии как ответном помогало преодолеть сопротивление традиции и культуры²²². Это кредо сформулировано в дневнике М.Г. Дроздовского: отбросить традиции культуры, мстить холодным разумом²²³. Эсер В.М. Чернов увидел в этой «рассудочной» мести озлобленность людей с искалеченными судьбами, с жадной мести за пережитое²²⁴.

Но были и другие мотивы превращения войны в личное дело. У сторонников Белого движения, которые в предреволюционный период сочувствовали либеральным и эгалитаристским идеям, возникал комплекс искупления ошибок. Они массово отказывались от «заблуждений» молодости, что называлось – «образумились»²²⁵. У других, с более устойчивыми левыми воззрениями, враждебность к большевикам имела форму ненависти как к провокаторам и обманщикам, наполнившим святыне лозунги лживым содержанием. Генерал Донской армии В.А. Ажинов, в молодости член народнического кружка, писал: «Они [большевики] имели за собой доверчиво шедшие за ними массы». Как он

не любил большевиков, так он отвергал и консерваторов, которые бессознательно или сознательно препятствовали политическому развитию русского народа, вследствие чего он, «опьяневший от неожиданно и так обильно хлынувших на него свобод, ринулся в мутные волны большевистской анархии»²²⁶.

В менталитете белых соседствовали обрывки ранее существовавших ценностных комплексов. Например, подчинение приказу. Приказ как властное распоряжение руководителя, отданное в пределах его должностных полномочий и обязательное для исполнения подчиненными, переставал быть эффективным, поскольку часть офицерства, как отдававшая, так и получавшая приказы, считала армейскую вертикаль нарушенной. Поступавшую от бывших начальников директивную информацию они предпочитали считать или распоряжением, или даже частным пожеланием.

В дилемме приказ-пожелание выбиралось второе, а в дилемме приказ-инициатива – первое. Вернувшийся в зону действия военной иерархии офицер становился рабом приказа, неспособным видеть ситуацию самостоятельно. Иногда создается впечатление, что это возвращение было продиктовано желанием уйти от ситуации перманентного выбора, вновь став частью военного механизма. В.К. Пилкин, тяжело переживая неудачу с офицерским восстанием в Петрограде в момент наступления армии Юденича, винил не офицеров, а Юденича, который неверно сформулировал приказ. То, что его друг М.К. Бахирев, участник офицерского заговора в Петрограде, «не решался взять руководство в свои руки [...] не решался даже взять на себя взрыв моста у Тосно, не имея на это инструкций»²²⁷, демонстрируют характерный для офицерства паралич предприимчивости и активности.

Устанавливающую иерархию они воспринимали как временную, своего рода оперативного характера. Назначенный «походным атаманом всех казачьих войск, генерал-инспектором кавалерии Русской армии» А.И. Дутов писал в письме атаману Кубанского войска: «Да не испугает Вас мой громкий титул. Он

дан мне указам Верховного Правителя и я, несмотря на заявления свои, должен был принять, но пока условно, это я выговорил, до соединения с Вами. А там общей казачьей семьей мы и решим, кто и что будет» (22.08.1919)²²⁸.

Разориентированность офицерства проявилось в чрезвычайно неопределенном понятии «наших», которое в каждом отдельном случае имело свое наполнение. Когда адмирал В.К. Пилкин пишет о русских кораблях, находящихся в составе советского военно-морского флота, он называет их «наши», и не только потому что они когда-то ходили под Андреевским флагом. Еще более определенно об этом высказался генерал Н.Н. Юденич, сказав: «Когда здесь [в Финляндии – О.М.] дрались красные с белыми, мое сердце было на стороне красных». Симпатии Н.Н. Юденича, вероятно, объяснялись пронемецкой ориентацией контрреволюционных сил и их негативным отношением к русскому населению, выразившимся в убийствах в Выборге, Гельсингфорсе и других городах²²⁹.

Офицерское выступление во Владикавказе в августе 1918 г. потерпело неудачу, истратив отпущенный ресурс времени на урегулирование вопроса о полномочиях и субординации²³⁰. Другой причиной разброда было то, что все участвующие стороны имели разные представления о целях выступления, круге союзников и противников. В этом событии проявился еще один аспект негативного влияния отсутствия идеологической определенности антибольшевистского движения, о чем А.И. Деникин и в эмиграции сохранил убежденность как о вещи правильной и никакого отношения к причинам поражения его армии не имеющей. Ему вторили и другие эмигранты²³¹. Ситуативная, часто кажущаяся общность интересов спровоцировала не одно выступление, сопровождавшееся затем самовольным выходом из борьбы. В таких обстоятельствах каждый выстраивал свою иерархию предпочтений и определял, какой долг выше: перед семьей, армией, некой идеей и пр.²³²

Неоднородность и внутренняя противоречивость системы жизненных представлений офицерства проявлялась и в сознании

отдельного офицера. В дневнике генерала А.Н. Пепеляева, который был одним из символов антибольшевистского сопротивления в Сибири, выпукло представлено состояние его политических представлений: «Мои политические убеждения не знаю. Я не партийный. Даже не знаю, правый или левый. Я хочу добра и счастья народу, хочу, чтобы русский народ был добрый, мирный, но сильный и могучий народ. [...] Мне нравится величие русских царей и мощь России. Я ненавижу рутину, бюрократизм, крепостничество, помещиков и людей, примазавшихся к революции, либералов. Ненавижу штабы, генштабы, ревкомы и проч. Не люблю веселье, легкомысленность, соединение служения делу с угодничеством лицам и с личными стремлениями. Не люблю буржуев вообще. Какого политустройства хочу? Не знаю. Все равно пусть будет монархия, но без помещиков, рутины примазавшихся выскочек и с народом. Республика мне нравится, но не выношу господство буржуазии. Меня гнетет неправда, ложь, неравенство. Хочется встать на защиту слабых, угнетенных. Противна месть, жестокость. Хочется принести прощение обид, мир, богатство» (27.11.1922)²³³.

Идеологическое соперничество с Красной армией разрушающе влияло на ВСЮР. Эгалитаристские настроения, поиски справедливости, помноженные на беспорядки и сбои в работе служб армии, подтачивали и так проблематичное единство добровольческого движения. Денежное довольствие служащих в кубанских, донских и собственно добровольческих частях существенно отличалось. Офицер-кубанец получал на 25% больше, чем офицер Добрармии. Кроме того, к Пасхе на Кубани давали двухмесячный оклад, а на Дону – месячный, а в «цветных» частях не давали вообще. Всякое отступление от правил обеспечения довольствием и обмундированием называлось «умышленной несправедливостью»²³⁴.

Судя по всему, степень религиозности и воцерквленности белого офицерства соответствовала тому состоянию кризиса церкви, которое широко обсуждалось накануне Великой войны и революции. Характер веры, так или иначе, отражается в интим-

ных записях, дневниках и личных письмах. Если взять группу источников этого типа, как опубликованных, так и неопубликованных, но достаточно пространных, чтобы составить мнение об этой стороне личности их авторов, то можно будет судить о тенденции. Авторами привлеченных документов были В.К. Пилкин (49), И.Г. Эрдели (48), Е.А. Лучко (21), А.Н. Пепеляев (27), А. Моллер (ок. 25), Псевдо-Моллер (ок. 40), Псевдо-Петерс (23), аноним из Сумского лейб-гусарского полка (ок. 22), П.Н. Врангель (40), В.М. Безобразов (61), В.А. Ажинов (54). В скобках указан возраст на 1918 г.

Религиозное чувство отчетливо проявилось на страницах личных бумаг четверых из одиннадцати – Эрдели, Пепеляева, Псевдо-Моллера, Врангеля. В остальных дневниковых текстах эта тема отсутствует полностью. Генералу Эрдели остро не хватало возможности приобщиться церковным таинствам, «успокоиться молитвой», о чем он писал в дневнике. Когда он оказывался в церкви в чувствах, расстроенных тяжестью исполнения службы, его печалило неподходящее настроение. А попав прямо из похода на пасхальную службу и услышав «Христос воскрес», испытал радость, подумав, что все его близкие молятся в этот миг за него²³⁵.

«Дневник» Анатолия Пепеляева – это не просто исповедальный дневник, это запись молитв, которыми перемежаются тяжелые мысли о судьбе людей, которых он возглавил, и об оставленной им семье. «Господи прости меня. Успокой. Тебе, господи всемогущий и милостивый, вручаю семью мою. Ты знаешь мои мечты, желанья. Сохрани семью мою, не допусти до плохого» (27.11.1922). «Я верю в промысел божий. [...] Видимо, воля бога, что так он сделал, что мы пошли, пусть будет его воля над нами» (30.11.1922). Состояние сознания влияло на его стратегию как военачальника. Оно рождает у него видение похода своей дружины как крестного пути и настроение принести искупительную жертву. Возглавляемая им военная операция и не могла увенчаться успехом при его идеалистических умонастроениях: «Как хочется поменьше крови. Ведь мечта моя – помирить

русских людей...» (6.02.1923). С 1919 г. он сильно изменился. Уход в эмиграцию его надломил.

П.Н. Врангель писал жене, что присланный ею псалом он носит «на месте сердца» (1914)²³⁶. В дневнике Псевдо-Моллера ритмы личной жизни плотно привязаны к церковному календарю. Погибших членов императорской фамилии считает достойными венца великомучеников, особенно великую княгиню Елизавету Федоровну²³⁷.

Но для большинства белогвардейцев подлинное православие не было духовной опорой и смыслом борьбы. Плакаты, выпускавшиеся Освагом, никогда не апеллировали к религиозным чувствам и вере. Ставка делалась на две темы – зверства большевиков и обещание порядка. Бывший протопресвитер Императорской армии о. Григорий Шавельский, находившийся в стане белых, вспоминал: авторитет духовенства в армии был невысок²³⁸.

Усиление бытовой религиозности происходит в пограничных ситуациях, в том числе на войне²³⁹ и в военное время. Наиболее сильно проявилась тяга к мистическому компоненту религии: вера в чудодейственность икон, в приметы, сны, предзнаменования, в защитную силу молитв, ладанок. Артиллерист В. Душкин считал, что он не должен принимать участия в экзекуциях, чтобы сохранить честь и моральную чистоту, потому что это наряду с маменькиными молитвами бережет его. Он верил, что иконка, нарисованная матерью и данная ему в оберег, уже спасала ему жизнь, остановив пулю²⁴⁰. Н. Волков-Муромцев связал свое ранение с тем, что накануне потерял подаренное серебряное кольцо с изображением святой покровительницы его матери²⁴¹. Популярность гадалок, разговоров о предсказаниях, предвидениях была вызвана дрящейся годами неизвестностью о судьбах близких. Это «вносит струю уверенности в быстром конце большевизма: развязка придет скоро и оттуда, откуда не ожидают» (Вернадский В.И., 11/24.03.1920)²⁴². Даже истинный христианин Псевдо-Моллер побывал у хироманта, который предсказал ему два ранения, а про остальное утешил – все будет хорошо²⁴³. По обе стороны фронта распространенным суевери-

ем была вера в то, что серебряный крестик спасает от смерти. Его как талисман «от расстрела» носили и красноармейцы (Никитин М.А.)²⁴⁴. Не с этим ли связан известный случай, когда С.Н. Булак-Балахович помиловал пленного красноармейца, увидев у него под рубахой крест, данный тому матерью?

Таким образом, только некоторая часть офицерства могла найти опору в религии и в ней ответы на волнующие вопросы. У большинства же рос духовный вакуум, заместить который работа идеологических структур не могла.

Эмигрантские мемуаристы писали о снижении морального градуса Добровольческой армии как причине поражения Белого движения²⁴⁵. Но сам факт существования морально-этического эталона первых дней Добровольческого движения нуждается в проверке. Обстановка в отрядах корниловцев, потерявших своего вождя, представлена в дневниках И.Г. Эрдели. К весне 1918 г. генерал так же, как и рядовой солдат-фронтовик, устал воевать, но его держит в строю сила инерции. Свое «воевание» он находит глупым, а сбор офицерства под знамя Корнилова видит как реакцию людей, которым в армии безопаснее, чем поодиночке по домам: «А на наше положение я смотрю без фантазии[,] трезво и что все это образуется в авантюру, по-моему, где главнейшее не великодержавные мысли, а спасение самих себя. ...До чего мне опротивели эти все скитания, риски жизнью, бои и походы и т.д. Ну просто я мученик каждый раз, когда мне надо идти вперед... И только потому, что беру на себя и потому что иначе нельзя, я все исполняю. Я устал воевать[,] и такая апатия и равнодушие подчас завладевают мной, что просто сил нет. И я буду Бога благословлять, когда буду, наконец, изъят из этой гражданской войны. Та идея, которая была раньше и которая создавала все эту борьбу, я в возможность ее существования изверился давно, а кроме того нечем бороться, голыми руками что ли?» (11.04.1918)²⁴⁶.

Во время движения добровольческих отрядов от Екатеринодара начался отток из них людей. Деникин потерял половину своих штабистов. Он и сам стал готовиться к отъезду в Сибирь.

Только подход отряда М.Г. Дроздовского остановил процесс полного рассеивания участников Ледяного похода²⁴⁷. Таково было настроение в период, который в мемуарной литературе изображается как время наивысшего подъема добровольческого духа.

У добровольцев существовала острая потребность в культуре вождя. При этом командование ВСЮР, где не чувствовалась воля начальника, осуждалось на всех уровнях. Разочарование в лидере означало конец борьбе, поэтому возник миф о злом гении. То, что не могли отнести на счет самого Главнокомандующего, приписывалось генералу И.П. Романовскому. Его обвиняли в сочувствии социалистам и неумении «привлекать и заставлять людей работать»²⁴⁸. В воспоминаниях П.Н. Врангеля имя генерала Романовского, деятельность Освага и циркулирующие по армии слухи объединены смыслом одного абзаца, заканчивающимся словами: «...Чья-то злая воля удачно использовала слабые струны Главнокомандующего»²⁴⁹.

Если кадровое офицерство мирного времени переживало период жестокой ломки привычных представлений, состояние умов недавно получивших офицерские погоны вообще непредсказуемо. Внешние проявления жажды самоутверждения в новом социальном качестве дополнялись созданием новых мифов, в которых должна была проявиться эта новая групповая идентичность. Указанные Р.М. Абинякиным параметры самовосприятия добровольческого офицерства: вещная нищета и возвышенная жертвенность; мифологизация вождей; романтизм, деформировано-религиозный фанатизм и фатализм; мессианское самосознание, воплощенное в исторические, литературные и религиозные образы – извлечены из белоэмигрантских мемуаров²⁵⁰. Во многих моментах это искусственный образ, сложившийся постфактум в эмигрантской среде.

Без сомнения, существовало и получило широкое распространение поклонение вождям, но преимущественно уже умершим. Фанатизм, мессианство и фатализм, если под этим понимать их собственное осмысление целей пребывания в составе армии, воюющей с большевиками, были формой компенсации

осознаваемой несогласованности мыслимого и явного. Психологическое напряжение снималось пьянством и азартными играми. К картежной игре толкали напряжение войны и перманентное безденежье. Первоначально движимые алчностью офицеры призывали заполнять этим досуг. Затем многие становились рабами карт. Начальство пыталось бороться, сажая замеченных в игре под арест. Однако на фронте, особенно во время затишья, никогда не забывали о картах и вели игру на деньги. Популярностью пользовался каторжный преферанс, или терц, требовавший особой концентрации внимания²⁵¹. Безусловно, он позволял выключаться из реальности. Такое явление, как карточная игра, особенно после выдачи жалования, первоначально существовало и в красноармейских частях, но затем она была запрещена специальным приказом Л.Д. Троцкого, что существенно ограничило ее распространение в РККА²⁵².

Предстоящий со страниц офицерских дневников рваный ритм жизни характеризуется многодневными простоями и внезапными ночными приказами к выступлению, импровизационным стилем командования, явным отсутствием понимания стратегического смысла осуществляемых военных мероприятий. Подобное партизанство было объяснимо с точки зрения того, что они боролись с «босаяцкой армией», но это же оказывало на них самих разлагающее воздействие. В итоге уровень дисциплинированности частей никак не тянул на звание профессиональной, офицерской армии.

У офицеров, состоявших в белых армиях, сформировались две автономные системы мировоззрения. Смысл первой выразился в формуле: быть офицером – честь и привилегия. Вторая заключалась в убеждении, что офицер во всем руководствуется своей совестью, потому что сам факт того, что он в армии – это гражданственный шаг, свидетельство его моральности и жертвенности; он – защитник Родины, несет главную тяжесть борьбы с большевиками, поэтому он неподсуден и неподвластен практически никому и ничему в этом мире.

А.И. Деникин писал о печати классового отбора, которой был отмечен процесс формирования его армии²⁵³. Отбор, несомненно, был, но в качестве критерия следует называть не словное происхождение, как утверждали большевики, не профессиональную принадлежность и уровень образования, на чем сходится большинство эмигрантских авторов, а механизм социальной идентификации в новых послереволюционных условиях.

Механизмы самоидентификации на уровне личностного Я практически не изучены в психологической теории самосознания²⁵⁴, не говоря об исторических вариантах этого процесса. Тут, как всегда, помогает наблюдательный современник. Петр Савинцев, начальник Осведомительного отдела штаба Уфимской группы войск и редактор газеты «Уфимец», в своем дневнике 6 ноября 1920 г. сделал такую запись: «Натолкнулся сегодня на замечательный эпизод. Офицер из крестьян, умеющий приготовить тесто для хлеба, на предложение своих коллег поставить квашню ответил категорическим отказом, заявив, что такое занятие унижает его офицерское достоинство. Удивительное представление об офицерской чести. А вот генерал Пепеляев, уехав из армии в Харбин, не постеснялся заняться в Харбине просто извозным промыслом»²⁵⁵. Здесь Савинцев верно подметил закономерность: чем ближе находится человек к границе социума, который он намеренно покинул, тем агрессивнее он ведет себя в ситуации, способной вернуть его назад.

Представления об офицерской чести, о ценности профессиональных знаний военного, о корпоративной сплоченности объединены внутренней логикой. Наиболее исчерпывающе эти установки воплощались в поведении и сознании лиц, имевших в прошлом некий статусный рывок, который они должны были подтверждать и оправдывать всей последующей жизнью. У С.Н. Тимановского – успешное начало военной карьеры в ходе Русско-японской войны, куда он отправился добровольно еще гимназистом; у марковца Бориса Плотникова – поступление в элитарное Михайловское артиллерийское училище после провинциального кадетского Ташкентского корпуса²⁵⁶. У бывших народ-

ных учителей – получение офицерских погон. Особенно явно это прочитывается на примере евреев, воевавших в составе Добровольческой армии. Многие из них были юнкерами 1917 г., получившими после Февральской революции право учиться в военных училищах. Их было много среди юнкеров Школы подготовки прапорщиков инженерных войск, потому что курс обучения в ней требовал хорошего образования. Они находились среди защитников Временного правительства до конца, и только один из них «добровольно сдался большевикам, как насильно удерживаемый в Зимнем»²⁵⁷. В дальнейшем они сражались в рядах белых за то общество, в котором они получали полные права гражданства.

В российской историографии 1990-начала 2000-х гг. было предпринято немало попыток реконструкции прошлого с помощью методики «на кончике пера», спекулятивных умозаключений. Результатом таких усилий стал, например, вывод о «мощном процессе социализации среди лиц, только недавно надевших офицерские погоны; армейский котел очень быстро “переваривал” и изменял сознание новоиспеченных офицеров, заставляя их воспринимать корпоративные ценности, нормы и стереотипы поведения»²⁵⁸. Как видим, источники не подтверждают этот тезис. При внимательном их прочтении романтизм оказывается наивностью, фатализм – инертностью и апатией, обожествление вождей – следствием личностной незрелости, мессианство и жертвенность – способом купировать критические импульсы.

«Что враги? пусть клеветуют...»: взаимные оценки большевиков и белогвардейцев

Отзывы противоборствующих сторон и политических противников друг о друге, датированные временем конфликта, позволяют отследить, как воспринималась эта война в момент ее течения. Ведь последующие оценки – это результат не только подлинных впечатлений, но и осмысления прошлого. Это осмысле-

ние может отличаться и глубиной анализа, но и уклонением от истинного, уже забытого восприятия.

Адекватное восприятие противника более характерно для синхронных документов, особенно оперативного характера. Хотя и они не были полностью свободны от расхожих стереотипов. Агент Севастьянов, посланный в занятый немцами Псков, где начинали формироваться белые отряды, сообщал: «В белую поступают местная буржуазия, энтилигенция и люди[,] которых нужда заставляет куда[-]нибудь поступить от голода[,] при разговоре последние говорили так: пусть нам дадут оружие и хлеб, а защиты то не дождутся. [...] обще белых не более как 1500 человек, качество боеспособности не может быть хорошее: потому что там много учеников[-]белоручек и босяков из слобод[,] которые не держали ружья в руках[,] и теперь его избегают» (14.11.1918)²⁵⁹.

Если удалить из сообщения Севастьянова детали, то подчеркнутая им особенность белых отрядов привлекать учащуюся молодежь подтверждается и белогвардейскими источниками. В одном из документов колчаковской армии сообщалось о том, что в д. Кой Перовской вол. Канского уезда рота из цензовой молодежи переколота другой ротой, составленной из бывших и мномо раскаявшихся красноармейцев²⁶⁰.

В докладных записках командованию в Омск о составе повстанцев Степно-Баджейской волости указывается, что 60% составляют латыши, 30% уголовный элемент, 10% дезертиры»²⁶¹. Это волость действительно отличалась высокой плотностью латышского населения. Но остальные 40% уголовников и дезертиров должны были скрыть участие русского населения в повстанчестве. По-видимому, уход латышей и латгальцев в оппозицию к колчаковцам происходил на почве колчаковского обложения. Кроме денежных налогов вимались одежда, хлеб, мясо в размерах, которые трудно было удовлетворить. Предпочтения отдавалось их хуторам по причине их более высокого благосостояния. Но играл свою роль и этнический момент. Историк К. Шкильтер приводил пример смешанного русско-латгальского села Двин-

ское в Мариинском районе. Колчаковцы сожгли все латгальские дворы, а русские – не тронули²⁶².

Среди командиров повстанцев также называются уголовники, латыши и убогие люди как, например, Иванов, бывший писарь с. Перовское, захвативший с собой волостную печать, пишущую машинку и печатающий на ней возвания²⁶³.

Непременный атрибут сообщений об успехах большевиков – это указание на бездонность их денежных запасов. Кадинец связал прибытие в Енисейскую губернию некоего Шмидта с 30 млн. и восстанием 5 тыс. крестьян, которые за малым не взяли Минусинск²⁶⁴. Полковник Мартынов в своем донесении писал: «Главная масса красных – это таежники; очень честные люди, за деньги прекрасно служат. Прекрасные стрелки. Очевидно, большевики располагают большими деньгами. Таежники отличаются большой выдержкой в огне, допускают до 20 шагов. Порох и свинец достают в кооперативах (кооперативы, видимо, действуют с ними заодно). Окопы устраивают из толстых бревен, засыпают снегом и поливают водой»²⁶⁵.

Если сравнить тексты полковников Кадинца и Мартынова, то второй офицер в меньшей степени увлекается «победами» над повстанцами за письменным столом. Он дает более трезвую оценку без попыток принизить противника. В донесении Мартынова перечислены те элементы красной агитации, которые делают ее эффективной. Обращается внимание, что при мобилизации в колчаковскую армию не выдается казенное обмундирование. С точки зрения крестьян это был существенный минус. Основание для плодотворной агитации давала налоговая политика Омского правительства, которую сами белые называли формой «насаждения государственности»²⁶⁶.

Также отличается объективностью сообщение есаула Трофимова из отряда генерал-майора Афанасьева (4.03.1919): «У красных высокая дисциплина огня; сторожевая служба поставлена великолепно, пропускает дозоры и обстреливает ядро отряда; нападает преимущественно в 2-3 часа утра; захват наших постов производят всегда с помощью обхода лыжников; внутренняя

связь у красных очень высока, уверенность в успехе есть, всегда чувствуется; в последнее время у красных появились большие отряды конницы, до 400 всадников. Любимые приемы красных – обходные действия лыжников, при чем пользуются тропинками и дорогами нам неизвестными. В бою строй принимают рассыпной, имеют в тылу [несколько] цепей поддержки; к местности применяются идеально; занимают для обороны окраин деревень и гребни возвышенностей. Захватить внезапной атакой отдельный пост, заставу или караул красных нам почти никогда не удавалось». О причинах неудач собственной армии пишет: «Во всех наших действиях чувствуется какая-то нерешительность и нераспорядительность». Подчеркивает малочисленность посылаемых в районы восстания отрядов²⁶⁷.

Латышей действительно немало было в составе Красной армии и повстанческих отрядов, ведших борьбу против белых армий. Легендарной составляющей Гражданской войны стало представление об упорстве и стойкости латышских частей, о жестокости и принципиальности латышских чекистов. Пока не найдены истоки и объяснение происхождению этой фобии, поскольку, если бы ее появление относилось к 1919 г., это можно было бы связать с участием в боях с белочехами на Восточном фронте. Но самое раннее ее проявление, из числа обнаруженных до сих пор, относится к июлю 1918 г.

В донесении командира батальона связи Латышской стрелковой советской дивизии о событиях левоэсеровского мятежа в Москве в июле 1918 г. рассказывается об эпизоде, когда два его бойца попали в плен к «поповскому»²⁶⁸ отряду на Покровке. Вскоре вернулись и рассказали, что обращение с ними было деликатным, т.к. «поповцы» страшно боятся латышей и желают разойтись с ними мирным порядком (7.07.1918)²⁶⁹. Возможно, что это связано было с тем, что именно латышские части оказали наиболее упорное сопротивление левоэсеровским и анархистским отрядам в уличных боях в Москве.

Первое участие латышских полков в революционных боях в Финляндии, куда они были посланы в середине января 1918 г.

на помощь финской Красной Гвардии, не оказалось занесенным в революционные анналы, потому что стрелки 6-го латышского полка были возмущены расстрелом по приказу штаба красных финнов первых же взятых в плен белофиннов – трех совсем молодых парней. Бывший председатель полкового комитета 6-го Торшинского латышского стрелкового полка Лаубэ, который описал этот эпизод, попытался оправдать эту реакцию, мол, они «не особенно одобряли действия Финляндской красной гвардии, так как были еще мало знакомы с содержанием и классовой сущностью настоящей Гражданской войны»²⁷⁰.

Массовость участия латышей в восстаниях в Сибири не абберация восприятия зашоренного белогвардейца. Причина в том, что латыши переселялись в Сибирь несколькими волнами. Первая – с начала XIX в. Тогда они переселялись в Сибирь целыми селами за участие в крестьянских выступлениях. Волна 1890-х гг. была вызвана малоземельем. С 1905 г. в Сибири появились ссыльные интеллигенты-революционеры. Вместе с ними началось культурное развитие старых деревень. Появились школы, библиотеки. Кроме латышей в Сибири проживали и латгальцы – народ, родственник латышам, главный источник батраков и чернорабочих, появившийся в Сибири в 1890-е гг.²⁷¹.

К 1917 г. в составе 12-й армии кроме 12 русских стрелковых и пехотных полков находилось 8 латышских стрелковых полков и один запасной латышский. Это были части, созданные в 1916 г. по инициативе депутата Государственной Думы А.А. Гольдмана, сторонника идеи национального самоопределения²⁷². Перелом в политических симпатиях этих батальонов наступил гораздо раньше, чем в других частях армии. Это было связано с разгромом русской армии под Ригой летом 1917 г., а также большевистской агитацией. Немалую роль в этом сыграло издание газеты 12-й армии «Окопная правда»²⁷³.

Офицеры-латыши, сторонники Временного правительства, потеряли свой авторитет среди солдат; они покинули батальоны, в которых утвердились позиции левого крыла латышского офицерства во главе с революционно-настроенными полковником

И.И. Вацетисом, подполковником Г.Г. Мангулом (Мангольдтом), Я.Х. Петерсом и М.И. Лацисом (этот процесс одинаково описан красным латышом Лаубэ в 1932 г. и офицером-белоэмигрантом Владимиром Посторонкиным в 1928 г.)²⁷⁴. Латышские части стали воплощением процесса «углубления революции»: 3 сентября 1917 г. исполком объединенного совета депутатов латышских стрелковых полков призвал ЦИК Совета солдатских и рабочих депутатов взять государственную власть в свои руки. Именно этой ролью латышей в начале революции объяснимы десятимесячное главкомандование Вацетиса, участие латышей в охране Смольного и Кремля (март – осень 1918 г.)²⁷⁵ и в организации структур Чрезвычайной Комиссии. Эти части были дисциплинированы, чем отличались в лучшую сторону от других революционизированных отрядов, особенно матросских. Как писал Лаубэ, находясь во враждебном окружении, латыши понимали, что им надо подтянуться во всех отношениях, показать себя дисциплинированной и спаянной боевой единицей. Прибыв 22 ноября 1917 г. в Петроград, они прошли от Балтийского вокзала в таком порядке, что на следующий день газеты стали ставить их в пример расшатанным и разлагавшимся русским полкам²⁷⁶. В столице они приняли участие в разгоне Учредительного собрания и ликвидации эсеровского центра на Галерной улице в Петрограде, в Саратове – в акциях против анархистов и др.

Третья группа латышей, оказавшихся на территории Центральной России и втянутые в революционные события, это рабочие эвакуированных при наступлении немцев прибалтийских заводов («Старс», «Сириус», «Ланге», «Мантел», проволочный завод «Беккер и К^о» были направлены в Екатеринославль; Русско-Балтийский судостроительный завод – в Таганрог и т.д.)²⁷⁷. Оккупация немецкой армией территории Украины заставила их отойти в район Северного Кавказа, Центра страны, Поволжья. Они вновь оказались беженцами. Проживающие на казарменном положении, не имеющие устойчивых связей с местным населением латышские рабочие с охотой создавали отряды Красной Гвардии. Членство в них давало ощущение товарищеского локтя

и владение оружием – важную охранную меру в условиях нарастающей социальной энтропии.

Пополнение латышских полков шло и за счет тех, кто покинул Латвию после занятия ее немцами. Так, в псковском селе Торошино из них сформировался новый полк под командованием Карла Киршевича Герцберга. 6-й Торошинский латышский стрелковый полк воевал на Урале против чехословаков; летом 1918 г. полк выдержал многочасовой бой под станцией Михайловской, благодаря которому из Екатеринбурга было вывезено военное имущество и состоялся расстрел царской семьи; в этом бою погиб командир полка. В городе Арзамасе остатки полка были влиты в 4-й Латышский стрелковый полк.

В 1932 г. на вечере воспоминаний о боевом прошлом бывший красноармеец этого полка Кронколн подробно описал бой под Михайловской. Он оценил этот бой как упорный и героический и отметил как особенные два факта: попытку самого командира полка Герцберга с тыловиками отбивать у чехов эшелон, во время которой они все и погибли; и поведение командира батальона, который сам вместо посыльного под градом пуль предупредил роты об отходе. А также поведение раненых товарищей, которые просили оставить их на поле боя, а когда подходили чехи взрывали себя ручными гранатами.

Присутствующие попросили Кронколна высказаться по поводу причин почти полного уничтожения полка. Он отметил, во-первых, негативное влияние опыта позиционной войны, отсутствие привычки заботиться о флангах, которые при регулярном фронте прикрыты соседними частями. А, во-вторых, среди белочехов оказались латыши. Еще до боя красные латыши, рассчитывая, что их не понимают окружающие, свободно говорили между собой на любые темы, в том числе и секретного характера. А во время боя белые латыши могли слышать переговоры красных латышских стрелков о том, что у них уже нет патронов. Во время отступления к ним присоединился одетый, как и они, в солдатскую одежду латыш, предложивший их вывести, но привел прямо на огневую точку²⁷⁸.

В составе армии А.В. Колчака находилось два латышских полка – Троицкий и Владивостокский, сформировавшиеся под националистическими лозунгами²⁷⁹. Историк К. Шкильтер²⁸⁰ в рукописи «Латыши в гражданской войне в Сибири. 1918-1919 гг.», датированной 1930-ми годами, объяснил антибольшевистскую ориентацию части латышского населения. По оценке съезда латышей Сибири в Иркутске (март 1919 г.), Брестский мир – это удар по латышской независимости: большевики отдали латышский народ в руки вековых угнетателей – немцев. Поэтому из 40 тыс. латышских стрелков, покинувших родной край, в советских полках осталось только 3 500 чел., и в действительности советские латышские полки состоят из военнопленных немцев и мадьяр, русских и китайцев. Было создано Центральное бюро Временного Латышского национального совета для Сибири и Урала, которое вело агитацию за вступление в формируемый во Владивостоке под командованием Я. Озола латышский полк имени Иманта – героя латышских преданий. Шкильтер уверяет, что среди сибирских латышей было мало националистов. Но зато был важен статус «честного иностранца», который не может быть призван в колчаковскую армию и может свободно передвигаться, не прячась. Поэтому даже пробольшевистски настроенные латыши вступали в полк имени Иманта. Сам он поступил именно так.

Весной 1919 г. у Жанена, командующего всеми «иностранными» частями Сибири (чешскими, польскими, румынскими, латышскими) возникла мысль, чтобы эти воинские части в боевом порядке пробились через большевистский фронт на свою родину. Поэтому было отдано распоряжение не отсылать латышей к Озолу во Владивосток, а направлять их в Троицк Екатеринбургской губ. Так появился Троицкий латышский полк²⁸¹.

Китайские красноармейцы действительно отличались особой стойкостью, что было связано, прежде всего, с гораздо более тяжелыми последствиями плена для них, чем для русских. Примечательно, что из нескольких взятых в плен красноармейцев осетины-казаки расстреляли именно китайца²⁸². Отставшие во

время отступления XI советской армии китайцы уничтожались подчистую²⁸³. Один из авторов данной монографии уже давал обоснование того, что стойкость «инородческого» контингента боевых единиц не имела непосредственного идеологического или чисто этнического контекста. Например, в отряде атамана Семенова казаки, тунгусы и китайцы как неустойчивый элемент разбежались и предавали его, поскольку в Забайкалье они – местные жители. Личной гвардией Семенова стали 2 тыс. сербов, возвращавшихся также, как и чехи, на родину через Владивосток, которые отличались и стойкостью, и верностью атаману²⁸⁴.

Сами участников событий наблюдали, например, на Северном Кавказе палачей-китайцев, работавших на денкинцев. «Бензинщик» Ланщиков упоминает китайца, который при отступлении большевиков повесил причастного к советской власти инженера Соколова, и теперь ходил во френче этого доктора²⁸⁵.

Непременное участие китайцев, латышей и мадьяр в боевых и карательных акциях, проводимых большевиками, является довольно типичным элементом белоэмигрантских мемуаров. Этот мотив является составной частью существовавшего в годы войны убеждения, что все происходящее со страной – злонамеренная акция и результат иностранного вмешательства. 31 января 1918 г. атаман Назаров сообщал газете «Ростовская речь» полученные им «точные» данные: «В наступлении германо-большевиков принимают участие преимущественно военнопленные немцы и латыши. Русских очень мало»²⁸⁶. Отсюда и распространенные в то время настроения осуществлять борьбу с большевизмом чужими руками: чтобы русские не пачкали свои руки русской кровью.

Во время переговоров с французами генерал И.Г. Эрдели записал в своем дневнике: «А что будет с нами бедными? Чехословаки от нас уйдут, борьбу с большевиками надо вести нам самим, русскими людьми с русскими же. Будут настоящие политические социальные междоусобицы. Опять кровь, если только союзники не вмешаются в наши внутренние дела и не поддержат здоровые элементы» (31.10.1918)²⁸⁷.

Показательным примером того, как менялось восприятие противника в Гражданской войне является отрывок из воспоминаний бакинской подпольщицы Ю. Лёлиной. Она должна была разведать возможность поездки в Москву старого работника Н.И. Соловьева, который приехал в Баку из Москвы через Константинополь. Теперь решил ехать обратно. Она проделала по железной дороге путь от Порт-Петровска до Новороссийска. В ее тексте немало описаний типажей белых офицеров, ведь они были основными пассажирами поездов. Лёлина описала их повальное занятие коммерцией. Это не противоречит истине. Генерал Эрдели в своем дневнике, переживая по поводу своего безденежья, задумывался над затеей какого-либо дохода. Молодой денкинец А. Моллер обсуждал с одним из приятелей организацию торговли шампанским из Абрау-Дюрсо.

Лёлина наблюдала офицеров, которые занимались продажей контрабандного бакинского машинного масла и керосина, продовольственных товаров, по-видимому, из армейских резервов:

«На остановках к вагону подходили всякого рода подозрительные штатские. К ним выходили офицеры и вели переговоры о покупке сельдей, муки, торговались, ударяли по рукам, из рук в руки переходили деньги. Никогда в жизни нельзя было себе представить более отталкивающего командного состава, чем тот, который мне пришлось наблюдать в эти двое суток переезда»²⁸⁸.

После этого Лёлина как пример исключительный описала двух офицеров:

«Спутники мои в вагоне – два офицера-добровольца были единственно порядочными представителями военной касты денкинского вагона. Они не кутили, не торговали, жили исключительно на выдаваемое жалование и вели полуголодный образ жизни. С болью в душе они жаловались мне на порядки, которые создавались в армии и выражали опасение, что с такой армией победа будет чудом. [...] Мне думается, что большая ошибка всех современных рассказов и воспоминаний о вражеском стане это непременно часто притянутое за уши описание врагов

непрерывно сплошь состоящими из негодяев. К сожалению, там были люди идейные, искренно заблуждающиеся, но они к счастью были очень редкими экземплярами и вероятно дорого заплатились и физически и морально за свою веру в торжество победы над большевиками»²⁸⁹.

Итак, для периода Гражданской войны у активно действующих в ней лиц представление о противнике было вполне адекватным. Но если обратиться к агитационно-пропагандистской литературе или к текстам, предназначенным гражданским лицам, то будет ясно, что обе стороны стремились создать у населения, да и у собственной армии максимально отрицательный образ врага.

Для белогвардейцев характерны два эмоционально-смысловых приема в изображении противника: представление большевиков и их действий иррационально жестокими, не имеющими смысла, а также уподобление врага умственно неполноценным людям. Например, главкомверху А.А. Автономову приписали ношение биноклей не только на груди, но и почему-то на спине²⁹⁰. Штабс-капитан Хохлов писал с фронта товарищу в тыл: «У нас на фронте идут все время очень удачные операции[,] мы подходим близ Купянско-Узловой. Товарищи бегут[,] увидя кухню[,] и говорят, что это Марковская танка[,] удирают полками[,] никакие не влияют на их угрозы комиссаров» (20.05.1919)²⁹¹. Примеров злого высмеивания большевиков в письменных источниках не так уж много, это были устные предания, которые на бумаге излагались редко, но ссылки на то, что разговоры на подобные темы были популярны, имеются в изобилии. Даже в служебной записке полковника Кадинца и батальонного адъютанта, чиновника военного времени Николаева говорится, что наступление предпринято «имея в виду психологию, свойственную недисциплинированным бандам красных, преувеличивать грозящую опасность...» (30.12.1918)²⁹².

В обычаях приличного общества было одергивать всяких *parvenu*, чтобы они знали свое место. Критике подвергались проявляющие неуместную активность представители низов: пра-

порщики, командующие полками и дивизиями; парикмахеры и телеграфисты во главе государственных образований, – все это казалось фантастическим балаганом, который нужно было не только уничтожить, но и высмеять.

В агитационных целях обе стороны использовали массовые стереотипы и фобии, надежно привязывая их к своим лозунгам. Ростовский протоиерей С. Щукин издал в 1919 г. образцовую проповедь «О “волках в овечьей шкуре”». В ней он квалифицированно активизирует распространенные народные предубеждения – ревность к приезжим, занимающим начальственные кресла: «Откуда-то разом наезжает в этот город множество *ихних* людей, и все эти приезжие люди сразу делаются начальством. Никому неизвестные, незнакомые с местностью, невежды в деле, они властно и самоуверенно распоряжаются всем. [...] Правда, они говорят: все принадлежит народу, но под народом они подразумевают только себя... [...] Мы за свободу, говорят они, но вы должны слушать только нас, делать то, что мы велим делать, повиноваться нам бескорыстно. Мы за свободу, но не смейте осуждать наших распоряжений». Большевики дают крестьянам землю, но отбирают выращенный хлеб и куда-то увозят, потому что земля объявлена государственной, данной лишь в пользование. За фанатиками идут «малообразованные и обиженные жизнью люди, нуждающиеся и обездоленные». Есть корыстные: «...Не думают они о счастье народа: одни из них хотят пожить на полной воле пьяно, распутно и весело, другие, захватив власть, стараются отомстить врагам, иные просто наживают богатство посредством грабежа и разбоя»²⁹³.

Хорошо ориентируясь в событиях политической жизни 1917 г., протоиерей проследил непоследовательность большевистской линии, ту легкость, с которой они меняли лозунги по отношению к войне, советам, Учредительному собранию, т.е. ту диалектичность, которой так гордился Ленин.

Лидер ростовских большевиков С.Ф. Васильченко вступил в пропагандистскую дуэль с протоиереем. В своей брошюре он эксплуатирует те же настроения, что и протоиерей Щукин. О бе-

лых офицерах и вообще беженцах из Центральной России он пишет: понаехало то «паразитическое дармоедствующее население», которое оттуда прогнал русский трудовой народ, и хочет «слетевшаяся на Дон саранча» казачьей кровью вернуть себе власть, чтобы продолжить душегубствовать. Он отрешивается от украинских отрядов, тяжелым потоком прошедших в 1918 г. по Дону (М. Никифоровой, Петренко, Гурьева, матроса Жукова) – это не большевики. И предлагает казакам новые условия несения воинской службы. Казачье войско войдет в Красную армию, и все расходы по формированию в мирное и военное время государство берет на себя. Снаряжение, обмундирование и кони, приведенные с собой, будут возмещены из государственных средств²⁹⁴. Это было очень верное решение, ведь в царское время все это казак должен был купить самостоятельно. Эта обязанность возлагалась на него за право пользования юртовым наделом, который считался государственной собственностью. Если казак не мог собраться в полк на свои средства, их ему одалживало станичное правление, забирая на несколько лет у казака его надел. Тот сдавался в аренду, а плата шла на покрытие долга.

В прифронтовых районах агитация населения против сочувствия белым базировалась на эксплуатации народных стереотипов. В воззвании Комитета обороны Плюсского района Псковской губернии говорилось, что белогвардейцы – это белоручки-золотопогонники, они хотят вернуть николаевское крепостное право: «...Они желают, чтобы опять крестьянин и рабочий на них работал и в то же время при встрече за три сажени снимал перед ним свою шапку, разговаривал с ним даже при морозе с голой головой». Воззвание напоминает крестьянам о насилии и грабежах, что белогвардейцы для каждого находят вину – и для советского служащего, и обыкновенного крестьянина; заставляют участвовать в расстрелах и нести караулы. Впрочем, красные тоже заставляли жителей нести охрану телеграфных проводов, рыть окопы²⁹⁵.

Страницы газет по обе стороны фронта полны тенденциозных сообщений о зверствах, самоуправстве или глупости про-

тивника. Как писала екатеринославская газета «Рабочее дело» о казачьих частях, введенных на территорию Донбасса, их насилие градируется по национальностям: евреев бьют, раздевают, арестовывают и отпускают за взятку, украинцев бьют и раздевают, русских только раздевают (18.11/1.12.1918)²⁹⁶. Непроверенные или тенденциозно интерпретированные сообщения белогвардейских газет о зверствах чрезвычайных комиссий вошли в официальные документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. По нашему мнению, проверка этих сведений может быть осуществлена при помощи воспоминаний и дневниковых записей, что и поможет адекватно истолковать конкретные случаи расправ над врагом. В полной мере документам Особой комиссии доверять нельзя. Неточность и тенденциозность в подаче материалов может быть не только предположена, но и продемонстрирована на основе сравнения двух источников разного происхождения, рассказывающих об одних и тех же событиях.

Этот случай вошел в сводку сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков № 12: «В селе Александрия Благодарненского уезда в июле 1918 года крестьянин (sic!) Аким Леликов был приговорен дивизией Жлобы к смерти за контрреволюционность». Это событие по каким-то причинам запомнилось и многим партизанам из Стальной дивизии, которой командовал Д.П. Жлоба, и они единодушно, путаясь, правда, в фамилии (Леков, Лелеков), называли его «бывшим земским начальником», обладателем достаточно большого дома, в котором потом разместился штаб. Очевидцы также указывали, что приговор ему был вынесен не трибуналом, а сельским сходом, после которого его «общим собранием закололи»²⁹⁷. Если это был действительно самосуд местных жителей, вопрос, чем же он был вызван. Бывший корниловец М.Н. Левитов вспоминал, что во 2-м Корниловском Ударном полку в августе 1919 г. командиром 4-й роты был поручик Лелеков²⁹⁸. Не был ли «земский» Леликов родственником поручика Лелекова? Кроме того,

массовая расправа односельчан над ним могла произойти только в том случае, если он в глазах сельского сообщества казался исключенным из их среды; в связи с дореволюционной деятельностью или по причине пособничества белым – неизвестно.

Таким образом, сводки «О злодеяниях большевиков» видели своей задачей констатацию фактов террора, выяснение поводов к экзекуциям не входило в их задачу. Поэтому для современного человека само перечисление жертв выглядит не просто мартирологом, а летописью беспричинной жестокости обезумевшей толпы.

По-видимому, история раннего периода советской юриспруденции и пенциарной системы еще ждет своего беспристрастного исследователя. Ее подлинное лицо, наверняка, интереснее, чем хрестоматийный «железный Феликс» или сумасшедший палач-изувер белоэмигрантской мемуаристики.

В фондах Псковского губисполкома обнаружены документы 1918-1920 гг., рассказывающие об этой стороне деятельности советской власти. 9 октября 1918 г. на заседании губернской чрезвычайной комиссии заслушивались и обсуждались доклады следователей о предварительном расследовании дел, которые первоначально расценивались как дела о контрреволюции.

В ходе обсуждения дела агента уголовного сыска Быстрова, обвиненного в доказанном получении взяток, возникла дискуссия между членами комиссии Мэреном и Матсоном о мере наказания. Речь шла о том, что, с одной стороны, строгость к одному из советских служащих станет «благодетельным примером для других», а, с другой стороны, суровость вызывает озлобление масс, и вообще – социалисты против смертной казни. На голосование были поставлены три меры пресечения: пять и десять лет исправительных работ, расстрел. В данном случае был утвержден расстрел – в связи тем, что правонарушение совершено в тяжелый для советской власти момент. Заседание Псковской чека проходили в Великих Луках, т.е. в эвакуации, Псков был занят немцами.

Некоторые подследственные признавались Комиссией подсудными революционному трибуналу, как, например, крестьянин Изотов за публичные разговоры о жизни по эту и ту сторону демаркационной линии. Рассматривая другое дело, Комиссия чека посчитала разносчика слухов о том, что конфискованных советскими органами лошадей отправляют в Германию, темным крестьянином и решила, что предварительного заключения для него достаточно²⁹⁹.

В то же время на территории Псковской губернии, подконтрольной большевикам, существовал еще один орган – Коллегия трех по управлению губернией. Она также занималась назначением мер наказания различного рода нарушителям и преступникам. В нее входили председатель губисполкома, председатель губчека и председатель губкома. Основную долю рассмотренных дел составляли касающиеся деятельности военных и советских должностных лиц. Среди обвинений – то сношения с противником, то превышение власти («неправильные расстрелы во время подавления восстания»). Такие дела направлялись в Межведомственную следственную комиссию – на расследование. Коллегия разобравшись, что имеет место не умышленная порча моста, а хищение, «коллегия трех» переправила дело к народному судье. Некоторые дела Коллегия заканчивала сама, признав их подсудными именно ей, и выносила решения: месяц общественных работ, рекомендовать ячейке исключить обвиняемого из списков членов партии, и т.д. В одном из документов упомянута практика Плюсской уездной чека: после проведения обыска брать расписки у граждан, что во время производства осмотра у них ничего не пропало. Они подписывались также и понятыми³⁰⁰.

В том же фонде есть дело под названием «О деятельности губернского концентрационного лагеря, Июнь-декабрь 1920 г.». Среди инструктивных бумаг в этом деле находится руководство для устройства Революционного Трибунала, подписанное П. Стучкой: «В своих решениях Революционный Трибунал свободен в выборе средств и мер борьбы с нарушителями рево-

люционного порядка, применяя в качестве таковых: денежный штраф, общественное порицание, лишение общественного доверия, принудительные общественные работы, лишение свободы, высылка за границу и т.п.»³⁰¹.

Среди заключенных концентрационного лагеря, открытого 25 июня 1920 г., находились осужденные трех категорий в соответствии со сроком: до 5 лет; от 5 до 10 лет; осужденные до конца войны; а также бессрочные (заложники и военнопленные). Численность первых трех категорий в ноябре 1920 г. такова: 89 – 55 – 159 чел.³⁰² В основном это преступники по должности и дезертиры. Заключенные работают на предприятиях и в различных советских учреждениях, в исполкоме, ОНО, милиции. Плата за их труд перечисляется в лагерь. Двое заключенных ходят на внешние работы расконвоированными: лекпом – в местную тюрьму, другой заведует городскими водопроводами. Начальник лагеря Лепин просит присылать разных заключенных (он имеет в виду уголовных), чтобы поднять производительность труда в лагере. Он рапортует, что заканчивается установка колючей проволоки, но электроэнергия еще не подается³⁰³.

Подобные эпизоды с низкой степенью накала классового противостояния обычно не отражались в текстах воспоминаний. Они просто не стоили упоминания. В условиях суровой и скудной послевоенной советской или эмигрантской жизни написание автобиографии было редким поводом вспомнить, пожалуй, самые яркие страницы жизни, поэтому в текстах так много запоминающихся деталей. Памяти удостаивались случаи уникальные, не оставлявшие человека и через годы. Они и становились образами эпохи.

Вот пример обратного свойства. Газетный материал времен Гражданской войны и многочисленные синхронные и деферативные источники единодушно подтверждают, что рассказы о специфическом поведении матросов в 1918 г. – это не выдумка. Одна из украинских газет в номере от 25 марта 1918 г. рассказывала о причинах погрома на вокзале. Матросы из про-

ходящих эшелонов разграбили железнодорожный склад с консервами, за что и были арестованы милицией. Депутация из эшелона сначала признала уголовный характер преступления, но затем пустила слух, что матросов арестовали те, кто идет против советской власти, что и привело к разгону местной милиции³⁰⁴.

Показательны воспоминания Л.Л. Ритвина о ранних страницах истории советской власти в его родном селе Орехово (какой губернии – не указано). В начале 1918 г. в Орехово был организован совет, и в него вошли все партии – и меньшевики, и сионисты, и несколько большевиков. И жизнь пошла по старому. Но стали одолевать проезжие анархисты: «Махно, Маруся Никифорова, каждая из этих сволочей приезжала[,] терроризировала население[,] и Совет должен был платить деньги, чтобы уехали, да Маруся к тому хотела керенки и Николаевки, а в кассе лишь украинские сотенные. Пришлось как-нибудь лавировать путем налогов на контрибуции и т.д.» (23.12.1927)³⁰⁵.

Иван Макарович Кохно описал целую череду визитов в Кременчуг Полтавской губернии эшелонов и отрядов с именами запомнившимися ему и не запомнившимися. В декабре-январе 1918 г. на станции появился эшелон с какой-то военной частью в полном боевом порядке, которая двигалась неизвестно куда и зачем и именовала себя полком Свободы. Затем в город явился поезд из пульмановских вагонов с матросами и полувоенными людьми, вооруженными с ног до головы пулеметными лентами, револьверами, гранатами и пр. Они представились отрядом «Анархия» и заявили, что находясь в Кременчуге, они являются в нем высшей властью, что местная буржуазия обложена контрибуцией в один миллион рублей. Они выставили свои караулы на вокзале и у штаба КГ, и пошли в город за контрибуцией. Местным красногвардейцам удалось таки, вылавливая по отдельности в городе, разоружить, арестовать и отправить матросов в Полтаву. Потом выяснилось, что этот поезд они угнали в Херсоне и около месяца гастролировали. Потом в Кременчуге так же побывали Маруся и матрос Полупанов³⁰⁶.

Но противники занимались и целенаправленной дискредитацией врага путем действий под видом частей противника. В нескольких донесениях в Псковский губернский комитет говорится о провокационной деятельности отряда Булак-Балаховича. Под видом красных частей и отрядов чрезвычайных комиссий он чинит в селах демаркационной линии бесчинства (обыски, реквизиции), чем вызывают еще большую ненависть к советской власти, говорилось в них. В этом были замечены и отдельные белые отряды, сформированные в Пскове³⁰⁷.

Но в целом, видим, именно контент пропагандистских материалов вошел в мемуарную литературу и задал в ней тон.

В 1929 г. по распоряжению районного комитета партии жители х. Водяно Покровского р-на Запорожского округа составили коллективные воспоминания о Гражданской войне под названием «Ужасы в Водяно». Запомнившиеся им примечательные события мая 1919 г., когда советские части отступали с Украины, исчерпывались всего двумя сюжетами. Возле хаты крестьянина Сонченко остановилась тачанка с командой телефонистов. Два красноармейца и один командир, увидев, что не успевают отступить со своей частью, спрятались на чердаке дома Сонченко. Появившиеся белые заинтересовались, прежде всего, содержимым его конюшни и стали забирать молодого коня. Сонченко не отдавал, упрашивал, потом сильно ударил белогвардейца. Тот побежал за подмогой. Сонченко запер дверь в хату и тоже укрылся на чердаке. Когда он увидел, что дверь уже поддается, он, побоявшись быть обнаруженным вместе с красноармейцами, перелез из чердака в конюшню, а потом в свинарник, где и прятался меж двух огромных свиней. Целое лето он не жил дома, скрываясь по балкам как преступник. Красноармейцы тоже благополучно спаслись. Вторая напасть, связанная с пребыванием белых, состояла в том, что по хутору пошли венерические болезни³⁰⁸.

**«...Из Турции властитель,
Жестокий варвар, деспот и мучитель...»:
синхронные документы об участии турок
в Гражданской войне в Дагестане и Закавказье**

Кроме германской армии и стран Антанты в событиях гражданской войны в России принимали участие подданные Османской империи³⁰⁹. Особенно длительной и масштабной была деятельность на Северном Кавказе генерала Нури-паши, впоследствии получившего фамилию Кылыгын, или Киллигиль (1881-1949), в 1918 г. – командующего Кавказской мусульманской армией, сводного брат военного министра Османской империи Энвер-паши.

О нем писали в советских воспоминаниях крайне редко, а вот в синхронных документах он постоянно действующий персонаж. Главная причина его ограниченного присутствия в меморатных текстах те затруднения, с которыми сталкивались их авторы по части интерпретации его роли в событиях. Например, один из ведущих лиц мусульманской партии «Гуммет» Али Гейдар Ага Керим оглы Караев в своей книге «Из недавнего прошлого» (1926) показывает турок как революционную силу, выполняющую решения своей партии «...». За это и многое другое спустя 10 лет он был подвергнут уничтожающей критике, имевшей для него роковые последствия. Но к этой его оценке следует отнестись внимательнее, потому что другие выводы его книги подтверждаются в ходе непредвзятого знакомства с документами, например, изображение т.н. апрельской революции 1920 г. (советизации Азербайджана) как события, произошедшего безо всякой борьбы и силами, пришедшими извне, и др.³¹⁰

В 1918 г. Нури-паша был командующим Кавказской мусульманской армией, которая с июля по сентябрь штурмовала Баку. Ей противостояли отряды Баксовета. Из внутренней переписки деятелей Бакинской коммуны явствует, что основной силой этой армии были мобилизованные местные мусульмане-тюрки, и их численность достигала 2-3 тысяч. В то время как в

энциклопедической литературе указывается численность до 13 тысяч. Нури-паша предъявил Шаумяну ультиматум – город сдать без боя, неприкосновенность членов правительства, свободный выезд. Он не принят (Бойцов В. 1925)³¹¹. 17 сентября его войска все же вошли в город, но пробыли там лишь до 17 ноября 1918 г. и по Мудросскому перемирию должны были уйти. А через год Нури-паша уже странный, но все же союзник большевиков Закавказья и Дагестана.

В течение весны и лета 1919 года Нури-паша слабо проявлял себя в политической жизни региона и «всплыл», по словам комиссара Кизлярского фронта Бориса Шеболдаева, только к осени этого года. С вооруженными силами, подчиненными турецким офицерам, центральное командование Красной армии вело себя так же, как и с другими частями. В сентябре 1919 г. генерал Нури-паша получил красное знамя, специально переправленное для него из советской России³¹². Нетрудно прогнозировать реакцию Нури-паши на эту честь; известно, что Кязим-бей спустя полгода пришел в бешенство, увидев красные значки на руках мусульманских солдат.

Несмотря на соглашение, отношения между всеми участниками антиденикинской борьбы на Северном Кавказе были непростыми, склонными к скатыванию к открытому конфликту. Шеболдаев писал в декабре 1919 г. в Чечню Николаю Гикало, вскоре назначенному командующим Красной повстанческой армией Терского края, о том, что перспективы в отношении формирования и обучения отрядов хорошие, в т.ч. благодаря планомерной работе Нури-паши. И тут же делал приписку: дела идет хорошо, несмотря на противодействие Нури-паши. Это фраза показывает, что Нури-паша оказывал помощь в собирании сил, но даже в декабре 1919 г. признавать это было неприлично.

В письме Шеболдаева не сказано, в чем заключалось противодействие, но очевидно, что претензии сводились к исламизму и пантюркизму Нури-паши и к подозрениям, что в итоге он переметнется на сторону контрреволюции. Вероятно,

этой настороженности способствовало настраивание массы солдат-мусульман на турецко-азербайджанскую (мусаватистскую) ориентацию, а также агитация против большевиков как безбожников и противников ислама. Но, несмотря на недоверие, большевики Дагестана шли на сотрудничество с турецким генералом, подчиняясь распоряжениям центра³¹³.

В докладе о положении в Дагестане и организации дагестанской армии, датированном примерно осенью 1919 г., также дается характеристика деятельности турок. Упоминается присутствие двух турецких партий «Иттихад ве-тараки» и «Турецкой национальной партии революционного комитета Караул». Первая из них представляется в целом враждебной к большевизму, использующей его как инструмент в борьбе с Англией. Ее представитель Кязим-бей, командующий русско-грузинскими отрядами, присланными из Тифлиса, считается потенциально опасным, поэтому важно вырвать власть из его рук. Комитет «Караул» рассматривается как идейно близкий, и один из пунктов военных планов Кавкрайкома: перенесение революционной борьбы в союзе с ним в пределы Персии³¹⁴. Комитет также присылал в Дагестан турецких офицеров. Сулейман Нури, офицер-турок, вспоминался бакинскими «бензинщиками» «активным нашим товарищем, турецким офицером», с которым вывозили с о. Урунос динамит и литературу.

Неизменным спутником Нури-паши в Дагестане был Джемалдин Коркмасов. Он выступал в роли буфера между турком-панисламитом и большевиками. Как известно из донесения Кавкрайкома в Астрахань, в марте 1920 г. стоило ему задержать, а Нури-паше оказаться одному в Дагестане как произошел конфликт. Нури-паша им казался агентом мусаватистского Азербайджана. Кавкрайком потребовал у турецких представителей удаления Нури-паши с территории Кавказа, но это не удалось сделать. Вместо Нури-паши турки предлагают кандидатуру Халил-паши, но Кавкрайком возражал и против этой кандидатуры³¹⁵. По мнению Кавкрайкома Совет обороны Дагестана должен ликвидировать влияние турецких офицеров. А

Коркмасов должен находиться в Дагестане до тех пор, пока Нури-паша там. А потом может вернуться в Баку – отдохнуть.³¹⁶

В феврале 1920 г. большевики предъявили турецким офицерам обвинение в сотрудничестве с империалистическими государствами в лице Британии. Шеболдаев эту ситуацию описывал так (20.02.1920): «У нас скандал с турками. Нури-паша и его банда спелись через Азербайджан с англичанами с одной стороны и с Узун-гаджи с другой стороны. В Закавказье работает английское золото для того, чтобы создать из Северного Кавказа белую республику как буфер против Советской власти»³¹⁷. Их план, по мнению Шеболдаева, состоял в следующем: превентивно вывести добровольческие войска из Терека и Дагестана, чтобы красные не вошли в эти области в качестве освободителей. Ведь если РККА войдет на эту территорию, не ведя бои с белыми, то будет выглядеть как оккупант и угнетатель малых народов, а Грузия и Азербайджан будут иметь возможность поставить вопрос о самоопределении этих территорий.

Некоторое время после обмена резкими заявлениями обе стороны предпочитали держать натянутое перемирие³¹⁸. Но уже в ночь на 6 марта 1920 г. Кязим-бей, более склонный к конфронтационному поведению, чем Нури-паша, арестовал в с. Леваша группу большевиков во главе с председателем Совета обороны Султан-Саидом Казбековым, устроил шариатский суд над ними под с. Урма и часть из них расстрелял.

Но к весне 1920 г. выросла численность отрядов в Южном Дагестане, определенно ориентировавшихся на большевиков, в основном за счет интернированных бойцов Красной армии, отступивших в начале 1919 г. в Грузию. Их под видом найма на работу собирали и отправляли в Дербент³¹⁹. Один из таких солдат, Григорий Васильевич Киселев, вспоминал, что под Дербентом рядом с их полком располагалась турецкая часть. Они голодали, ели селедку и коренья, т.к. весь хлеб у них забирали турки. Масса недовольных русских солдат скоро превысила численность турок, и тогда было решено арестовать штаб вместе с Нури-пашой; что и сделали: арестовали и отпра-

вили его в Баку. Рядовые турки поступили под командование красных и все время до взятия Дербента дрались с белыми³²⁰.

Так выглядит конец северокавказского периода жизни Нури-паши в изложении рядового участника событий. В действительности арест и высылка турецких офицеров произошли по решению Совета Дербентского фронта. Отряд Тарикули Юзбекова, бывшего абрека, ставшего большевиком, захватил турок в селениях Рукель, Марага и др., всего 130 человек. Особенно проштрафившиеся из них были расстреляны, остальные высланы в Азербайджан³²¹. Но очевидно, что еще раньше противодействие турок движению частей Красной армии, так и не возглавленной ими, на юг вызывало ответное саботирование их приказов командирами отрядов, что они считали вполне естественным, т.к. Нури-паша еще ранее отказался признавать Совет обороны из-за усилившегося в нем влияния большевиков³²².

Удаленный из Дагестана Нури-паша оказался в Шуше. Там он не имел реальной военной силы, он был скорее популярной среди местного мусульманского населения фигурой. В его отряд входили мусульмане-офицеры. Чтобы сохранять статус он распространял слух, что ему на помощь идет из Турции армия. После прихода Красной армии в Баку он начал свое движение к границе. За ним потянулись многие, кто боялся прихода большевиков. Ночью 16 июня 1920 г. части 18-й советской кавдивизии разгромили отряды Нури-паши у Худферинском моста через Аракс³²³. После возвращения в Турцию был арестован англичанами и заключен в тюрьму в Батуме. С помощью друзей-азербайджанцев совершил побег. Всю оставшуюся жизнь, а он прожил 60 лет, Нури-паша готовился к войне: изобретал и производил оружие и порох, надеялся на антисоветское восстание в Азербайджане в годы Великой Отечественной войны, но не воевал. Однако умер в 1949 г. как солдат – от взрыва на принадлежавшем ему оружейном заводе.

Стоит вопрос, результатом каких политических процессов стала эта офицерская судьба?

Начиная с зимы 1917 г., бои на Кавказском фронте между Россией и Турцией практически не велись; к концу осени фронта уже фактически не существовало. 5 (18) декабря 1917 г. было заключено Эрзнкайское перемирие.

Возникавшие на Кавказе национальные государственные образования искали опору у иностранных политических сил, полагая, что так они успешнее решат задачи национального самоопределения. Первыми такие контакты наладили абхазы и азербайджанские мусаватисты. Как пишут О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба, младотурки смотрели настороженно на усилия по развитию национального самосознания кавказских народов и даже использовали репрессия против активистов этого движения на территории самой Турции³²⁴, но, по-видимому, на черкесов Северного Кавказа и российских мусульман этот запрет не распространялся. Турецкий разведчик Мустафа Бутбай в мемуарах сообщает о создании Северо-Кавказского политического общества, которое затем было переименовано в Благотворительное общество Северо-Кавказских эмигрантов, оно всегда находилось в полной зависимости от Энвер-паши и Талаат-паши³²⁵. Возникший в марте 1917 г. в Сухуми Комитет общественной безопасности под предводительством абхазского князя Александра Константиновича Шервашидзе³²⁶, хотя и был местным органом Временного правительства, к осени 1917 г. стал активно контактировать с турецким правительством посредством офицеров турецкой армии – абхазов-махаджиров. Например, в следующем 1918 г. это были Джамал-бей и Мехтат-бей из рода абхазских князей Маршания. К слову, их родственник Таташ Маршания был главой милиции Абхазского национального совета.

Главный вопрос в отношении Абхазии 1918 г. состоял в том, куда относить эту территорию и ее население – к группе Закавказских народов или к Северокавказскому союзу горцев. Турция принимала участие в переговорах Грузии и Абхазии о типе их будущих взаимоотношений; она поддерживала ориентацию Абхазии на соплеменников Северного Кавказа, а также

была против федерации закавказских народов, т.к. Грузия и Армения ориентировались на Германию – союзницу Турции в европейской политике, но соперницу в этом регионе. Чтобы не создавать между собой дополнительного напряжения, Турция и Германия по секретному константинопольскому соглашению от 27 апреля 1918 г. «поделили» Закавказье: Абхазия и Грузия были включены в сферу политического и военного влияния имперской Германии. Но зато восточные районы Кавказа стали активно осваиваться турецкими эмиссарами.

В марте 1918 г. делегаты от Северного Кавказа просили у Турции военной помощи, и вскоре на Кавказ отправилась первая партия военных специалистов. В Дагестан прибыло несколько офицеров под начальством полковника Исмаила Хаккибея, сразу же приступившего к организации войск для борьбы с большевиками. Не без их участия были сформированы при Горском правительстве части из военнопленных турок, которые показали высокую стойкость в боях³²⁷. 6 октября 1918 г. части турецкой дивизии генерала Юсуфа Иззет-паши заняли Дербент, а 29 октября турки вошли в Темирхан-Шуру. Вместе с ними в Дагестан вернулось Горское правительство во главе с А. Чермоевым. 6 ноября турки совместно с дагестанскими добровольцами повели наступление на бичераховцев, которые, вскоре грузившись на пароходы, отступили в открытое море³²⁸.

Судя по переписке Тапы Чермоева (чеченца) и Гайдара Бамматова (кумыка), у первого были сомнения в целесообразности тесных отношений с Турцией, а второй был горячим их сторонником³²⁹. 3 июня 1918 г. в Батуме Бамматов, Чермоев и Алихан Кантемиров подписали с Турцией договор, по которому Порты признавала независимость Горской республики³³⁰. В то же время Германия отказалась от подобного шага.

Среди горцев были сторонники не только сотрудничества, но и присоединения к Турции, в частности Хан-Магомед Магомедов и Магомед Хаджиханов, которые ездили в Елисаветполь к Нури-паше с целью добиться через него присоединения Дагестанской области к Турции. Но Турция, считая это не-

выполнимым в тех обстоятельствах, отклонила это предложение; но сохранять присутствие в регионе, было сочтено целесообразным. Это решение нашло поддержку среди тех турецких военных, которые уже завязли в местных проблемах.

После занятия г. Баку Нури-паша направил в Дагестан дивизию Юсуф Иззет-паши³³¹, что было сделано в соответствии с одним из пунктов договора, подписанного в Батуме. Этот военный контингент именовался Военной дипломатической делегацией Оттоманской империи при правительстве Союза Горских народов Кавказа³³². В действительности он был первым и на тот момент единственным регулярным войском правительства Горской республики. Если кабинет Тапы Чермоева ведал имущественными и общественными делами, то все военные дела на этой территории были в полной зависимости от Иззет-паши.

Правительство Чермоева «вселилось» в Дербент, перестав быть «правительством в изгнании», после того, как дивизия Иззет-паши отбила город у бичераховцев. Затем была очередь Темирхан-Шуры и Порт-Петровска.

Бесцеремонное вмешательство турецких военных во внутренние дела создавало определенный дискомфорт у местных элит. Еще 23 августа 1918 г. премьер-министр Азербайджана Фатали-хан Хойский в письме на имя М.Э. Расул-заде отмечал: «Политика Нури-паши все больше и больше склоняется к вмешательству в наши внутренние дела»³³³. Несколько позже в своем конфиденциальном письме Нури-паше Хойский озвучил свою обеспокоенность тем, что «все более увеличивающиеся случаи вмешательства воинских чинов Оттоманской армии в дела внутреннего управления Азербайджана и даже полное игнорирование азербайджанских властей нарушают принципы единовластия и тем самым, подрывая авторитет власти, создают анархию во всех сферах государственной и общественной жизни страны»³³⁴.

Помощь горским народом на пути к независимости была составной частью одного из вариантов пантюркизма. Председа-

тель национального совета и национального центра Азербайджана М. Расул-заде сформулировал путь движения для народов Закавказья и Северного Кавказа к могучей тюркской федерации. Сначала реализуется лозунг независимости для этих народов, потом через федерацию кавказских народов происходит постепенное движение к присоединению к Турции. «Опираясь на это последнее толкование “Мусават” еще раз попросит Турцию прийти на Кавказ и “федерировать” его весь с собою. Вот сущность плана Расул Заде», писал автор труда «Турция и пантюранизм» (Париж, 1930) турецкий публицист Зареванд³³⁵.

То есть партия «Мусават» рассматривала себя как инструмент пантюркизма; видела свою миссию на Северном Кавказе в объединении всех горских народов на платформе единоверия, борьбы с казачеством и вытеснения русского населения, а затем установления «непосредственной связи мусульман Кавказа с 35-миллионным мусульманским населением России, а именно: татарами Нижней Волги и киргизами, а через них – с мусульманским населением всего Волжского бассейна, Приуралья, Сибири и Туркестана...»³³⁶.

Если политики все же признавали присутствие турок необходимой, хотя и нелегкой мерой, то реакция широких слоев населения была скорее негативной, чем восторженной. Офицеры-дагестанцы, участвовавшие в Первой мировой войне, не откликнулись на призыв вступить в дивизию Иззет-паши. Гражданская часть населения Дагестана была недовольна реквизициями и грубым отношением турок.

Через месяц после признания Германией своего поражения ситуация изменилась. В начале декабря 1918 г. Энвер-паша вместе со своими единомышленниками был принят на борт немецкой подводной лодки. Субмарина взяла курс на оккупированную немцами Одессу, а оттуда турки были переправлены в Германию³³⁷. Англичане, в зоне преимущественного влияния которых оказался Кавказ, потребовали ухода турок из Дагестана³³⁸. Переписка между различными кавказскими правительствами и английским командованием наполнена аргументы,

призванными убедить союзников в том, что Добровольческая армия под видом (sic!) борьбы с большевиками уничтожает самостоятельность их народов, что присутствие турок вынужденная мера, которую должны понять англичане – известные мастера политики³³⁹.

Но все же Чермоев повторил судьбу донского атамана П.Н. Краснова: из-за сотрудничества с турками он ушел в отставку, президентом Горской республики стал Пшемахо Коцев. Но турецкие офицеры остались на Северном Кавказе в известной степени уже как частные лица – как наемники, как солдаты удачи.

Мотивы, задержавшие таких офицеров как Нури-паша на чужбине, таковы.

Некоторые из них разыскивались странами Антанты как военные преступники за массовые казни армян, пытки арабов и расстрелы английских военнопленных.

К власти в Турции пришла группа военных во главе с Мустафой Кемалем, которая придерживалась несколько иной концепции будущей Турции (светская республика), чем младотурецкие лидеры Энвер-паша, Джемал-паша и Талаат-паша³⁴⁰.

Остаться в Закавказье было также рекомендацией Энвер-паши, который направил 15 октября 1918 г. в Баку телеграмму, в которой рекомендовал в случае отзыва войск Северокавказского корпуса перейти под непосредственную юрисдикцию властей Азербайджана и республики Союза горцев Кавказа. Однако вмешательство англичан помешало реализации этого плана в полной мере³⁴¹. Вскоре после этого генералы Нури-паша и Юсуф Иззет-паша и многие из находившихся в их подчинении офицеров и солдат-аскеров изъявили готовность остаться на Кавказе, заключив военные контракты с правительством Горской республики³⁴². По некоторым данным офицеров было около ста человек³⁴³.

Не последнюю роль в решении выбрать путь наемника у Нури-паши сыграло то, что он происходил из бедной семьи, его

общий с Энвер-пашой отец был рядовым железнодорожным служащим. Война была для него источником существования.

Турция, а именно ее Европейский и Анатолийский регионы (остальные были безвозвратно утеряны), после поражения Тройственного союза стала объектом наскоков со стороны греческой армии и армянских дружин, началось восстание курдских племен. Турция могла продолжить колотья на части. Поэтому для Советской России она становилась союзником на основе антиантантовских интересов³⁴⁴. Во время Эрзерумского конгресса (июль-август 1919 г.), призвавшего турок к объединению на республиканской основе за сохранение национального государства в пределах Анатолии, и выдвинулся Кемаль-паша. Хотя он и стал конкурентом младотурок в борьбе за власть в Турции, Москва поддерживала отношения с обеими партиями.

В клубке политических интересов, частных мотивов и минутных настроений рождалась генеральная линия отношений между новой Турцией и Советской Россией. Сам Энвер-паша, оказавшись в 1920 г. в Москве, полагал, что с помощью большевиков он сможет продолжить дело своей организации «Иттихад ва-таракки», создав своеобразный исламский интернационал³⁴⁵. Т.е. будущее Турции решалось на территории проживания мусульманских народов бывшей Российской империи, считали лидеры младотурков. В Закавказье офицеры-младотурки стремились к контролю над любыми воинскими массами, вероятно, надеясь на реванш на родине. В политическом плане Нури-паша выступал за военный переворот в Баку, орудием которого должны стать турецкие офицеры и подчиняющиеся им отряды. Но это было не в интересах Кавкрайкома. Как писал Нанейшвили в своем донесении Кирову в Астрахань (октябрь 1919 г.), реализация этих планов приведет к военному столкновению с турками, поэтому комитет будет стремиться подчинить турок своему влиянию, а именно – позволяя им командовать лишь небольшими воинскими соединениями³⁴⁶.

Турки стали одной из политических сил региона и влияли на положение различных комитетов, кабинетов, на ход военных событий. Трения турецких инструкторов с Иналуком Дышнинским, великим визирем Северо-Кавказского эмирата, влияли на устойчивость его положения при дворе Узун-хаджи. Оба восстания в Дагестане в 1919 г., особенно второе, главным событием которого стало Ая-Какинское сражение (23-24 августа 1919 г.), проходили при участии турецких командиров, которым удалось довести численность повстанческих сил Дагестана до 12 тысяч пеших и 300 конных бойцов³⁴⁷.

19 октября 1919 г. был создан Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана. В состав Совета вошли представители духовенства (Али-хаджи Акушинский, Узун-хаджи Салтинский и Ибрагим-хаджи Гутабский), пять членов Меджлиса (светские националисты) и десять членов от большевиков и сочувствующих. Председателем Совета обороны были выбран осетин-мусульманин Ахмед Цаликов, а почетными председателями стали Али-хаджи и Узун-хаджи³⁴⁸. Инициаторами этого широкого сотрудничества были представители духовенства и Кавказский краевой комитет большевиков в Баку в соответствии с директивами из центра: Москва была настроена на сотрудничество с исламистами и «революционной Турцией». Среди турецких офицеров известен один член Турецкой компартии – Сулейман Нури, который был доверенным лицом у бакинских нелегалов. Он участвовал в перевозке оружия в город с о. Урунос (Жилой) в период подготовки вооруженного восстания³⁴⁹.

Главнокомандующим повстанческой армией еще летом 1919 г. был назначен турецкий офицер Кязим-бей, позже замененный Нури-пашой³⁵⁰. Кязим-бей требовал диктаторских полномочий в управлении повстанческими отрядами для борьбы с партизанщиной: «Сейчас нужно разбить внутренних врагов, потом займемся внешними». Воплощение эта линия нашла в отеснении от руководства офицеров – местных уроженцев; например, один из руководителей повстанческого движения на Дербентском фронте бывший полковник царской армии, уро-

женец Кюринского округа лезгин Казим Рамазанов погиб при неясных обстоятельствах, но его смерть молва связывала с деятельностью турок. Освободившийся из германского плена и приглашенный Кавказским краевым комитетом по согласованию с Горским медресом, он выполнял большую работу по организации и сплочению повстанческих отрядов; пользовался большим авторитетом среди повстанцев благодаря своему мужеству и знаниям военного дела. Этим явно был недоволен Кязим-бей. Рамазанов был убит выстрелом из-за угла³⁵¹.

Турецкие отряды, составлявшие армию Азербайджана, следуя распоряжениям из Стамбула, в решающий момент выступили против мусаватистов, преградив им путь отхода из Баку на Гянджу и захватив государственную казну³⁵². Есть версия, что офицеры-турки действовали от имени Энвер-паши, готовившегося дать бой Мустафе Кемалю в борьбе за влияние на родине с опорой на Москву³⁵³. Она выглядит правдоподобно в свете факта того, что Халил-паша готовился возглавить движение Красной армии на юг вплоть до старой русско-турецкой границы. То, что он планировал ее перейти, не вызывает сомнений. Подтверждение этого можно найти и в воспоминаниях председателя карабахского укома Асада Караева, когда он пишет о появлении в мае 1920 г. турок во главе с Багудин-беем, который назвал себя представителем Нури-паши и Халил-паши и заявил, что Турецкий революционный красный корпус будет наступать на Анатолию для установления советской власти в Турции³⁵⁴.

Магнетизм гражданской войны не отпускал поучаствовавших в ней турецких офицеров. И после установления дипломатических отношений Турции с советской Россией, они пытались сохранить контакты и влияние в северокавказских делах. Пожилой чеченец Чергизов, покинувший родину с Саид-беком, внуком Шамиля, в 1920 г., явился в советское консульство в Трапезунде и сообщил о содержании бесед, которые вели с ним турецкие офицеры. Одного из них он назвал Рушат-паша. Возможно, что это был бывший командующий Дербентским

фронтом полковник Руфат-бей. Он сказал Чергизову: Турция непременно будет воевать с большевиками для спасения мусульманского Востока, что мусульмане Кавказа должны об этом помнить. Однако старик был убежден в тщетности надежд на это³⁵⁵.

Особенно после деятельности Энвер-паши во главе басмаческого движения в южном Туркестане образ турецкого офицера–наемника стал настолько привычным явлением в Центральной Азии, что командир специального чекистского отряда, направленного в 1929 г. в Афганистан для оказания помощи законному правительству Амануллы-хана, свергнутого мятежниками, принял псевдоним «турецкого офицера Рагиб-бея». В действительности это был командир корпуса червонного казачества Виталий Маркович Примаков.

***

Таким образом, существует вполне определенный тип исторических проблем, которые иначе как на основе синхронных документов и не могут быть решены. Все они связаны с восприятием тех сторон происходящего, которые подвергались резкой переоценке сразу же, буквально по горячим следам. В перечне этих вопросов основное место занимают весьма непохожие темы – быт и сиюминутные настроения, руководящие поступками человека, из которых потом складывается его судьба. Быт и рутинная повседневность считаются недостойными мемуарных трудов. А реальные настроения чаще вспоминаются превратно, не выдержав последующих переоценок, поэтому настоящая мотивационная составляющая человеческого поведения может быть реконструирована только с помощью документов синхронного характера.

ГЛАВА 3

СОВЕТСКИЕ И БЕЛОЭМИГРАНТСКИЕ МЕМУАРЫ: ВЗАИМНАЯ КРИТИКА ИСТОЧНИКОВ

Деферативные источники личного происхождения после знакомства с предыдущей главой могут показаться несколько скомпрометированными, ведь на примере ряда сюжетов была показана некоторая небезупречность их информации при сравнении с синхронными документами. Впечатление ложное, поскольку все зависит от поставленного вопроса: в одних случаях хороши синхронные, в других – деферативные. В данной главе мы покажем информационный потенциал этих источников в освещении таких отрезков истории Гражданской войны, которые никакими иными документами и не могут быть представлены. Таковыми являются события разгромленных противников анклавов, истории нелегальных организаций и групп, биографический материал о разных видных участниках событий, попытки осмысления собственного участия в самой войне, а также в революционном терроре.

Мугань советская и несоветская: попытка реконструкции истории

События 1918-1919 гг. в Муганской степи, расположенной между нижним течением Куры и Аракса и предгорьями Талышских гор, крайне редко становятся предметом научного ин-

тереса, чаще политического, спровоцированного отзвуками современных этноконфликтов. Почва для домыслов и произвольных интерпретаций – самая благодатная. Понять, что происходило в Мугани в указанные годы сложно. В крае сменилось семь политических режимов, делопроизводство предыдущей власти гило от рук следующей. Кое-что позднее хранилось в частных руках, но в архивные коллекции так и не вошло, а если и было передано туда, то в виде разрозненных бумаг. А потому оснащение событий документами оставляет желать лучшего.

Даже хронологию военно-политической жизни Мугани довольно трудно восстановить без вспомогательных источников, в данном случае, воспоминаний участников событий. Стали подлинной библиографической редкостью мемуары В.А. Добрынина³⁵⁶, типичные для эмигрантской литературы своей предсказуемой определенностью оценок событий и лиц. Взгляд с другой стороны представляют хранящиеся в фондах 276 и 456 Архива политических документов при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики воспоминания участников событий на территории Ленкоранского уезда. От мемуаров Добрынина их отличает не только политическая окраска, но и то, что это целый массив документов – мемуарные тексты и стенограммы выступлений на вечерах воспоминаний, проводимых Институтом истории партии им. С. Шаумяна, рассказывающие об одних и тех же событиях.

История событий периода революции и Гражданской войны и в частности так называемой Муганской советской республики (далее МСР), пожалуй, одна из наиболее подходящих для апробации *метода коллективного свидетеля*: слишком много тенденциозности и политического заказа в имеющихся ссылках на этот исторический эпизод и слишком мало сохранившихся документов. В БСЭ имеется статья о председателе Муганского Реввоенсовета Т.И. Ульяновце (Отраднине), но нет о самой Муганской советской республике. Возможно, что в этом выразилось сомнение редколлегии солидного издания в том, что она сможет совместить требование достоверности и

принцип партийности. В трехтомнике «История Азербайджана» (1963) в параграфе «Советская власть в Ленкорани и на Мугани»³⁵⁷ основное внимание уделено столкновениям между крестьянами и беками, возглавлявшими бандитские отряды; события практически не датированы, но сменявшие друг друга режимы были наделены определенной политической окраской; так, эсеры обвинялись в подрывной работе в период МСР, на них возлагалась вина за ее падение. Советские историки оказались тогда в сложном положении: было слишком много противоречий и неувязок в имеющемся материале. Так, в записке А.И. Микояна о Мугани (1919) говорилось, что это – единственное место, где советская власть осуществляется при поддержке тюркской демократической власти³⁵⁸, но документы съездов не сохранились, а то, что было доступно для исследования, слишком невнятно говорило о характере установившегося режима.

Одна из немногих посвященных событиям на Мугани статья принадлежит также Микояну³⁵⁹. В ней чувствуется очевидец событий. Так, он точно описал обстоятельства гибели Т.И. Отраднева и местом расстрела И.О. Коломийцева назвал не о. Ашур-Аде, как обычно считается, а окрестности г. Бендергыз. Микоян прояснил место Мугани в планах астраханских большевиков: ее намечалось использовать в качестве плацдарма военных действий флота для высадки в Закавказье красного десанта. Но в статье немало штампов типа «местная партийная организация», «местная татарская беднота» и пр., затуманивающих истинную расстановку сил в событиях.

Среди современных авторов интересующихся этими событиями исследователи Белого движения, стремящиеся усмотреть в Русской Мугани вариант подлинно народного антисоветского сопротивления (В.Е. Шамбаров); азербайджанские историки, видящие в этом историческом эпизоде попытку нарушения территориальной целостности Азербайджана³⁶⁰; представители талышского³⁶¹ сепаратизма, называющие недолговремен-

ное государственное образование 1919-го года Талышско-муганской советской республикой (Ф.Ф. Аббасзода).

Чтобы увидеть информативный потенциал в том нагромождении на первый взгляд несвязанных между собой рассказов, которое представляют собой ветеранские письменные и устные рассказы, нужно обладать некоторым опытом. Автору уже приходилось испробовать методику реконструкции исторических событий на основе нескольких региональных коллективных свидетелей. Это – бойцы Стальной дивизии Д.П. Жлобы, ростовские подпольщики, североосетинские керменисты, архангельские красные партизаны. Результаты работы представлены в ряде статей и монографий. Наиболее обобщенные итоги таковы: с помощью этого метода трудно установить точные даты событий: люди их забывают и путают, но атмосферу происшедшего, расстановку сил, роль и место исторических фигур, их портреты с воспроизведением характерных качеств – это является доступным ресурсом этого метода.

В данной статье советские источники использованы вместе с воспоминаниями белогвардейского офицера. Советский мемуарный фонд и книга офицера-эмигранта свидетельствуют каждый о своей части прошлого. Такое сочетание дало много положительного: более-менее стройное повествование профессионального военного позволяет четче датировать обрывочные и путанные рассказы бывших рабочих, матросов и крестьян. Добрынину можно доверять там, где дело касается личного состава, чинов, дат, географических названий, – он как автор-офицер точен. Истпартовские мемуары дают возможность понять, что происходило в отрядах МСР, потому что Добрынин описывает лагерь противника однобоко и тенденциозно. И наоборот, мемуары офицера дают увидеть изнутри ситуацию в муганских отрядах, понять происшедшее там, что не позволяют сделать не менее зашоренные рассказы бывших красноармейцев. Но и в тех, и в других немало совершенно совпадающих описаний и оценок.

Итак, история Мугани в период революции и Гражданской войны подлинное белое пятно в прошлом. Важно не только установить цепь исторических событий, но и понять их подоплеку. В.П. Булдаков в своей объемной монографии «Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917-1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарии, анализ» показал, что не классовые и политические, а этнические конфликты в первую очередь раскручивали маховик насилия в стране, оставшейся без центральной власти³⁶². Похожее, но не столь выраженное в силу близости по времени видение зародыша конфликта представил писатель и советский функционер Б. Талыблы в работе «Национальная пестрота (о Закавказской федерации)»³⁶³. Он отмечал многообразие факторов, разрывающих население юго-восточного Закавказья на конфликтующие между собой группы. Во-первых, религиозные отличия, заставлявшие шиитов ориентироваться на Персию, а суннитов, считавших турецкого султана своим халифом, – на Турцию. Во-вторых, племенные отличия и подчиненность разным феодальным владьям до присоединения к России. Третье. Миграционные процессы: приток нового населения в лице переселенцев (русских, армян, греков, немцев) и сезонные перемещения кочевников из Южного Азербайджана, принадлежавшего Персии. В царствование Николая I сектанты, молокане, духоборы и субботники, переселялись в Закавказье в рамках исполнения указа Синода о мерах к отвращению распространения жидовской секты под названием субботников. Оказавшись в Закавказье, они из изгоев превратились в патронируемых властями. Как утверждал Талыблы, то, что царское правительство опекало русских переселенцев, сеяло рознь между ними и местными. Имеющаяся земля обрабатывалась первобытными способами, она истощалась, и ее требовалось все больше и больше.

Работа Талыблы написана в типичном для 1920-1930-х гг. ключе, когда под видом разоблачения царского режима озвучивались определенные национальные претензии. Поэтому некоторый противовес его работе составляет Записка Главно-

управляющего землеустройством и земледелием о его поездке в Муганскую степь в 1913 г.³⁶⁴ Вне всякого сомнения (и это явствует из документа) царское правительство было заинтересовано в русификации края для закрепления его за собой и для обеспечения его экономического развития, но, с другой стороны, оно осуществляло линию на удовлетворение всех законопослушных жителей края. Но вследствие изъянов работы местного аппарата, непродуманности мероприятий неудовольствие проводимой политикой было повсеместным.

Одной из причин межэтнических противоречий в Муганской степи и примыкающих предгорьях было кочевое скотоводство; а именно сезонные миграции кочевников-шахсенов (субэтнической группы закавказских татар³⁶⁵). Их летние пастбища находились в южной части степи, принадлежащей по Туркманчайскому договору Персии, а зимние (эйлаги) – на русской территории. С 1830 г. Персия платила ежегодно 2 тыс. руб. за право персидских шахсенов кочевать в русскую часть Мугани. По мере улучшения жизни в селениях на русской территории появление шахсенов стало превращаться в грабительские побеги. В 1884 г. им было запрещено пересекать границу, но на деле они продолжали кочевать по традиционным миграционным путям, не признавая границ и межей, случаясь, громя оседлые тюркские и русские села.

При всем осознании того, что ситуация в крае была напряженной, у мемуаристов обнаруживается желание найти ту отправную точку, с которой все и началось. Почему-то им хотелось думать, что в смуте и междоусобице можно найти конкретного виновника. Несколько местных уроженцев (Г.А. Мамедов, Ш. Ахун-заде, Садыхов) оставили своего рода летопись происходившего в Ленкоранском уезде после Февральской революции. Мамедов, составивший своеобразный хронограф событий 1917-1920 гг. в Сальянах, весьма тяготел к каузометрическому описанию и объяснению. Толчком к конфликту между русскими и татарами по его мнению было убийство уважаемого ахсакала из села Хархаглары Кербалай Касыма, который был

наиболее известным и активным проводником линии на добрососедские отношения с русскими селами. Но вследствие рокового стечения обстоятельств русские крестьяне случайно ранили, а потом, испугавшись последствий, добились Кербалая. Весть об убийстве русскими их главного заступника возмутила мусульман, и барьеры перед национальным антагонизмом были сломлены³⁶⁶.

Гимназист Ахун-заде³⁶⁷, в 1917 г. письмоводитель исполкома, описал вооруженный конфликт между русскими и татарами, который по его сведениям был первым по времени. Шедший домой отряд русских пограничников с тем, чтобы обезопасить себя в движении мимо мусульманских сел, взял в качестве проводника-заложника Моллу Аскера. Однако это не предотвратило стычки, в ходе которой Молла Аскер был убит. После этого ахсакалы начали заставлять сельчан обзаводиться винтовками, которые можно было купить при помощи *кочи* (гачагов, разбойников).

Усиление националистических настроений сказалось на результатах выборов в местное учредительное собрание, куда прошли представители старого чиновничества и местной феодальной верхушки, например, несколько ханов Тальшинских (Тальшхановых)³⁶⁸. Это собрание приняло решение о выселении армян и русских с территории Мугани. Целью были, прежде всего, богатства местных армян и на рыбные промыслы от Ленкорани до Астары, принадлежащие русским³⁶⁹. Началась консолидация разных групп населения вокруг лидеров: русских вокруг офицерства, мусульман вокруг беков и мулл. Большую роль стали играть полковники Остен-Сакен, Ермолаев, Ильяшевич.

Как отмечал Мамедов, в целом в уезде сила власти стала убывать с июля 1917 г., а к сентябрю иссякла вовсе. По советской традиции он связывал это с тем, что новые органы не прислушивались к народным чаяниям³⁷⁰. Начались бесконечные кражи, угоны, нападения, убийства и пр. Сценарии хаоса включал один необходимый элемент: эмоциональный выплеск глу-

бинных стереотипов, предубеждений, не сдерживаемых как в стабильное время авторитетом (или силой) властного аппарата.

Ближе к осени прибыли кочевники из Ленкоранского уезда и из-под персидского селения Алар, так называемые аларцы. В конце 1917 г. из Персии подтянулось еще: беззащитность крестьян, легкость сбора дани подняли в дорогу новые кочевые роды. Каждая из таких групп обладала на своей территории абсолютной властью. В итоге жители Сальян инициативно создали вооруженную группу – до 2 тыс. бойцов. Ее бой с аларцами продолжался три дня. Те не привыкли к упорному сопротивлению, кроме того погибло их несколько наиболее авторитетных лидеров, и они ушли на юг. В с. Билясувар вокруг отряда пограничников под командованием поручика Б.А. Хошева собралось ополчение крестьян из близлежащих русских сел, державшее границу. Полковник Ильяшевич со своим отрядом контролировал участок границы южнее, не только препятствуя прохождению отрядов кочевников, но и уничтожая селения оседлых тюрок.

В понимании современников тех событий это была война русских и мусульман. Наиболее откровенно выразил это уроженец села Привольное по фамилии Донской. На вопрос, каков был первый бой, ответил: «Первый бой был такой, что жгли тюркские аулы, и вообще на национальной почве. [...] Здесь развилось сильное мародерство, жгли аулы и следовательно надо было все забирать. И вот тащили все»³⁷¹.

Большинство повествователей отмечали, что разграбление мусульманами парохода «Милютин», который вез из Персии военное имущество корпуса Н.Н. Баратова, придало импульс развитию вооруженного конфликта. После этого положение русского населения еще более осложнилось. В Ленкорани стала организовываться «параллельная рота» Остен-Сакена из местных жителей для защиты города по ночам. Она долго не просуществовала. Солдат этой роты Макаров связал роспуск и неумение ее членов обращаться с оружием: в руках одного из них взорвалась граната. Расформированием роты занимался от-

ряд сына известного бакинского фабриканта Гаджи Зейналабдина Тагиева³⁷². Это событие положило начало периоду, которое называют властью национального совета Ленкорани. Уже не только кочевники, но и отряды аскеров совершали акции против русских сел. Первым селом, подвергшимся осаде, была Калиновка. Но отряд полковника Ильяшевича снял осаду и разбил отряд Тагиева³⁷³.

Существование власти нацсовета в Ленкорани и мартовские события 1919 г. в Баку взаимосвязаны. Мусульманские вооруженные формирования, называемые русскими «дикой дивизией», но не имевшие прямого отношения к Кавказской туземной конной дивизии, должны были в середине марта на пароходе «Эвелина» отплыть в Ленкорань, потому что мусаватисты решили сделать Мугань своей базой. Сбор в порту вооруженных отрядов обеспокоил Баксовет, была сделана попытка их разоружения. С этого начались бои между отрядами Баксовета, в значительной степени контролируемые дашнаковцами, и мусульманами, быстро превратившиеся в погром (И. Файковский)³⁷⁴.

После прекращения уличных боев беженцы из Ленкорани, скопившиеся в Баку, хотели вернуться домой на плечах вооруженной силы. Среди них были будущие бессменные ленкоранские олдермены Сухоруков, Кропотов и Шевкунов. Ранее они обращались за помощью к Шаумяну и Джапаридзе, но те считали политически недалеким раньше времени обострять отношения с мусульманским населением. Но мартовские события заставили бакинских большевиков подумать о ликвидации мусаватистского гнезда в Ленкорани. 15-16 апреля 1918 г. туда из Баку прибыл пароход «Александр Жандр», на котором было доставлено 40 чел. с 12 берданками, но зато с тремя пулеметами, двумя орудиями и гидропланом №75. Начальником этого отряда, состоявшего из русских муганцев и бакинских армян, был Григорий Арустамов. В это время отряд Ильяшевича в районе Николаевка вел бои с татарами, испытывая

острую нужду в боеприпасах. Бакинский отряд помог ему патронами.

Прибытие парохода изменило расстановку сил в городе и его окрестностях. Десант сошел на берег и занял казначейство. На следующий день приказано явиться всем мужчинам до 40 лет и с оружием. В результате этой акции десантный отряд поменял свои берданки на винтовки, брошенные «дикой дивизией». Местных русских, явившихся с оружием, было человек 300. Им было предложено стать вооруженной силой представительства Баккоммуны в Ленкорани. Местная власть лице нацсовета, посоветовавшись, решила признать власть Бакинского совета. Спустя несколько дней подошли корабли «Карс» и «Ардаган». После обстрела со стороны моря, имеющего скорее демонстративный характер, нацсовет окончательно сложил свою власть. Вскоре из Баку прибыло несколько батальонов, образованных на основе рабочих отрядов. Пехотой командовал Каграманов; пулеметной командой Григорий Арустамов; кавалерией из уроженцев Северного Кавказа – поручик Лозовой.

Однако в составе прибывших отрядов была некоторая часть армян-дашнаков, которые вели себя агрессивно по отношению к мусульманскому населению. В Сальянах это закончилось вооруженной стычкой с местными и эвакуацией прибывших на пароходе «Надежда». Жители сел Гашимханлы и Араб-Бала-Оглан обстреляли судно, которое, свистками собрав команду и бойцов отряда, отчалило от берега, отвечая на выстрелы орудийным огнем. Но в Ленкорани бакинский режим пустил более прочные корни. Прибывшие бакинцы задумались об установлении советской власти путем выборов в советы. На съезде был избран исполком Мугани (иногда в источниках его именуют временным комитетом). Установилась первая советская власть эсеровского толка. В составе исполкома в основном эсеры – правые и левые: Сухоруков, Шевкунов, Орлов, Крестовский, Матвеев, Тобельберг, Васин, Тер-Еганов. Часть из них была местными жителями, другие пришлыми. Одна группа уезжала, другая приезжала. Единственным большевиком среди

них был С.Б. Саратиков. Бывший член Особого бакинского отряда Иосиф Файковский назвал Ленкорань гнездом правых эсеров. Но Гайк Арустамов заметил по этому поводу, что в то время все кому не лень называли себя эсерами, но никакой организации, никакого комитета у них не было, и протоколов они не вели³⁷⁵.

Царского полковника Ильяшевича, человека в годах тоже именуют эсером. Трудно судить, в какой степени это правда. Но Добрынин раздраженно отмечал, что Ильяшевич сторонник митингов, съездов и голосований³⁷⁶.

В некоторых текстах воспоминаний указывается на создание в мае наряду с исполкомом дополнительного органа – ревкома. Не связано ли это с приездом из Баку чрезвычайного комиссара Кадырли? Поездка видного представителя тюркской социал-демократической организации «Гуммет» Н.М. Исрафилбекова (партийный псевдоним – Кадырли) в Ленкорань и Сальяны, предпринятая в мае-июне 1918 г., должна была помочь восстановлению доверия к советской власти. Сам Кадырли скромно утверждал, что до его приезда в Ленкорань там фактически не было советской власти. Кадырли как восточный человек понимал, что ему, чрезвычайному комиссару, нельзя приехать без внушительной свиты. С ним прибыли Шафи Алиев, Баба Алиманов, Нариман Бахтамов, мулла Ахмед Ашумов, Мамедханов (в 1920-е гг. зам. пред Аз ЦИКа). При объезде уезда его сопровождали доктор Захарьян и уездный комиссар Федор Матвеев. В наличии такого эскорта был рациональный смысл: так проще было находить общий язык с разноплеменным населением уезда. Матвеев мог отстоять мусульман в русских селах, а мулла – быть полезен при встрече с мусульманскими рыцарями большой дороги.

Кадырли повел тонкую политику. В соответствии с традицией созвал на площади у мечети собрание для выбора исполкома, предложив в председатели Агамир Ашрафа – авторитетного муллу. Собравшиеся выдвинули в начальники милиции Кербалай Рашида Керимова – известного *кочи*, который в 1917

г. запятнал себя убийствами политического характера, однако Кадырли предпочел согласиться с его кандидатурой. Созданный таким образом исполком состоял в основном из представителей мусульманского духовенства и буржуазии, но командированный Баксоветом комиссар Азим-заде и партиячейка гумметистов в лице Кулиева, Рамазанова, Рза Таги-оглы, Латифа Мамедова, Аликпера Сафарова, находили с ним общий язык. То, что в городе уже существовал властный орган с близкими функциями и полномочиями, но из русских муганцев, в расчет взято не было.

В целом, представления о советской власти у населения были крайне туманными. Например, от ханши Тальшской прибыли парламентары, заявившие, что ханша согласна признать советскую власть, если ей разрешат брать налог с крестьян. Этот сюжет отражает желание населения найти общий язык и с этой непонятной властью. Через несколько дней парламентары ханши сказали, что контролируемые ею отряды под командованием Юнуса готовы разоружиться, если будут даны гарантии для населения. В дальнейшем Юнус плотно сотрудничал с ленкоранской властью³⁷⁷.

«Мирительная работа» Кадырли принесла некоторые плоды, но перемирие долго не продлилось. Он связывал это с противодействием отдельных лиц с обеих сторон, но отдельную вину он возлагал на существовавшие в русских селах отряды, на которые как на вооруженную силу опирались, как он выразился, грабительские аппетиты русских переселенцев, и в Мугани опять началась там гражданская война. Доктор Захарьян видел причину этого в провокационной деятельности эсеров³⁷⁸. А местный уроженец Ахун-заде назвал основой конфликта борьбу за хлеб в Мугани. Дело в том, что там в изобилии рос хлеб-самород, который самосеялся и произрастал без всякого ухода, и в период его созревания всегда происходил напряженный де-леж это дарового хлеба³⁷⁹. В условиях эфемерности власти и закрепившийся практики легитимизации захватов мир казался менее ценным приобретением, чем урожай с пары десятин.

По мнению Захарьяна, с мая 1918 по август 1919 г. на Мугани шла непрерывная гражданская война, и причиной этого стало управление областью советом во главе с эсером Сухоруковым. Первая советская власть не разрешила проблемы края, а лишь их углубила³⁸⁰.

После падения Бакинской коммуны в июле 1918 г. в Мугани образовалась Диктатура пяти. Судя по воспоминаниям солдата отряда с. Привольное Макарова переход власти к «пятерке» состоялся на съезде в Пришибе, который проходил очень бурно. Сидомонов об этом съезде отозвался так: «Вы знаете[,] как тогда созывались съезды: вызывали всех, кто пришел – хорошо»³⁸¹. На нем обозначились два блока – социалистический и офицерский. Офицеры высказывались за отказ от лозунгов советской власти и вели агитацию «за погоны». Для компрометации главы этого блока – офицера Глинского его обвинили в протурецкой ориентации. Возмущенный Глинский выхватил наган и хотел в кого-то выстрелить. Его схватили за руку, и он попал в себя. Стоявший около двери армянин пристрелил агонизирующего Глинского. В это время потухла лампа. Когда ее зажгли, оказалось, что все, кто мог, забились под стол³⁸². Повидимому, делегатов на съезде было не так уж и много.

В составе «пятерки» встречаем уже знакомые имена Сухорукова, Кропотова, Ильяшевича, Шиманова. Как видим, разделять первую советскую власть, Диктатуру пяти и последующую власть Муганской краевой управы можно с известной степенью условности: в них фигурировали одни и те же лица. Военным комиссаром в составе «пятерки» стал большевик Саратиков. Его участие в этом органе выглядит немного странным, потому что другие большевики постепенно покинули Ленкорань. Муганская краевая управа была избрана на съезде в Ленкорани. «Внешнеполитическая» ориентация была на Главкомандующего войсками и флотом в Прикаспийском крае Л.Ф. Бичерахова, который финансировал муганскую армию, подписывал приказы о награждении и производстве отличившихся в обороне русских сел офицеров в следующие чины.

Моряк Михаил Судайкин назвал в своих воспоминаниях этот режим что-то «вроде советской власти». Но власть эта распространяет на Ленкорань и русские села. По Мугани ходят персидские банды, крестьяне побросали хозяйства и уехали в город. Домашний скот бродит по степи, одичал. На него как на диких животных охотятся команды пароходов³⁸³.

В Баку после ухода турок появилось своего рода представительство Добровольческой армии во главе с генералом М.А. Пржевальским, назначенным командующим Добровольческими войсками на Кавказе. Начиная с зимы 1918-1919 гг. муганские офицеры считали себя подчиненными ему. Из штаба Пржевальского был получен приказ о расформировании вооруженных отрядов. Если он был встречен муганцами одобрительно, то приказ о разоружении был расценен как намерение сдать их безоружными тюрко-тальшскому окружению. Добрынин и истпартовские тексты едины во мнении, что именно с этого момента наметился раскол между муганцами и кадровыми офицерами. Приказ о разоружении сопровождался угрозой, что в случае неисполнения будет проведена бомбардировка русских сел с моря. Это надолго стало фактором компрометации офицеров проденикинской ориентации.

Советские мемуаристы считали, что приказ о разоружении – это инициатива офицеров (Ильяшевича, Ермолаева, Хошева), и интерпретировали его в этом ключе. Добрынин писал, что Сухоруков сообщил офицерам в частной беседе, что приказ отдан под давлением англичан. По мнению эмигрантского мемуариста, его истинной причиной была питаемая добровольческим командованием надежда, что личный состав муганских отрядов вступит в части, формируемые для отправки в Россию. Начальником формирующегося в Ленкорани Добровольческого отряда был назначен полковник Макаров, но успеха это дело не имело: «Формирование в Ленкорани добровольческого отряда, несмотря на огромное количество беспризорно болтающейся, бездомной солдатни, достаточного вооружения и немалого количества офицеров, подвигалось очень медленно

из-за недостатка денежных средств, солдатской разнузданности, отсутствия дисциплины и неопределенности целей этих формирований»³⁸⁴.

Тогда же обострились трения между офицерами, претендовавшими на ведущую роль. Бывший красноармеец Осипов оставил свидетельство о том периоде: «Положение тогда в Ленкорани было неопределенное, каждый выдавал себя за власть. Даже улицы так назывались: рябовская улица, здесь Акопов, тут Осипов и т.д. Каждую ночь там шла охота между этими группировками. Сегодня хотели арестовать Акопова, завтра Шевкунова и т.д. Словом, полная анархия. Ночью мы не могли выйти на улицу»³⁸⁵. Основанием для раскола стало отношение деникинского командования к бичераховскому периоду в истории муганской армии. Представитель Деникина полковник Чаплыгин отменил все награды и производства, утвержденные Бичераховым. Это крайне обидело офицеров. Ильяшевич был среди тех, кто считал, что нужно искать другие ориентиры кроме Деникина и Колчака. Хошев и Добрынин сохраняли верность Белому движению, хотя и в лице Верховного правителя.

В чем были едины муганские офицеры, так это в отношении английских «союзничков». Состоявшиеся в феврале 1919 г. переговоры генерала И.Г. Эрдели, представителя штаба А.И. Деникина, с генералом Томпсоном о судьбе Каспийского флота закончились не просто безрезультатно, а провокационным разоружением судов флота под прицелом английских минных катеров. Структуры Добровольческой армии были практически выдворены из Баку. Командированный к Деникину Краевой комендант полковник Ремишевский был арестован при проезде через Баку, а два миллиона, которые он вез для муганской армии, были реквизированы.

Несмотря на утверждения советских мемуаристов, что с августа 1918 г. по апрель 1919 г. на Мугани существовала власть офицерства, вставшего на путь белогвардейщины, приводимые ими же факты это не подтверждают. Примечателен тот факт, что присланные еще весной 1918 г. Баксоветом батальоны

продолжали существовать как боевые единицы и находились на службе у этой Управы. 2-й батальон продолжал ходить под красным знаменем, а 12 марта 1919 г. отпраздновал двухлетие падения монархии, пройдя с лозунгами: Да здравствует 2-й Интернационал. Это вызвало некоторый скандал, но касался он того, что составители надписи не учли, что 2-й или 3-й Интернационал – это большая разница, поэтому быстро исправили 2-й на 3-й³⁸⁶. 2-м батальоном продолжал командовать коммунист Сорокин. Когда полковник Макаров назначил туда офицера, тот был выдворен, но батальон разоружен не был.

Управа допустила существование некоего Комитета связи на Мугани, который стал инструментом нового советского переворота. Советские мемуаристы настаивали на его нелегальном характере. Добрынин это не подтверждает: Комитет действовал как публичный орган. Им было разослано воззвание с приглашением слать в Комитет представителей от сел. Но в связи с началом полевых работ туда покатила, по словам Добрынина, она бездомная рвань³⁸⁷. Примечательно то, что такие лица как Сухоруков (один из членов Управы), Рябов и др. поддерживали Комитет связи. Он даже располагался в ханском дворце, в квартире Сухорукова. В марте из Баку неожиданно прибыло три баркаса – «Перебойня», «Встреча», «Ястреб», на которых находились старый моряк Сторожук и член Кавкрайкома Л.Д. Гогоберидзе (парт. псевдоним Горлин). Они привезли партийную литературу, а Гогоберидзе сделал несколько докладов для частей, посланных год назад из Баку, чем укрепил авторитет местных большевиков.

По версии истпартовских мемуаристов упоминаемый демарш 2-го батальона на демонстрации, устроенной в честь двухлетия Февральской революции, спровоцировал офицерскую организацию на попытку его разоружения. Акция была назначена в ночь на 25 апреля. Между событиями прошло целых полтора месяца. Неясно, чем была вызвана такая отсрочка. Но по версии Добрынина за это время произошло немало знаковых событий.

После захвата англичанами флота прервалась связь с Порт-Петровском. В марте по инициативе Ильяшевича в Пришибе состоялся съезд представителей русских сел. Именно тогда был поставлен вопрос об отношении к Добровольческой армии и к большевикам. Спорящие очень быстро перешли на личные счеты. Тогда-то и произошел окончательный раскол между штабом командующего и ленкоранскими социалистами, к которым примкнул к удивлению Добрынина и начальник авиабазы на о. Сара Кропотов.

Деятельный Хошев, видя соглашательскую позицию Ильяшевича, принялся вырабатывать планы и их осуществлять. Чтобы сделать границу более безопасной и отвести на время свой пограничный отряд в Ленкорань, поручик стал налаживать отношения с приграничными ханами. Основанием союза должны были стать следующие факторы: ненависть, которую питали к большевикам пирембельские ханы; нежелательность для ханов мусаватистской власти в связи с угрозой мобилизации в армию Азербайджанской демократической республики (АДР) всего мусульманского населения, всегда свободного в России от воинской повинности; а также тщеславие племенных владык: «Стоит же одеть офицерские погоны некоторым татарским ханам и пообещать им хорошую награду, чтобы быть уверенным, что все они безусловно пойдут за нами». Эти планы Хошев держал в тайне, хорошо понимая, что не найдет понимания у русских крестьян.

Затем поручик планировал привести свой отряд в Ленкорань с тем чтобы: 1). «...Немедленно арестовать большевистских комиссаров, неизвестно почему до сих пор разгуливающих на свободе и открыто и безнаказанно ведущих свою преступную работу». 2). Разоружить ненадежные части и выслать с Мугани накопившихся отовсюду бездомных бродяг. 3) Провести мобилизацию нескольких молодых лет и создать на Мугани хотя одну настоящую регулярную воинскую часть. Ильяшевич не одобрял планов Хошева. И тот рассорился с Ильяшевичем, потому что полковник возражал против ареста комиссаров.

Тут важно упомянуть, что по версии Добрынина в Мугани существовали отличия между уездным городом и сельской местностью: если Ленкорань кишит пришлой бездомной рванью, бывшими красноармейцами, среди них находят отклик агитаторы, приезжающие на пароходах из Баку, то солдаты из русских крестьян – единственный надежный элемент.

Перед уходом из Ленкорани Хошев хитрым маневром разоружил ленкоранские части. Татарская знать устроила его отряду торжественные проводы на Большом базаре. Солдаты собрались поглазеть, а в это время из их казарм выносили винтовки и пулеметы. Ермолаев пытался арестовать Хошева за это. Но наличие вооруженного отряда позволило поручику покинуть город. После ухода отряда Хошева к границе просоветские элементы активизировались, а власть Управы иссякала. Как писал Добрынин: «Краевая управа распалась сама собой, т.к. представители от Муганских сел разъехались по домам, а остальные члены, не получая содержания, были вынуждены заняться частным трудом. Хотя ни занятий, ни службы уже не было, но солдатам некуда было деваться, и они продолжали жить в казармах, потеряв уже всякое подобие воинского облика, занимаясь, кто торговлей, кто кражей, кто продажей татарам оставшегося еще на руках казенного оружия. Власть была совершенно бессильна, не имея в своем распоряжении ни одной воинской части, хотя все, что составляло раньше Муганские войска: солдаты, оружие, имущество – оставалось налицо»³⁸⁸.

Советские мемуаристы утверждали, что переворот все же был. Шпинёв описал его ход: конный эскадрон – вооруженная сила Комитета связи, прибыл из Привольного на рассвете 24 апреля, оставил лошадей на северном форштадте, рассыпался по городу, затем собрался около ханского дворца. В 4 часа вечера арестовали всех офицеров – адреса их квартир были известны. Арестованных собрали сначала в помещении маяка, потом перевели на о. Сары.

По свидетельству Пономарёва новая власть продолжала именоваться Комитетом связи. Его полномочия объявлялись

действительными до съезда советов. В середине мая он был созван. Идея советов получила поддержку у всех – и тюрков, и русских. Было выпущено воззвание по земельному вопросу и принято решение о готовности советской Мугани войти в состав советского Азербайджана и с ним в состав советской России. Был избран исполком. О том, как проходил этот съезд, известно из рассказа Донского: «Помню[,] как Бочарников³⁸⁹ заставил голосовать револьвером. Когда я стоял часовым, я помню[,] полковник Орлов говорил о чем-то, потом начались выборы. Помню[,] драка происходила, кто-то во флотском костюме – там все эсеры были – хотел первенство взять, в это время Бочарников с “Кольтом” вскочил на скамейку и говорит: голосуйте за наших делегатов. Тут паника»³⁹⁰.

Новая муганская власть опиралась на отряд из двух сотен отступивших зимой 1919 г. в Закавказье и интернированных в Грузии красноармейцев 10-й и 11-й армий. Они были переброшены туда из Баку на рыбацких лодках и на пассажирских судах под видом жителей Ленкорани. Одной из причин наплыва бакинцев стало поражение майской общегородской забастовки (Ф. Исаев)³⁹¹. Все преследуемые мусаватистской властью устремились в советскую Ленкорань. В Мугани появились бакинские большевики Бахрам Агаев, Коваль, Калинин, Самсон Канделаки, Николай Енгибаров³⁹². Тимофей Отраднев (Ульянцев), Анатолий (Ян) Лукьяненко, Топунов, прибывшие из Астрахани в распоряжение Кавказского краевого комитета РКП(б), были делегированы им в Ленкорань «с инструкциями и деньгами» и прибыли туда в конце мая³⁹³. Прибывшие в Мугань большевики заполнили собой структуры управления, после чего местные эсеры и меньшевики «совершенно сошли со сцены и ушли в подполье» (Я. Лукьяненко). На 23 июня 1919 г. распределение должностей в Мугани было таким: председатель Реввоенсовета Горлин; командующий войсками Орлов³⁹⁴, сменивший отстраненного Ильяшевича; начальник штаба Наумов; политкомиссар Отрадцев; председатель военно-

революционного трибунала Лукьяненко; председатель чека Блек.

Образовался политический раскол, который был очевиден и рядовым участникам событий. Моряк Иван Башлуев так и пишет, что в Ленкорани были две группы – эсеры во главе с Сухоруковым и большевики³⁹⁵. Местные русские крестьяне отошли в противоположный ленкоранским большевикам лагерь. Главную роль в этом блоке играло село Пришиб. По мнению бывшего красноармейца Шишкина, основа конфликтов с ними в том, что те занимались безудержным грабежом во время военных действий с «разбойниками»³⁹⁶. Мародеров разоружали, ну и реквизировали награбленное, поэтому в знак протеста муганские отряды оставили позиции во время боев под селами Пенсар и Арычевань.

Добрынин связывает падение Ленкоранской власти с восстанием татар в Астаре, когда был перебит целый отряд (об этом упоминается и в бумагах Истпарта), как ответ на бесчинства ее отрядов в аулах. Из Баку мусаватисты послали в Астару военную помощь, и на юге от Ленкорани образовался настоящий фронт. Как может вытекать из повествования Добрынина, военные действия под Астарой потребовали от ленкоранской власти активизации реквизиционной деятельности по селам, чем они окончательно испортили отношения с населением. Тогда муганцы пришли к Хошеву на поклон – идти против ленкоранских большевиков³⁹⁷.

В Астрахановке был собран альтернативный съезд против существующей советской власти. Реввоенсовет отправил делегацию на переговоры с крестьянами, которые прибыли в Ленкорань и расположились в городском саду. После трех дней переговоров Реввоенсовету был выдвинут ультиматум: в 24 часа сдать власть и освободить арестованного к тому моменту Ильяшевича. Отраднев на экстренном заседании ревкома подал идею отозвать с фронта против «разбойников» все имеющиеся силы (500 чел.) и дать муганцам сражение, по сути, для обороны ханского дворца, в котором располагался Реввоенсовет.

Ультиматум муганцев истек в 9 часов вечера. Ночью отряд Хошева вошел в Ленкорань и поутру начал перестрелку. Боем руководили политический комиссар Отраднев и командующий Орлов. В бою у Большого базара и маяка было убито много бакинцев. Часов в 9 утра был смертельно ранен Отрадцев. К утру 28 июля противник отступил, оставив большой обоз с продовольствием, обмундированием и боевым снаряжением. Муганцы не были готовы к столь упорному сопротивлению ленкоранских большевиков, писал Добрынин. Но военревком принял решение о сворачивании советской власти в Ленкорани. Как подчеркивал член приволенского отряда Соломон Матвеев: «Эвакуация была не под напором муганцев, а потому что не было снарядов»³⁹⁸.

В это время из Астрахани прибыли на баркасе И.О. Коломийцев и М.С. Руманов-Асхабадский, которые привезли несколько тысяч патронов. Но решение отменено не было. По свидетельству защитников Ленкорани, находившихся в момент эвакуации на фронте, она проводилась втайне от отрядов, державших фронт вокруг города. Командующий Орлов призывал сражаться, но солдаты, постепенно осознавая свое положение, дезертировали³⁹⁹. Во время эвакуации на о. Сара, находящийся в нескольких километрах от берега, отмечались случаи самоубийства. Муганские коммунары (ок. 300 чел.) пробыли там четыре-пять дней и покинули его на семи баркасах⁴⁰⁰.

Так предстают последние дни МСР из истпартовских текстов. Но в книге Добрынина события выглядят иначе. И прежде всего отличие во времени, которое отделяет бой у маяка и эвакуацию ленкоранских большевиков. Если по советской версии это всего несколько дней. То по Добрынину это существенный срок – две-три недели. За это время на Мугани прошло немало событий: новый съезд советов в Ленкорани, который принял единогласное решение о выдаче офицеров и главарей восстания. Но, по мнению Добрынина, ошибка была в том, что в списке «офицеров и главарей» значились не только фамилии пришлых вроде Хошева, но и собственно муганских уро-

женцев: «Муганцы окончательно растерялись. [...] Если бы пожертвовать только одними офицерами, затеявшими войну, но спасти свои шкуры было бы легко, но в списках упоминались свои же муганцы с бесконечной родней, сватами и кумовьями. Да и кто их будет выдавать? Исполнителей большевистской власти на Мугани не было, а сами жители хватать друг друга, конечно, не станут»⁴⁰¹.

Офицеры стремились покинуть Мугань. Даже Хошев более надеялся на свою охрану из мусульман, чем на своих русских солдат, которые тихо разъезжались по домам. В «красном» Привольном состоялся съезд, который постановил снести все села, которые сейчас же не станут на их сторону. Якобы в кулуарах съезда обговаривались будоражащие проекты разграбления «белых» сел. Оформился раскол русских селений на «белые» и «красные», произошла артиллерийская дуэль между ними. В это время Ленкорань осаждали войска АДР и племена шахсевенов. Для обороны города были привлечены сидевшие в тюрьме офицеры. После известия об осаде Ленкорани муганцы поняли, что ее судьба является судьбой самих муганцев, т.к. это последний выход к морю и связь с внешним миром. Популярность Хошева стала быстро восстанавливаться. Вокруг него собирались люди с разными настроениями, но с одним желанием идти на помощь Ленкорани. Одни видели в этом борьбу с коммунизмом, другие наоборот шли за спасение советской власти, третьи вообще не отдавали себе отчета, куда и зачем их ведут, и мечтали лишь поскорее вернуться.

Получение телефонограммы об эвакуации комиссаров из Ленкорани поразило муганцев. Они взяли власть, но вступили в борьбу с отрядами армии АДР и местных предводителей талышей и тюрков. Они уже контролировали всю Мугань, но должны были в соответствии с рекомендациями Парижской мирной конференции смириться с включением края в состав АДР.

Появление красных бронепоездов на вокзале Баку 28 апреля 1920 г. означало, что и в Ленкорани, и Сальянах сменится администрация. Принимавшие власть в этих городах Кулиев и

Пономарёв описывают процесс ее передачи как совершенный по телеграфным сообщениям из Баку⁴⁰². К этому времени хозяйство края находилось в упадке: всего 8 тыс. дес. приходилось на орошаемые земли. По селам сохранилось по 2-3 русских двора. Оставался нерешенным вопрос об эйлагах, а потому перекочевки, потравы, набеги продолжались. Сталин в докладе «Об очередных задачах коммунизма в Грузии и Закавказье» (6.07.1921) выразил недоумение ситуацией в регионе: он помнит в 1905-1917 гг. полную братскую солидарность среди трудящихся, теперь при посещении Тифлиса был поражен размерами охватившего всех национализма. В 1920-1921 гг. Ленкорань опять пребывала в кольце активизировавшихся вооруженных отрядов. Капрал турецкой армии Джамал-паша, участвовавший в местных событиях с 1918 г., вновь объединил шайки местные и пришедшие из Персии и окружил город. Успокоение края продолжалось еще несколько лет.

Такова общая канва событий в Мугани. Но привлеченные источники позволяют установить немало интересных деталей, объясняющих происходившее. Много не будет понято, если игнорировать факт раскола между русскими селами края летом 1919 г. Этому было уделено немало внимания на вечерах воспоминаний. Первоначально села русских переселенцев выступали единым фронтом в конфликте с мусульманским населением. Начальные страницы истории отряда Ильяшевича связаны с населенным субботниками Привольным, но примерно с весны 1919 г. его опорой стало другое село – молоканский Пришиб⁴⁰³. Образовались два лагеря среди русских переселенцев, во главе которых стали эти два села. Когда в воспоминаниях говорят о муганцах, то подразумевают именно те отряды, которые обобщенно именовались пришибенскими. Или как уточнил осведомленный Донской: муганцы – это молокане, которые против советской власти, уточнив затем: они за советскую власть, но без коммунистов⁴⁰⁴.

Шпинёв, перечисляя большевистские села, называл Привольное, Грибоедовку, Петровку, Григорьевку. Большин-

ство из них села субботников. Поляка Иосифа Файковского всегда удивлял тот факт, что за советы из всех муганцев более всего выступали субботники⁴⁰⁵. Субботники, отличившиеся в период Муганской советской республики, носили такие имена и фамилии: Яков Левин, Наум Сапунцов, Бенцаим Морозов, Давид Данилов, Моисей Бочарников, Исай Горбунов.

Уроженец с. Привольное Петриков объяснял революционность своего села тем, что в империалистическую войну многие из числа его жителей были призваны на фронт. Они в отличие от молокан не уклонялись по религиозным причинам от призыва в армию, а потому среди них и оказалось много фронтовиков. Там они «кое-что почерпнули и научились»⁴⁰⁶. Фронтовики возвращались с оружием, да и их односельчане для самообороны запасались винтовками у солдат, покидающих пограничную полосу.

К контрреволюционным Шпинёв отнес молоканские Новоголовку, Андреевку, Астрахановку, Пришиб, Покровку, Николаевку. Можно было бы объяснить этот раскол религиозными причинами, как это сделал участник событий, студент-медик Сидомонов, армянин по национальности: «Приволенцы были субботниками, пришибенцы были молоканами[,] и на этой почве у них были некоторые разногласия. [...] ...Это обстоятельство, безусловно, тогда имело колоссальное значение. И все эти отряды Бочарникова и др., они не носили чисто революционного характера, а скорее организовались в целях самозащиты для того, чтобы защитить свое село и собственное существование»⁴⁰⁷.

Но сами приволенцы предпочитали делать ссылки на конкретные обстоятельства, которые развели их с пришибенцами по разные стороны баррикад. Среди таковых: обвинение приволенцев в убийстве комиссара Исаева, который будучи родом из Пришиба при Муганской краевой управе был назначен комиссаром в Привольное (Бочарников)⁴⁰⁸; отличия в управляющих органах: в Пришибе продолжало оставаться комиссарство, а в Привольном по инициативе местной «ячейки» уже был

избран совет, обе сельские власти конфликтовали между собой, втянув в это и население (Соломон Матвеев)⁴⁰⁹; предпринятая Управой попытка разоружения приволенского отряда (Пономарёв)⁴¹⁰; стремление Сухорукова создать противовес офицерским группам, которые готовили заговор с целью передачи власти Ильяшевичу (Гайк Арустамов)⁴¹¹.

К непосредственной причине боя между русскими селами Добрынин отнес ультиматум о разоружении и выдаче офицеров, после которого Привольное стало обстреливать Пришиб. При этом он утверждал, что это дело рук пробравшихся в село ленкоранских комиссаров. Житель села Привольное Петриков был в 1932 г. иного мнения: «Приволенцы выступили, начали рыть окопы[,] и между Пришибом и Привольным началась настоящая война»⁴¹².

Пришиб обстреливался артиллерией с двух сторон: с запада из Привольного, с востока – из Григорьевки. Добрынин считал основанием конфликта Пришиба и Привольного – споры из-за земли. А причину присоединения жителей села Григорьевка к приволенцам он видел так: «...А григорьевцам, бросившим свои дома и самовольно поселившимся теперь на татарских отрубках южнее Пришиба, большевики обещали поделить чужие земли и хозяйское добро»⁴¹³. Наполненный антипатией к григорьевцам Добрынин оставил за рамками повествования тот факт, что Григорьевка, прикрывавшая Пришиб с востока, была за год до это сожжена во время первой волны погромов русских сел.

Конфликтом между русскими селами заинтересовались окрестные мусульмане. По сведениям Добрынина еще до этих событий Хошев установил отношения с крупнейшим пирембельским ханом Гихель-ханом. Но его помощью воспользоваться не пришлось, потому что пришибенцы выступили против такого союзничества. Хошев был крайне недоволен, узнав об отправке Гизель-хана домой и о бездействии Добрынина. Он сильно отругал Добрынина, и тот был «крайне поражен его тоном». Советские мемуаристы утверждали, что на помощь При-

шибу талыши-пирембельцы и джуварлинцы все же пришли, и это изменило соотношение сил. Тюрки из сел Астанлы и Агдаш предлагали приволенцам помощь, но те решили отказаться из опасения, что они могут прийти в Привольное не на помощь, а пограбить (Пономарёв)⁴¹⁴.

Во многих источниках упоминается об ультиматуме, выдвинутом противной стороной. Добрынин пишет: приволенцы потребовали убрать пришлых офицеров; а советские ветераны – это пришибенцы настаивали на удалении пришлых комиссаров, которые «мутят» мирное местное население, из Привольного. Взамен предлагалось установление добрососедских отношений.

Перелом в настроениях приволенцев наступил тогда, когда в результате обстрела снарядом разбило телегу и лошадь. Добрынин не знал об этом происшествии, но из его книги становится ясным, что шрапнельный снаряд, произведший такой эффект, выпустил именно он.

Старики и женщины стали требовать прекратить эту войну. На отрядном собрании большинство было согласно удовлетворить ультиматум о выдаче штаба. Активистам пришлось покинуть село, оставив там власть «деникинской ориентации», о наличии которой они не знали до этого момента, и скрываться в лесу. Вскоре они были обнаружены пришибенцами и без сопротивления сдались. Тех, кого признали вожаками, отослали в Ленкорань, рядовых отпустили по домам. Позже при наступлении мусаватистских отрядов, все заключенные приволенцы были освобождены и включены в состав муганских частей. После установления власти АДР некоторые приволенцы скрылись в Персии, надеясь присоединиться к отрядам Кучук-хана, но их там разоружили и ограбили, и они скрывались по камышам, скудно питаясь из милости местной детворы⁴¹⁵.

За два года истории муганских властей в нее оказалось включенным изрядное количество людей, имена которых тогда гремели, но о них сохранилось мало сведений. Во главе отрядов русских переселенцев стояли профессиональные военные, солдаты-фронтовики и просто инициативные гражданские. Среди

них наиболее часто вспоминались имена отца и сына Ильяшевичей, Шевкунова, Хошева, Лозового, Кропотова.

Ведущей фигурой среди муганских отрядных начальников был полковник Ильяшевич. В старой армии он командовал батальоном на Билясуварском участке. При нем находился его сын штаб-ротмистр. Старый полковник был вдов, а при его штабе находилась кухарка Катерина, женщина уже немолодая и пьющая, но Ильяшевич питал к ней слабость. Эти подробности известны из книги Добрынина.

В отряд Ильяшевича вошли те из солдат царского призыва (пограничников и пехотинцев), «которые не хотели идти в Россию, где разгоралась гражданская война, а остались там [в Мугани]»⁴¹⁶. Первоначально под его началом находилось 500 штыков и 200-300 сабель. Поводом для первого похода зимой 1918 г. в Северную Мугань к реке Булгар-чай стало разорение русских сел этого района. Военные действия 1918 г. приволонец Донской назвал национально-освободительной войной, объяснив это тем, что русские пытались защитить себя. Вскоре Ильяшевич встал во главе объединенных отрядов, и на него смотрели как на спасителя Мугани (Гайк Арустамов)⁴¹⁷. Он буквально стер с лица земли десятки мусульманских сел на расстоянии 25 километров вокруг русских сел. При этом Ильяшевич не учел, что нападавшими на русские села были в основном кочевники-шахсевены (Танешкин, Пономарёв, С. Матвеев, Филин, 1932)⁴¹⁸. Его успехи не решили проблем безопасности. В марте 1918 г. отряд села Петровка был блокирован в Николаевке, а в это время на беззащитную Петровку произошло нападение со стороны села Ассады.

В результате интенсивной боевой деятельности ильяшевского отряда возник дефицит боеприпасов. Их удалось получить у бакинского отряда Арустамова, прибывшего на пароходе «Александр Жандр». С этого момента у Ильяшевича установились достаточно близкие отношения с советскими деятелями. По мнению Сидомонова, Ильяшевич всегда соблюдал лояльность к советским органам⁴¹⁹.

После установления власти Муганской краевой управы Ильяшевич был одной из основных фигур нового режима. По мнению летчика Романова, служившего на авиабазе о. Сара, в тот период реальная власть принадлежала именно ему. Во время советского переворота в Ленкорани 24-25 апреля 1919 г. многие офицеры были арестованы⁴²⁰, но Ильяшевич оставлен на посту командующего войсками. То, что Ильяшевичу предложили быть командующим, Добрынин расценил как типичную большевистскую провокацию: скомпрометировать Ильяшевича в глазах его бывших офицеров, но и привлечь его именем муганцев в свою армию. Он пишет, что Ильяшевич в свою очередь желал таким образом сохранить контроль над армией, но считал эти планы наивными⁴²¹. Спустя месяц полковник все же был смещен с должности, но обстоятельства этого не ясны. Енгибаров объяснил его отстранение тем, что была выявлена попытка его сына подготовить новый переворот с опорой на авторитет отца⁴²².

Известно, что полковник после отстранения от должности некоторое время жил в Пришибе как частное лицо. Значит, явных оснований для его ареста не было. Вероятнее всего, что его отставка была инициативой астраханских комиссаров Отраднева, Лукьяненко и др., вызванной их реакцией на его офицерство.

Находившийся под стражей Ильяшевич, тем не менее, сыграл важную роль в падении МСР. И не своим участием в боях, а самим фактом сидения под арестом. Ахун-заде прямо увязывает эти события⁴²³. Пономарёв считал ошибкой арест Ильяшевича: если арестовали, нужно было расстрелять, ведь муганцы двинулись в Ленкорань освобождать именно его⁴²⁴. Добрынин, негативно отзывавшийся об Ильяшевиче, утверждал, что старый полковник прислал из тюрьмы записку, умоляя его спасти. В этот момент муганцев возглавил поручик Хошев. Во главе массы крестьян он вошел в практически незащищенную Ленкорань, потому что вооруженные силы МСР находились на фронте у Шах-Агача. В результате боев муганцы отступили, но

Ильяшевич остался в плену. Он сопровождал эвакуированных ленкоранских большевиков на о. Сара, но в отличие от других заложников расстрелян не был. По окончании эвакуации Ильяшевич был освобожден и вернулся в город. После установления в Ленкорани власти АДР Ильяшевич с сыном выехал в зону расположения деникинской армии. В Порт-Петровске они были задержаны комиссией по реабилитации и контрразведкой. Для производства дальнейшего следствия они были переведены в Пятигорск. При отступлении белых полковник продолжал оставаться в тюрьме, где и умер уже при красных. Его сын каким-то образом смог выехать в эмиграцию.

Борису Александровичу Хошеву (1898-1978) уделено немало внимания в книге Добрынина, поскольку это ближайший товарищ автора. Хошев происходил из дворян Вологодской губ., окончил кадетский корпус в Тифлисе. В годы германской войны служил в Нижегородском полку, был произведен в офицеры и направлен в Персию. Потом оказался в Мугани. Он принадлежал к проявившему себя в годы Гражданской войны типу мальчика из хорошей семьи, ставшего авантюристом, искателем приключений. Расположенный в Билясуваре отряд поручика Хошева, произведенного Бичераховым в ротмистры, в 1919 г. оставался единственным боеспособным отрядом, потому что его существование было связано с постоянной опасностью набегов с предгорий. Хошев чувствовал себя как рыба в воде в приграничных степях, хорошо разбирался в психологии местных жителей – татар, шахсенов, талышей, русских переселенцев, используя их слабые места; пользовался среди них большим авторитетом, потому что за ним стояли вооруженные люди. После августа 1919 г. он в составе группы муганских офицеров был направлен в Пятигорск в распоряжение генерала Эрдели. Тот лично рекомендовал Хошева полковнику Глебову, командиру полка александрийских гусар, находившемуся в Темирхан-Шуре. В момент эвакуации из Владикавказа Хошев заболел тифом, но был вывезен. Из Крыма убыл в эмиграцию.

Командир так называемой комендантской, или контрольной роты Шевкунов был уроженцем Пришиба, жившим в Билясуваре (Пономарёв)⁴²⁵. При первой советской власти 1918 года он возглавил небольшой отряд муганских крестьян, который противостоял «дикой дивизии». Личность Шевкунова, в отряде которого побывало немало участников вечеров воспоминаний 1920-1930-х гг., неоднократно обсуждалась на этих собраниях, и оценки ему давались неоднозначные. Четко прослеживается тенденция: наиболее негативные высказывания о нем звучали из уст азербайджанцев. Шахрамонов и Садыхов рассказали о том, что в его отряде были отъявленные головорезы, например, казанский татарин некий Семён (или Семёнов), от рук которого погибло много мусульман. И в то же время они отметили, что это было в 1918 г., а в 1919 г. это уже не допускалось, и что даже несколько человек были расстреляны за грабеж. Изменения в поведении шевкуновского отряда подтверждено Шпинёвым, Поминовым, Донским, Осиповым. Последний отмечал, что шевкуновский отряд боролся в 1919 г. за советскую власть как никакой другой⁴²⁶. На провокационный вопрос Иосифа Файковского о том, занимался ли сам Шевкунов грабежами, Поминов ответил, так же как и 2-й бакинский батальон (который по традиции изображался как последовательно советский), что было встречено понимающими смешками присутствующих⁴²⁷.

После эвакуации армии МСР отряд Шевкунова ушел в Астару, но когда и там установилась мусаватистская власть, он вернулся в Мугань (Поминов). Там Шевкунов был арестован властями АДР и выдан деникинцам в Порт-Петровск, где и был расстрелян.

Наряду с русскими и армянскими отрядами в событиях участвовали мусульманские. Груз межнациональных столкновений влиял на оценки, высказывавшиеся на вечерах воспоминаний. Мусульманские отряды назывались разбойничьими и грабительскими. Но из контекста выступлений становится ясно, что и мусульманский мир не был однородным, различные отря-

ды в разное время ориентировались на разные политические силы.

Г.А. Мамедов связал начало участия мусульман Ленкоранского уезда в военных столкновениях с рядом факторов, которые зафиксировал в конкретных событиях. Все началось с того, что в начале августа в поле у селения Кочахкенд был убит крестьянин. Родственники убитого подозревали в преступлении двух жителей того же села. При подстрекательстве сельского старшины Салмана Салман-оглы и местного шейха они устроили над ними самосуд, разграбив имущество. Дело осталось безнаказанным. Вокруг Салмана Салман-оглы образовалась шайка, начавшая осуществлять налеты на богатые имения. Ее успех вдохновил крестьян других сел, кражи и разбои начались повсеместно.

Вторым фактором стало появление осенью 1917 г. кочевников-шахсевенов со своими стадами, двигавшихся по традиционным маршрутам с гор Ленкоранского уезда и с территории Персии. Мамедов и Садыхов как знатоки местной политической карты перечислили значительное число местных и пришлых вооруженных групп, нацеленных на грабеж мирного населения. Каждая была абсолютной властью на своей территории. Во главе их чаще всего становились *кочи*, ставшие на преступный путь задолго до этого; племенные вожди, беки и ханы, например, Ширванские. Эти «армии», бывало, вступали в бои между собой. Постепенно уголовный бандитизм превращался в политический, что было связано с деятельностью турецких эмиссаров и местных религиозных лидеров. По выражению Садыхова, капрал турецкой армии Джамал-бек, которого из уважения именовали Джамал-паша, объединял разбойничьи шайки с Кораном в руках. Когда в 1918 г. отряды Рамазанова, Фата Расулова, Халилбека воевали с русскими, они придавали этому значение газавата, говорили, кто умрет в этой войне, сразу попадет в рай⁴²⁸. Отряды включали до 800-1000 чел., поэтому красноармейские части, случалось, несли жестокие поражения.

В ходе обмена репликами между Поминовым и Файковским становится известно, что в 1918 г. Шевкунов поддерживал отношения с отрядами под командованием Юнуса и Мамеда Зувандского, названными Файковским разбойничьими. Но Поминов парировал это обвинение, заявив: благодаря Юнуске и Мамедке на Мугани было затишье в смысле грабежей⁴²⁹. Прозвище Мамеда говорит о том, что он был талышем. По утверждению Шахраманова, роль силы, которая вовлекла его в борьбу, принадлежит персидской партии «Адалет». Летом 1919 г. Мамед помогал оборонять Ленкорань с юга от других талышских и шахсеверских отрядов, наступавших от Астары и со стороны Зувандских гор. Он оказал большую помощь во время боев в лесах, когда отряды МСР жестоко обстреливались из-за деревьев. Но после ликвидации МСР Мамед ушел от Ленкорани, вернулся домой, его аскеры стали покидать отряд, думая прорваться в Зуванд. Он не подчинился после августа 1919 г. мусаватистам, вел с ними переговоры, но служить не стал. В 1920 г. Мамед погиб во время антисоветского восстания в уезде⁴³⁰.

Юнус также командовал талышским отрядом, первоначально подчинявшимся ханше Талышской, и перешел к сотрудничеству с русскими в Ленкорани еще при первой советской власти. Как упоминалось, ханша продемонстрировала свою готовность сотрудничать с новой властью, передав Юнуса в распоряжение Ленкоранского совета. Юнус вместе с отрядом Шевкунова ходил в боевой поход на запад до Зуванда. Два источника упоминают о гибели Юнуса, который погиб по одной версии от рук собственного помощника, по-видимому, по имени Кулам Мамед, по второй – виной были бакинские отряды⁴³¹.

По-видимому, такие люди как Юнус и Мамед усматривали в происходящих столкновениях продолжение тех конфликтов, в которые издавна были вовлечены сами. Понять это помогут некоторые сюжеты из воспоминаний Ахун-заде, который обращался к Юнусу как к «комиссару Зувандского района» за помощью крестьянам-тюлкам, обобранным шевкуновцами.

Юнус попенял ходатаю, что он так хлопочет о суннитах, и не помог.

Ахун-заде также сообщил о содержании своих переговоров с известным талышским разбойником Ибрагим-Халилом из Шах-Агача, который заявлял о готовности «сдаться бакинским большевикам», если они защитят от персидских разбойников (вероятно, имелись ввиду иранские шахсевены – О.М.) и установят твердую власть⁴³².

К советской стороне могли прибиться ослабевшие гачагские группы. Так, Кадырли упоминал, что разбойник Кардаш-хан пошел на контакт с ним в тот момент, когда находился в изоляции и враждовал с видным отрядным предводителем Вергедузского района гачагом Шахвераном, который продолжал вести антисоветскую деятельность и в 1920-х гг.⁴³³ Кадырли представил разговор с Кардаш-ханом как договор о защите бедняков-беженцев, покинувших свои дома из-за вражды с молочанами. Но он упомянул, что Кардаш-хан заботился и о себе: у него были большие посевы, он хотел вернуться к своим полям и убрать урожай⁴³⁴. Это одна из причин, почему Хошеву удалось наладить отношения с шахсевенским ханом Нафтуллой, несмотря на то, что весной 1918 г. разорил все его аулы. Поручик понимал, что скоро полевой сезон, и Нафтулле придется пойти на мировую, чтобы иметь доступ в свои владения⁴³⁵.

В выступлениях, звучавших на вечерах воспоминаний, иногда туманно упоминались важные события и известные имена. Пояснения, как правило, не давались, поскольку большинству они были известны, да и главным предметом повествования была собственная биография рассказчика, доказывающая его революционное прошлое. Поэтому стоило немалых трудов собрать информацию об этих фрагментах прошлого.

Вызвали интерес упоминания о гибели полковника Аветисова. Его называют то командиром одного из бакинских отрядов, то верховным военным руководителем Мугани, имеющим мандат Л.Ф. Бичерахова на создание регулярных частей.

Это лишний раз показывает туманность военно-политической позиции участвовавших в событиях лиц.

Массовость ссылок на этот инцидент свидетельствовала о том, что он представлял некую значимость для вспоминавших. Поминов в своем выступлении на одном из вечеров сказал: «Потом откуда-то появился отряд полковника Аветисова... Хотя Аветисов говорил, что он пришел с бакинскими революционными отрядами, но я не знаю, какая у него была цель. Во всяком случае[,] он говорил о необходимости всем объединяться. Во время этих разговоров Аветисов был убит. Его хоронили революционные войска. Я так и не понял[,] в чем дело, почему его так хоронят»⁴³⁶.

Подробности гибели полковника приведены только в воспоминаниях Донского и Шпинёва. Судя по всему событие можно датировать августом 1918 г. Во время крестьянского съезда в Пришибе Ильяшевич выступил перед привольцами и призвал их к разоружению в связи с окончанием гражданской войны. Но отряд стал требовать обещанную бязь, по поводу которой тут же утвердилось мнение, что офицеры ее присвоили и уже продали. Бузу затеял Бочарников. Ильяшевич, видимо убедившись, что разговоры бесполезны, ушел. Но в это время раздался выстрел. Эскадрон решил, что стреляют в них. Яшка Левин и еще один боец ворвались с винтовками в помещение, где находился Аветисов. Тот не имел отношения ни к съезду, ни к бязи, – он прибыл за горными орудиями. Аветисов оказал сопротивление потерявшим голову солдатам. Он был настолько физически силен, что схватил двоих вбежавших за винтовки и держал, пока Бочарников не всадил в него пять пуль. Мертвое тело выбросили на двор, кто-то снял с него награды. После этого отряд с песнями поехал в Привольное⁴³⁷.

Изложение событий Шпинёвым несколько отличается от рассказа Донского. То, что произошло, было названо рассказчиком недоразумением и несчастным случаем: «Ребята приехали в Привольное, доложили, что получилось такое несчастье и дальше неизвестно что будет. [...] Пришлось провести разъяс-

нительную компанию по селам, что это получилось недоразумение. С красными флагами наш эскадрон проехал по всем селам»⁴³⁸. Хотя Шпинёв утверждал, что проход под красным знаменем был демонстрацией силы, после которого кулачье и офицерство попритихло, но в действительности это была демонстрация лояльности Управе. Аветисову были организованы похороны государственного уровня: с красными знаменами, с оркестром, его отпевал армянский священник.

Тимофей Иванович Отраднев (наст. фам. Ульянов, 1888-1919), погибший в последние дни существования МСР, занял место ключевой фигуры в ее истории. О нем много писал его товарищ И.Г. Дудин, чьи воспоминания повстречались нам не только в Баку, но и в Майкопе. Он трогательно описывал, как они с Яном Лукьяненко еще в Ставрополе женили Тимофея на хорошей девушке Тане. Упомянул, что один из четырех красных бронепоездов, двигавшихся в апреле 1920 г. на Баку назывался «Тимофей Ульянов»⁴³⁹.

Отраднев прибыл в Ленкорань с мандатом Кавкрайкома и стал политическим комиссаром республики. По сути, он первый озаботился оформлением на Мугани большевистской ячейки. Вскоре после приезда он вызвал приволенцев Моисея Свиридова, Пономарёва и Шпинёва, сказал им, будем считать вас членами партии со дня основания вашей организации, и выдал им 40 тыс. руб. и литературу. После отъезда Горлина, который состоялся буквально в последние дни перед ликвидацией МСР, Отраднев стал председателем Реввоенсовета. Погиб он около сада под названием Треугольник во время боя с муганцами по захвату маяка. После его смерти ходили слухи, что он погиб от предательской пули (Пономарёв, Шахраманов и др.)⁴⁴⁰.

В стенограмме вечера воспоминаний в связи с десятилетием существования комитета женщин-подпольщиц, проходившего 12 августа 1928 г., присутствует рассказ медсестры Кирюшиной. Она подробно описала гибель Отраднева, потому что оказалась около него как медработник. Когда муганцев выбивали из маяка, он был ранен срикошетировавшей пулей, ко-

торая прошла через ногу, по-видимому, повредив крупный кровеносный сосуд. Отраднев прожил после этого не более четырех часов и умер от кровопотери⁴⁴¹. Кирюшина в своем выступлении подобно большинству отдала долг разоблачениям, но когда речь шла о сведениях профессионального свойства, – тут она была очень точна и не поддавалась соблазну присоединиться к общему хору.

При сравнении текста Добрынина и воспоминаний участников муганских событий складывается впечатление, что общепринятая дата боя у маяка и гибели Отраднева (28 июля) не соответствует действительности. По-видимому, это произошло на месяц раньше. Дополнительным аргументом может служить дата приезда И.О. Коломийцева в Ленкорань. В соответствии с воспоминаниями участников Особой морской экспедиции, которые доставили его в Астрахань, а потом назад в Ленкорань это могло быть где-то в начале июля 1919 г. Точно известно, что Коломийцев прибыл в Мугань уже после гибели Отраднева. К тому же есть упоминания, что советская власть пала бы раньше, если бы не усилия Коломийцева по агитации среди крестьян-муганцев.

Опыт работы с несколькими региональными коллекциями ветеранских воспоминаний говорит о том, что каждая из них имеет некоторые особенности передачи прошлого. 1). Характерный перечень сюжетов, к которым так и льнет ветеранская память: знаковые фигуры, поворотные события. 2). Специфический лексикон и правила назначения политических ролей. Ветераны ленкоранских событий всех видных не-большевиков относили к правым эсеров и называли полковниками. А у южно-русских революционных мемуаристов отмечен специфический смысл понятия «кадеты», которым именовались все противники советской власти. 3). Число «талантливых рассказчиков» в общем числе повествующих о прошлом неодинаково. Наибольшей их доля была среди жителей Архангельской области, что связывается тамошним историком Т.И. Трошиной со сказительской традицией Русского Севера. Эта традиция также суще-

ствовала на территории Олонецкой губернии, но ветеранские рассказы, собранные в архивах Петрозаводска, той повествовательной традиции, что встречается у архангелогородцев, не показали. Возможно, что отличия в доле богатых содержанием рассказов связано со стихийно сложившимся региональным эталоном революционно-мемуарного текста. 4). Разная датировка перехода советских мемуаристов к «правильному» освещению прошлого, ориентирующемуся на официальную версию истории.

При этом повсеместно на процесс вспоминания влияла деятельность структур по сбору, сохранению и изучению свидетельств о революции – комиссий и институтов истории Октябрьской революции и ВКП(б). Они вели широкую деятельность по учету ветеранской общественности и фиксации воспоминаний. Институт истории АзКП(б) им. С. Шаумяна проводил тематические вечера воспоминаний, куда приглашались участники событий. Целью этих мероприятий было восстановление всех обстоятельств конкретного историко-революционного эпизода во всех подробностях. Особое внимание уделялось перечню имен участников и политическим оценкам действовавших тогда лиц. Изложенный в статье материал показывает насколько остро это проходило в среде бакинских ветеранов. Например, когда матрос Широ́в стал характеризовать Шевкунова как такого же сторонника советской власти, как и те, кого Истпарт признал каноническими большевиками, председатель Альма Вильмут возмутилась: мы же знаем, что Шевкунов предатель. Широ́в растерялся, но продолжал говорить, что Коломийцев и Шевкунов вместе находились в числе эвакуированных из Ленкорани на о. Ашур-Аде и даже жили в одной комнате. Но председатель настаивала: хотя Шевкунов был расстрелян белыми в Порт-Петровске, но в Ленкорани он изменил! И его отряд состоял из головорезов, – она располагает точными сведениями⁴⁴².

Довольно любопытный с позиции современного исследователя рассказ жителя с. Петровка Бочарникова (не Моисея, а

его родственника) у Вильмут не вызвал одобрения. Она заявила, что целью института, который собирает вечера воспоминаний, является выяснение «в каком отряде работал красноармеец, каково было политико-моральное состояние отряда, где находился отряд, какую работу вели коммунисты», а Бочарников об этом ничего не рассказал, поэтому такие выступления ничего институту не дают. Она также упрекнула Бочарникова за путанность и неконкретность: «У вас все как-то несвязно получается: были то у Орлова, у [полковника] Ермолаева, попали в хошевский отряд, но против кого вы были, кого защищали, чья власть была – вы не знаете». Бочарников, как бы оправдываясь, признался, что сел однажды и написал 8 страниц, но, увидев, что много еще остается писать, разорвал написанное⁴⁴³.

Не исключено, что и под давлением атмосферы собраний, задаваемой сотрудниками Института, в воспоминаниях соседствуют противоречащие друг другу моменты: оценка исторической фигуры и описание конкретных событий, связанных с ним. Например, в отношении Сухорукова Шахрамонов пишет, что это был противник советской власти; член Диктатуры пяти, возникшей после падения Баккоммуны, сохранивший посты при Муганской управе, но потом он сообщил, что подпольный комитет располагался в квартире Сухорукова, официально называясь Комитетом связи, и скрывая свое истинное лицо. А расстрел Сухорукова денкинцами удостоился у него формулировки: погиб в борьбе за советскую власть вместе с другими муганцами. Еще более непоследовательно Шахрамонов говорит о правом эсере Орлове, командующем армией Советской Мугани: его все время подозревали в измене, но он так и остался верен, немного недоуменно заключил Шахрамонов⁴⁴⁴. В воспоминаниях Григория Арустамова ощущаемое им самим противоречие между запомнившимися ему фактами и официальной версией прошлого снимается собственным объяснением произошедшего. Расстрел Сухорукова и начальника авиабазы на о. Сара Кропотова в Петровске он интерпретировал так: они рас-

стреляны не за революционные дела, а за то, что уже были не нужны деникинцам⁴⁴⁵.

Со временем рассказы становились похожими. Это следствие стремления Истпарта положить предел тяге ветеранов к приписыванию себе добавочных заслуг. Внимающая аудитория должна была выступать стражем достоверности, гарантом добросовестного воспоминания, барьером на пути фантазий. Но в это время происходило «инфицирование» людей чужими образами памяти, но главное – оценками событий. Полузабытое тут же «вспоминалось» за счет рассказов «реципиентов». Но никогда этот процесс не привел к возникновению совершенно единых версий прошлого.

То, что наряду с советским мемуарным фондом существует и книга белоэмигранта В.А. Добрынина, дает шанс реконструкции муганских событий быть более полноценной. Например, его информация помогает понять, что оценка Сухорукова и Кропотова, звучавшая на вечерах воспоминаний, была не только продуктом истпартовских предубеждений. Сухоруков описан Добрыниным как человек, выполняющий распоряжения добровольческого командования; и только в марте 1919 г. произошёл окончательный раскол между штабом Ильяшевича и группой Сухорукова, к которой примкнул к удивлению Добрынина и начальник авиабазы Кропотков. О нем Добрынин пишет, что Кропотков – дворянин, сын помещика Саратовской губ., после разрыва с Ильяшевичем блокировался с Сухоруковым и большевиками и стал называть себя правым эсером. Не исключено, что Добрынин причастен к расстрелу Сухорукова и Кропотова, которых, как упоминал, он встречал в контрразведке в Порт-Петровске.

Книга Добрынина в свою очередь несет печать эмигрантских стереотипов. Когда он пишет об изменении настроений жителей русских сел Мугани, то объясняет это происками комиссаров, не утруждая себя поиском других толкований. Добрынин тяготеет к монохромному описанию, у него сплошные оппозиции, герои и антигерои: Колчак – Деникин, поручик

Хошев – полковник Ильяшевич. Его книга написана на основе дневниковых записей, но полна явных анахронизмов и примет эмигрантской среды. Вот, например, на четырех страницах книги он воспроизводит спич английского майора Кента, сказанный тем якобы в состоянии «едва держался на стуле». Так, англичанин касается еврейского происхождения Керенского, сифилиса Ленина, стиля А. Вертинского (увядшие цветы и т.д.). Вероятно, ассоциации насчет увядших цветов навеяны даже не Вертинским, а другим популярным эмигрантским певцом Ю.С. Морфесси и его романсом «Как быстро увяли те розы».

Нужно отметить, что почти всегда детали в рассказах отдельных людей об одних и тех же событиях разнятся. Тут называются факторы памяти и воспоминания, угла наблюдения и индивидуальной интерпретации. Внимательная реконструкция обстоятельств участия человека в событиях и его стереотипизация помогают задать материалу ту поправку, которая и выдаст результат, который будет «устраивать» все индивидуальные версии прошлого.

Большевистское подполье в тылу белых: способы маскировки прошлого

Подполье периода Гражданской войны когда-то было весьма популярно как основа для максимального выражения революционной героики⁴⁴⁶. Авторами многих выходящих книг мемуарного и научно-популярного характера являются бывшие подпольщики, что не помешало сделать историю большевистского сопротивления в тылу белых одной из наиболее мифологизированных тем. Препятствием на пути ее нового прочтения является фрагментарность архивного материала, способного пролить свет на запутанные истории нелегальных групп 1918-1920 гг.

Практически единственными источниками являются воспоминания, которые далеко не всегда могут быть перепроверены документами иного происхождения. Казалось бы безнадежную

ситуацию спасает то, что мемуаристами из числа подпольщиков руководили разные мотивы, и на пересечении их полупридуманных – полуправдивых рассказов может быть обнаружено зерно истины. Например, рассказы старых подпольщиков, относящиеся к 1950-1960-м гг., о том, как они собирали и передавали военные сводки в РВС Республики, сообщая вплоть до паролей и отзывов по войскам Добровольческой армии, не соответствуют действительности: на события периода Гражданской войны ими была наложена фактура времен Великой Отечественной войны, обусловленная иным материально-техническим оснащением конспиративных групп. Один из ростовских подпольщиков в 1924 г. совершенно справедливо отметил, что сбор военной информации не приносил нужных результатов, передача сведений требовала времени, и они устаревали; и главный упор делался на моральное разложение частей Донской белой армии⁴⁴⁷.

Далеко не каждый текст подойдет для цели реконструкции реальной работы подпольщиков в тылу белых или на территории постфевральских лимитрофов. Например, воспоминания Шоя-Андрienко, датированные 1932 г., представляет большевистское подполье на Украине с поправками в соответствии с требованиями 1930-х гг.: положение большевиков при Махно – не легальное, а полуполегалное; а политзаключенных из тюрьмы отбило подполье, а не выпустил занявший Александровск Махно и пр.⁴⁴⁸

Опыт работы с документами «партизанских» комиссий говорит, что ссылки на участие в подпольной работе как оправдание своего пребывания на территории белых ничего не стоят. Ведь на вопрос, отступил ли соискатель звания красного партизана с Красной армией, когда приходилось давать отрицательный ответ, обязательно добавлялось, что перешел на подпольную работу⁴⁴⁹. Вся наивность таких попыток раскрыло резкое замечание некоего Цуканова. Он выразил сомнение, что отъезд из Екатеринослава при отступлении Красной армии – достоинство биографии и свидетельство геройства: некоторые отступили в Москву и жили там, пока не закончилось сало, а потом

вернулись домой, якобы на подпольную работу⁴⁵⁰. Поэтому в основу данного исследования были положены воспоминания тех, кто был признан подпольщиком целой вереницей различных комиссий и собраний.

В архивах Ростова-на-Дону, Краснодара, Архангельска и Баку оказалось немало текстов мемуарного характера, принадлежащих бывшим подпольщикам и датированных 1920-ми – началом 1930-х гг. Оказалось, что с материалами Юга и Севера России можно работать как с единым комплексом: анализ показал наличие общих закономерностей. А бакинские документы показали своеобразие, связанное не с тем, что там были какие-то особенные большевики, а потому что политическая атмосфера Азербайджанской демократической республики с многопартийным парламентом отличалась от территорий, контролируемых русскими белыми правительствами.

I

Судя по материалам Ростова-на-Дону и Архангельска, история подполья в этих городах началась после инициативных поездок местных советских активистов, не ушедших с Красной армией, на территорию Советской России. В южном городе это были Георгий (Егор) Александрович Мурлычѳв (1898-1919), слесарь и член горсовета, и Емельян Сергеевич Василенко – бывший рабочий, потерявший на фронте руку⁴⁵¹. Оживление работы в Архангельске началось после поездки Макара Баева (кличка Боев) в Вологду, где находился губернский комитет партии и губисполком. Ими были получены деньги для налаживания работы, литература и инструкции по организации связи.

Эвакуировавшиеся с Дона большевистские руководители создали на советской территории Донское бюро. Название Донской комитет осталось за подпольной организацией. Во главе Донбюро находились А.А. Френкель и И.А. Дорошев. Для непосредственной работы в тылу белых из его состава было выделено Зафронтное бюро во главе с П.Г. Блохиным. Оно располагалось

в Харькове, что не случайно. В этом проявилось стремление украинских коммунистов распространить свое влияние и на Дон. Контакты с Украинским ЦК РКП(б) облегчали Блохину и Френкелю получение средств и ресурсов, которые им выделял Фёдор Сергеев (Артём)⁴⁵². Агентами Донбюро в Ростове были в основном женщины: Р. Гордон (Анна), Ольга Горбачик (Минская), Романа Вольф (Елена Езерская), Мария Малинская и др. Это было связано и с тем, что ростовский генерал-губернатор Семёнов разрешил женщинам въезд-выезд из города без специальных свидетельств⁴⁵³.

Подобный Донбюро орган существовал и на Севере, в Вологде, куда собрались работники партийных и советских органов Архангельской губ., но интенсивность контактов на Севере была существенно ниже, и средства, переданные за все время в Архангельск, – это месячная норма потребностей Ростова-на-Дону.

Еще со времен эмиграции большевики хорошо знали роль денег для революционной работы. Большевицкому подполью времен Гражданской войны они нужны были для организации типографии, материальной поддержки членов подпольных групп и семей погибших или арестованных товарищей, внесения залога за арестованных, финансирования «итальянских» забастовок, подкупа чиновников и полиции⁴⁵⁴. Объемы финансирования были значительными: в сентябре 1918 г. А. Френкель в докладе в ЦК РКП(б) запрашивал средства на ведение подпольной работы в Донской области 58 тыс. руб. Через месяц он просил удвоить финансирование. Бывший подпольщик Моренец так и писал в своем романе: «Из Советской России деньги шлют почти без счета...»⁴⁵⁵.

Ростовчане на привезенные деньги наладили типографию в доме Мурлычёва. Вскоре к нему и Василенко примкнул Андрей Васильев – модельщик по металлу, ранее выдвигавшийся на советскую работу. В своих мемуарах Васильев утверждал, что остался в городе из-за болезни. Месяц скрывался, потом вышел и не узнал город: витрины сияют, публика фланирует, – праздник жизни, на котором он себя почувствовал чужим. Устроился на

завод «Жесть-Вест». Начал разбрасывать отпечатанные Мурлычёвым в подпольной типографии листовки, и администрация предложила ему уволиться. В августе 1918 г. Васильев перешел на нелегальное положение, взяв подпольную кличку Шмидт. Те из членов организации, кто продолжал работать на производствах, имели пособие в размере оклада по основному месту работы, а «освобожденные» товарищи, контролируя финансы, в средствах не нуждались. Расписки не приветствовались: конспирация.

Агенты, посылаемые Донбюро, ехали из Советской России на Юг, в тыл белых не только ради борьбы, но чтобы и отъесться за полуголодный советский паек. Кроме того, работа в подполье имела отличия от службы в Красной армии и в советском аппарате на территории РСФСР. Там была структура, иерархия, ограничения, предписания. А в тылу врага каждый себе хозяин. Поэтому и переживал герой романа «Смех под штыком» Илья восторг, когда ехал на поезде к фронту: «Я – вольная птица!.. Да разве можно променять орлиные полеты, волю, счастье борьбы, славу на куриный уголок с пайком и домоседливой супругой?!..»⁴⁵⁶

Вокруг подпольных групп вращалось некоторое число вспомогательных сотрудников, и у каждого был свой повод для сотрудничества. Курсистки привлекались для визитов в тюрьмы к арестованным под видом невест, для передачи записок, для предоставления квартир приехавшим из-за фронта. Не только непосредственно участвующие в работе подполья, но и их соратницы знали, что это за люди и чем они занимаются, но действовало правило учащейся молодежи: выдавать – позорно⁴⁵⁷. У молодежи, оказавшейся на территории, занятой белыми, складывался жгучий интерес к Советской России: пугали слухи о национализации женщин; было непонятно, как можно жить коммунальной, но зато они твердо знали, что в Советской России все бесплатно, и там чудесные праздники.

Среди подпольщиц были работницы, побывавшие в 1917 г. членами различных советов, союзов и комитетов. После сверже-

ния советской власти они были изгнаны оттуда меньшевиками и жаждали возмездия. Для подполья важно было то, что они имели доступ к материальным ресурсам. Например, Прасковья Карташёва работала на табачной фабрике Асмолова. Используя свой авторитет, она обложила работниц «данью»: каждая из них ежедневно должна была давать ей по 30 шт. папирос. Прасковья носила их в лагеря военнопленных и в казармы воинских частей; там ей были рады, ждали ее, а она имела повод для разговоров пропагандистского характера⁴⁵⁸. Женщины-курьеры, возившие из России литературу и деньги, рассматривали эту свою деятельность как заработок, не видя разницы в том, что находится в мешке – сахар или прокламации⁴⁵⁹.

Привлечение молодых рабочих к подпольной работе началось с простых поручений, таких как расклейка листовок. Обычно это предложение делал уважаемый мастер, который не оставался в долгу⁴⁶⁰. Архангельские подпольщики печатали прокламации, а сочувствующие железнодорожники подбрасывали их в вокзальные здания по всей линии. Это рождало слух, что у большевиков есть организация на каждой станции⁴⁶¹. На промышленных производствах постоянно происходило сокращение рабочих мест. Потерявшие работу могли перейти работать в подпольную организацию. Евстрат Калита употребил в 1922 г. именно такой оборот, говоря о начале своей подпольной деятельности⁴⁶².

Туманное представление о правилах конспиративной работы приводило к провалам при малейшем желании белой контрразведки работать. Технический секретарь Архангельского подпольного комитета А. Матисон вела личный дневник, где упоминала фамилии всех своих товарищей, что и вызвало после ее ареста массовый провал всей организации⁴⁶³. Обстановка в Ростове, предстающая из воспоминаний ростовского телеграфиста Семёна Андреева, заставляет удивляться самому факту существования нелегальной организации: оказывается, проводились собрания по приему в конспиративную группу, а в подпольный комитет можно было прийти просто так – пообщаться, поговорить⁴⁶⁴.

О том же пишет в романе П. Моренц: «Конспирации нет. Работники все прибавляются, и чуть не каждый знает нас. Без конца – собрания, заседания, а шпики на каждом шагу»⁴⁶⁵.

25 ноября 1918 г. была провалена типография, находившаяся в квартире Мурлычёва. Хозяйка дома, в котором Мурлычёв жил уже несколько лет, знала его как большевика. Она без всякой задней мысли рассказала об этом старшему надзирателю стражи 7-го участка. Он проследил за Егором и заметил, что тот часто выносит из дома свертки. Во время обыска надзиратель обнаружил в пакете листовки, а в печке станок⁴⁶⁶. Мурлычёв провел в тюрьме полгода, после чего был казнен. Вместо него ростовскую организацию возглавил Васильев-Шмидт. На деньги Донбюро была оборудована новая типография.

Весной 1919 г. контрразведке белых удалось нанести сильный удар по большевистскому подполью. В Архангельске массовые аресты начались в марте, на Юге России – в мае. На Севере они стали результатом событий, спровоцированных протестами профсоюзов по поводу состояния мест заключений и массовых заболеваний заключенных. Этому вопросу было придано политическое звучание. Северное правительство генерала Е.К. Миллера в свою очередь, обнаружив в здании совета профсоюзов винтовки, выдвинуло версию о подготовке переворота. Были проведены аресты, 26 чел. расстреляли за городом «на мхах». В итоге белому Северному правительству удалось не только разгромить подполье, но и деморализовать профсоюзное движение.

Подлинный удар по ростовскому подполью нанес провал 20 мая 1919 г. Тогда в доме Спирина была обнаружена вторая нелегальная типография. Контрразведка арестовала 24 чел. Руководитель подполья Васильев-Шмидт в своих мемуарах взвалил вину за провал на провокаторов Емельяна Василенко (одного из отцов-основателей и бессменного казначея подпольной организации) и заведующего типографией Василия Абросимова, арестованных в числе других.

Судя по описанию обыска, полиция знала лишь о существовании типографии, но долго не могла установить ее место-

положение, разрушая стены дома и подвала. Работа была проведена белыми контрразведчиками топорно. Обыск на квартире у гравера, изготавливавшего фальшивые документы, был проведен, а в мастерской, где хранились печати и штампы, нет.

История изобличения Василенко и Абросимова изобилует темными пятнами. Большинство арестованных было освобождено из тюрьмы через месяц, но ярлык провокатора был закреплен лишь за двумя из них. В своих мемуарах 1920-1930-х гг. ростовские подпольщики в один голос утверждали, что те двое были предателями, приводя, однако, разные доводы и противоречия друг другу. Так, они утверждали, что Василенко и Абросимова выпустили уже на второй день после ареста. Насчет Василенко сведений нет, но в архиве сохранился подлинник прошения жены Абросимова от 10 июля 1919 г. (ст. ст.) о вызове свидетелей, которые подтвердят непричастность ее мужа к большевизму⁴⁶⁷. Значит, все это время он продолжал вместе со всеми находиться в тюрьме.

От самого Васильева-Шмидта известно, что задолго до майского провала у него с Абросимовым был конфликт. Васильев лично закупал для типографии бумагу в магазинах города, не доверяя деньги Абросимову, объясняя это тем, что тот вел нетрезвый образ жизни⁴⁶⁸. Стоит вспомнить и о том, что Абросимов настаивал на подготовке побега арестованного Мурлычёва, который был казнен только в марте-апреле 1919 г., пробыв почти полгода в заключении⁴⁶⁹. Не исключено, что севший в председательское кресло Васильев-Шмидт не горел желанием вызволить из тюрьмы своего предшественника.

Первыми, озвучившими версию об измене Абросимова и Василенко, называли Якова Богданова, Анну Буртылёву и Марию Малинскую. Богданов считал их таковыми, потому что в тюрьме их не били в отличие от него⁴⁷⁰. Но гораздо интереснее версия, связанная с Малинской. Ее арестовали вместе с Этель Борко, в квартире которой она ночевала. Их держали в одной камере. Когда ночью часовой повел Борко в уборную, Мария вышла из незапертой камеры и беспрепятственно вышла на улицу,

но перед тем успела, стоя у двери кабинета начальника контрразведки, подслушать его разговор об условиях сделки с Абросимовым. Каким-то образом вместе с ней это слышал Яков Богданов. Этот фантастический рассказ принадлежит Е. Калите⁴⁷¹. Васильев-Шмидт также рассказал о чудесном спасении Малинской, но про подслушанный разговор он не упоминал⁴⁷².

Анна Буртылёва, жена телеграфиста радиостанции, сотрудничавшего с подпольщиками и арестованного в мае 1919 г., выступая на заседании Истпарта, упомянула несколько важных деталей. Анна Гордон, избежавшая ареста из-за того, что проспала начало собрания, на котором арестовали большинство Донкома, сообщила ей, что в тюрьме всех истязают. Но Буртылёва, принеся передачу для мужа, увидела Василенко расхаживающим по коридору тюрьмы, довольного и улыбающегося. Она рассказала об этом Анне, вероятно, высказав догадку о его измене. Через два дня Гордон сказала ей: ты права, он и Абросимов – провокаторы⁴⁷³. Буртылёва могла и не знать, но опытная подпольщица Гордон наверняка знала, что в тюрьмах камеры запирались только на ночь. Далее Буртылёва сообщила, что после выхода на свободу Василий Абросимов захотел с ней поговорить. Во время разговора он предъявлял большие претензии к Анне Гордон и Васильеву-Шмидту по поводу расходования подпольной кассы⁴⁷⁴.

Первоначально Емельяна Василенко после выхода из тюрьмы хотели отправить «за кордон», но это не удалось по независящим от него причинам, и он вернулся в Ростов. Имевший четыре судимости боевик Пивоваров (кличка Роберт) взял его под «опеку», и на одной из конспиративных квартир казначея посадили за финансовый отчет для Донбюро. Вскоре парни Роберта заметили, что Василенко пытается через хозяйку передать какую-то записку. Его увели на левый берег Дона, где он якобы сознался в своем предательстве и был убит. В 1925 г. Евстрат Калита, вставший в оппозицию к Васильеву-Шмидту и его версии истории ростовского подполья, задавал неудобные вопросы по поводу финансовых отчетов Емельяна Василенко (куда они

делись?) и требовал отчета о потраченных средствах от самого Шмидта⁴⁷⁵.

Убийство Василенко ободрило подполье: провокатор ликвидирован. Но начал вызывать беспокойство Василий Абросимов. После выхода на свободу он не желал иметь ничего общего с бывшими товарищами. Роберт предпринял попытку его убийства, но только ранил. Разъяренный Абросимов пригрозил, что выдаст всех⁴⁷⁶. Донком постановил его ликвидировать. Уголовники, привлеченные для таких дел Пивоваровым, отказались. И тогда только что прибывший из Донбюро Сиротин (кличка Сидорчук), тщедушный паренек, вызвался добровольно. 28 августа 1919 г. среди бела дня на переполненном рынке он застрелил Абросимова и, воспользовавшись начавшейся паникой, скрылся на лихаче⁴⁷⁷. Позже он провел еще две успешные «ликвидации».

Интеллигентная девушка по фамилии Афанасьева в июле 1919 г. прибыла в Ростов из РВС 8-й (по другой информации 10-й) армии Южного фронта. Она быстро вошла в доверие к денкинцам, завела роман с офицером и составила план, как можно овладеть бумагами из штабного сейфа, выкрыв ключ у одного из новых друзей. Ее интимные отношения с офицером были истолкованы подпольщиками как повод для предательства. Донком организовал ее похищение. Девушку привезли на Зеленый остров. Поняв, что ее хотят убить, Афанасьева, решив, что попала в руки белой контрразведки, прокричала: да здравствуют тов. Ленин и Троцкий! И этим смутила «трибунал». Исполнение приговора приостановили. Ее держали на конспиративной квартире довольно долго, но когда она сделала попытку связаться со своим офицером, подполье окончательно избавилось от сомнений. На пустыре близ Софийского кладбища Пивоваров ее задушил⁴⁷⁸.

Записи воспоминаний старой большевички Ольги Шатуновской рассказывают о продолжении этой трагической истории. В октябре 1919 г., будучи в Ростове проездом из Закавказья она узнала об этом убийстве и в Москве рассказала о нем Е.Д. Стасовой. Та пришла в крайнее негодование и выразила полную уве-

ренность в невинности Афанасьевой и в том, что вина за ее гибель ложится на секретаря Донского комитета Ольгу Минскую, которую даже вызывали в Москву для дачи объяснений⁴⁷⁹.

Этими фамилиями перечень жертв ростовского подполья, по-видимому, не исчерпывается. В романе Моренца приведен рассказ одного из подпольщиков о том, как убивали провокатора Черпакова: душили его за высокой оградой кладбища, вероятно, Софийского, возле которого проходил парад белых войск: «Сидорчук ему – петлю на шею, веревку – через перекладину креста, – и тянет. За оградой – ура, музыка гремит; Черпаков кричит, ногами по ящику могилы стучит, а ребята, чтоб заглушить его, хочут и тоже горланят ура...»⁴⁸⁰.

Является ли история ростовского подполья исключительным явлением? В некотором смысле да. Знакомясь с материалами екатеринодарской и архангельской большевистских нелегальных групп, не удалось встретить информацию о столь масштабной борьбе с провокаторством, как в Ростове.

Готовой версии о причинах ростовского феномена нет. Вероятно, ответ складывается из нескольких моментов. Во-первых, особенности внутренней структуры подпольной организации: представители Донбюро – агенты и курьеры – не были в ней ключевыми фигурами. Они часто отлучались, менялись и вообще находились под влиянием местного контингента. Во-вторых, влияние на историю ростовского подполья оказал принцип его комплектования – родственно-дружеский, что не гарантировало от конфликтов людей, привлеченных по инициативе разных лидеров. У ростовских подпольщиков не получилось сформировать сплоченную на основе идейной близости группу. Говоря языком психологической теории, в группе возник когнитивный дисбаланс, тяжело переживаемый членами группы. Форма его компенсации состояла в изменении структуры группы до момента восстановления баланса.

Другой причиной нездоровой атмосферы городского подполья было постоянное пребывание в состоянии стресса. Сотрудничество подпольщиков с партизанскими отрядами в При-

черноморье было связано не только с фантастическими планами по организации широкомасштабного восстания в тылу белых, но и с тем, что уход за город – в леса, горы, на хутора, – давал небольшую психологическую разгрузку людям, ежечасно ожидающим провала. Об этом писал Моренец⁴⁸¹. Это подтверждают и документы синхронного характера, например, письма городских подпольщиков в партизанские отряды⁴⁸².

У некоторых ростовских подпольщиков регулярно случались на почве мании преследования истерики и слуховые галлюцинации. Не только провалы и аресты вносили нервность в жизнь подпольщиков, но и само их ожидание. Например, когда телеграфист Дюжев решил, что за ним следят, он уехал в Таганрог и устроился на телеграфе, пообещав начальству, что его документы со дня на день придут. Когда он и там стал возбуждать подозрения, то вернулся в Ростов и заявил членам Донкома, что от такой жизни идет сдаваться в контрразведку. В комитете его привели в чувство, выправили документы, и он отправился по мобилизации в деникинскую армию⁴⁸³.

Но самый важный фактор связан с объемами финансирования, которые поступали в адрес ростовского подполья. Тут надо вспомнить другой регион, столь же щедро снабжаемый денежными средствами из Центра, – Северный Кавказ. Через Астрахань и Баку, через структуры 11-й армии и Кавказского краевого комитета РКП(б) туда шли миллионы. На этой почве между Хизиром Орцхановым – лидером красных ингушей, Николаем Гикало – командующим Терской группой красных повстанческих войск, Тимофеем Нацвиным-Гордиенко – представителем Кавказского комитета, и Советом обороны Северного Кавказа и Дагестана происходили конфликты, сопровождавшиеся обвинениями в предательстве и контрреволюционности, отраженными в официальных приказах и в письмах в Центр⁴⁸⁴. Так или иначе, все они были связаны с перераспределением полномочий и финансовых потоков.

Но и при такой поддержке эффективность подполья была низкой. Даже тогда, когда Красная армия уже была на подходе,

активность проявляли отряды красно-зеленых Кубани и Черноморья, горские партизанские отряды Чечни, Ингушетии и Дагестана; заключенные концентрационных лагерей, брошенные охраной, как, например, узники Кегостровского лагеря под Архангельском⁴⁸⁵. Но выступления подпольщиков остались неизвестными, по крайней мере, в массовом порядке.

Описание поведения ростовских подпольщиков накануне вступления в город оставили два свидетеля – сам Васильев-Шмидт и Яков Богданов. С начала декабря члены президиума подпольного Донкома посчитали опасным оставаться на конспиративных квартирах и перебрались в здание трамвайного депо. Ночами они сочиняли воззвания об организации вооруженного восстания при подходе Красной армии. Один из первых боев при взятии Ростова был как раз на площади между зданием тюрьмы и трамвайным депо. Но им и в голову не пришло вступить в этот бой, хотя безоружными они не были: на чердаке депо хранились винтовки. Они погасили свет, сидели в темноте и переживали, как вспоминал Васильев, что будет с ними, если Красная армия отступит. Но отступили белые. Утром на рассвете, выйдя из убежища, они увидели площадь, всю усеянную телами раненых и убитых. Командование назначило Васильева комендантом Ростова⁴⁸⁶.

II

Баку вошел в историю российской социал-демократии не только крупнейшей нелегальной типографией, где печаталась газета «Искра», но и успехами легального рабочего движения, которому удавалось вырывать у хозяев немалые уступки. Впрочем, эти успехи оценивались по-разному. Деятель рабочей кооперации Ш. Иоаннисиан в 1924 г. назвал результат декабрьской забастовки 1904 г., а именно согласие бакинских нефтепромышленников на выплаты 10% премии от годового оклада из прибыли предприятия, парализовавшим рабочее движение на несколько лет. Лишенная поддержки рабочих партийная дея-

тельность протекала в узких рамках ячеек⁴⁸⁷. Н.И. Колесникова – большевичка с 1904 г., своими публикациями поддерживала образ Баку как гнезда мощного большевистского подполья в дореволюционное время⁴⁸⁸. Как и везде, определение содержания того, что мемуаристы-бакинцы именуют подпольной работой в 1918-1920 гг., представляет известную трудность. К ней они относят деятельность Особой морской экспедиции по доставке в Астрахань бакинской нефти, участие в обеспечении транзита людей и средств в интересах Кавкрайкома и «закордонных» органов, работу в различных рабочих организациях, а то и просто пребывание на несоветской территории.

Пролетариат Баку был чрезвычайно неоднородным, границы его групп соответствовали этническим и квалификационным характеристикам занятых в разных отраслях промышленности. Одно дело были низкоквалифицированные рабочие-мусульмане, другое дело – высококвалифицированные русские рабочие. У последних были хорошие заработки, они пользовались фабричными и рабочими кооперативными лавками, имели Народный дом с библиотекой-читальней с марксистской литературой, с литературно-художественными кружками, рабочим оркестром и театром. Как писал один из первых рабочих-мусульман-большевиков Эфендиев: у Нобелей и Ротшильда были обставленные казармы для рабочих с мраморными полами и чистенькими нарами: «у них такое же отношение как у английской буржуазии к своему пролетариату» (1923)⁴⁸⁹. И при этом они были более чувствительны к агитации, в основном меньшевистского толка. Жившие и работавшие в гораздо более тяжелых условиях рабочие-мусульмане довольно долго агитаторов не слушали, шарахались как от чумы и, случалось, даже били.

Неоднородность активного населения Баку – рабочих, служащих, кустарей, моряков, учащихся – привела к появлению или легализации после Февральской революции нескольких политических партий. Разнонаправленность их целей не обещала

городу спокойной жизни. Против этого работало и главное его богатство – нефть.

В ходе внутри- и внешнеполитических процессов первая советская власть в лице Бакинского совета пала 31 июля 1918 г. После недлительного пребывания у власти Диктатуры Центрокаспия с 17 сентября начинается период правления азербайджанского правительства, переехавшего из Гянджи, при одновременном присутствии в городе турецких войск. При турках оставшиеся в городе большевики никакой активности не проявляли, поскольку у них был эффективный способ борьбы с нарушителями порядка – виселицы на набережной. Вор или политический оппонент – турки долго не разбирались⁴⁹⁰. Оживление началось только после их ухода.

Из воспоминаний ряда бакинцев становится ясно, что при мусаватистах подполье стало относительно легальным. Никто из оставшихся в Баку большевиков не преследовался до тех пор, пока они не возглавили майскую забастовку. Астрахань рассматривала эту стачку как пролог широкого советского восстания. Формально стачка проходила под лозунгом открытия торговли нефтью с Советской Россией. Стачка была сорвана соглашением с правительством и хозяевами, на которое пошли меньшевистские руководители рабочего движения. Большевиков – членов стачкома посадили в тюрьму, но ненадолго.

Один из них Крылов описал эту свою отсидку. Зажили арестантской жизнью: избрали завхозчастью, старосту по административной жизни, дипломатического представителя по переговорам с администрацией, завбиблиотекой (Ломинадзе, который тут же выхлопотал правительственную газету для чтения и право пользования тюремной библиотекой). Сидели по 5-6 чел. в одной камере. Камеры запирались только на ночь – в 6 часов вечера. Эту традицию царских времен мусаватисты отметить не смогли.

В тюрьме отдельно содержали вождей забастовки А. Микояна, Федю Губанова, С. Ковалю, Анашкина и меньшевика Чураева. На третий день все остальные обеспокоились о судьбе

отселенной пятерки. После нескольких часов требований с шумом и криками их им показали. Объявили голодовку. Через 10 дней пришло решение об освобождении всех кроме тех пяти. Устроили подмену: Микоян вышел из тюрьмы вместо другого заключенного, который имел такие же приметы, что и он. Остальных – Губанова, Анашкина, Ковалю и Чураева – выслали в Грузию. Но они под другими фамилиями вскоре вернулись в Баку⁴⁹¹.

После этого большевики начали завоевание кооперации. Пробольшевистски настроенные рабочие и служащие массово вступали в кооператив «Самопомощь»: деньги на вступительные взносы им выделялись из кассы нелегального Кавкрайкома. После этого меньшевистское правление было переизбрано. Крайком отпустил 250 тыс. руб. на укрепление капитала кооператива. Это не осталось тайной в таком маленьком городе как Баку, и на второй день кредитная репутация «Самопомощи» взлетела до небес. Кооператив по сути стал банковским учреждением Кавкрайкома. Деньги для нужд партии выдавала Берзинская. Она сидела за рядом конторских служащих под видом артельщицы⁴⁹².

Спешность процесса оформления новых государственных структур Азербайджанской демократической республики привела к тому, что на высоких должностях контрразведки, организованной в июне 1919 г., оказались близкие к большевикам члены тюркской партии «Гуммет». Они парализовали ее деятельность против большевистских агентов. Иван Богданов описывал странные облавы, которые устраивала полиция в Центральном рабочем клубе. Одних задерживала, а других никогда не трогала: знала о высоких покровителях. Как вспоминал Трифон Крылов, после выхода из тюрьмы, где находился за участие в майской забастовке, он был рекомендован членом парламента Караевым для работы в контрразведке. Он назвал свою работу в контрразведке кукольной комедией: иногда приходилось для вида арестовывать своих же, а потом выпускать под разными предлогами. Но по отношению к денкинским

агентам, он выполнял свои обязанности перед АДР аккуратно. Так продолжалось до 5 сентября, когда в ходе ссоры были убиты заместитель начальника мусаватистской контрразведки Мир Фаттах Мусеви и казначей партии «Гуммет» Ашум Алиев. После этого из контрразведки были уволены все агенты, не являвшиеся членами партии «Мусават»⁴⁹³.

Со временем сила и влияние просоветских кругов окрепли до такой степени, что они создали собственную контрразведку. Ее задачей было выявление и ликвидация провокаторов. Особое беспокойство вызывали у бакинцев прибывавшие на лодках Особой морской экспедиции. Среди них встречались люди, ехавшие в Баку просто от голодной жизни в Астрахани. Некоторым из них приходила в голову светлая мысль немного заработать на шантаже нелегалов. Так, в донесении, переданном весной 1920 г. через моряков, ходивших в Астрахань, выражается недовольство, что присылают непроверенных людей, среди которых есть провокаторы, шантажисты, алкоголики, проваливающие и компрометирующие организацию⁴⁹⁴. Таких лиц «подпольная контрразведка», не задумываясь, ликвидировала. В своих мемуарах ее сотрудники обычно старались подчеркнуть, что на это было получена санкция Кавкрайкома⁴⁹⁵.

Проблемы финансирования подпольной деятельности в Баку решались, прежде всего, за счет того, что именно через его порт поступала в Закавказье и Северный Кавказ основная доля денежных средств из Советской России. Поскольку они направлялись в адрес Кавкрайкома, он их распределял тем структурам и лицам, которые признавали его главенствующую роль в регионе. Таким лицом был, например, Н.Ф. Гикало, добросовестно славший в Баку свои отчеты с просьбой финансировать его Терскую группу Красных повстанческих войск. В случае перерывов в поступлении денег бакинские подпольщики использовали метод сбора средств по «чоковым» книжкам. Как вспоминал М. Варначёв, ходили по управляющим и заведующим, которые не отказывали в просьбе поддержать комитет, но некоторые говорили, что 10-15 руб. им не жалко, плохо только, что на наши же

деньги вы нас и убьете. Собирали также по спискам среди рабочих⁴⁹⁶.

В последующем участники событий предпочитали сгущать краски, рассказывая о своей подпольной деятельности. Так, в воспоминаниях ленкоранцев так называемый Комитет связи, готовивший советский переворот, называется подпольным, хотя и заседает в квартире Сухорукова – одной из ведущих фигур правящей на тот момент местной элиты. Воспоминания Добрынина, участника тех же событий, но на другой стороне, показывают, что ничего конспиративного в деятельности Комитета связи не было: он рассылал по селам воззвания и совершенно не скрывал своих намерений, потому что его поддерживали командиры многих местных отрядов.

В архивах сохранились протоколы совместных собраний трех левых партий – русских коммунистов, членов мусульманских партий «Гуммет» и «Адалет»⁴⁹⁷. Сам факт того, что они собирались, и что велись протоколы, свидетельствует о многом. Письмо Кавкрайкома, направленное в Тифлисский комитет партии 18 марта 1920 г., хорошо передает как атмосферу среды, так и методы работы.

«Направляем к Вам т.т. Чингиза и Лоладзе для отправки их для работы на Черноморье... Не присылайте сюда второстепенных работников, они здесь совершенно не нужны, принимать их мы не будем.

Калантадзе⁴⁹⁸ направляем обратно в Тифлис для выяснения дела, но такое отношение к работе – возмутительно.

Калантадзе приехал с мандатом от Вас, работал в Бакинской организации, в курсе всех дел и так это рубить с плеча, “изолировать” его от работы – дело нелегкое.

[...]

Затем передайте Вашему секретарю, чтобы разборчивее писал письма и удостоверения, а то приходится в поте лица добывать каждое слово из хаоса иероглифов»⁴⁹⁹.

Непонимание принципов конспирации приводила к серьезным казусам. Как-то возникла идея использовать радио для

общения. Запросили шифр. Им открытым текстом сообщили, что лодка № такой-то привезет шифр. Еще в этой телеграмме были упомянуты имена Микояна и др. большевиков, из-за чего им всем пришлось на время уйти на дно, т.к. содержание этой радиотелеграммы было опубликовано в одной из закавказских газет (Чикарев, 1926)⁵⁰⁰.

Но, научившись на ошибках, бакинские большевики все же установили радиосвязь с Астраханью, получив через «бензинщиков» шифр. Иван Богданов, в 1919-1920 гг. моторист Бакинской береговой радиостанции, сообщил в своих воспоминаниях много примечательного. Телеграфисты этой станции обменивались шифрованными телеграммами с Астраханью. Радисты на пароходах Добровольческой армии перехватывали их телеграммы и наверняка знали, откуда они, но никто не выдавал. Они даже связывались с бакинцами, спрашивали, какие новости «оттуда». Как-то Лионская станция запросила Баку, кто это от вас с Москвой разговаривает. Телеграфисты ответили: у нас большевиков нет.

Богданов вспомнил случай, как он относил шифрованную телеграмму на ул. Персидскую. Там ему нужно было найти квартиру некой Марии Ивановны. Когда он пришел по адресу, то дверь ему открыл негр, а спрошенная им Мария Ивановна, женщина шикарного вида, провела его в комнату, оформленную в турецком стиле, а там сидел форменный турок в турецком халате, но когда он заговорил, стало ясно, что он русский. Потом оказалось, что это «руководитель подполья» «тов. Скачков», который проживал в Баку по документам турецкого генерала-кемалиста⁵⁰¹.

Зимой 1919-1920 гг. мусаватистские службы развернули активность. Ими было установлено пребывание в городе известных боевиков Камо, Хутулашвили и др., которые готовили серию терактов. Знали они и о новых планах восстания. Прошла серия арестов. Г. Блюмин писал в воспоминаниях, что к середине апреля у него не выдержали нервы: он уже просидел две недели в тюрьме, и повторной отсидки боялся, особенно в усло-

виях активной работы контрразведки мусаватистов. Он поехал на поезде на север к границе с Дагестаном, потом вышел и пешком дошел до пограничного Самурского моста. Жандарм долго изучал его документы. А красноармеец на другом конце моста подошел, взял Блюмина за руку и говорит, что ты с ним разговариваешь. И перевел на советскую сторону. Вскоре Блюмин вернулся домой на бронепоездах, привезших советскую власть в Баку⁵⁰².

В АПД УДПАР нашлось два особенно любопытных текста, принадлежащие подпольным работникам Закавказья – М. Сванидзе и Ю. Лелиной.

Михаил Сванидзе – известный революционер, начинавший анархистом-максималистом, в августе 1918 г. не сел на корабль с деятелями Бакинской коммуны, а остался в Баку, правда, попросив у А. Джапаридзе бумагу, которая обеспечила бы ему приют в «любой Совстране». Его последующая активность имела явно авантюрный характер, не столько чисто политический, сколько коммерческо-политический. Сначала ему было предложено товарищами, получившими мандат на закупку продовольствия для английской армии (!), выехать для этого в Туркестан. Оттуда он поехал в Энзели, потому что его «заказчики»-англичане уже начали эвакуацию из Баку, и туда вошли турецкие войска. В ноябре 1918 г. Сванидзе оказался в Грузии. Шла армяно-грузинская война. Все большевики ушли в тихое подполье и себя не проявляли. Инициативный Сванидзе решил, что если Северный Кавказ нуждается в товарах, их можно ввозить из Грузии в обмен на ставропольский хлеб. С этой целью он съездил во Владикавказ, договорился с Терским совнаркомом о товарообмене. Но к этому времени ситуация на Северном Кавказе для Красной армии ухудшилась, обеспечить подвоз пшеницы и кукурузы к границе с Грузией уже не удавалось, к тому же началась эпидемия тифа. У Сванидзе возник новый план: закупить в Грузии медикаменты. Используя знакомства и подкуп, он нашел партию лекарств, стоимостью полмиллиона рублей в николаевских деньгах.

Его описание операции по переправке через границу запрещенного к вывозу груза, совпавшей по времени с отступлением Северо-Кавказской армии и Терского совнаркома, показывает подлинную культуросообразность (по терминологии А. Дистервега) таких людей как Сванидзе тому времени. Их инициативность, бесстрашие, определенная мера беспринципности, знание человеческой природы помогало им в трудных ситуациях.

Он как фигура вроде бы посторонняя не был интернирован как остальные, поэтому и перевез через границу в Грузию деньги Совнаркома – полтора миллиона рублей. Приехав в Тифлис, предложил Камо принять деньги на хранение, но тот почему-то категорически отказался. Тогда он обратился к сестре Камо Джаваир и, как он пишет, шурина, и те согласились. Может быть, Сванидзе ошибся в обозначении родства – вероятно, зятю. Тогда речь идет о Михаиле («Володе») Хутулашвили, таком же боевике со стажем, как и сам Камо. И Сванидзе, успокоившись, осел в Кутаисе, где и оставался до падения меньшевистского правительства в феврале 1921 г.⁵⁰³ Примечательно, что в отличие от него Джаваир, «Володя» Хутулашвили и Камо вскоре отправились в Баку, потом в Астрахань, затем Хутулашвили и Камо вернулись для подпольной работы, участвовали в подготовке восстания против АДР.

Воспоминания Ю. Лелиной «Из подпольной жизни. Петровск – Новороссийск» интересны как всякий травелог да еще о путешествии в смутные времена. Первое, что явствует из ее записок, это осведомленность окружающих о характере ее деятельности, политических симпатиях и возможных целях поездки. Подпольная деятельность в Баку была секретом Полишинеля. Второе – стиль работы структур АДР, из-за чего за счет знакомств и подкупа их легко могли использовать в своих интересах большевики. Этот документ также дает представление о том, каким увидела тыл Добровольческой армии подпольщица, когда проделала путь от Порт-Петровска до Новороссийска⁵⁰⁴.

Итак, секретность деятельности закавказских большевиков в 1919-1920 гг. была относительной. Многие обыватели были в курсе их дел, но понимали, что лучше не связываться. Позиции сочувствующих большевикам были сильны в Рабочем клубе, который сохранял влияние в рабочей среде. При нем находилась столовая и распределительный пункт. Его использовали как легальное прикрытие для сбора и перемещения интернированных в Грузии красноармейцев Северо-Кавказской армии дальше – в Мугань, позже в Дагестан.

Итак, история борьбы контрразведок с большевистским подпольем – это переложение старого анекдота про генерала, который не проиграл ни одного сражения, но проиграл войну. Контрразведка победила большевистское подполье. Оно было выдавлено в сельскую местность, в леса и горы. Но и подполье заслужило баллы в итоговом зачете, дало своим противникам ощущение горящей земли под ногами. Хотя в значительной степени заслуги подполья – это следствие слабости режима и беспорядочности работы аппарата. Среди подпольщиков были герои и мученики, отступники и подлецы. Но ни самоотверженность одних, ни небескорыстность других не сделали это явление существенным фактором Гражданской войны.

Война под парусами (о двух Особых экспедициях на Каспийском море)

В сравнении с Югом России и степными районами Туркестана, где в годы Гражданской войны шли активные боевые действия, Закавказье выглядит в те дни достаточно мирным оазисом, куда не докатывались волны конфликта. Но тишина была кажущейся, там велось тайная перегруппировка сил по подготовке к будущей вспышке.

Практически одновременно на просторах Каспийского моря возникло две Особых морских экспедиции, деятельность которых в разной степени детально описана их участниками. Капитан 1-го ранга Константин Карлович Шуберт оставил

опубликованные в 1937 г. воспоминания «Русский отряд парусных судов на Каспийском море», в котором описал боевой поход находившейся под его командованием небольшой «флотилии» из девяти «рыбниц» – рыбацких шхун⁵⁰⁵. Сформировалась она в Порт-Петровске и в течение полутора месяцев (15 мая – 1 июля 1919 г.) обеспечивала правый фланг и снабжение наступавшего на Астрахань отряда генерала Драценко.

Деятельность другой Особой морской экспедиции получила широкое освещение ее работниками, претендовавшими на определенную роль в истории революции, но потом, после того, как многие из них сгинули в 1937-1938 гг., о ней прочно забыли. Красная экспедиция была создана весной 1919 г. для прорыва блокады Астрахани и для доставки на советскую территорию бензина и смазочных масел. К работе в ней было привлечено около двухсот человек. Некоторую известность эти события получили в 1920-1930-е гг. в результате популяризаторской активности ветеранов экспедиции. Опубликовать собственные воспоминания никто из них так и не собрался, а в мемуарах тех, кто не был напрямую причастен к этому, о работе морской экспедиции сказано мало. В «Истории Азербайджана» (1963) морская экспедиция удостоена лишь упоминания и формальных слов о том, что «презирая опасность, моряки прорывались через кордон, установленный военными кораблями белогвардейцев и интервентов», и что «многие участники морских экспедиций пали жертвами белого террора, но на смену погибшим приходили новые борцы за власть Советов»⁵⁰⁶. В современном специализированном исследовании военного историка о боевых действиях Гражданской войны на реках и озерах об этом говорится на двух страницах⁵⁰⁷. А между тем с деятельностью Особой морской экспедиции связаны имена А.И. Микояна, С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе, И.О. Коломийцева. Но главное, эта структура, инициативно возникшая в отрезанном от Советской России городе, иллюстрирует механизм самовоспроизводства революции.

В 1920-1930-е гг. благодаря интересу, который питал к этой теме Институт истории партии им. С. Шаумяна, были сформированы дела, в которых осели мемуарные тексты и протоколы вечеров воспоминаний участников экспедиции. В них и предстает довольно детально деятельность этой организации. При подготовке данной статьи использовалась методика реконструкции исторического прошлого на основе комплекса источников личного происхождения, имеющих субъектно-объектную общность: лица, оказавшиеся когда-то в прошлом в одном месте и в одно время, описывают бывшее событие с несколько различающихся позиций, чем нивелируют погрешности и случайности. Эта методика особенно актуальна тогда, когда отсутствуют документы иного характера: делопроизводственная документация, законодательные акты, статистические источники, периодическая печать. Рассказы людей становятся единственной возможностью узнать и понять события отдельного исторического эпизода.

После падения Бакинской коммуны в июле 1918 г., двух месяцев правления Диктатуры Центрокаспия и трехмесячного пребывания турок в Баку утвердилась власть Азербайджанской демократической республики, провозглашенной еще в мае того же года в Тифлисе. Новая власть столкнулась с теми же проблемами, что и другие государственные образования на окраинах бывшей Российской империи, но была и сугубо местная – резкое снижение вывоза нефти и нефтепродуктов. По сравнению с 1917 г. вывоз сократился в 1918 г. в шесть раз, а в следующем году – еще вдвое. Поступления в государственную казну от главного богатства края были незначительными; азербайджанская буржуазия не получила ожидаемых дивидендов от национальной независимости; рабочих рассчитывали с неприятий, они разъезжались или искали себе новое занятие.

Зима 1918-1919 гг. была отмечена в Баку отсутствием всякой активности. Вокруг сохранившихся рабочих клубов собирались безработные и недовольные, и еще недавно проклинаемые большевики и комиссары вновь начинали пользоваться

симпатиями. На 1 Мая была назначена грандиозная демонстрация с красными знаменами с главным лозунгом за вывоз нефти в Советскую Россию⁵⁰⁸. Начатая меньшевиками забастовка носила экономический характер, но Баккомитет партии большевиков питал надежды, что она перерастет в рабочее восстание. В Баку это был секрет Полишинеля: даже члены команд английских кораблей предлагали местным брать у них патроны и винтовки. Моряки из числа пробольшевистски настроенных ночевали на судах: ожидалось, что может что-то случиться, последует некий приказ и пр.⁵⁰⁹

Но забастовка закончилась поражением, насущные вопросы решены не были. Взоры инициативных людей левых настроений были обращены к Астрахани – там товарищи, там ресурсы, там спасение. В материалах, собранных сотрудниками Института им. С. Шаумяна, акцент делается только на одной причине установления морской связи с Астраханью – желанием передать Красной армии столь необходимое ей топливо.

Оно ей было действительно необходимо. Моряки, плававшие по этому маршруту, Трусов и М. Судайкин вспоминали о сетованиях С.М. Кирова о том, что белые замучили их своими аэропланами, что советские аэропланы летают на газолине и из-за этого терпят крушения; что белые аэропланы отгоняют красные корабли подальше от линии маршрутов белых судов. Имевшиеся в 11 армии 16 бронемашин стояли без топлива. Их увозили от линии фронта на конной тяге, чтобы они не достались белым, но шесть заглохших автомобилей все же попали в руки врага. Но когда пришла лодка с бакинским бензином, советский броневик выехал к линии фронта на хорошем топливе, навел панику на белогвардейцев и стал причиной того, что за один день белые отошли от Царицына на 25 километров. Красный аэроплан, заправленный качественным керосином, в воздушном бою с двумя аппаратами противника сбил одного из них. Впечатленный этими успехами Киров собирался послать в Баку за бензином два вооруженных парохода с шестью орудиями на каждом (1935)⁵¹⁰.

Отправляемый бензин был 2-го сорта (уд. вес – 720), но он все равно походил для аэропланов, броневиков и танков. Кроме того, из него можно выгнать 1-й сорт⁵¹¹.

Тогда-то и родилась шутка, что Ильич не имеет бензина на зажигалку, поэтому надо бы ему его подвезти. По версии Яна Лукьяненко она принадлежит С.М. Кирову: лично слышал из его уст⁵¹². Позже фраза про «бензин на зажигалку Ильичу» стала гулять по мемориальным статьям, вызывая неудовольствие партийных историков.

Но морская связь с Астраханью была важна и для Баку. На 3-й Конференции тюркской социалистической партии «Гуммет» ее глава А. Пепинов сказал о вывозе нефти в Россию: скорее нужно приступить к техническому проведению в жизнь этого вопроса, потому из-за отсутствия топлива в России становятся фабрики и заводы, нанося этим самым революции удар; в Баку «нефть накапливается в резервуарах, и в добыче ее надобность падает, следовательно, и у нас также развивается безработица, ведущая страну к гибели» (4 мая 1919 г.)⁵¹³. Микоян видел в установлении этого моста между Баку и Советской Россией важный фактор укрепления авторитета большевиков в среде бакинских рабочих⁵¹⁴.

Но, знакомясь с рассказами пассажиров лодок экспедиции, можно сделать вывод, что поводы для этого путешествия были многообразными. Ян Лукьяненко объяснял причину поездки большевика-матроса, оставившего свой след в истории Муганской советской республики, Т.И. Отраднева и его команды в Баку стремлением Реввоенсовета 11-армии иметь сведения о майской забастовке, которая по мнению большевистского центра могла вылиться в вооруженное восстание. Связь по радио была редкой и давала неполное и искаженное представление о происходящем. Им дали денег для поддержки Кавкрайкома и для Муганской советской республики, которых было доставлено на лодку три мешка – николаевскими по 500, 100 и 25 руб. Золото, бриллианты они разместили в нательных поясах на случай крушения лодки⁵¹⁵.

На том же баркасе «Встреча», которая доставила Отрад-нева и др. был еще один пассажир – тов. М.С. Руманов, который следовал в Тифлис. Руманов, можно догадаться, ехал в Тифлис не только по партийным делам, но и по частным. Как известно из его личных бумаг, в Тифлисе проживала его жена – Наталья Васильевна, урожденная Вирен, будущая певица и бывшая ученица Петроградской консерватории, о целевой субсидии на продолжение обучения которой в Италии он ходатайствовал от имени Кавкрайкома. Руманов, по профессии журналист, тем не менее занимал довольно странный пост представителя Кавказского краевого комитета РКП(б) по борьбе с эпидемиями при Реввоенсовете 11 армии⁵¹⁶.

Один матросов экспедиции Черников вспоминал парня, которого привезли на баркасе «Встреча» в последний в навигации 1919-го года рейс. При подходе к Баку он погрузился и стал говорить, что может ему придется в Баку вывески читать, т.е. мыкаться, искать работу. Это удивило команду: какие вывески, если едешь работать на Кавкрайком⁵¹⁷.

Те, кто приплыл из голодной Астрахани в более сытый Баку да еще с деньгами, ходили там в кафе, пили кофе с пирожными. И это после кипятка с черными сухарями и галетами, которые разбивались молотком, о чем мы знаем из воспоминаний И.Г. Дудина⁵¹⁸.

В письме Бакинского комитета партии большевиков в Реввоенсовет 10-й армии и Ф.Ф. Раскольникову от 22 июля 1919 г. было указано на неразборчивость астраханских властей в формировании групп на отправку в Баку. Один из присланных, имевший мандат, подписанный Кировым, оказался провокатором. Прибывшие занимаются беспробудным пьянством и устраивают дикие оргии на квартирах рабочих, где их разместили. Кончилась вся эта история тем, что в присланной группе Толкачева все перессорились и выдали рабочих, у которых ночевали. Кавкрайком потребовал прекратить присылку людей без всякого разбора⁵¹⁹.

Экспедиция состояла из 13-ти парусных рыбацких лодок, которых они называли душегубками, и одной моторной лодки «Чайка», как указано в письме Лукьяненко и Каневского на имя Г.К. Орджоникидзе (1934)⁵²⁰. Но в другом тексте мемуарного характера Лукьяненко указал иное число – 45, при этом дополнил, что погибла в море 15-я. Возможно, что здесь он имел в виду количество рейсов: в морской экспедиции использовалась нумерация лодок по номеру рейса. По сведениям И. Довлатова в руки белых попало около семи лодок. Вероятно, он имел в виду и те, на которых проходила эвакуация ленкоранских большевиков в июле 1919 г.⁵²¹

Парусные лодки, астраханки и туркменки⁵²², покупались официально или нелегально, а также угонялись у владельцев. Для целей экспедиции брались деньги из касс кооперативов и профессиональных союзов (Гадлевский)⁵²³. Сохранилось восемь купчих крепостей на лодки. Их стоимость варьировалась от 150 до 250 тыс. «керенками». Но более охотно продавцы отдавали лодки за «бакинские» деньги и николаевские⁵²⁴. Технология угона была такова: сначала намечалась лодка, которая должна была уйти с подходящим грузом, потом в состав команды вводились свои люди; после выхода в море они просто приказывали остальной команде угнать баркас.

Летчик Романов из гидроавиационного отряда на о-ве Сара сообщил, что лодки не только покупали по окружающим промыслам, но даже ловили в море и реквизировали (1934)⁵²⁵. Моторные баркасы угонялись. «Встреча» была угнана Максимом Тутиным из Бакинского порта, потом такая же по конструкции «Перебойня» (Т. Крылов)⁵²⁶. Название этого парового баркаса было «Бесперебойный», но в разговорной речи утвердилось его искаженное название.

Шуберту и его людям было проще: на берегах севернее Порт-Петровска была масса брошенных рыбацких шхун – астраханок. По словам Шуберта: «...Рыбаки не хотели работать на большевиков и понемногу ликвидировали свои промыслы». Выбор в пользу такого типа судов был сделан по двум причи-

нам. Во-первых, Шуберт так и не дождался мелкосидящих малотоннажных колесных пароходов из Баку, которые должны были передать им англичане. Во-вторых, малые глубины северной части Каспийского моря, для хождения в которых это был лучший вариант. Молодые мичманы, собравшиеся в его отряде, были воодушевлены: боевые действия под парусами в наш век! Хотя опытных офицеров-парусников уже найти было трудно. Шуберт оказался именно таким: в 1902-1903 гг. он продел 11 тыс. миль по Атлантике, поэтому он и подал рапорт возглавить парусный отряд.

Девять лодок флотилии Шуберта также имели вместо названий номера. Экипаж шхун наполовину состоял из добровольцев, наполовину из тех же каспийских рыбаков. Тут были и два-три кондуктора флота, и несколько старых матросов военного флота, и юнкера, и гимназисты. Всего около сотни. Одеты все были неказисто, а в летнюю жару чаще вообще нагишом, но ношение погон было обязательным. Хотя Шуберт и не пишет прямо, но из его рассказа можно понять, что рыбаки были не простыми рыбаками, это были разбогатевшие хозяева рыбных промыслов, которые изрядно претерпели от большевиков, красноармейцев и от собственных работников. Они были небедными людьми. Они показали Шуберту потаенное место, где спрятали 265 тыс. царских руб., чтобы он использовал для спасения России. Но воспользоваться не случилось⁵²⁷.

О том, что не договорил Шуберт, рассказал Судайкин, попавший в плен на одной из лодок. Белые в основном были из мелких собственников рыбных промыслов, разоренных красными, поэтому они охотно и идейно служили в Добровольческой армии⁵²⁸.

То, что у советской экспедиции не было проблем с комплектованием команд лодок, связано с попыткой угона Каспийского флота в Астрахань. Зимой 1918-1919 гг. бакинские большевики вели агитацию за уход Каспийской флотилии в Астрахань. Но в связи с тем, что моряки-каспийцы повели себя в июле-августе 1918 г. по отношению к Бакинской коммуне

враждебно, те не спешили откликнуться на призыв. Как специально отметил участник экспедиции П.С. Каневский, моряки в своих рейсах по Каспию боялись заходить в Астрахань, опасаясь, что их там могут расстрелять. Несмотря на это, бакинские большевики вели деятельную работу в этом направлении. Как отмечал анонимный автор, агитация среди моряков Каспийской флотилии основывалась на денежных поступлениях, выделяемых Кавкрайкомом («тифлисскими товарищами»), и на обещании материально обеспечить остающиеся в городе семьи моряков⁵²⁹.

В изложении матроса Черникова это предложение обсуждалось так. На собрание моряков на канонерке «Ардаган», инициатором которого были большевики, явились меньшевики Сако Саакян, Мерхелев, Наджаров, Евангулов, и заявили, что если корабли уйдут в Астрахань, то бакинский пролетариат останется беззащитным перед лицом деникинцев. Это вызвало раскол. Механик с «Карса» заявил, что идти в Астрахань невозможно, потому что команда не в полном составе, некому даже отдать чалку.

Решение этого вопроса сдвинул с мертвой точки приход в порт Баку военных кораблей белогвардейцев и англичан. В действительности это были торговые суда «Волга», «Крестьянин», «Слава», «Рабочий», превращенные в военные вооруженные корабли. Этому способствовало появление в Баку в феврале 1919 г. генерала И.Г. Эрдели, который объявил о том, что флотилия теперь должна выполнять приказы его командования, и что необходимо упразднить судовые комитеты. Впрочем, Эрдели оставил после себя некоторые симпатии у тех, кому были присвоены офицерские звания. Но и после его отъезда некоторое время флотилия продолжала стоять в бухте, не находясь под чьим-либо командованием.

И тут англичане воспользовались масленицей, «когда русский народ слаб и теряет от водки все свои чувства и недостаточно хорошо стоят на своем посту», и объявили ультиматум о подчинении их командованию (Черников, 1926)⁵³⁰. Опять воз-

никла идея об уходе в Астрахань. На судне «Ардаган» находился большевик Л.Д. Гогоберидзе, «как гарантия за то, что каспийцы не будут тронуты за гибель “26-ти”». Лукьяненко уточнил смысл этого факта: «Закрайком гарантировал [морьякам] жизнь, посылкой представителя, давая понять, что угоном флотилии искупите всю вину»⁵³¹. На этот раз ушли все. Последним отчалил «Астрабад», он забрал портовую кассу.

Черников находился на катере, наблюдал за процессом ухода кораблей. Около Наргена их нагнал баркас с английским офицером для переговоров. Недалеко стали на якорь четыре английских катера-истребителя. По-видимому, предложение англичан о сдаче не было принято, поэтому один из английских катеров выпустил мину, которая прошла в нескольких саженях от носа «Лейтенанта Шмидта». Находившиеся в этом секторе бухты суда тут же выбросили белый флаг и под конвоем минных катеров вернулись в порт. Кроме «Ардагана», находившегося довольно далеко от берега, но и он также к вечеру вернулся в порт. По версии Черникова он вернулся из-за бойкота машинной команды, которая отказалась запускать двигатели. Главой сторонников возвращения в Баку стал механик Кириченко, который напомнил остальным о практике большевиков всех расстреливать. Так «Ардаган» вернулся в порт. Гогоберидзе покинул судно на шлюпке. Англичане расположили суда флотилии у 12-й пристани и провели санирующие аресты⁵³².

Хотя матросы, и так поведшие себя предательски в дни падения Бакинской коммуны, снова проявили отсутствие революционного запала, среди них, тем не менее, была часть, на которую большевики имели влияние. Из них-то и рекрутировались кадры морской экспедиции. Причины участия моряков в этом рискованном предприятии банальны – безработица, установившаяся зимой 1919 г. В это время активизировался союз работников водного транспорта. Им была открыта союзная столовая, где давали 2 фунта хлеба в день. Поэтому в эту зиму успех был на стороне профсоюза. Его представителям, имевшим почти на каждом судне своих людей, было нетрудно нахо-

дить людей для поездок в Астрахань⁵³³. Вербовка шла через отдельных видных членов союза водников, а не через структуры союза. Команды лодок первоначально формировались из тех матросов военного и торгового флота, кто хотел скрыться от англичан. Затем подбором экипажей занимался Ян Лукьяненко. Моряки использовались вслепую: они узнавали о цели плавания только после отхода лодки из порта. Списки участников экспедиции, составленные стараниями сотрудницы Института им. Шаумяна О.Г. Тетеревятниковой, включают 170 чел.⁵³⁴ По мнению Трусова в Морской экспедиции работало до 90 чел.⁵³⁵, а Лукьяненко назвал цифру 66 чел.⁵³⁶

Существовало два основных маршрута, по которому лодки двигались в Астрахань. Это или прямой путь на север, или гораздо более дальний, но более безопасный маршрут: пройти на юг, потом вдоль персидского берега и по-над закаспийским берегом на север, – вслед за естественным течением моря (М. Судайкин)⁵³⁷. Часто лодки рейсировали – меняли курс, чтобы разминуться с вражескими кораблями. Плавание могло длиться до нескольких недель из-за погодных условий, вынужденных задержек в промежуточных пунктах, поломок и т.д. Но обычно дорога под парусом из Баку в Астрахань или обратно занимала 10-14 дней. На пути было два опасных участка – это линия движения белых судов из Порт-Петровска в Гурьев и подступы к Баку. К бакинскому порту обычно приближались в темноте, чтобы избежать встречи с портовой стражей и военными кораблями (И.Г. Дудин)⁵³⁸. Позже на о. Урунос (Жилой) был устроен перевалочный пункт. Там выгружали привезенный груз и налегке причаливали в порту Баку, чтобы потом на небольших местных лодках перевезти оружие и прочее на берег.

Зимой 1919-1920 гг. поездки в Астрахань были прекращены, но южная часть Каспийского моря была свободна ото льда, и лодки плавали в Туркестан за оружием и перевозили людей, которым нужно было в Россию, например, так были переправлены в декабре 1919 г. 40 человек для учебы в Москве (И. Емелин)⁵³⁹.

Первые рейсы были удачными, потому что о «красных пиратах» еще не прознала полиция. Это помогало и в море, и в порту. Военные корабли не обращали внимания на рыбацкие лодки, и даже, увидев, давали сигнал во избежание столкновения (Кожемяко). А портовые патрули, еще не зная о морском контакте с Астраханью, получив мзду, отпускали подозрительных пассажиров с лодок⁵⁴⁰.

О том, как тайна морской экспедиции была раскрыта, высказывались разные версии. По воспоминаниям Ф. Ежова в июле 1919 г. у северного берега Апшеронского п-ва их настигла сторожевая лодка. Один из матросов старик Соколов смалодушничал и все выложил, что из Астрахани, что большевики, что везут оружие и другое. Ежову и другим, в т.ч. и Дадашу Буният-заде, удалось из тюрьмы выйти живыми, но старик Соколов был расстрелян в чека⁵⁴¹. Кожемяко и Дудин связывают распространение сведений о морской экспедиции с пьяной болтовней одного из матросов о том, что из Астрахани приплыли комиссары с деньгами. После этого в журнале «Бегемот» появилась карикатура на этот счет⁵⁴². После того, как эта новость разошлась по кораблям Каспийского моря, в глазах каждого белогвардейского или мусаватистского судна любая лодка или баркас могли принадлежать «бензинщикам».

В воспоминаниях анонимного автора-моряка, опубликованных в 1954-1955 гг., единственный раз упоминается о расстреле команды парусника, задержанного в районе 12-футового рейда. Команду застали спящей, при осмотре ничего не обнаружили, но подозрительный вид рыбаков подвиг команду патрульного судна на повторный обыск, и под килем был обнаружен минный аппарат с миной Уайтхеда, готовой к выстрелу. Аноним также сообщил, что это были «старые матросы-коммунисты, получившие громадные деньги за попытку атаковать какой-либо из наших кораблей». Кроме одного человека все были приговорены к расстрелу⁵⁴³.

Бакинским большевикам было не занимать фантазии. Пострадав от слухов, они решили воспользоваться их потенци-

алом. В докладе о положении в Дагестане и организации дагестанской армии (1919) они просили хотя бы одну подводную лодку, чтобы посеять панику среди добровольческого и азербайджанского флотов, ведь если распустить слух, что нефтеналивные лодки, идущие в Астрахань, конвоируются подводными лодками, то никто к ним не осмелится подойти⁵⁴⁴.

Ян Лукьяненко утверждал, что атмосфера была конспиративной по требованию А.И. Микояна: экипажи не знали ничего друг о друге; о том, что кроме их лодки существуют еще и другие, матросы судили только по номерам лодок⁵⁴⁵. Очевидна цель такого утверждения: представить морские экспедиции частью истории подполья. Но в целом это сомнительно, т.к. в воспоминаниях упоминаются и другие лодки, что после удачного рейса за дружеским столом делились опытом с теми, кому он предстоит.

Не могло не влиять на режим работы экспедиции то, как добывался бензин, который переправляли в Астрахань. Ян Лукьяненко, в дальнейшем претендовавший на роль руководителя этой Морской экспедиции, описал механизм закупки нефти: «Далее Крайкомом было заключено соглашение с частными комиссионными конторами по доставке нефтепродуктов в Персию (для отвода глаз, конечно) на приобретенных Крайкомом лодках. Одним из таких агентов оказался И. Янкелевич, который имел разрешение на закупку бензина, выданное советом съезда нефтепромышленников, и, пользуясь торговым авторитетом в деловых кругах, смог провести поставленные ему задания строго конфиденциально, невзирая на запросы коллег и на установленные правительством мусавата слежку и преследования»⁵⁴⁶. Первое время Янкелевич думал, что действительно работает для отправки нефти в персидский порт Энзели. Но потом, когда один из товарищей по пьянке проболтался, он стал крайне подозрительно относиться к ним, не желая вмешиваться в большевистские дела, но сотрудничество не прервал⁵⁴⁷. Была также открыта контора на имя члена партии «Гуммет» Юсуфа Меликова официально для доставки бензина в Энзели.

Легализовал себя в коммерческих кругах и Н.В. Скудин: на свое имя он купил рыбацкую лодку. Он оставил особенно колоритные зарисовки о той работе. Скудин отмечал, что требовалось «чрезвычайное остроумие», чтобы обойти таможенню и портовую стражу; что приходилось поить их в дрезину, давать взятки: «...Взятка тогда особенно процветала, за взятку можно было все сделать». Скудин пожаловался, что он плохо переносит застолья с водкой, что после каждого «подписания» акта осмотра он по неделе болел, но партийный долг, требовавший этой жертвы, выполнял⁵⁴⁸.

И в дальнейшем «керенки» и «катеньки» помогали решать проблемы с портовой стражей. Когда ею было замечено, что в лодке, недавно отошедшей от причала, возвращаются еще несколько человек, которых не было в момент ее ухода в море (это было те, кого приняли у о. Жилого с лодки, пришедшей из Туркестана), Скудин это решал просто. Как он вспоминал, выпьешь с ними, кой-кому на чаек дашь, кому детишкам на молочишко, и т.д., и все проходило хорошо. Настолько хорошо, что когда вечером разгружали с лодки оружие, и военный корабль стоял в десяти саженях около нее, то тоже никто на это не обратил внимания⁵⁴⁹. Когда при досмотре портовый милиционер нашел в лодке оброненные патроны, ему дали сто рублей, и он их выбросил в море (Литвиненко)⁵⁵⁰. Ланщикову удавалось задобрить таможенника табаком, а М. Яцковскому – мешком муки⁵⁵¹.

Среди задач, стоявших перед сотрудниками Института им. Шаумяна, было составление хронологии рейсов, совершенных по маршруту Баку-Астрахань. Эта работа была проделана О.Г. Тетеревятниковой⁵⁵². Однако, ее версия событий полна неточностей. Например, угон лодок «Маштага» и «Эдичка» она датирует февралем 1919 г., в то время как это произошло в феврале 1920 г. М. Тутин прямо пишет в своих воспоминаниях, что, потеряв во время эвакуации из Ленкорани много парусных и моторных лодок, надо было запастись новыми, поэтому и

были выстроены планы угона «Эдички», «Манечки» и «Маштаги»⁵⁵³.

Для мемуаров характерна неточность в датах. Их авторы нередко путают не только дни и месяца, но и годы. В целом, наиболее верными бывали ссылки на даты, привязанные к церковным праздникам, потому что тогда цепь поступков человека, так или иначе, встраивалась в общеобязательные обрядовые действия. Так, например, Каневский, указал, что вторая попытка лодки «Встреча» выйти в Астрахань пришлось сразу после родительской субботы: членов команды предупреждали, чтобы не ходили на кладбище, чтобы не расшифроваться; но кое-кто пошел, и поэтому часть команды пришлось заменить⁵⁵⁴. Другие детали его рассказа проясняют, что речь идет о радунице, и все произошло после 29 апреля 1919 г.

Первый рейс в Астрахань был сделан из Ленкорани, с гидроавиационной базы на о. Сара стараниями бакинского моряка Кожемяко, который еще осенью 1918 г. был командирован в Мугань. Он там задержался надолго, но вернувшись в Баку, выступил с планом использования технического потенциала Саринской авиабазы для контактов с Советской Россией. Но проведенные испытания техники показали безнадёжность таких попыток. В итоге, членом местной управы Сухоруковым и начальником авиабазы Кропотковым были выданы деньги на покупку трехмачтовой рыбацкой астраханки за 35 тыс. руб. С Кожемяко вышло в море четверо учеников летной школы. Поскольку никто из них с парусами управляться не умел, придя через полтора суток в Баку, Кожемяко привлек к плаванию безработного штурмана Ивана Сарайкина и одного рыбака. Сарайкин знал о цели похода, нанятый – нет. Для конспирации ему сказали, что идут в Форт-Александровский, занятый тогда белыми. Штормом их прибило к Мангышлаку. Потом они пошли в направлении дельты Волги, а когда дошли, то заблудились в протоках. Пробыли в Астрахани 20 дней. Возвращаясь, эта лодка доставила в Баку командированных Реввоенсоветом матросов Дудина и Отраднева, штатского Лукьяненко⁵⁵⁵.

Как вспоминал Каневский, ожидание вестей от Кожемяко затянулось, поэтому было решено предпринять повторную попытку на моторном баркасе. Была выбрана «Встреча». Об этом рейсе как особо примечательном вспоминали многие. Ф.М. Комов – капитан баркаса, перечислил команду и пассажиров «Встречи»: всего 12 чел., в т.ч. И.О. Коломийцев и Варо Джапаридзе⁵⁵⁶, моряки Каневский, Тутин, Черников, Сторожук и др.

Первая попытка лодки «Встреча» выйти в море 15 апреля 1919 г. оказалась неудачной из-за того, что, не рассчитав топлива, посчитав компас непригодным для плавания и угодив в шторм, команда потребовала возврата назад. На лодке уже находились бочки с керосином. Баркас был оставлен в порту без присмотра, утром емкости оказались порожними: кто-то вылил из них керосин. Один из членов этой команды Черников считал, что это дело рук сторожей, которые сообщили администрации свое подозрение о том, что лодка направлялась в Астрахань. После этого «Встрече» не давали работ по бухте, и команда сидела без денег. Был установлен запрет на подачу топлива на «Встречу». Так продолжалось полмесяца.

Потом в ходе споров было решено все же прорваться из порта. В целом, обстоятельства отплытия «Встречи» из порта излагаются несколько противоречиво. Черников утверждал, что при выходе из бухты их даже обстреляли. В свете этих рассказов не ясно, когда же в действительности была раскрыта тайна контактов с Советской Россией. Но по свидетельству матроса Миняева, все прошло более спокойно. Чтобы пассажиры спокойно сели в идущий в Астрахань «Встречу», пришлось напоить городского до беспомысленности, чтобы его можно было отнести спать в таможенный сарай.

Баркас направился на о. Сара за топливом и продуктами, потому что там уже существовала Муганская советская республика, а добыть это в Баку, не вызывая подозрения, было нельзя. 1 мая он отплыл на Астрахань. Но опять подвел компас, и со сломанным мотором баркас попал на о. Огурчинский в юго-

восточной части Каспийского моря. Опять пришлось возвращаться на о. Сара, командировав М. Тутина в Баку за деталями для ремонта двигателя.

Третья попытка оказалась удачной, выйдя 18 мая, уже 21 мая моторный баркас был на астраханском рейде. Его пассажиры приняли за белогвардейских шпионов, потому что накануне состоялся бой в Тюбкараганском заливе, и арестовали. Из Москвы поступил приказ, всех выслать в Москву. Потом разобрались, и поехал один Коломийцев. Перед этим он сделал доклад на судне «III Интернационал». Его данные произвели фурор, ведь по информации командующего Сакса на Наргене, о. Жилом, на Шиховой горе находились батареи, и что флот англичан в море состоял из 36 боевых кораблей. Коломийцев сообщил, что никаких батарей нет, а кораблей совсем немного. Против Сакса поднялась волна возмущения, после выступления Коломийцева и поражения в Тюбкараганском бою его готовы были строго судить, но Механошин успокоил страсти.

Дальше пути прибывших на «Встрече» разошлись.

Каневский сумел остаться в Астрахани. В 1932 г. он ясно сказал о побудивших его причинах: «Нам не хватило продуктов, так как Закрайком отпускал очень скудно, и остались в Астрахани»⁵⁵⁷. Судя по тому, что первое время он жил там на лодке, его решение вряд ли было санкционировано свыше. Ведь не случайно Киров сказал им при встрече: товарищи, вы пришли не спасать свою шкуру, а работать для революции. Но затем Каневский получил мандат о том, что с 27 августа 1919 г. он состоит для особых поручений при Реввоенсовете 11 армии⁵⁵⁸.

Матросы Черников, Миняев и Зобанов нашли себе парусник и через три-четыре дня отплыли назад с тремя мешками литературы и тремя миллионами денег. С ними поплыл англичанин Яков для работы с английскими военнослужащими в Энзели и Ленкорани⁵⁵⁹.

Баркас «Встреча» месяц стоял на ремонте на бывшем заводе Нобеля, где чинились двигатели лодок. После ремонта он

под командованием Комова отправился в Ленкорань, везя более 60 ящиков патронов и бомб. На нем вернулся в Мугань Коломийцев⁵⁶⁰.

Следующей ушла на Астрахань «Перебойня». Она, как и однотипная «Встреча», принадлежала к разряду баркасов, которые из-за своей высокой скорости не боялись ни аэропланов, ни английских катеров-истребителей. Эти рейсы закончились благополучно. После их возвращения стали снаряжать сразу три парусные лодки в Астрахань. В каждой по 1200 пудов бензина. Отправлялись с пристани в Черном городе. Несколько раз их осматривала таможня, акцизные чиновники. После осмотра всю команду одной из лодок арестовали. Гогоберидзе за хорошую взятку смог их выкупить из полиции. Они вернулись, а на рейде был опять досмотр. Досматривающие понимали, что баркас идет не в Энзели: ведь на борт было погружено 5 пудов муки, два мешка сухарей. Но после взятки закрыли на это глаза.

Штормом эту лодку отнесло на юг к Ленкорани. Высадившись на о. Сара, моряки поняли, что советской власти на ней уже нет. Их болтало по морю долго. Им пришлось высаживаться на о. Жилой, чтобы испечь хлеб. Когда они добрались до Астрахани, еда уже закончилась. Там они узнали, что одна лодка уже добралась, а лодка, на которой за старшего был Седых, попала в белым. Часть расстреляли, других пороли шомполами.

Кроме ставших легендарными баркасов «Встреча» и «Перебойня» был еще один моторный баркас – «Чайка», который был приобретен специально для отправки через Туркестан в Москву Микояна, который был освобожден из тюрьмы в Закаспийской области в феврале 1919 г., потом успел побывать под арестом после майской забастовки, и вот под видом чумазого рыбака смог пробраться на лодку с арбузами под мышкой и не быть узнанным портовой стражей⁵⁶¹. Эта поездка состоялась в июле-августе 1919 г. «Чайка» имела стабильную команду: Лаповец, Галдин, Лысиков. Чтобы не вызывать подозрений у властей, ее требовалось «замаскировать», чтобы она выглядела как рыболовецкая артель⁵⁶². Главной задачей лодок экспедиции бы-

ла создание прикрытия, которое бы не позволило быть им опознанными как контрабандное судно. С этой целью баки с бензином накрывали брезентом, а сверху наваливали дыни и пр. Потом их выбрасывали в море, чтобы облегчить судно (Корецкий, 1930)⁵⁶³.

Среди мемуаристов надо выделить категорию талантливых рассказчиков. Они не говорят намеками, не обрывают линии повествования, не пользуются расхожими штампами. Мера повествовательного дара никак не связана с уровнем образования. Один из таких талантливых рассказчиков матрос Миняев. Он описал несколько сюжетов, иллюстрирующих деятельность Особой морской экспедиции. Хотя он и сделал упор на собственном умении находить выход из сложных ситуаций, но это лишь добавляет красок в описание условий, в которых проходила работа экспедиции.

Например, нужно было организовать погрузку в баркас сорока человек, направляемых на учебу в Советскую Россию. Миняев придумал такой способ. Он инсценировал поломку баркаса на берегу у железнодорожной станции Ялама – в 250 км севернее Баку, потом вернулся на поезде в Баку и забрал партию «эмигрантов». До вечера они просидели в сарае, а ночью сели на баркас и отплыли. К ним присоединились два рабочих-бондаря, которые забрали с собой весь запас хлеба своей артели. Артельщики догадались, что их хлеб уплыл на баркасе. И они грозились донести в мусаватистскую полицию. Но тогда товарищ Миняева из местных, который должен был подстраховывать это мероприятие, им сказал, это коммунисты, и если донесете, то вашего промысла не станет вместе с вами.

Другой раз Миняев, чтобы отвлечь внимание охраны порта от работников Кавкрайкома, которых нужно было переправить в Туркестан, взял в качестве хозяев офицеров-осетин. В ходе досмотра эти офицеры показали охране порта наиболее подозрительными, их задержали, а остальных отпустили.

Пожалуй, эти рассказы не бахвальство Миняева. Потому что следом он откровенно описал неудачную экспедицию, отправленную в Астрахань в ноябре 1920 г.

Он уже набрал команду, приняв 3,5 тыс. пудов бензина у Манташевской пристани. Уже перед самым отплытием вспомнил, что у него нет путевого компаса, который он должен был забрать у Рогова. Но тут как раз вернулись лодки из Астрахани. Как неоднократно упоминали «бензинщики», после рейса они обязательно напивались вдрызг. Прибывшие подхватили Миняева и затащили с собой, рассказали, где что, где деникинцы, где наши. Вернулся на причал уже после шести часов вечера, когда по приказу начальника порта ни одна лодка не могла ни войти, ни покинуть порт. Был сильнейший норд, такой, что камни с земли летели, поэтому лодку выдуло из гавани так, что стража не успела спохватиться. После выхода в открытое море шторм отыграл все ранее выданные бонусы: сломал мачту и порвал парус. Лодку стало относить на юг. Поболтавшись по морю, Миняев решил возвращаться в Баку для ремонта.

Пока шел ремонт, он угодил в контрразведку. Он там был избит, но вскоре отпущен при содействии помощника начальника контрразведки и с кровоточащей спиной отправился в море. На траверзе Порт-Петровска и Форт-Александровского вновь начался шторм, сломавший один за другим два руля. Чтобы лодку не опрокинуло, пришлось выбросить 25 бочек с бензином. Потом посоветовавшись, моряки решили возвращаться. Отремонтировав в Баку за четыре дня лодку, опять поплыли в Астрахань. Приплыли в рекордные четыре дня⁵⁶⁴.

К тому же типуажу мемуаристов принадлежат Михаил Судайкин и Ланщикова. Их воспоминания рушат массу стереотипов о линии раскола в ту войну. Так Ланщикова упоминал о белом офицере-армянине, который ранее состоял в отряде Баксовета, и китайце, который при отступлении большевиков повесил причастного к советской власти инженера, а потом щеголял в его френче⁵⁶⁵.

Повествование Судайкина еще колоритнее. Он попал в плен к белым у берегов Терской обл. вместе со всей командой лодки. Белые, их захватившие, были в основном из мелких собственников рыбных промыслов. Выглядели они дико: длинные волосы, грязные лица, порванная полувоенная одежда. Самым ярким ненавистником пленных «бензинщиков» был некий белый офицер, который пенял им: выгнали вас с работы после майской забастовки, вот и принялись возить бензин в Астрахань. Оказалось, что он сам из бакинских железнодорожников, и тоже участвовал в забастовке. Их конвойный был рыбаком, разоренным красными, поэтому и вступил в Добровольческую армию. Но к пленным он отнесся по-человечески: дал им немного денег из конверта, в котором были изъяты у них деньги, чтобы купили себе папирос и хлеба, потом оставшееся сдал коменданту. Вместе с «бензинщиками» в кутузке оказался красный офицер из Астрахани, бывший офицер флота. Он откровенно поведал, что ему безразлично, где служить, у красных или у белых. Жалел только, что в Астрахани осталась совершенно без средств мать. Но был рад, что остался жив. Белые расстреляли всех коммунистов, – свои же и выдали, а остальных раздели и обобрали. Офицер прокомментировал: а мы когда брали белых в плен, никого не раздевали, даже офицеров. Трех из команды захваченной лодки расстреляли. Оставили в живых Судайкина как совсем молодого и старика Седых.

Перед уходом белых из Порт-Петровска по требованию местных рабочих (а вероятнее всего представителей социалистических партий, из которых обычно формировалось «правительство» на переходный, до прихода Красной армии, период) арестованные по подозрению в большевизме были вывезены на восточный берег Каспия. Договоренность была, что они будут высажены в 50 верстах от Красноводска, а в действительности их оставили на берегу в 350 верстах от него. На встреченной лодке-туркменке добрались до мыса Быковича, откуда по радио передали Микояну информацию о себе. Тот сначала не поверил,

а потом послал навстречу полевую конную кухню с кашей и борщом⁵⁶⁶.

Наиболее интересными в устных и письменных рассказах являются сюжеты о том, как важно было проявлять смекалку в море. Команда одной из лодок смогла обмануть внимание сторожевого военного судна из Порт-Петровска, которое ночью нащупало их лучами прожектора, бросившись на дно лодки, создав видимость брошенной лодки. Сторожевик оставил их в покое (Фролов)⁵⁶⁷.

Иван Осипович Коломийцев (1896-1919), официально первый полномочный представитель Советской России в Персии, а в действительности первый из плеяды русских большевиков, пытавшихся осуществить экспорт революции в страны Востока, дважды воспользовался лодками Особой морской экспедиции. М. Тугин вспомнил два случая, в которых отразилась вся неумная энергия и предприимчивость Коломийцева.

Когда «Встреча» возвращалась в Ленкорань, то вскоре после выхода из 12-фунтового рейда наткнулись на группу белых судов, которые начали их обстреливать. Только что отремонтированный мотор не выдерживал форсированного хода, тогда Коломийцев придумал, что нужно уйти в район Бельской банки, чтобы стать невидимыми для больших судов. Буруны, которые возникали на отмелях, могли скрыть маленькое судно от их глаз. Затем пройдя вдоль этой банки, баркас прошел к Порт-Петровску, повернул на этом рейде к Форт-Александровскому, чтобы вдоль восточного берега моря пройти в Ленкорань. Но тут выяснилось, что запасов смазочного масла явно не хватит на весь путь: мотор был новый, ему требовалось много смазки, и у него скоро расплавились подшипники. Шли очень медленно. От безвыходности пошли на сближение с проходившим мимо под флагом АДР пароходом «Лиза Соколова» и попросили у него масло. Это тоже было решение Коломийцева. И неожиданно смазку им дали. Потом из разговора с моряками этого судна Тугин узнал, что у капитана и его помощника состоялся разговор, один предлагал дать залп и потопить бар-

кас, другой, более осторожный решил, что лучше дать смазку, потому что если баркас так просто подошел к ним, значит, ему есть чем за себя постоять, и лучше его отпустить с миром⁵⁶⁸.

Балтийский военный моряк Дудин применил свой морской опыт. Когда лодка, на которой он находился, уже не могла миновать встречи с белогвардейским кораблем из Порт-Петровска, Дудин приказал сблизиться с ним, и начал клянчить «хлебушка». Когда он плывал, то хорошо изучил манеру рыбаков попрошайничать у больших кораблей: то табачку, то водички пресной, то хлебушка, то подвезти немного. Этим и воспользовался⁵⁶⁹.

Красочные зарисовка баркасной жизни оставил уже упоминавшийся Михаил Судайкин (1929). В первом же рейсе в Астрахань 16 находившихся на палубе бочек начали протекать. Лодка была полна паров бензина. Пищу готовили так. Одного человека на длинной веревке отпускали на маленькой лодке, которая звалась подъездок, подальше в море. Там он разжигал огонь и готовил еду. Потом тушил пламя в море, и его подтягивали к баркасу. В море провели несколько недель из-за июльского шторма. Через 16 суток все еще не достигли Дербента:

«Хлеб и питьевая вода кончились. Перешли на сырой рис и морскую воду. Стали придумывать разные способы, чтобы опреснить воду. В ведре мешали морскую воду с золой и углями, потом кипятили, получался отвратительный и невкусный щелок. После этого все заболели дизентерией. Кушаем так: насыпаем в кружку сухого риса, доливаем морской водой, рис немного отмокнет и блюдо готово. Последнее удовольствие – табак, кончился. У тов. Седых был старый деревянный мундштук, пропитанный табачным никотином. Он к нему прижимает горящий уголь и сосет. За один день выкурил весь мундштук.

От безделья лежим на палубе своей плавучей тюрьмы над старинной картой Каспийского моря и тычем в нее пальцами. Расстояния меряем спичкой. Спорим. Возрасты у нас разные, но образование одинаковое. Понятия о карте никто не имеет. Только тов. Седых знает море. Он может без компаса, лишь

при помощи звезд провести судно по всем опасным местам Седого Каспия.

После 12-ти часов небо потемнело. Седых посмотрел на тучи и сказал нам:

– Ребята, ураган будет»⁵⁷⁰.

Начался страшный шторм, а Седых преспокойно спал в шлюпке.

Но после него подул попутный ветер, и через два дня они стали замечать на поверхности моря камышинки, вода стала мутной. Это означало, что близко русло Волги. На подходе к 12-фунтовому рейду они увидели две эскадры, одна шла с севера, а вторая со стороны моря. Они оказались прямо в зоне боя между красным и белым флотами 21 мая 1919 г. у Форт-Александровского.

Сотрудникам института важно было выяснить обстоятельства гибели трех участников Особой морской экспедиции – Ивана Сарайкина, Ивана Рогова и Федора Губанова. В историю они вошли как герои-большевики, их именами были названы бакинские улицы.

Иван Степанович Сарайкин (1895-1920), сын каспийского моряка. В 1904 г. окончил 3-летнюю Народную школу со средним баллом «удовлетворительно». В августе 1916 г. окончил школу прапорщиков флота, служил на Балтике штурманом дальнего плавания⁵⁷¹. В 1918 г. на Каспии – штурман канонерской лодки «Ардаган». После неудачной попытки увода флотилии в Астрахань был уволен из флота и оказался безработным. Сарайкин был опытным штурманом, хорошо знал море и особенности погоды, имел обширные знакомства среди моряков и портовых служащих, что немало помогало в сложных ситуациях при доставке нелегального груза и людей (Я. Лукьяненко)⁵⁷². Он распоряжался несколькими лодками из состава Особой экспедиции, формально числясь их владельцем (И. Долматов)⁵⁷³.

Никифор Федорович Рогов (1887-1920), из крестьян Симбирской губ., с 1911 г. служил матросом в Баку, учился на курсах управления баркасами, в 1918 г. работал в Бакинском

совдепе. В 1919 г. сделал несколько ходок в Астрахань. В январе 1920 г. в Баку Рогова остановил патруль и арестовал за ношение револьвера. Но он вскоре вышел и был назначен ехать в Красноводск за оружием, предназначенным для вооруженного восстания в Баку. В этом рейсе 16 февраля 1920 г. вместе с Сарайкиным, Барабановым и Емелиным был захвачен белыми у о. Челекен. Имя пятого члена команды очевидцами называется по-разному – Иванов или Краснов. Скорее всего, в одном из случаев ошиблась машинистка, перепечатавшая рукопись. Он оказался трусом и предателем.

Советские мемуаристы обычно рисовали смерть Сарайкина и Рогова как мученическую – их пытали и полуживыми утопили, утверждали они. Детали произошедшего описаны выжившим членом этой команды И. Емелиным и М. Судайкиным, который вместе с ним находился в Порт-Петровской тюрьме, поэтому был одним из наиболее ранних слушателей рассказа о случившемся у о. Челекен.

У Рогова, Сарайкина и др. не было найдено ничего компрометирующего. Их документы, отпечатанные на коленкоре, были спрятаны очень остроумно: «Они взяли старую лучковую пилу, у которой рама была обмотана веревкой, размотали веревку, заложили документы и завернули как было» (М. Судайкин)⁵⁷⁴. Но один из команды (Краснов или Иванов) занервничал, стал проситься к капитану и рассказал, где спрятано личное оружие и документы. После этого была проведена странная экзекуция. Четверых выстроили в шеренгу. Первым стоял Емелин, дальше Рогов, Сарайкин и Барабанов. В них начали стрелять как бы наугад. По рассказу Емелина первой пулей Рогов был ранен, а второй уже убит. Потом были расстреляны Сарайкин и Барабанов. Почему оставили в живых Емелина – не ясно.

Емелин оказался в тюрьме Порт-Петровска и накануне ухода белых вместе с другими арестованными был выслан на пов Мангышлак. Среди них был и Иванов-Краснов. Как сообщил Судайкин, когда он увидел других «бензинщиков», то пытался покончить с собой. У него отобрали бритву и отправили в Таш-

кент⁵⁷⁵. А Емелин рассказал, что когда он вернулся в Баку из Пятигорска, где лечился как жертва белогвардейской контрразведки, то подал в Особый отдел заявление на предателя, тот был арестован и расстрелян⁵⁷⁶.

Дело темное. И почему расстрелянный Барабанов не вошел в число мучеников революции, также не понятно.

Еще больше тумана в отношении гибели Ф. Губанова, председателя профсоюза водников. Старый моряк Митрофанов сообщал о нем: член партии с 1914 г. и член Кавкрайкома (что сомнительно), и далее более достоверные отзывы: активист собраний, активный участник майской забастовки, ехал на каком-то съезде в Москву. Годлевский уточнил: Губанов ехал на VIII съезд, как и Микоян, но поехал на другой лодке и погиб⁵⁷⁷. Но VIII съезд РКП(б) состоялся в марте 1919 г., может быть речь идет о 7-м Всероссийском съезде советов (декабрь 1919 г.)?

После майской забастовки Губанов вместе с И. Анашкиным, председателем Рабочей конференции, был выслан в Тифлис (Чикарев)⁵⁷⁸. И. Довлатов в беседе с научным сотрудником О.Г. Тетеревятниковой рассказал, что Фёдор вскоре вернулся в Баку и стал искать способ уехать в Советскую Россию. Свое желание мотивировал тем, что боится быть вновь арестованным. О съезде Довлатов ничего не упоминал, хотя был человеком информированным: член Кавкрайкома все же. Примечательна зачеркнутая фраза в протоколе беседы: Губанов покончил с собой после ареста и пыток в Порт-Петровске⁵⁷⁹.

О рейсе, когда в Астрахань плыл Губанов, рассказали его участники: Ланщикова, Трусов, Синев, Любасов. Их свидетельства в большинстве моментов совпадают. Легенда была такова: их баркас должен был везти бензин в Энзели, но ее хозяин, в роли которого выступал некий Любасов, в погоне за барышом решил направить лодку в Гурьев. У восточного берега баркас столкнулся с кораблем «Слава». Кроме того, над ним кружил и обстреливал его белый аэроплан. Уйти не мог, хотя дула моряна, потому что ранее порвался большой парус.

Затем в рассказах следует момент, излагаемый по-разному. В литературизированных мемуарах Корецкого (1930), знавшего о событиях с чужих слов, сказано, что Губанов, ведя якобы переговоры с командой нагнавшей их моторной лодки из Порт-Петровска, метнул гранату, которая повредила винт лодки, поэтому им удалось на парусах скрыться. И лишь на обратном пути из Астрахани их встретил военный корабль, который и захватил лодку с Губановым в плен⁵⁸⁰. Одна уже эта неточность вызывает недоверие к этому тексту. По версии Ланщикова Губанов собирался взорвать лодку, но этого не сделал, и они сдались. Трусов приписал намерение подорвать баркас себе, и что Губанов вырвал у него бомбу⁵⁸¹.

Итак, все пассажиры лодки были арестованы. Их пороли. Белые были убеждены, что они коммунисты и даже комиссары, называли астраханскими бензинщиками⁵⁸². Но по словам Трусова при транспортировке в Порт-Петровск их лодка отцепилась от судна. Чему они были рады, ведь там, в потайных емкостях в потолке и бортах лодки, находился компрометирующий их груз. При транспортировке в Порт-Петровске была возможность бежать, но Губанов отказался: вдруг за нами следят, а своим бегством мы только дадим повод себя подозревать, ведь по легенде их лодка направлялась в Гурьев с целью спекуляции бензином.

Они были переданы в деникинскую контрразведку, где оказались люди, хорошо знавшие их по Баку. Как сообщил Синев, капитан Назарбеков узнал Губанова еще на крейсере, но не выдал. На следующий день он принес им денег на еду. Сказал, вернут отобранные деньги, отдадите⁵⁸³. Вскоре их освободили и отправили в состав команды одного из судов. Трусов предлагал Феде Губанову скрыться на уходящем в Баку пароходе, он уже предварительно договорился с нужным человеком. Губанов отказался, и тут их неожиданно мобилизовали в деникинскую армию. Их привели к воинскому начальнику, того не оказалось, и они отпросились у его адъютанта к знакомым помыться. Один из бакинских моряков Иван Трегубов, только приехавший из

Астрахани (!) в Порт-Петровск, зазвал их к себе и уговаривал не возвращаться. Но Губанов опять отказался, раз выпустили, значит, ничего уже не будет. Синев возразил ему, может нам ничего и не будет, а тебе будет – тебя каждый моряк знает. Они на утро вернулись, а потом еще попросились на выходные походить по городу, и опять вернулись. Потом «Константиновским», такие документы были у Губанова, интересовались Назарбеков, их благодетель, давший денег на еду, и начальник запасного батальона Иванов. Губанова увели, и он больше не возвращался. Потом говорили, что его утопили живым, окончил свой рассказ Синев⁵⁸⁴.

Смерть Губанова обросла слухами и версиями, что только запутало дело. Дискуссия, произошедшая на одном из вечеров воспоминаний в 1932 г., лишь доказывает, что докопаться до истины, почему погиб Губанов, невозможно. Каневский: команда баркаса, где все произошло, говорила, что его задушили руками и бросили в море. Синев уточнил: Маркин рассказывал, что его один офицер ударил прикладом, а потом утопили полуживым. Каневский настаивал: его руками удушили⁵⁸⁵. Можно еще упомянуть крайне путанный рассказ Ланщикова, в котором говорится о каком-то штабс-капитане, которого из-за них повесили, и о казни Губанова. Это было как-то взаимосвязано⁵⁸⁶.

Можно упомянуть еще одну странную деталь: тогда же в тюрьме погиб еще один «бензинщик», Александр Чесноков, он был заперт насмерть. Но он не удостоился посмертной революционной славы.

Немало неясного в отношении не только погибших, но оставшихся в живых. Вот, например, некий Ильдрым. Его роль в изложении разных людей выглядит по-разному. Он то мусаватистский служащий, хотя и взяточник, то помощник «бензинщиков». По сведениям Ф. Исаева Ильдрым – начальник военного порта и помощник начальника торгового порта брал большие взятки – до 50 тыс. руб.⁵⁸⁷

Рындин, Литвиненко, Лукьяненко, Емелин и Скудин описали один и тот же эпизод, относящийся к последним неде-

лям существования АДР, и касающийся доставки оружия для планируемого восстания. В один из дней в середине марта 1920 г. в море болталось три лодки с оружием, боясь войти в охраняемые прибрежные воды. И тогда было разыграно представление. Команда баркаса представилась рыбаками, у которых из-за штиля пропадает улов. Катер портовой стражи «Врач», на котором находился Ильдрым, подошел к ним как бы с целью проверки. Перед стражниками, которые были не в курсе дел своего начальника, была разыграна мизансцена. «Рыбаки» попросили взять их на буксир и отвезти в порт ввиду отсутствия попутного ветра. Чтобы соблюсти все правила, Ильдрым потребовал у них плату за буксировку, а получив ее, раздал стражникам. По сведениям Скудина Ильдрым помог им по просьбе Мирзы Даута Гусейнова, члена партии «Гуммет» и Кавказского краевого комитета РКП(б)⁵⁸⁸.

И. Довлатов назвал Ильдрыма контактом Я. Лукьяненко. По словам того, Ильдрым о многом знал и раньше, но помогал ли реально, – Довлатов не знал⁵⁸⁹. В своих воспоминаниях «В подполье Азербайджана» Лукьяненко приписывал Ильдриму немало подвигов накануне прихода красных бронепоездов в Баку. Во-первых, им двоим Кавкрайком передал военное командование в момент «пробного» вооруженного восстания в ночь на 28 апреля 1920 г. Во-вторых, Ильдрым перерезал телефонный кабель, соединявший порт с артиллерией, расположенной на о. Нарген.

По-видимому, Лукьяненко вошел в контакт с Ильдрымом, занимаясь портовыми делами. В Баку он жил под именем Александра Леонтьевича Титарца, грузового маклера, а удостоверение ему на это имя было подписано особоуполномоченным министра путей сообщения по водному транспорту инженером Ильдрымом: Титорец назначался лицом «по надзору за уходящими и приходящими судами с контрабандным грузом»(!!!)⁵⁹⁰.

После советизации Азербайджана Чингиз Ильдрым (Султанов, 1890-1938), этнический курд, стал наркомом по военным и морским делам, был награжден орденом Красного

Знамени, как инженер-металлург участвовал в строительстве Магнитогорского металлургического комбината.

Многие моряки после прихода советской власти пошли работать в чека как достаточно проверенные и убежденные сторонники революции. Ведь как утверждал Лукьяненко, кроме официальной группы в Морской экспедиции была и строго секретная, которая вела «чисто-трибунальскую службу и исполняла задание Заккрайкома [Кавкрайкома]. [...] Через Морскую Экспедицию исполнялись революционные постановления Заккрайкома. Из привезенных из Астрахани 4-х жандармов по постановлению Заккрайкома были присуждены к смертной казни, и здесь Морская Экспедиция принимала деятельное участие»⁵⁹¹. Судя по всему, случалось, что экспедиция ликвидировала тех, кого доставляла из Астрахани. Лукьяненко употребляет в связи с этим редкий идиоматический оборот – «шестая группа отправки». К сожалению, его происхождение неясно.

В послевоенное время участники Особой морской экспедиции были озабочены недооценкой их вклада в борьбу. Как сказал на встрече 18 апреля 1934 г. Лукьяненко, хотя мы живем неплохо, но может добиться, чтобы жить еще лучше⁵⁹². Их поддерживал в этих намерениях А.И. Микоян. Ободренные этим они постановили: просить о назначении персональных пенсий для них самих и стипендий для их детей, курортных путевок для больных. По этому поводу Каневский произнес речь: «В проекте, по-моему, следует ввести такие положения: О представлении участников Особой морской экспедиции Кавкрайкома к награде, к культурной и материальной помощи и об обеспечении персональной пенсии участникам экспедиции и семьям погибших и других привилегий как спецснабжения и т.д. Бывает обидно, что только выпущенные вредители, посланные на работу, получают спецснабжение, а для нас предоставить не могут»⁵⁹³.

Был составлен список кандидатов на награждение за особо выдающиеся боевые заслуги из десяти наиболее отличившихся моряков и партийных деятелей. Их фамилии извест-

ны: И.И. Довлатов, П.С. Каневский, А.Ф. Лукьяненко, Т. Крылов, М.Т. Тутин, М.Р. Митрофанов, М. Трусов, И. Ляхов, И. Файковский, Ф. Исаев. Последующая судьба шести из них одинакова: они погибли в 1937 или 1938 гг. Об остальных данных не сохранилось.

Но в 1934 г. они еще имели высоких покровителей. Они хотели использовать личное хорошее отношение к ним Серго, который говорил, бакинские моряки спасли меня, вывезя с Кавказа в Астрахань. Они собирались поручить С.М. Кирову описать работу экспедиции, потому что лучше его никто ее не знает. Они организовали целую серию газетных и журнальных публикаций с целью популяризации этой страницы революционной истории. В газете «Бакинский комсомолец» (1935. №227) размещена заметка «Красные контрабандисты (Воспоминание о подполье)», полная революционной героики и напряженных нервов. А в рассказе А. Крюкова «Норд», опубликованном в газете «Молодой рабочий» (1927. №3(236)) описывается самопожертвование одного из членов экипажа. Чтобы спасти покинувших лодку товарищей, он взорвал наполненную бензином туркменку вместе с окружившими ее белыми. Такой эпизод ни разу никем не упоминался, хотя по сюжету двое, русский и тюрок, спаслись и могли бы рассказать об этом.

Не получил должной оценки и вклад в борьбу с большевиками К.К. Шуберта. Анонимный автор так отозвался о его деятельности: «Тогда капитан 1-го ранга Шуберт предложил сухопутному командованию придуманную им военную авантюру – поход на Астрахань на рыбачьих парусниках (на местном жаргоне именуемых “рыбницами”). Он рассчитывал своим ухарством завоевать симпатии кого следует и, в конце концов, стать всесильным накаспом [начальником Каспийского флота – О.М.]. Но рекламная экспедиция ничего самому Косте Шуберту не принесла... Итак, заняв девять парусников, расписав по ним личный состав. Костя Шуберт (под этим именем он был известен всем) почувствовал себя совершенно независимым. Не зная ни моря, ни расположения и сил противника, не имея ни-

какого плана, раздобыв где-то четыре пулемета с несколькими лентами на каждом, снабдив часть личного состава винтовками, Костя объявил господам офицерам: “Как-нибудь да возьмем Астрахань”. Несмотря на нелепость авантюры, настроение молодежи, покидавшей Петровск, было бодрое»⁵⁹⁴. Суждение злое, но небезосновательное.

43-летний Шуберт с ватагой безусых мичманов и гардемарин, не имея серьезного плана действий, носился по каспийскому мелководью, скорее с тайным желанием пережить беззаботную юность. Не случайно он неоднократно упоминал свою тогдашнюю тоску о минувших счастливых временах, о безвозвратно ушедшем счастливом времени, а о своей затее писал: «Наше путешествие скорее напоминало пикник, чем походное движение. Взятый с собой оркестр нажаривал разные веселые вещи, люди перекликались между собой, строй не соблюдался»⁵⁹⁵. Настроение его записок сильно отличается от истпартовских бакинских текстов. Там – напряжение, страх, нервозность. Несмотря на то, что все мемуаристы выжили и победили, в них чувствуется пессимизм и минорный драматизм. У проигравшего войну эмигранта Шуберта это сочинение на тему как я провел лето 1919-го года.

Предпринятая реконструкция деятельности Особой морской экспедиции по связи с Астраханью, разумеется, не является полной. В воспоминаниях ее участников встречаются смутные упоминания о целом ряде событий, свидетелями и участниками которых они были. Но за недостатком информации восстановить их пока не удается.

Русские якобинцы: попытки самоанализа

В провинциальных архивах случаются изумительные находки, интересные не только как память человеческой истории, но и тем, что отвечают на многие важные вопросы. Неувядающей загадкой Русской революции является проблема людей,

осуществлявших революционный террор. Найти личные бумаги этих людей – большое везение.

В Государственном архиве Латвии в фондах Института истории партии при ЦК КПЛ сохранились датированные годами Первой мировой и гражданской войн дневники красных латышей – Ф. Лациса, Матисона, Зелбера, Я. Вейнберга, Абелтина. Но, к огромному сожалению, они написаны по-латышски, что для российского историка является непреодолимым препятствием.

И только дневник Вейнберга за 1915-1922 гг. имеет два небольших отрывка, относящихся к 1922 г. и написанных по-русски. Один из них имеет концептуальный характер. В нем автор объясняет свое мироощущение и жизненную позицию. Ему свойственно мрачно смотреть на мир, причиной этого является понимание конечности своего существования и даже собственного ничтожества. Он подчеркивает, что этот взгляд он производит не из семилетнего фронтового опыта, а из законов естественного мира.

«Ничто на свете не вечно, кроме материи, силы, движения и с ними связанного вечного изменения. А потому, зная, что тому же самому закону подчинен и сам человек, это венец всего “творения”, который ничто иное как жалкое и ничтожное существо, принужденное через некоторый период времени исчезнуть, как и все остальное, превращаясь в пыль, чтобы потом опять через некоторый период времени принять ту или иную форму, и так без конца, без предела. – Могу ли я иметь другой взгляд на жизнь как таковую как тот, который имею? Конечно, нет. Тем более, что все наши старания и усилия пока что ничто. Сознание нашего ничтожества – вот главная причина моего пессимизма».

Некоторый оптимизм ему внушает свойство человека вести жестокую борьбу с природой с целью подчинения ее себе. Хотя плоды этой борьбы пока ничтожные, но уже рождаются смелые, кажущиеся фантастическими или безумными мысли.

Они, конечно, могут уничтожить людской род раньше, чем он заставит Мать-землю мчаться по другому направлению.

«Но так как нам, т.е. теперешним людям[,] ни того, ни другого не дожидаться, то лучше уже, сознавая свое ничтожество, не выпуская из вида возможности подняться выше, воспользуемся настоящим и возьмем от теперешней жизни то, что она нам дает, но только самое лучшее и прекрасное. Поэтому постараюсь временно, а временно потому, что вовсе забыть наше истинное положение в так называемой Вселенной никогда не смогу, оторваться от своего пессимизма и воскликну: лови момент счастья и живи, пока живется!

Да я еще молод, а потому моя жизнь впереди[,] и я хочу быть счастливым, но... могу ли я быть таким, когда вокруг себя вижу те же страдания, что и раньше? [...] Хотелось бы любить и быть любимым, но сможет ли кто меня полюбить... [...] И в будущем, когда, быть может, все люди станут братьями, я останусь один, а один[,] потому что сама природа, создавая меня, была против меня слишком жестока.

Вот причина, по которой я пока что нахожу забвение только в том самом образе жизни, который многие называют омутом, адом.

Я люблю постоянное напряжение нервов и быть всегда наготове перед смертью, т.к. только в этом я нахожу какое-то успокоение и наслаждение[,] и оно мне помогает на время забыть все остальное. Этим и объясняется мое стремление вернуться в тот “омут” и “ад”, который два месяца тому назад я оставил»⁵⁹⁶.

Второй отрывок представляет бодрый официальный спич от лица «мобилизованных молодых коммунистов», готовых приложить силы, знания и пр.⁵⁹⁷ Полная противоположность настроению первого «русского» текста.

Информация об Иване Ивановиче (Яне Яновиче) Вейнберге нашлась в одном из сборников документов⁵⁹⁸. Родился в 1895 г. Латыш. Член ВКП(б) с 1917 г. В 1921-1930 гг. – сотрудник ВЧК-ОГПУ. С декабря 1937 г. по май 1938 г. – начальник

УРКМ УНКВД по Алтайскому краю, капитан милиции. В 1938 г. арестован и по приговору Военного трибунала войск НКВД Западно-Сибирского военного округа 22-24 октября 1939 г. осужден на 7 лет ИТЛ «за практику установления лимитов на массовое осуждение социально вредного элемента».

Из косвенных данных о нем можно заключить, что он получил хорошее образование, потому что хорошо формулировал свои мысли, много цитировал поэтической классики. Начал службу в армии в 1915 г., был офицером царской армии.

А в 1922 г. он возвращался в «омут», значит, в структуры ГПУ.

Дневник, написанный по-латышски, явно относится к исповедальному типу. Ежедневные, как правило, пространные записи содержат не обзор событий, а размышления о виденном и прожитом. По-видимому, дневник мог бы многое рассказать о личности будущего капитана милиции.

Ранний материализм Яна Вейнберга развился в своеобразный цинизм. Спустя 15 лет он наблюдал гибель людей, размышляя над тем, что когда-то они вновь приобретут «ту или иную форму», и чувствовал себя немного бессмертным и находился в этом некоторое «успокоение и наслаждение».

В Государственном архиве Днепропетровской области (Украина), в фондах бывшего партийного архива хранятся рукопись, значащаяся в описи как дневники Введенского⁵⁹⁹. Но даже беглый просмотр текста выявил, что повествование идет от женского лица. Дальнейшее знакомство с источником показало, что его автором является вдова Введенского, так же как и он, член партии левых эсеров. Ее рассказ посвящен событиям 1917-1919 гг. По датам документов потребкооперации, на обороте которых был написан текст, рукопись можно отнести к 1922 г. К сожалению, единственное в тексте упоминание ею своего имени невозможно прочитать.

Записки Введенской никогда не были опубликованы и не использовались в качестве исторического источника (по крайней мере, авторам это не известно), поскольку содержали под-

чиненный левозеро́вской доктрине взгляд на события и наряду с этим лично́стно окрашенное видение происходящего. Ее лишённое одномерности и однобокости повествование даёт представление о специфике революционного мышления и о ходе революционного процесса в конкретном провинциальном городе.

Весной 1919 г. во время второй советской власти Введенская исполняла обязанности начальницы чрезвычайной комиссии Бердянска, небольшого портового города на берегу Азовского моря. Содержание ее записок позволяет отнести их к тому типу источников, которые дают ключ к пониманию других документов. Им даже свойственна некоторая сенсационность: разве не интересно узнать, что есть такое полумифическая Дора Явлинская, и убедиться, что женщины-чекистки существовали в действительности, о которых как о целом классе утвердилось мнение, что их на эту кровавую дорожку привели разрушенные девичьи надежды и женские обиды. Прямо скажу, что слухи, рожденные в белогвардейской среде, казались скорее болезненной реакцией на происходящее, чем отражением реальных событий. Это мнение стало результатом сравнения материалов Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков и местной большевистской печати, которая в соответствии с тезисом о публичности наказания предоставляла полную информацию о деятельности чека и ревтрибунала. Сложилось смутное подозрение, что женщина во главе чека – это миф, а если не миф, то сильное преувеличение. Современники воспринимали революцию как время, когда случается неестественное, поэтому и возникали образы, как бы из другого мира, долженствующие подчеркнуть абсурдность всего происходящего.

Начало текста надежду найти что-то стоящее превратило в уверенность. В первом абзаце Введенская обозначила содержание и смысл своих записок:

«Это не история и не исторические воспоминания – это только мои личные впечатления и переживания на фоне исторических событий. [...] Что видела, что делала я и мои товари-

щи – вот и все. Даже почти событий нет, крупных, дающих эпоху, разве только контуры их, то, что достигало нас, то, что касалось нас. Почему же, спросите Вы, даю я эти записки? Да потому что каждый шаг наш, каждый почти день нашей работы отмечался кровью. Не могу же я молчать, я – живая, когда мертвые не могут сами о себе сказать. Так щедро все залито кровью, что нельзя пройти мимо не отдав должное бесславному, бесследным героям. [...] Да простит мне читатель, если что покажется ему в моих заметках ненужным, неинтересным, слишком узко субъективным»⁶⁰⁰.

К моменту написания записок она потеряла двух самых близких людей: мужа и подругу. Петр Введенский, левый эсер, один из 19 бердянских комиссаров, расстрелянных отрядом М.Г. Дроздовского 24 апреля 1918 г. Подруга – Тамара Николаевна Бенуа, по моей версии, племянница известных художников Александра и Альберта Бенуа. К сожалению, сотрудники Музея семьи Бенуа (Петергоф) отрицают существование такого члена знаменитой фамилии.

Многогранное содержание рукописи не заслоняет ее главный информативный потенциал: ответ на вопрос – как совмещались в деятельности идейных революционеров высокие гуманистические лозунги и кровавая практика революции, в которой они выступали не только как идеологи, но и непосредственные руководители структур, осуществляющих эту доктрину. Лично террор ими осуществлялся крайне редко. Введенская неоднократно возвращается к мысли, что без участия низов общества революция обречена. Как-то она сказала своей подруге Тамаре: «А знаешь ли, ведь, если бы революцию совершали от верху до низу одни интеллигенты – ведь это был бы ужас! Я не знаю, как передать тебе это, но я чувствую, что это было бы нечто кошмарное»⁶⁰¹. Инструмент реализации идеи найти, находясь в Бердянске, несложно. От Бердянска до Гуляйполя – сто верст.

В момент немецкой оккупации оставшиеся в городе эсеры и большевики прислушивались к разговорам о махновцах,

пытаясь понять, что это за новая сила в событиях. Введенская несколько раз столкнулась с ними, передвигаясь по железной дороге из Бердянска в Екатеринослав. Наблюдала, спрашивала у крестьян, и решила: это те каменщики, которые уже построили чудесный храм Соломона и построят чудесный храм будущего. Не зная идеи и задуманного плана, но под умелым руководством они сделают всю работу:

«Сами каменщики клали только камни, им неизвестна была идея созидаемого, даже план им не был известен, но выполняя работу под руководством умелой и направляющей руки, они создали храм. Махновцы – наши каменщики революции. Нужно взять на себя, нужно сметь и уметь использовать их силу, мужество, их стихийную жестокость. То были рабы царя Соломона, это рабы Свободы»⁶⁰².

С таким выводом она пришла к товарищам и сказала: «...Нам нужны махновцы, какие бы они ни были, какой бы ни была их деятельность теперь. Они нужны нам, потому что сами мы не умеем ладить со смертью как они. Наши интеллигентские инстинкты не решат борьбы ни в нашу, ни в чью пользу»⁶⁰³.

У застрывших в Бердянске эсеров и большевиков уже есть свои «каменщики». В условиях подполья нелегалы-партийцы прибегали к услугам так называемых анархистов, хорошо понимая их уголовный характер и отсутствие всякой связи с идейными анархистами. Введенская без обиняков раскрыла их сущность: «А в сущности, кто же они были – эти анархисты? Налетчики, эксисты, профессиональные игроки в карты по трактирам, вообще-то общественное подполье, которое всегда и всюду бывают и вероятно будет. А как обойтись без этих представителей общественного подполья, когда у них было оружие, они были ловки и смелы и могли выполнить любое поручение комитета?»⁶⁰⁴

Позже, когда она возглавила бердянскую чека, которая боролась не только с контрреволюцией, но и с уголовщиной, она называла эту борьбу лицемерием: «Ведь знала же я, наши политические – кровь от крови и плоть от плоти уголовных. Кто

же шел в подполье бесстрашно на все: на экссы и убийства как не эти же уголовные, под влиянием нашей агитации они только меняли цель своего ремесла. Убийство и экс оправдывались нами, когда выполнялись под диктовку партии. Да и из кого же набирался кадр смелых бойцов? Разве тупая мешанская “золотая середина” давала что-нибудь подобное?»⁶⁰⁵.

Но анархисты обычно недолго действовали в городе, узнав о Батьке Махно, «после нескольких неудачных экссов в Бердянске они гуськом потянулись туда».

Введенская объяснила, что эсеры были более свободны в выборе тактики, чем большевики. Те были связаны партийной дисциплиной и не могли блокироваться с кем попало. А ей и ее товарищам эсерам нетрудно было увидеть в Махно отголосок героического народничества. Она с горечью добавила, что впоследствии на эсеров достаточно повесили собак за слишком тесную дружбу с махновцами.

Еще до личного знакомства с Нестором Махно она уже оформила для себя его место в событиях, оценив его весьма высоко: «Батька Махно, может быть сам того не зная, становится возглавляющим определенное течение в революции, хочет он или не хочет, но он, как шелковичная куколка обматывается со всех сторон нитями обязательств, ответственности, руководства и направляющего воздействия. Все эти Новоспасовки, Михайловки, Николаевки, через Петров, Иванов, Степанов, бегущих к нему, [так] приобщаются к революции»⁶⁰⁶.

Ее впечатления от Батьки Махно, с которым ей пришлось познакомиться весной 1919 г., когда объединенные силы демократии образовали новый советский режим, постоянно балансируют между гипнотическим воздействием человека, который все себе сам позволил, и ужасом от того, что он себе позволил. Первоначально для нее было важно, что через его отряды жители малороссийских сел, которых бы иначе нельзя было вытащить из хат, приобщаются к революции.

В тексте Введенской наиболее определенно из всего виденного представлен индивидуально-ситуационный характер

вовлечения в события основной массы ее участников. В мужских текстах вопрос о случайности всегда затушеван. В разговорах с махновскими командирами она старалась вопросами выяснить: как велик и количественно, и качественно подъем восставших. Под чьим влиянием он вырос, казалось, так неожиданно для Доброармии? Каково отношение партизан к Батьке. Из ответов не всегда ясных все же можно было понять, что села эти питали живыми силами главное ядро восставших отрядов Батьки; получалась какая-то кровная связь, в силу которой даже «кулацкие» элементы этих сел шли не в Доброармию, а к Батьке: «Не сила убеждения, не революционные взгляды руководили в данном случае этой толпой, а просто Петр, Иван, Сидор пошли к Батьке, там вольно, сыто живет, и соседи этого Ивана, Петра, Сидора не могут поступить иначе, т.к. живут в этом же селе, приходится кумовьями, сватовьями, братовьями. Ну так куда же идти им – естественно к Батьке. Кроме того, как вскоре я убедилась, поступками этих крестьян руководил часто страх перед местью односельчан. Вскоре стали все чаще и чаще встречаться случаи, что даже семьи мобилизованных Добровольческой армией крестьян подвергались не только полному разорению, но даже лишению жизни их же односельчанами. В конце концов, дело дошло до того, что некоторые села считались целиком большевистскими, некоторые же добровольческие»⁶⁰⁷.

В последний вечер перед уходом махновцев из Бердянска она и Тамара ужинали вместе с ними в ресторане «Прага». И Введенская, глядя на них, думала, что в истории, будут писать, атаман такой-то шайки убил столько-то, ограбил таких-то, но забудут, какие это были смелые и цельные люди. У них нет половинчатых решений. Всему, во что поверили, служат безраздельно, беззаветно. Пусть они грубы, некультурны, жестоки, – мы, интеллигенты, размышляла Введенская, даже жестокими не умеем быть: «Я истомилась в обществе [нрзб.] бледноликих интеллигентов, а эти заставили меня поверить в то, что не все только говорят о решениях, а решают; что не все говорят о

борьбе, а умеют бороться сами, убивать и быть убитыми, не прячась малодушно за брошюрки программы, теории. Скоро простимся с ними, и спасибо им никто не скажет, и погибнут многие из них, – никто даже имени их не занесет на скрижали революции».

Самое время ответить на вопрос о содержании ее собственного взгляда на природу и смысл революционного насилия. Во-первых, ей жаль погибающих борцов, но не жаль обывателей именно потому, что хотят укрыться от исторических событий. Когда она видит интеллигентную женщину, которая[,] по-крестьянски подобрав юбки[,] несет ведро с водой, она радуется: вот подлинное переустройство жизни, пусть и принудительное. Во-вторых, у нее выработался собственный этикет в отношениях со Смертью. Ее принцип гласил, убивать нужно милосердно и не осквернять трупы: «...Я много видела и расстрелов и расстрелянных и приговоренных к смертной казни и никогда не могла понять, как можно бить и толкать ногой уже остывший труп, безмолвный и безвредный, когда сама природа смертью кладет предел всему, даже дикой злой воле человека».

Когда в марте 1919 г. из Бердянска ушли денкинцы, и сложилась вторая многопартийная советская власть, то при распределении полномочий переходного ревкома во главе чека оказались Введенская и Тамара Бенуа. Как благодаря тексту становится понятным именно для того, чтобы сделать террор менее бессмысленным и более гуманным.

Тот факт, что она вдова расстрелянного комиссара, может навеять мысль о стремлении отомстить за его смерть как причине работы в чека, но это не так. Введенская тяжело пережила расстрел Петра. Она писала о своем состоянии в то время: «И не дает мне покой острая боль от воспоминаний и ищу, все ищу в газетах, в жизни, в случайных встречах подробностей минувшего кошмара».

Тут нужно подробнее рассказать о Петре Введенском. Он и его жена-соратница встретили Февральскую революцию в ссылке на Ленских приисках, где работали в редакции газеты.

После телеграммы об отречении царя Пётр как-то собрался, погрузившись в мысли о будущей работе. А она вечером наедине с собой почувствовала, что как бы овдовела: есть товарищ Пётр Введенский, но только не ее муж. В мае она с Петром покинула прииски. В Бердянске Введенские оказались по приглашению своего товарища Александра Егорова, местного уроженца. Сам Пётр был родом откуда-то из Центральной России. Он был избран в городской совет, стал членом исполкома, уездным комиссаром земледелия. Совет принял целый ряд решений, направленных на отмену крупной частной собственности и утверждение социалистического способа производства.

В записках Введенской немало глубоких замечаний. О начальных страницах революции она пишет: «Что ни город, то и норы, – по пословице. Кажется, никогда так не сказались справедливость этой пословицы, как во время революции. Каждый город по своему понимал все события, по-своему реагировал на них, по-своему примыкал к тому или иному лагерю»⁶⁰⁸. Бердянск выявил свою физиономию еще в марте. Но в апреле лагерь «контрреволюции» проявил свою массовость и разноликость: баба-торговка, либеральный социалист из городского самоуправления, лавочник, офицер – все пылали гневом и ненавистью к совету. Контрреволюция, как считала Введенская, началась в Бердянске с «невиннейшего и безобиднейшего из Декретов» – декрета об отделении церкви от государства. Поп Лукин решил, во что бы то ни стало пострадать за веру. После того, как он вывел паству на улицу, исполком его арестовал. Брожение среди населения стало явным.

Наиболее консолидированной силой, противостоящей совету, был Бердянский союз увечных воинов, который включал, прежде всего, офицеров обер-офицерских чинов и унтер-офицеров. Приказы исполкома о разоружении союз игнорировал. Как подчеркнула Введенская, в Бердянске существовало заблуждение, что советская власть ведет себя так только тут, а в других местах все идет по-старому.

Она точно передает ощущение расколотого пространства страны, типичное для того времени. Провинция была отрезана от центра, не хватало достоверной информации. Людям казалось, что что-то необычное происходит только у них, поэтому противники советской власти считали, что если ее ликвидировать в Бердянске, то с ней будет покончено навсегда.

На свободе оставалось немало членов Союза увечных воинов. Он продолжал оставаться влиятельной силой в городе, был представлен в совете и выступал против эвакуации имущества при подходе немцев. Машины, сахар, мука вывозились через порт на пароходах. Всегда при этом присутствовала толпа, со временем она становилась все более агрессивной, и верховодили там «инвалиды». Эвакуация запасов хлеба была назначена на 18 апреля. Погрузкой руководил Пётр. Утром он забежал домой переодеться и сказал жене, должно быть на смерть пойду в этом. Он знал, что в порту уже собрались толпы разъяренной публики. Даже рабочим отрядам приходилось разьяснять, для чего делается эвакуация. Через час она услышала выстрелы. Офицеры 46-го пехотного полка, расквартированного в тот момент в городе, под руководством полковника А.А. Абольянца подняли мятеж.

Когда Введенская осознала, что любимый человек находится на грани смерти или уже мертв, то «такие жестокие в своей смелости» вопросы «классового умерщвления людей» и необходимости крайних форм борьбы стали терять для нее свою теоретичность. При этом она уделяла особое внимание тому, что если Петр стрелял с утра до вечера, то должно быть САМ убил кого-то.

За калиткой увидела бегущих в панике красногвардейцев. Вскоре стало известно, что схваченных содержат в здании штаба 46-го полка под охраной на Азово-Черноморском заводе. Охрана состояла из «инвалидов» и рабочих (!): «Это новость, что рабочие стали тюремщиками».

В знак протеста и с требованием освободить членов совета моряки Черноморского флота, обеспечивающие эвакуацию

ценных грузов, 22 апреля обстреляли Бердянск, причинив ряд серьезных разрушений. В местной газете было опубликовано обращение арестованных от 22 апреля. Они заявляли, что ни под каким предлогом не желают скрываться от суда, и просили матросов прекратить обстрел города. Высаживать десант и устраивать уличные бои матросы так и не решились. Как выразился руководитель антисоветского восстания Абальянц, мы и матросы искали возможности избавиться друг от друга. Пароход, который должен был вывезти из города хлеб, вывез через день их. Они убыли в Керчь, оставив «инвалидов» в городе еще более озлобленными. Судьбой арестованных комиссаров командир моряков А. Мокроусов не заинтересовался⁶⁰⁹. Спор между вступившей в управление городом городской управой и «инвалидами» о судьбе арестованных был разрешен приходом в город офицерского отряда полковника М.Г. Дроздовского, шедшего с Румынского фронта на Дон.

В записках Введенской четко выписана ключевая роль пришедшей публики в эскалации насилия. Свободные от лично окрашенных отношений пришедшие элементы, часто уже имеющие опыт насилия в этом конфликте, легко переходили ту черту, у которой еще спотыкались местные. Для дроздовцев, чуть ли не в каждом городе и селе по пути следования осуществлявших экзекуцию, это было уже рядовым событием.

24-го бердянских комиссаров расстреляли в Куцей балке, а 25-го Введенская поехала за телом Петра. Пуля разбила ему лицо, и после этого она забыла его живое лицо и потом уже никак не могла вспомнить. Всех расстрелянных похоронили в Бердянске в братской могиле. Собралась толпа угрюмых любопытных. Никаких речей не было, а ей хотелось сказать несколько слов о тех, кого бросают в яму:

«Мне хотелось сказать, что, кого мы сейчас похоронили, таких немного. Может быть[,] они были плохие работники, может быть они не умели обращаться с революцией и неумелыми руками лишней раз запятнали ее кровью. Но одно у них было неоцененное дарование, испугляющее, по-моему, все грехи их.

Это дар – ценить и любить младшего брата, не гнушаясь и не страшась его слепоты, темноты, невежества. Позже от многих хороших, ценных работников я слышала слово “хам”, такое гнусное, пришибающее человека к земле. Слово это часто бросалось по адресу рабочих и крестьян, когда они по неразумению своему творили ненужные оплошности. От наших-то погибших я никогда не слышала этого слова. Помню, как радовался каждый из них, находя проблески сознания в темных солдатских и крестьянских мозгах. Так может радоваться только мать, наблюдая в ребенке первый разумный взгляд, первое сознательное сочетание звуков голоса»⁶¹⁰.

Она тогда была больна: видение трупов в окровавленном белье ее не отпускало несколько месяцев. Кровавая деятельность в чека в ее сознании была связана с мертвецами из Куцей балки, но не мотивами мести. Для нее важнее роль чека в «санации» общества. Приведенный ниже отрывок из ее записок передает суть ее видения своей работы в этом органе.

«Увижу ли под горой в ямке, где столько уже перебивало трупов, новый вчера или сегодня попавший сюда [труп], и сердце сожмется, и какая-то странная связь между полем под Куцой и этой ямкой становится ясной и ощутительной и по времени будто близкой. И также бесцельной и ненужной кажется ямка эта с трупом, как тогда поле в Куцой. Не доказательно ни для кого, а только страшно, жутко. А работа моя все время вращалась около ямки этой. Следствие, материалы, стычки с товарищами, наводнившими вдруг коридоры и комнаты нашей чека. Бесстрашно сражалась я с ними, отстаивая на законных основаниях то или иное решение, но во мне не было такой уверенности в своей правоте как у них, и я быстрее их сдавалась.

Тамара была сильнее меня, она не колебалась, не сомневалась, как я, и легче было ей, чем мне, отстаивать свое мнение. Утомление безумное получалось в конце дня после такой работы. И часто думала я: брошу, уйду, зачем мне это, когда есть [другая] работа и по душе, и более полезная. Но останавливало потаенное чувство: хочу все видеть, все знать. И злой смерч

крутил меня и нес дальше и дальше по тропинке мертвыми окруженной»⁶¹¹.

Ее настроения – отражение распространенного тогда явления. В 1918 г. не было принято задумываться о пределе натиска на тех, кто попадал под категорию «контрреволюция». И причина этого была в убеждении, что противников революции маленькая кучка, и нужно быстро ликвидировать ее и перейти к созидательной части. Эти настроения легко можно встретить и в речах В.И. Ленина, и в обращениях Ф.Г. Подтелкова и многих-многих рядовых участников революции. Уже к 1920 г. сложилось понимание того, что в 1918 г. было проявлено чрезмерное увлечение террором.

Но в один вечер Введенская увидела гипертрофированное преломление своей работы и ушла из чека. Стремясь вызволить из рук махновцев арестованного по ошибке врача-акушера, она оказалась в банкетном зале Гранд-отеля на традиционном судилище, которое махновцы регулярно устраивали над арестованными. Этими арестованными с 99% вероятностью были евреи и офицеры, причем евреи, бедные как церковная мышь, а офицеры – инвалиды, давно уже не участвующие ни в каких армиях. Явная невиновность людей и издевательства, которым они подвергались в зале «суда» и до него (некоторых вносили в зал на руках, потому что ходить уже не могли) довели до истеки Введенскую и Тамару, и они попытались прямо в зале вырвать из рук истязателей одного старого еврея.

Затем в Введенской произошел надлом: «И глубоко-глубоко [мне] в душу зашел страх перед [этими] темными силами, и от страха этого не могла я отделаться до самого конца махновской власти в Бердянске. [...] ...После того вечера в Гранд-отеле мы с Тамарой понесли такую полуфилиантропическую ахиною в нашей почтенной чрезвычайке, что вскоре наши паркомы отозвали нас и дали нам другую работу»⁶¹². Тамару послали в собес для организации летних детских колоний, а Введенская занялась агитационной работой, тем более что приближались выборы в городской совет.

Но пацифисткой Введенская не стала. В июне махновцы оставляли из города, Тамара Бенуа уходила из города вместе с ними. А Введенская оставалась для подпольной борьбы. И она чувствовала себя готовой к новому этапу борьбы. Она так пишет об этом: «В голове мелькают привычные подпольные планы и комбинации. Значит снова за работу. Реализованные за три месяца советской власти идеи понемногу снова становятся отвлеченными формулами. Конкретные ужасы расстрелов понемногу теряют свою остроту и опять дают возможность легко думать и говорить о борьбе классов. И не страшна работа, когда думаешь о результатах ее. А результаты? А их нужно уметь видеть. [...] Успокоенная и счастливая я иду домой, чтобы с завтрашнего дня перейти на нелегальщину». Город покинул уже последний махновец, но деникинцы еще не вошли в него. Введенская ходит подвязавшись платком по-крестьянски, и ее никто не узнает. Она внимательно наблюдает и слушает. Она занята своеобразным мониторингом: «В уме подсчитываю, сколько за зиму нам удалось выудить заблудших. И снова вижу перед собой безбрежное море жизней, в которые следует вмешаться и направить в свое русло. В голове мелькают привычные подпольные планы и комбинации. Значит снова за работу. [...] Жаль, что Тамары не будет со мной»⁶¹³.

Этой фразой заканчивается рукопись.

Личность Тамары Бенуа не менее интересна. Если правильно определено ее место на генеалогическом древе семьи Бенуа, ее отцом был Николай Николаевич Бенуа – офицер-кавалерист, командир полка ахтарских улан. В 1890-е гг. он женился в Варшаве на урожденной баронессе Констанс Бремзен. У них было три дочери. Он умер в 1915 г. Задолго до смерти он разъехался с женой по причине несходства характеров. Вдова его и дочери, прожив войну в Киеве, эмигрировали в Берлин, где Констанс скончалась, а ее дочери вышли замуж и обзавелись семьями, пишет Александр Бенуа в мемуарах «Мои воспоминания» в главе 16 «Брат Николай». По-видимому, Тамара

слишком выбивалась из аполитичной семьи художников, и о ней предпочли забыть.

То, что речь идет о представительнице той самой семье Бенуа, следует из упоминания Введенской генерала Д.Л. Хорвата, чей портрет стоял в их квартирке на комодике при белых для рекламы и маскировки. Двоюродная сестра Тамары Камилла Альбертовна Бенуа (1878-1953?) была замужем за управляющим КВЖД генералом Дмитрием Леонидовичем Хорватом. Камилла Хорват упоминается в письме от 17 ноября 1916 г., написанном Тамарой революционеру-народнику Николаю Александровичу Морозову⁶¹⁴. Кроме того, Введенская писала, что Тамара очень хорошо рисовала, могла воспроизвести печать или подпись на документе, раз увидев ее.

В архиве народника Николая Александровича Морозова сохранилось письмо Тамары Николаевны Бенуа от 17 ноября 1916 г. Они познакомились в Крыму предыдущим летом. Проведший 25-лет в крепости Морозов произвел огромное впечатление на девушку. Но еще более сильное влияние на нее оказала тяжелая пневмония, которой она заболела осенью этого года. В своем письме из крымского курортного городка Судак она пишет старому народнику: «Как много я в жизни спала. Болезнь меня пробудила и так мне страшно, кажется, что все потеряно, уже поздно начинать. Ничего из меня не выйдет. [...] Мне кажется, что глядя на Вас, я научусь работать, и пойму к чему я способна»⁶¹⁵.

Это известный феномен, когда болезнь, пришедшаяся на период личностного становления, заставляет молодого человека почувствовать конечность жизни и задуматься о ее смысле, задаться вопросами, зачем и для чего он живет.

Вскоре случилась Февральская революция и вовлекла Тамару в деятельность, к которой она вдруг почувствовала влечение. Почему она примкнула именно к большевикам, как она попала в 1918 г. в Бердянск, неизвестно. Введенская пишет, волею судьбы.

Тамара была очень полезна для подполья: никому в голову не придет, что красивая женщина с такой фамилией и родственными связями будет заниматься политикой. Еще Введенская пишет: «Все товарищи наши очень дорожили ею и никогда не ставили ей в вину ее буржуазное происхождение, как сделали это позже в С. товарищи коммунисты. Она была оскорблена этим страшно». Какой населенный пункт скрыт под литерой С. – неясно.

О Тамаре известно из записок еще следующее. В Бердянске она встретила Уралова, одного из командиров-махновцев. Михаил Уралов, рабочий, матрос, анархист, в 1918 г. проявил себя среди руководителей «Черной гвардии» Московской федерации анархистов, затем оказался в армии Махно. С конца 1919 г. был адъютантом Махно, командиром одной из бригад⁶¹⁶.

На флот, как известно, брали грамотных и толковых парней. Уралов принадлежал к сложившейся к началу XX в. прослойке полуинтеллигентов: людей из рабоче-крестьянской среды, получивших образование в двухклассных городских и сельских училищах, занимавшихся квалифицированным трудом, стремившихся к новым социальным рубежам, но отсутствие внятных жизненных перспектив приводило их в протестный лагерь. Принадлежность его к этому социально активному слою доказывает его авторство книжки-памфлета «Кошмар» (М.: Почин, 1918), в которой он разоблачал большевистский террор по отношению к анархистам. Даже беглое знакомство с текстом Уралова показывает, что у матроса хватало словарного запаса, чтобы передать горечь разбитых надежд, хотя и не без характерного для флотских братишек пафоса:

«Ужасом веет от страниц дикого разгула самодержавия. [...] Но за призыв к любви, за жажду свободы сотни жизней погибли в сырых казематах... А народ шел, кровью своей обогрив путь, и, умирая, он протягивал свои мозолистые руки к свету, к правде, к любви. [...]

Пало самодержавие. Светлая, бескровная страничка русской революции. А потом?

Борьба партий, борьба за власть, за право насилий, расстрелов, казней. Снова, как в старые, былые годы струится кровь по желанию безвестных лиц, получивших диплом, право распоряжаться жизнью неугодных для власти людей. Снова жуткие пытки, застенки, таинственные расстрелы».

В июле 1919 г. перед повторным приходом денкинцев Тамара ушла из Бердянска вместе с Ураловым. В 1922 г. ее уже не было в живых. Она не погибла, а умерла. Вероятно, она стала жертвой тифа.

Записки левой эсерки Введенской представляют собой образец полной честности человека перед собой и перед своим прошлым. Французский ученый Филипп Лежён уподоблял процесс написания автобиографии процедуре психоанализа, где автор текста сам становится своим психоаналитиком, поэтому автобиографию он считал формой выражения не только собственно индивидуального, общечеловеческого сознания, но и гендерного⁶¹⁷. В результате поиска общих для женских воспоминаний черт оказалось, что они действительно выстроены по особым законам. Женское сознание склонно оценивать частности, в этом его отличие от мужского панорамного взгляда на события. Отличием женских воспоминаний является конкретность, в них преимущественно описывается повседневная жизнь. Они чрезвычайно информативны за счет деталей; более полно передают не только гендерные, но и общие массовые настроения. Женский эго-нарратив еще более внутренне ретроспективен, чем мужской. В нем более бережное отношение к воспоминаниям юности, как правило, имеющим для них ярко окрашенную интимную окраску.

Введенская принадлежала к той особо запомнившейся белоэмигрантским авторам группе женщин, которые стояли во главе местных чека. Ей, молодой интеллигентной женщине, приходилось искать способы разрешения противоречий между моральными установками и неумолимыми, как ей казалось, законами революционного процесса. Становится очевидным отсутствие у нее и патологической кровожадности, и психических

отклонений. Она пережила острое негодование по поводу садистских расправ, которые пришлось ей наблюдать у махновцев, делившими в тот период власть в городе с другими социалистическими партиями. Последовавшие за этим попытки сделать и собственное «ведомство» более гуманным привели к ее отстранению от руководства чека.

Эмигрантские авторы связывали белый террор с чувством мести, которое переживали многие участники Белого движения. Записки Введенской показывают, что в случае с идейными революционерами это было иначе. Смысл революционного насилия они видели в необходимости подавления сопротивления несогласных, а также в понимании того, что народные массы, привлеченные под знамена революции, будут стремиться расквитаться, прежде всего, со своими личными врагами, а не с врагами советской власти, но считали это вынужденной платой за их участие в вооруженной борьбе с контрреволюцией.

Расстрельно-эвакуационный синдром: случаи казни советских комиссаров в 1918 г.

Расстрел 26-ти бакинских комиссаров время от времени продолжает привлекать к себе внимание исследователей, журналистов, но и политически активных обывателей. Интерес прежде всего касается того, кто отдал приказ об их казни, и обстоятельство самой экзекуции. Почти все, что пишут об этом, являются вариациями нескольких хорошо известных версий. Только появление новых документов (даже трудно предположить, где они могут быть обнаружены) может добавить аргументы для какой-либо из них.

Их гибель является самым известным, но далеко не единственным событием такого рода в истории 1918 г. К более раннему времени относятся казни комиссаров Бердянского (24 апреля) совет, комиссара Туркестанского совнаркома (22 июля) и 9 комиссаров Закаспийской области (24 июля). В ноябре 1919

г. после отступления советской власти был казнен в полном составе исполком Пинежского совета.

Поиск общего в этих событиях может быть позволит увидеть историю «26-ти» в другом свете.

Наблюдавших последние дни «26-ти» на Апшеронском п-ве было немало. Желая участвовать в увековечивании истории, они оставили немало свидетельств об этом времени. Спустя годы их немало удивила официальная версия событий, вошедшая в учебники и увековеченная в художественных произведениях в стиле соцреализма. В 1967 г. участник событий 1918 г. в Баку П.А. Прокофьев после просмотра фильма «26 бакинских комиссаров» написал письмо в Бакинский комитет КП Азербайджана. Он не узнал событий, участником которых был. Для усиления драматизма сюжета в фильме были показаны пылающие нефтяные вышки, чего не было, иначе бы «все в Баку пропало», писал Прокофьев. Тюрьма в Красноводске была на самом деле маленьким домиком, а не большим капитальным зданием как в кино⁶¹⁸.

В 1920-е – начале 1930-х гг. они не раз возвращались к судьбе «26-ти» в выступлениях на вечерах воспоминаний и в письменных текстах, написанных для Института истории партии им. Шаумяна. Они немало противоречили друг другу, ошибались и путали, иногда сознательно недоговаривали и вносили изменения в свои рассказы, но в итоге представили атмосферу города, раздираемого партийными, национальными и внешнеполитическими противоречиями.

Большинство из авторов использованных меморатных текстов не сделали головокружительной карьеры после установления советской власти. Они остались моряками, машинистами, нефтяниками, многие стали пенсионерами. Среду революционных небожителей они воспроизводили, трепеща от понимания своей причастности к мировой истории – добросовестно, домисливая совсем немного.

Участники вечеров воспоминаний неоднократно возвращались к этим событиям, пытаясь дать им объяснение. Бывший

рабочий-механик мастерских Нобелей в Балаханах Павел Васильевич Первушин полагал, что основания мартовского конфликта заложены как минимум шамхорским погромом солдатских эшелонов в декабре 1917 г. Тогда и появилась у русских настороженность к мусульманским отрядам. Когда из Ленкорани прибыл отряд так называемой «дикой дивизии» для участия в церемонии похорон сына Тагиева, то это было воспринято как подготовка свержения власти совета. А когда «дикая дивизия» убила на Шемахинке четырех кавалеристов из красногвардейского отряда, объезжавших город, это недоверие перешло во враждебность⁶¹⁹.

Комиссар бронепоезда №2 Бакинского совета Николай Васильевич Чекрыжев упоминал курдские повстанческие отряды, которые создали в Баку особо напряженное положение и были опорой мусаватистов и националистов. Это напряжение и стало причиной мартовских событий. Он также упоминал 36-й Туркестанский полк, прибывший из Персии накануне мартовских событий, который пытался заставить армянские отряды прекратить бои. Сначала уговоры, потом угрозы. В конце концов Солнцев расстрелял двоих армян, после чего попытки продолжать бои были приостановлены, а к вечеру было достигнуто перемирие (1933)⁶²⁰.

Мартовские события 1918 г., а именно: тюрко-армянское столкновение, при котором армяне как имеющие перевес в организации и вооружении, оказались более агрессивной стороной, можно считать событием, которое, несмотря на победу отрядов Баккоммуны, начало отсчет ее времени.

М. Сванидзе, в начале своей революционной деятельности анархист-коммунист, потом большевик, в мемуарах «Кое-что из недалекого прошлого. Воспоминания времен гражданской войны» (1928) видел причину этих событий в чрезмерной либеральности Баксовета: «Надо признать, что в Баку Соввласть не проявляла обычной своей твердости и стойкости. Это вполне понятно, у нас не было своих традиций и прошлой практики. [...] Именно этой слабостью Советов и объясняется то,

что мусаватисты явно вышли из подполья и вызвали советы на борьбу. Они организовали так называемый «отряд беков», хорошо вооруженные части которых 17 марта 1918 г. явились в Бакинский порт для отъезда в Ленкорань»⁶²¹. По пути в порт отряд вел себя демонстративно провокационно. Случайно в порту оказался небольшой отряд Красной гвардии Баксовета, который возмущившись хулиганскими выходками «отряда беков», выступил против него. Это стало поводом дальнейшего развития событий: «Они смогли спровоцировать отсталую и темную тюркскую массу и на другой день 18-го марта они в татарской части города с утра начали вести военные приготовления: разрушали мостовые, снимали телефонные столбы и строили баррикады». К этому моменту начались переговоры между мусаватистами и Соввластью. Между прочим, мусаватисты требовали возврата «отряду беков» отобранного у них оружия, смены некоторых должностных лиц в Баксовете и т.д. В общем все требования сводились к тому, чтобы советы отказались бы от власти и передавали ее мусаватистам.

Совет не был подготовлен к такому повороту дел и несколько растерялся. В это время выяснилось, что Дашнакцутюн тайно зорко следил за вооружением мусаватистов и сам тоже лихорадочно вооружался. Поэтому в распоряжении совета оказались «случайно задержавшиеся в Баку» армянские национальные полки, достаточно вооруженные и испытанные в боях. И совету ничего не оставалось как использовать их вооруженную силу.

Вечером 18-го марта начались бои. Бои продолжались 19 и 20 марта. К полудню 21 состоялось перемирие. Одни мусаватисты были разоружены, другие отступили к Баладжарам в сторону наступающих из Дагестана отрядам. По утверждению Сванидзе погромный характер столкновений стал известен уже после прекращения уличных боев. Но «начавшиеся в рядах правительства разногласия по этому вопросу были затушеваны», потому что было уже «поздно».

Овчиян внес несколько интересных дополнений в череду событий середины марта. Во-первых, отряд, который оказался на пристани во время погрузки, был отрядом Ананченко. Он блокировал пароход «Эвелина», на который шла погрузка, с судна был открыт огонь. Во-вторых, частью конфликта было убийство мусаватистами делегации Баксовета – Дружинкина, докторов Атарбекова и Тагиева, муллы Ахундова и одного матроса. Тагиев и Ахундов были убиты на месте, у Денежкина были перебиты ноги, он скончался через два часа. В ответ в заложники была взята масса мусульман, которые содержались в цирке «Рекорд», в кино «Эдиссон», в оперном театре, в доме Меликова, и охранялись дашнаками. Военно-революционный комитет приказал принять охрану их на Красную гвардию. Тогда же наложена была 50 млн. контрибуция (1929)⁶²².

Мхитарьян подчеркивал, что резня проходила только в городе, а в рабочих районах контроль за ситуацией был в руках местных рабочих отрядов. Кроме Сураханского р-на, где не получилось обезоружить мусаватистов, и тем удалось уничтожить местный рабочий отряд⁶²³.

Житель Ленкорани Поминов отметил еще одну деталь. В порту шла погрузка для отплытия в Ленкорань на пароход «Александр Жандр» советского батальона и на «Эвелину» – дикой дивизии. Между ними произошла небольшая перестрелка, но уже через час, в 6 часов вечера, в городе начался сильный бой⁶²⁴.

Этот всплеск насилия породил новые трудности для Баксовета. Во-первых, фронт с дагестанскими полками, двинувшимися на помощь единоверцам. Во-вторых, общее ухудшение криминогенной ситуации в городе. Даже днем бывали нападения и грабежи. По ночам нельзя было выйти на улицу. Третье, в городе обострилась до крайности ситуация с продовольствием. Как пишет Сванидзе, руководство города пило вместо чая горячую воду, сахар и хлеб к ней были редкостью⁶²⁵.

При АДР была издана брошюра «Почему большевики не удержали власти в Баку», подписанная М.П.⁶²⁶ Заявив в начале

книжки, что комиссары сами сбежали от власти, от трудностей, причиной которых сами и были, бросили город под ударами турок, автор привел целый ряд фактов их хозяйственной беспомощности и непредусмотрительности. В частности, попытка введения продуктовой монополии, чтобы контролировать население города, привело к потере даже того, что удавалось вывезти с Северного Кавказа. Небывалый урожай Муганской степи практически сгнил на корню, потому что была провалена попытка организации централизованного сбора урожая. В брошюре широко цитировались деятель Бакинской коммуны и ее критики. Как писал в отношении проведения уборочной кампании комиссар по продовольствию правительства диктатуры Центр-окаспия А.В. Рохлин: «То, что нужно было быть сделано в начале весны, делалось в начале лета. Стали готовить серпы, когда хлеб осыпался, выделывать косы, когда сено сгнивало». И сколько денег было потрачено на многочисленные продовольственные организации: «В очень тяжелое положение попадает всякий, кто идет работать в комиссариат. Обилие мандатов с самыми широкими полномочиями, предоставляемыми часто людям несведущим, а иногда и нечистоплотным ... давались должности для лишних и ненужных людей... ужасное состояние продовольственных складов... все это наделило учреждение вполне заслуженной славой интендантства времен японской войны». О том же писал и Алёша Джапаридзе: «У нас существует несколько дюжин (одних) контрольных и следственных комиссий, что сам черт ногу сломит» (Известия. №114). Комиссар по урожаю из Ленкоранского у. Абезгауз сообщал из Ленкорани: «С большим трудом удалось собрать 350 лошадей. Солдаты из 2-го батальона перехватили лошадей и часть их продали. Когда мы собрали быков, солдаты их перехватили и частью продали, частью съели». Шаумян признал, что к ним в правительство идет всякая шваль (отчет заседания СРД // Известия. №117).

Альма Вильмут, сотрудница Института истории партии, председательствующая на вечерах воспоминаний, была и сама

деятельницей Бакинской коммуны, поэтому часто верно задавала вопросы. В 1932 г. она пыталась выяснить, справедливы ли обвинения Рохлина, Цибульского и др. о том, что привезенный с Мугани хлеб и сено сгнил на шендрикховской пристани. Выступающие нехотя признавали, что такие факты были, правда, дело касалось хлеба, привезенного с Северного Кавказа. Зато охотно вспомнили, что и Цибульский, и Рохлин были замешаны в темных делах с продовольствием в период АДР, и Цибульский был даже расстрелян за это. А при Баккоммуне единственный чиновник, ответивший за упущения в работе, был комиссар Киреев, расстрелянный за дезорганизацию финансового дела⁶²⁷.

В 1927 г. сын Степана Шаумяна Сурен, анализируя историю Баккоммуны, пришел к выводу, что главной причиной ее падения были не проблемы тыла, а слабость армии, оборонявшей город от турок.

В вышеупомянутой брошюре М.П. дается характеристика отрядов Баккоммуны. В армию людей гнал голод, там помимо жалования получали полфунта хлеба. А винтовка в руках соблазняла возможностью безнаказанного грабежа населения. Собранная на таких основаниях армия не отличалась ни дисциплиной, ни отвагой. Солдаты не знали никаких воинских приемов – не рыли окопов, не искали позиций для артиллерии и пулеметов, раненых бросали. Как отмечали и другие очевидцы и участники, война велась непрофессионально: отряды уходили с фронта ночевать домой (Г. Блюмин). Для иллюстрации нравов в брошюре приводятся слова будущего члена исполкома Диктатуры Центрокаспия эсера А. Велунца: «...На фронте солдаты никого не слушают, не подчиняются приказаниям... Солдат солдату продает кружку воды за 6 рублей. Во время панического бегства, маленький кусочек хлеба продавали по 10 руб. Пачка папирос продавалась по 15 рубл. Если кто-нибудь заболит, то никто даже не обернется, не поможет ему. “Товарищи, – говорил Велунц, – я был солдатом и при старой армии, и тогда в армии было теплое отношение солдат друг к другу. Правда, тогда мы называли друг друга не товарищами, а земляками, но

никогда нельзя было наблюдать такой картины, какую вы видите здесь»⁶²⁸. М.П. также обвиняет большевиков в том, что они завидовали и клеветали на Бичерахова, выживая его с фронта. Примечательно, что близкие суждения и у М. Сванидзе, но только о том, что комиссары были убеждены в несовместимости пребывания их и Бичерахова в одном лагере⁶²⁹.

Сурен Степанович Шаумян отметил в своем докладе на вечере воспоминаний 11 мая 1927 г., что позиции Баксовета на флоте⁶³⁰ были совсем плохи, и процитировал письмо комиссара Каспийского флота Кузьминского: «Партийной работы на флоте не велось, флот все время болтался в персидских водах. Матросы занимались контрабандой, перевозили из Персии рис, сушеные фрукты, из Мугани муку, общались с бичераховскими агентами. Кроме того, личный состав флота был плох. Если матрос как-нибудь провинился в Черноморском или Балтийском флоте, то в виде наказания он ссылался в Каспийский флот. Еще до революции личный состав Каспийского флота был хулиганским»⁶³¹. Кроме того, комиссар Кузьминский считал, что нужно разогнать офицерские школы и Центрокаспий, но ничего сделано не было.

Похожая оценка флота содержится в ряде других выступлений. Бывший военмор Сибирской флотилии, а затем комиссар Каспийского флота (?) Петр Михайлович Пендюрин, сменивший фамилию после революции на Казбеков, в 1931 г. дал характеристику настроениям моряков Каспийской флотилии. Каспийская флотилия состояла из двух канонерок и нескольких сторожевых судов. В политических событиях ее моряки принимали слабое участие в связи с тем, что, неся пограничную службу, и при царе занимались контрабандой и спекуляцией. После Февральской революции это приобрело открытую форму. Они привозили из Персии фрукты, вино, валюту, которая пользовалась спросом в отличие от керенских денег. Многие из матросов вызвали в Баку свои семьи и наладили в городе и домашний быт, и контрабандный промысел. Поэтому они от-

казались покинуть вместе с коммуной Баку и свою золотоносную службу⁶³².

Аветисян и Фаро (Фарандзема) Минаевна Ризель-Кнунянц (1885-1980), выступившие на собрании, где заслушивался доклад С.С. Шаумяна, сошлись на мнении, что для Баккоммуны была характерна оторванность от масс, отсутствие реальной опоры – ни в виде своей вооруженной силы, ни в виде заводских и промысловых ячеек. Действительные настроения рабочих были коммунарам неизвестны. Расчет был на личное обаяние вождей⁶³³. В этот день прозвучало и мнение Сиротина о циклах власти, тут же правда, зашиканное присутствующими. Он заявил, если бы мы потерпели поражение в марте, то в июне-июле рабочий класс прогонял бы уже мусаватистов, и советская власть опять восторжествовала⁶³⁴. Его суждение при всей оригинальности не беспочвенно, население в те годы всегда ненавидело действующую власть, а ее конкурентка казалась способной решить все проблемы.

Как писал бакинский большевик А. Эссен в очерке «Падение советской власти в Баку в 1918 г.», датированном 1922 г., судьба 26 бакинских комиссаров решилась не 20 сентября, а двумя месяцами раньше, когда 25 июля 1918 г. на чрезвычайном заседании Бакинского совета решился вопрос о приглашении англичан и создании коалиционного правительства. А. Эссен воспроизводит, не указав источник, речи С. Шаумяна накануне голосования резолюции о приглашении англичан в Баку, и после голосования. Шаумян, говоря о сдаче Баку англичанам, считает, что прямое вовлечение города в события идущей войны. Он придерживается позиции Ленина и считает, что страна не готова к продолжению войны, что приглашение бывших союзников – это потеря независимости. Меньшевики и эсеры хотят, чтобы Англия на территории России вела войну против Германии, при этом, не вмешиваясь во внутренние дела. А будет ли так? Они будут умирать за нас, уважая нашу независимость, спрашивал он. Шаумян проанализировал положение на фронте и заявил, что причина неудач усталость отрядов Баксо-

вета, а не сила турок. Они делали ставку на организацию отрядов из местных мусульман, но регулярной армии из них не получилось. Они способны не к фронтовой деятельности, а к бандитским вылазкам к железной дороге. Известно, что у турок около 200 чел. конницы и менее 2 тыс. пехоты, т.е. значительно меньше, чем численность отрядов Баксовета. Известно, что англичан около тысячи в Реште, и думать, что они переведут в Баку существенные силы, будет заблуждением.

С перевесов в 23 голоса (236:259) прошла резолюция эсеров о приглашении англичан и создании коалиционного правительства. Шаумян выступил со второй речью: когда вам нужно было русское оружие и русские деньги, вы использовали меня, чтобы я обращался к Москве; теперь вы хотите использовать англичан.

Заявил о выходе из правительства, потому что сборное правительство не сможет работать в экстремальных условиях, погрязнув в межпартийных дразгах. Это возможно на съезде, но не в таком техническом органе как правительство. Назвал случившееся голосованием «по недомыслию», ведь не далее как вчера дашнаковцы на своей партийной конференции заявили о признании советской власти в России и в Баку. А моряки всегда за советскую власть, а тут – против⁶³⁵.

По утверждению Качаева в роковой день заседания расширенного совета в зал дашнаки провели много людей, не имевших мандата, поэтому они и получили перевес в 30 голосов в свою пользу. Однако никто не ожидал, что Шаумян и другие лидеры Баккоммуны заявят о снятии с себя всей ответственности⁶³⁶. О пришедших без мандата упоминал и Г. Блюмин, но в его версии это были пьяные моряки, которые были готовы привезти из Энзели англичан. Тер-Аракелян просил большевиков не уходить, сотрудничать и вместе оборонять Баку. Но Шаумян заявил, что с империалистами бок о бок воевать не желает⁶³⁷.

На следующий день большевики перебрались на Петровскую площадь и окружили себя пушками и пулеметами. И в пе-

риод с 25 июля до 15 августа в городе установилось новое двоевластие: все пристани и при морские районы находились под контролем большевиков (ее называли власть Петровской площади), остальная часть города – у Центрокаспия. На Петровской площади располагался отряд Г.К. Петрова⁶³⁸. При наступлении турок Петров вывел с пароходов орудия и установил их на этой площади, у Сальянских казарм и у электростанции на Баилове.

Хронология последующих событий не слишком точна. Мемуаристы путают даты, авторитетные советские издания (в данном случае «История Азербайджана» в 3 тт., 1963) часто уходят от точной датировки событий, что само по себе примечательно. Разумеется, существует и общепринятая версия событий. Попытки привязать к ней сбивчивые ветеранские воспоминания далеко не всегда оказываются удачными, когда она не согласуется с так называемой качественной стороной описываемой цепи исторических событий, если они выстраиваются автором в причинно-следственный ряд.

Одной из таких проблемных зон является дата появления отряда Петрова в Баку. Общепринятым считается 19 июля. Но в ряде воспоминаний как-то определенно указывается, что сначала было принято решение об эвакуации, а потом только прибыл отряд Петрова⁶³⁹. Несмотря на его боевую оснащенность, было ясно, что и с ним Баку не удержать. Наверняка можно судить, что это произошло не позднее 5 августа 1918 г., когда отряду с помощью своей артиллерии удалось отбить второй штурм города турками⁶⁴⁰.

Хотя иногда пишут, что отряд Петрова воевал на фронте, но симптоматичны фразы типа «Петров воевал-воевал со своей батареей», а потом заявил, что не желает сражаться бок о бок с теми, с кем ведет отчаянную борьбу советская власть, и потребовал отправки в Астрахань (В. Бойцов, 1925)⁶⁴¹. Из этого можно предположить, что активность отряда Петрова в Баку действительно ограничилась деятельностью его артиллерии.

Члены Бакинского СНК Шаумян, Джапаридзе, Корганов, Зевин, Фиолетов, Везиров и Азизбеков продолжали оставаться на свободе и обсуждали вопрос, как переправить войска в Россию. Предлагалось сначала отправить отряды, потом уехать самим. Затем Шаумян заявил: я никуда не поеду, что скажет обо мне пролетариат Баку; мы не можем бросить бакинский пролетариат, наш долг быть с ним. В 1927 г. Аветисян назвал эту позицию политическим сентиментализмом⁶⁴².

10 августа была созвана партийная конференция большевиков по вопросу эвакуации в Россию. Дилемма заключалась в выборе между добровольным уходом или началом вооруженной борьбы с Центрокаспием. Некоторые из участников высказались за ошибочность выхода из правительства, что надо было дожидаться перелома настроений и прибытия войск из Петровска и захватить с их помощью власть. Но большинство считало, что этот сценарий положит начало гражданской войне в самом Баку (А. Эссен, 1922; Захрабов, 1923; и др.)⁶⁴³. Шаумян в своем докладе обосновал невозможность второго варианта в связи с близостью турок, скорым приходом английского отряда, а также антибольшевистской позицией моряков Каспийского флота. По сообщению Качаева мотивом отказа от попытки захвата власти была уверенность, что «без хлеба рабочие их [Диктатуру Центрокаспия – О.М.] снесут опять»⁶⁴⁴. И конференция проголосовала за предложение Малыгина немедленно выехать в Астрахань или Порт-Петровск⁶⁴⁵.

Из текста воспоминаний члена армянской революционной партии «Гнчак» Багдасара Овчяна явствует, что население раздражали планы комиссаров покинуть город. 31-го июля толпа окружила автомобиль с Ваней Фиолетовым⁶⁴⁶, который ехал на пароход, с криками: вчера слушали ваши речи, а теперь удираете! Его выручил командир отряда Н. Ананченко, сказавший, тов. Фиолетов едет со мной на фронт⁶⁴⁷.

Причиной нервной реакции населения на отъезд комиссаров могло быть и отбытие двумя неделями раньше отрядов Бичерахова, которые не только оставили 30 июля фронт, но и

захватили хлебный транспорт, который шел в Баку из Порт-Петровска (Качаев, 1920-е гг.)⁶⁴⁸.

15 августа коменданты кораблей получили конверты с надписью вскрыть у о. Жилого, и часов в 8 вечера двинулись на Астрахань при совершенно тихой погоде. Караван состоял из 17 нагруженных пароходов, из них 12 занимал отряд Петрова, вывозивший свое имущество – артиллерию, коней, боеприпасы (В. Бойцов, 1925)⁶⁴⁹. Пароход «Аршак» с бакинской дружиной имел в трюмах взрывчатые вещества. Один из пароходов вел шхуну «Шексна» с броневиками на борту. Кроме транспортных судов в караван входил переделанный в военное судно бывший грузовой пароход «Орлик», имевший пушку. Ходившие слухи, что присоединится и «Карс», оказались ложными. На пароходе «Авестик» находились зенитные орудия. Это давало повод думать, что защита есть. На пароходе «Магомедие» находились Фиолетов, Басин, Солнцев, Джапаридзе; на «Иване Колесникове» – Шаумян, Карганов, Павел Зевин. Капитан этого судна при отходе от пристани зацепил за пирс, и потому задержался. Первушин писал, что все были убеждены в злом умысле⁶⁵⁰. Ночью поднялась буря. Суда укрылись у о. Нарген. На рассвете появились канонерки «Ардаган», «Карс», посыльные суда «Астрабад» и «Геок-тепе». Они приняли боевой порядок. Стало ясно, что пришли обезоруживать.

По-видимому, колебания продолжались и на борту. Об этом свидетельствует история первой эвакуации из Баку. Если некоторые мемуаристы указывают на непогоду как причину многодневной задержки, то другие более определенно выражают свое недоумение по ее поводу. Так, Михаил Сванидзе писал: «Советская власть высказала столько наивности, что оставила город в руках противников, нагрузилась на 13 пароходов. Четыре дня эти пароходы стояли в Бакинском порту. В это время в городе происходили митинги». На этих митингах схлестнулись сторонники соввласти, которые считали недопустимым оставление города советом в такую тяжелую минуту и требовали возврата, и противники, находили возвращение излишним. С

пароходов было передано обращение, в котором комиссары обещали вскоре вернуться и расправиться с врагами. Оказывается, Джапаридзе верил, что по дороге в Астрахань они встретят высланные советские вооруженные силы и вернутся с ними в Баку⁶⁵¹. Конечно,

Того, что будет погоня, никто не ожидал, писал Тамаркин⁶⁵². Она была начата по распоряжению Бичерахова, писал Казбеков (Пендюрин); военной стороной операции руководил есаул В.Г. Воскресенский, член Временного исполкома Диктатуры⁶⁵³. Переговоры с правительством Центрокаспия продолжались два дня. Затем с «Астрабада» передали ультиматум – 18-го к 4 часам дня вернуться в порт. Ананченко крикнул, если кто вздумает, будет расстрелян. Шаумян, Джапаридзе и Карганов объезжали все пароходы и советовались, как поступить. Дружинники были даже готовы на баркасе «Лейля» под видом переговоров подплыть к военным кораблям и забросать их гранатами, но Шаумян и Джапаридзе не согласились. Восторжествовало мнение, что лучше погибнуть, чем сдаваться. Через несколько часов после отказа сдаться начался обстрел; первый залп дал «Ардаган». Началась паника.

На «Аршаке» находились пушки, но они не были прикреплены на палубе из-за чего и не были пущены в ход. Но главное, что удерживало погруженную на это судно дружину от участия в артдуэли, то, что «Аршак» был набит порохом. Команда «Орлика», имея одну пушку, готова была сражаться с канонерками, но на ее борт поднялись Шаумян, Джапаридзе и после совещания решили тоже сдаться, чтобы не увеличивать жертвы.

На пароходе «Колесников» вдруг взвился белый флаг. Потом оказалось, что командир «московского» (?) отряда снарядом был разорван на куски, и члены этого отряда тут же подняли бучу, требуя сдачи, а один из них взобрался на мачту и прикрепил там свою рубаху. Сурен Шаумян, один из бакинских дружинников, залез на мачту и снял ее.

С парохода «Колесников» стали выгружать на шлюпки женщин и детей. Одна из шлюпок была вдребезги разбита прямым попаданием. Началась неопишуемая паника.

На пароходе «Магомедие» комендантом был Солнцев, который, стоя с револьвером на мостике, заявил, что не допустит никаких белых флагов. Однако вечером с согласия всего каравана был поднят белый флаг. Суда два дня простояли у Наргена. Потом пришел приказ: по одному подходить к пристани для разоружения.

Шаумяну предлагали уплыть на лодке, но он отказался, но уплыли и так спаслись Шеболдаев и еще человек десять⁶⁵⁴.

Некоторые суда, напр. «Аршак», воспользовавшись темнотой, попытались уйти в море, но его поймали прожекторами и принудили вернуться. Другие суда возвратились в порт после того, как простояли стояния у о. Жилого в ожидании каравана в течение нескольких дней.

Тамаркин, находившийся на быстроходной шхуне «Самарканд», дал приказ вернуться, увидев, что суда, груженные военным имуществом, повернули назад, хотя шхуна могла свободно уйти в море. Сойдя на берег и не будучи арестованным, он прошел со своими людьми – казаками и моряками – в здание диктатуры Центрокаспия и устроил скандал⁶⁵⁵.

Варначев, Арвеладзе, Нерсесов, Первушин и др. были разоружены, пересажены на другой пароход, и только 27 августа после долгих переговоров они отплыли в Астрахань, куда прибыли 1 сентября⁶⁵⁶.

Трем пароходам таки удалось покинуть акваторию Бакинского порта спустя две недели. Вначале «Юсуф Нагиев», «Черный город» и «Аршак» были превращены в плавучие тюрьмы, где содержались разоруженные бойцы из отряда Петрова и Бакинской дружины Ананченко. Ходили всякие слухи, но потом пришел приказ двигаться в Астрахань. Было известно, что там восстание казаков против советской власти, уличные бои. Было выдано по 2 фунта хлеба на человека. Суда сопровождал «Ардаган», который должен был помешать их пассажи-

рам высадиться в Порт-Петровске, где были красные. Через четыре дня прибыли в Астрахань, там еще шли бои⁶⁵⁷.

В приказе Диктатуры Центрокаспия говорилось, что 18 августа 1918 г. с парохода «Иван Колесников» комиссары Бакинского совета сняты «за попытку к бегству без сдачи отчета об израсходовании народных денег, за вывоз военного имущества, измену и прочее»⁶⁵⁸.

Бывший казначей главной кассы Революционно-военного комитета М. Варначёв дал своеобразный ракурс в изображении этих событий. Несмотря на объявление об отказе от власти, реально она еще находилась в руках большевиков до 30 июля 1918 г. Бакинский СНК отдал приказ об эвакуации ценностей казначейства. В ночь на 30 июля Варначев с целым рядом уполномоченных по финансовым вопросам: комиссаром Банка Эрзиканом, комиссаром казначейства, Арвеладзе, казначеем полевой кассы, к утру погрузили 72 млн. в банкнотах царского и Временного правительств на пароход «Эвелина»⁶⁵⁹ и в 5 часов вечера стали отходить от пристани⁶⁶⁰. О том, что караван увозил деньги и ценности из Госбанка писал и Муса Манеров. Он лично участвовал в их перевозке в порт⁶⁶¹.

После возвращения в порт груз был сдан караулу Центрокаспия, а все причастные к вывозу ценностей арестованы. Арестованных освободили 8 августа для дачи финансового отчета Диктатуре Центрокаспия⁶⁶².

Эюб Ханбудагов⁶⁶³ подтверждает, что эвакуация денежных средств началась сразу же после «отречения» комиссаров. 28 июля Маркарьян унес всю кассу Управления водного транспорта на пароход «Эвелина». А рабочие на следующий день стали требовать от Ханбудагова как заведующего финансовым отделом Управления двухмесячного оклада авансом. Пришлось ходить на пароход за деньгами. Было выдано 300 тыс., но и этого оказалось мало. Председатель Союза водников Федор Губанов сидел на пустом денежном ящике в комнате Союза и, по словам Ханбудагова, «очень горевал». Напор рабочих по поводу выдачи денег авансом усиливался. Ханбудагов обратился к

Ермакову, председателю Центрокаспия, за открытием кредита в полтора миллиона руб. для Управления, и получил согласие на это. Но и этого мало. Рабочие и служащие, предчувствуя время нестабильности, требовали денег. Ханбудагов добился у Маркарьяна требования на получения денег у кассира, который находился на «Эвелине». На баркасе Ханбудагов отплыл на пароход, стоявший на якоре посреди бухты. Кассир выдал ему деньги, что увидели матросы парохода и сообщили комиссару Жарикову. Жариков арестовал и Ханбудагова, и деньги, а самого Ханбудагова отправил в Центрокаспий. Как потом рассказал Ханбудагову некий матрос Азиз, деньги разошлись по рукам матросов. Комментарии моряков были такими, вот, где хранятся деньги, значит, для себя берегли⁶⁶⁴.

По сообщению одного из первых бакинских комсомольцев Бархашева деньги из государственного казначейства хранились в 1919 г. у эсера Евангулова, и он раздавал их кому угодно, прося взамен лишь расписки. Бархашев лично видел у него на столе целый ворох расписок, среди просивших организаций были организация сестер милосердия, союз инвалидов и др. Евангулов был расстрелян в 1920-е гг.⁶⁶⁵

Казбеков (Пендюрин) писал, что, сидя в Баиловской тюрьме коммунары были уверены в том, что рабочие заставят «диктаторов» их освободить, тем более что во время перевыборов Бакинского совета некоторые из заключенных были вновь выдвинуты в состав совета. Заключенные вслед за Шаумяном вели себя вызывающе: отказались от показаний, заявляли, что не видят в Баку рабочей власти. Кроме того, из Астрахани приезжал на пароходе «Севан» т. Ларионов⁶⁶⁶ для ведения переговоров об обмене заключенных. Следствие по их делу вел следователь Жуков, назначенный еще при Бакинском СНК.

К середине сентября было ясно, что Центрокаспию город не удержать, и началась эвакуация. Есть версия, что деятелей Баккоммуны планировалось оставить в тюрьме. Так или иначе, 14 сентября в 10-11 часов вечера арестованные были освобождены по записке, подписанной А. Велунцем и А. Тер-

Карапетяном, которую Микоян принес зам. председателя Чрезвычайной следственной комиссии правительства Диктатуры Центрокаспия Льву Далину. Там предписывалось обеспечить посадку большевиков на пароход «Севан», командир которого получит распоряжение о дальнейшем следовании. Микояну была придана дружина из 12 чел. для охраны комиссаров при посадке на пароход. Все коммерческие суда были уже переполнены, и чтобы спастись от новых волн штурмующих пароходы отошли за Нарген.

Когда комиссары прибыли в порт, «Севан» уже отошел от пристани как переполненный пассажирами. Он, как и многие другие ушедшие пароходы, благополучно прибыл в Порт-Петровск. На одном из них эвакуировались и члены Диктатуры Центрокаспия. И комиссары сели на пароход «Туркмен», стоявший на соседней пристани. Агамиров склонял капитана идти в Астрахань, используя угрозы и подкуп, то тот отказался, ссылаясь на недостаток воды и топлива. От Порт-Петровска как цели похода отказались, т.к. там «сидел» Бичерахов. В это время в Красноводске была власть стачкома во главе с «бандитом Куном, работавшим на два фронта и с нами, и с эсерами Асхабада» (оценка В. Бойцова, 1925). Именно он дал приказ об аресте видных пассажиров парохода «Туркмен». Кун связался с Центрокаспием, ушедшим вместе с Бичераховым в Петровск, высказав соображение: их надо предать суду за оставление города врагу. Центрокаспий с ним согласился⁶⁶⁷.

Член Бакинского комитета Леван Гогоберидзе и командир Бакинского советского батальона Семён Хмаладзе по выходу из тюрьмы не сели на пароход, укрылись в городе, потому и уцелели. Из пассажиров парохода «Туркмен» спаслись Самсон Канделаки, семьи Шаумяна и Джапаридзе⁶⁶⁸.

Дальнейшие события известны лишь в большом числе противоречивых версий. Есть общепринятые, помещенные в солидные энциклопедии, например, версия о списке Зезина. Проще перечислить вопросы, не имеющие однозначного ответа. По какому принципу производился отбор в «комиссары», т.е. в

расстрельный список? Кто отдал приказ о казни? Где она была осуществлена? Какой способ убийства был избран? Сколько на самом деле было казненных? И наконец, были ли действительно казнены в сентябре 1918 г. деятели Бакинской коммуны?

После исчезновения комиссаров ходили слухи, что Шаумяна и Джапаридзе увезли в Энзели. Ленкоранцы поехали их искать в Энзели, и были арестованы там англичанами. Через неделю их вызволил Сухоруков, который был тогда министром земледелия Каспийского побережного правительства (Г. Арустамов)⁶⁶⁹.

Примерно в январе 1919 г. в Баку вернулся Микоян, а семьи расстрелянных – Варо Джапаридзе, Ольга Фиолетова, сыновья Шаумяна и др., еще продолжали находиться в тюрьме Красноводска. Арестованные вместе с бакинскими комиссарами, но не расстрелянные вместе с ними были выпущены из тюрьмы в январе 1919 г. по требованию бакинской конференции рабочих. В феврале Фунтиков и Седых приехали в Баку, где состоялся митинг, требующий предать их суду. Выступали меньшевики В.И. Фролов и бывший член исполкома Диктатуры Центрокаспия П.Г. Садовский⁶⁷⁰.

Предпринятое буквально по горячим следам расследование эсера и бывшего депутата Учредительного собрания В.А. Чайкина⁶⁷¹ ставило своей целью доказательство непричастности закавказских эсеров, меньшевиков и дашнаков к казни комиссаров. Установленные Чайкиным факты устроили большевиков. Уже 23 апреля 1918 г. в «Известиях» (№85) была опубликована статья И.В. Сталина «К расстрелу 26 бакинских товарищей агентами английского империализма», где при использовании выводов Чайкина об участии в преднамеренном убийстве «26-ти» агента английского штаба и главы Закаспийской дирекции Дружкина и капитана английской службы Тиг-Джонса, обвинения с партии эсеров не снимались. Впоследствии к виновникам трагедии были причислены председатель стачкома г. Красноводска Кун и члены партии эсеров Фунтиков, Седых,

нотариус Яковлева и др. Результаты расследования Чайкина были опубликованы в 1922 г.

К книге М. Лифшица «Кто виноват в убийстве 26-ти» опубликован в виде приложения дневник Фунтикова⁶⁷². Он должен был по замыслу автора публикации стать обличительным документом накануне суда над Фунтиковым. По мнению Лифшица из содержания книги вытекает вывод о причастности англичан к убийству 26-ти комиссаров. Однако в этом документе нет ни слова об этом. Он совершенно не приливает свет на это событие. А тот факт, что Фунтиков вообще не упоминает это событие, может означать, что он не имел прямого отношения к нему.

Микоян 6 марта 1920 г. в ходе разговора по прямому проводу из Ташкента просит Л. Гогоберидзе, находящегося в Полторацке, к его приезду заказать венки от имени Кавкрайкома РКП(б), Рабочей конференции и профсоюзов, Бакинского комитета партии для возложения к месту гибели 26-ти комиссаров за разъездом Ахча-Куйма⁶⁷³. Перенос останков для перезахоронения в Баку произошел в сентябре 1920 г.

В нескольких сотнях верст к востоку по Закаспийской железной дороге двумя месяцами раньше были казнены комиссары Туркестанского края. Если бакинские комиссары стали жертвой перенасыщенного этническим и партийным присутствием города, то туркестанские слабостью в крае политической традиции как таковой. И их гибель была реакцией достаточно удовлетворенного своей жизнью населения края на активность леворадикальных деятелей. Закаспийский временный комитет, возникший в ходе антибольшевистского восстания, включал не только эсеров и меньшевиков, но и кадетов, туркменских племенных вождей и ханов, царских офицеров высоких чинов.

В Закаспийской области и в ее областном центре Асхабаде большевики практически не имели социальной опоры, так как рабочий класс был представлен в основном железнодорожными рабочими, зажиточным и высококвалифицированным

слоем, придерживавшимся меньшевистско-эсеровской ориентации. Была идея перенести Управление дороги в Ташкент, а областным центром Закаспия сделать Мерв, где влияние большевиков было сильнее. Но ничего сделано не было.

После объявления мобилизации, вызванной белочешским мятежом, начались волнения и митинги в Асхабаде. Большевики из Асхабадского совета рабочих депутатов согласились на пере выборы совета и отмену мобилизации, но тайно запросили у Туркестанского совнаркома войск из Ташкента. Их появление в Асхабаде придало уверенности комиссарам, и они образовали ревком как верховный орган власти в крае. Железнодорожные рабочие, вооружившись и вызвав подмогу из Кызыл-Арвата и Красноводска, разогнали ревком, разоружили красноармейцев и назначили пере выборы в совет.

Реакция Ташкента в виде посылки отряда А.И. Фролова, назначенного Чрезвычайным комиссаром Закаспийской области, пока еще не была очень жесткой. Прошедшие под его контролем выборы в новый совет дали большинство левым эсерам и большевикам, но местная традиция широкого партийного представительства была соблюдена: некоторые члены старого совета остались после заверения в поддержке большевиков, в том числе правый эсер машинист Ф.А. Фунтиков.

Отряд Фролова должен был пройти маршрутом из Асхабада через Кызыл-Арват в Красноводск для укрепления позиций Туркестанского совнаркома в этих городах. После ухода отряда в Асхабаде началось восстание, фроловцев окружили и уничтожили на участке между Кызыл-Арватом и Красноводском дружина красноводских рабочих и эшелон асхабадцев, оказавшийся в тылу.

12 июля в Асхабаде началось новое восстание. Были арестованы находившиеся в городе большевики и левые эсеры, занимавшие видные посты в органах СНК и Советов Закаспийской области Туркестанской республики, а также оказавшиеся транзитом в Асхабаде два большевика, следовавшие из Оренбурга в Астрахань, и рабочий-печатник – член РКП(б), ехавший

из Баку в Ташкент. Был образован стачком, а затем исполнительный совет (известный также как Закаспийское временное правительство) во главе с Фунтиковым. Под лозунгами «За Учредительное собрание!» восставшие громили советские учреждения и убивали красноармейцев.

Направленный для наведения порядка из Ташкента комиссар Туркестанского Совнаркома Павел Полторацкий дошел с небольшим отрядом только до Мерва. Узнав, что путь на Асхабад перекрыт отрядом восставших, Полторацкий пытался вывезти ценности местного банка. Рабочие Мерва помешали этому, арестовали и расстреляли Полторацкого вместе с несколькими другими большевиками. После открытия кровавого счета в следующую ночь были расстреляны арестанты, находившиеся в Асхабаде.

В записках Введенской описаны события 1918-1919 гг. в приморском городе Бердянске. Один из расстрелянных комиссаров – ее муж, левый эсер Пётр Введенский. В ее воспоминаниях представлена череда событий, закончившихся 24 апреля в Куцей балке под городом.

В Бердянске, после октябрьских событий в Петрограде, 10 декабря 1917 года прошли пере выборы в городской совет. На этот раз большинство там было за большевиками и левыми эсерами. Председателем уездного совета стал Александр Дюмин⁶⁷⁴. Среди членов совета были:

комиссар труда Антон Мазин, рабочий, уроженец Бердянска, участник восстания матросов Черноморского флота на крейсере «Очаков» в 1905 г.;

комиссар призрения Афанасий Винокуренко участник восстания на броненосце «Потемкин» в 1905 г., вернувшийся из эмиграции в Румынии;

комиссар юстиции Файнер;

комиссар земледелия Пётр Введенский;

помощник комиссара финансов Карл Динер, слесарь-инструментальщик;

большевик Даниил Воронков, тоже уроженец Бердянска;
комиссар юстиции офицер-фронтовик Николай Рогов;
комиссар народного образования большевичка Итта
Шпитальная – учительница, мать семерых детей;
эсеры Горбенко – Александр и Зоя, московские студен-
ты;

эсер, матрос-инвалид Матвей Козлов;
17-летняя дочь богатого торговца Нина Клейн;
депутаты от рабочих Николай Киорпе, Александр Егоров
и Рудольф Тольмац;
представитель от солдат стоявшего в городе 46-го пехот-
ного полка прапорщик Павел Смекалов.

Члены исполкома – два латыша Альберт Озоль и Иван
Вильнер и их товарищ анархо-синдикалист Лев Гринштейн с
1905 г. находились в эмиграции в Америке, где организовали
«Социалистический кооператив русских механиков». Узнав, что
в России революция, решили передать свой завод революции. И
так оказались в портовом Бердянске⁶⁷⁵.

Казалось, город стал советским.

В городе существовала организация фронтовиков – Бер-
дянский союз увечных воинов. Во главе стоял унтер-офицер
Панасенко. В одних районах страны такие союзы были эсеров-
скими, в других – большевистскими. По партийному признаку у
совета не должно было быть разногласия с «инвалидами». Но
тем не менее отношения портились. Офицеры не хотели
разоружаться. Они позволяли себе грубые выходки против со-
вета, бойкотировали его.

Размышляя над этим фактом, Введенская писала: в Бер-
дянске существовало заблуждение, что советская власть суще-
ствует только тут, а в других местах все по-старому, что было
следствием оторванности провинции от центра. Поэтому и воз-
никали разговоры о том, что если ликвидировать ее в Бердян-
ске, то с ней будет покончено⁶⁷⁶. Решимости фронтовикам при-
давал расквартированный в городе 46-й пехотный полк под ко-
мандованием полковника Абольянца. А у исполкома было

только несколько десятков красногвардейцев-добровольцев. Поэтому в феврале 1918 г. для разоружения офицеров было решено пригласить отряд матросов из Севастополя во главе с Ляшенко. Они разоружили сотню офицеров, провели на их квартирах обыски. Как писала Введенская: «И за два дня своего пребывания матросы еще резче провели черту между “нами” и “ими”, еще ярче показали, что мира нет, и надежды на него не может быть»⁶⁷⁷.

Матросы уже собирались уезжать из города, считая, что истребили всю контрреволюцию, забрав с собой арестованных офицеров. Исполком городского совета их не отдает, заявляя: не позволим устраивать здесь Севастопольскую бухту с офицерским митингом под водой; вы их пустите под откос тотчас под городом. Может быть, отвечают матросы. Матросы собираются на вооруженный митинг. Представители совета – Зоя Горбенко, Пётр Введенский и Лев Гринштейн – им заявили, что офицеров нужно судить на месте на открытом народном суде. Их напор заставил матросов уступить, арестованные фронтовики остались в городе.

Арест части членов Союза увечных воинов, не привел к удалению этой общественной организации из состава совета. Союз встал в открытую оппозицию к большинству. Но на улице он имел то преимущество, которого не имел в стенах совета – за ним шла улица.

Как писала Введенская, Бердянск выявил свою антисоветскую физиономию еще в марте. Но в апреле лагерь «контрреволюции» показал свою массовость и разноликость: бабаторговка, либеральный социалист из городского самоуправления, лавочник, офицер – все пылало гневом и ненавистью к совету.

Контрреволюция началась в Бердянске с «невиннейшего и безобиднейшего из Декретов», как считала Введенская, – декрета об отделении церкви от государства. Поп Лукин решил, во что бы то ни стало пострадать за веру. После того, как он вывел паству на улицу, исполком его арестовал. Еще более

накалило атмосферу в городе исполнение распоряжения центра об эвакуации в связи с приближением германской армии бердянских портовых складов. Машины, сахар, мануфактура грузились в порту на баржи. Всегда при этом присутствовала толпа, со временем она становилась все более агрессивной, и руководили ею «инвалиды».

Эвакуация запасов хлеба была назначена на 18 апреля. Погрузкой руководил Пётр как комиссар земледелия. В порту собирались толпы разъяренной публики. Даже рабочим из красногвардейских отрядов приходилось разъяснять, для чего делается эвакуация. Утром Пётр забежал домой переодеться и сказал жене, должно быть на смерть пойду на этом. Через час Введенская она услышала выстрелы, так началась гражданская война в Бердянске. За калиткой увидела бегущих в панике красногвардейцев.

В этот день офицеры 46-го пехотного полка под руководством штабс-капитана Абольянца подняли мятеж с целью помешать вывозу ценностей. Когда Введенская осознала, что любимый человек находится на грани смерти или уже мертв, то «такие жестокие в своей смелости» вопросы «классового умерщвления людей» и необходимости крайних форм борьбы стали терять для нее свою теоретичность.

Советскую власть в городе свергли; было арестовано 26 человек. Схваченных держали под охраной на Азово-Черноморском заводе. Охрана состояла из «инвалидов» и рабочих (!): «Это новость, что рабочие стали тюремщиками», восклицала Введенская. При этом ее крайне беспокоил вопрос: если Петр стрелял с утра до вечера, то должно быть САМ убил кого-то.

С требованием освободить членов совета моряки Черноморского флота, обеспечивающие эвакуацию ценных грузов, 22 апреля обстреляли Бердянск, причинив ряд серьезных разрушений. Но высаживать десант и устраивать уличные бои они не решились. В тот же день в местной газете было опубликовано обращение арестованных. Они заявляли, что ни под каким

предлогом не желают скрываться от суда. Просят матросов прекратить обстрел города. Готовы на суде ответить за свои действия.

Вечером матросы убыли в Керчь, оставив инвалидов в городе еще более озлобленными.

Как вспоминал руководитель антисоветского восстания в Бердянске штабс-капитан Аристокен Аванесович (Иванович) Абальянц к вечеру 18-го апреля стало известно, что к городу подходят два эшелона. Это оказался отряд матроса А. Мокроусова. Офицерская «власть» в городе была для него неприятной неожиданностью. Как выразился Абальянц, мы и матросы искали возможности избавиться друг от друга. Их пообещали разоружить, но выпустить в море. Пароход, который должен был вывезти из города хлеб, вывез через день этих матросов. Судьбой арестованных комиссаров Матрос Мокроусов также не заинтересовался⁶⁷⁸.

Еще несколько дней судьба арестованных была в неопределенности. Введенская писала в своих записках: «Позже все мы отвлеченно пропитались кровью и о боях, стычках, расстрелах говорили как о простых вещах. Теперь же я не находила места от безумной тревоги за жизнь арестованных». Но это наложение последующего опыта, знания, чем все закончится. В действительности режим содержания комиссаров был довольно либеральным, они могли покидать свою тюрьму и возвращаться. Большинство из них были старыми партийцами, они привыкли делать из судебного заседания митинг. У них в руках был серьезный козырь: ведь они же отстояли арестованных офицеров.

Так совпало, что в это время к Бердянску подходил крупный отряд полковника М.Г. Дроздовского. В его дневнике скупо сказано, как решалась судьба комиссаров: «Город все же ведет двойную политику, желая спасти арестованных комиссаров; инвалиды настаивают на их казни».

24 апреля арестованные в составе 19 человек были переданы дроздовцам и расстреляны в Куцей балке. 25-го Введен-

ская поехала в Куцую за телом Петра. Пуля разбила ему лицо, и после этого она забыла его живое лицо и никак не может вспомнить.

Всех расстрелянных похоронили в Бердянске в братской могиле. Никаких речей не было. Собралась толпа угрюмых любопытных. А ей хотелось произнести маленькую речь о тех, кого так поспешно бросают в яму:

«Мне хотелось сказать, что, кого мы сейчас похоронили, таких немного. Может быть они были плохие работники, может быть они не умели обращаться с революцией и неумелыми руками лишней раз запятнали ее кровью. Но одно у них было не оцененное дарование, искупляющее, по-моему, все грехи их. Это дар – ценить и любить младшего брата, не гнушаясь и не страшаясь его слепоты, темноты, невежества. Позже от многих хороших, ценных работников я слышала слово “хам”, такое гнусное, пришибающее человека к земле. Слово это часто бросалось по адресу рабочих и крестьян, когда они по неразумению своему творили ненужные оплошности. От наших-то погибших я никогда не слышала этого слова. Помню, как радовался каждый из них, находя проблески сознания в темных солдатских и крестьянских мозгах. Так может радоваться только мать, наблюдая в ребенке первый разумный взгляд, первое сознательное сочетание звуков голоса»⁶⁷⁹.

В приведенных случаях казни «комиссаров» в 1918 г. трудно обнаружить повторяющиеся детали: причастность эсеров-меньшевиков к аресту и ведущая роль пришлых к казни, известная случайность состава расстрельных списков и, главное, как представляется, отдача и реализация эвакуационных приказов.

В Бердянске комиссаров схватили прямо в порту во время погрузки. Бакинский арест после первой эвакуации был также связан с вывозом имущества и ценностей из города в Астрахань. Одна из бакинских газет писала: «Вместе с Петровым бежали от справедливого гнева бакинского пролетариата гнусные захватчики, мародеры, все бывшие народные комиссары и ряд

должностных лиц, захватив с собой большое количество народных денег и не сдав никакой отчетности за управление краем... Да заклеим позором этих негодных предателей»⁶⁸⁰. Ну если увоз денег из казначейства мог быть расценен как мародерство уезжающей отставной власти, но военное имущество отряда Г.К. Петрова было совсем недавно ввезено из Астрахани, и инкриминировать его вывоз можно было только следуя определенной логике.

Большевики вывозили при отступлении ценности из оставляемых городов гораздо чаще, чем их потом расстреливали за это. При отступлении из Ростова Орджоникидзе вывез деньги – и те, которые он привез из Москвы, и изъятые из местного казначейства. Уходившие в Ледяной поход добровольцы тремя месяцами раньше не решились сделать это, опасаясь превышения полномочий. Терский совнарком также покинул Владикавказ со всей имеющейся наличностью. Если не было денег, тогда эвакуировали скот, лен, продовольствие⁶⁸¹.

Чем же вызвана эта эвакуационная эпидемия? Многими факторами. Во-первых, опытом предыдущего периода, который во многом копировала новая власть, несмотря на заявления о разрыве с традицией.

Весной-летом 1915 г. неблагоприятная обстановка на театре военных действий, вызвавшая отступление русской армии из Варшавской губернии и части Прибалтики, потребовала проведения эвакуации. Серьезной работы по подготовке эвакуации предприятий и учреждений перед Первой мировой войной в России не велось. По-видимому, это объясняется тем, что оперативный план войны предусматривал «переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы»⁶⁸².

Когда большая часть промышленных предприятий Варшавской губернии не была вывезена и досталась противнику, было решено создать осенью 1915 г. орган, который должен был взять в свои руки работу по эвакуации предприятий и учреждений из прифронтовых районов – Эвакуационную ко-

миссию при особом совещании по обороне. Ее возглавил председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Одновременно стала формироваться законодательная база, обеспечивающая проведение мероприятий по эвакуации⁶⁸³. Объемы эвакуационных перевозок были значительны, вывоз имущества был довольно бессистемным, поскольку его ценность для обороны страны во внимание принималась далеко не всегда. Перечень предприятий Риги, вошедших в приказ об эвакуации, включал, например, кожевенные заводы Американско-Балтийский, Л. Цитемана, Ю. Штейнберга и К^о и др., консервные фабрики Баргисена, А.А. Гуйка, велосипедная мастерская Я. Буксе, обувная фабрика «Буффало», Вильберта, пивоваренные заводы Вальдшлесхена, Шиндлера, Ильгецена, люстровый завод «Кронос», фабрика игрушек Фиреке и Лейтке, дрожжево-винокурный завод Швабе и др.⁶⁸⁴

Имела ли смысл эвакуация западных губерний? Опыт оккупации и отступления немцев осенью 1918 г. показывает, что вывозилось все мало-мальски ценное, например, из Пскова были вывезены все автомобили, даже поломанные, потом мастерская по их ремонту⁶⁸⁵. В 1919 г. «разгрузку» города уже осуществляли советские органы. Кассовой наличности было мало, ее истратили почти всю на оплату остающимся сотрудникам и рабочим. Судя по всему в 1919 г. уже не могло случиться того, что в 1918 г., по двум причинам: комиссары были защищены какими-никакими вооруженными отрядами, да и вывозить было уже нечего. Эвакуация Пскова завершилась в течение двух дней. В основном эвакуации подлежали люди и документы советских учреждений⁶⁸⁶.

Таким образом, гибель 26-ти бакинских комиссаров является лишь частью имевшего место в 1918 г. процесса. Кроме названных исторических событий встречались упоминания подобных фактов в Херсоне и Вельске (хотя там и в 1919 г.). Аресты и последующие расправы над советскими служащими и членами советов случались накануне падения их власти в ходе вывоза ценностей в тех случаях, когда совет не опирался на се-

рьезную военную единицу. Вывоз имущества, запасов продовольствия, денежных средств из банков и казначейств осуществлялся с целью воспрепятствовать использованию их вражеским режимом. Мысль о том, что это наносит удар по остающемуся населению, в голову комиссарам приходила, но доминирующей не являлась.

Как можно судить по материалам, рассказывающим об эвакуации из Одессы при подходе австро-венгерских войск, советские органы пытались распределить привезенные из Харькова деньги между рабочими одесских заводов и железнодорожных мастерских, но обстановка не позволила это сделать в должном объеме. С большими трудностями удалось их вывезти для того, чтобы они не достались оккупационным властям. Немалую опасность представляли матросы, которые, узнав о вывозимых ценностях, требовали их честного дележа, т.е. всем находящимся на борту поровну. И только агитационные усилия сопровождавших лиц помогли убедить их, что деньги не ворованные, что они принадлежат рабочим Одессы и вывозятся с тем, чтобы затем вновь быть привезенными в Одессу. Эти несколько миллионов рублей были сданы в финотдел при армии Антонова-Овсеенко. Позже участники эвакуации были привлечены к ответственности Ревтрибуналом, потому что до 9 млн. числящихся за ними денег не доставало 50 тыс. руб.⁶⁸⁷

Любопытно, что если для отступающих большевиков было типично стремление вывезти ценности, то на белогвардейцев обычно нападал страх перед принятием на себя ответственности за деньги. Перед уходом в Ледовый поход обсуждался вопрос забирать или не забирать с собой финансовые средства из Ростовского казначейства, но никто из вождей так и не взял на себя смелость санкционировать это решение. Спустя несколько месяцев содержимое этих сейфов вывозил из Ростова в эшелоне горсовета Серго Орджоникидзе. Отступавшие с Украины отряды разграбили деньги, золотые и золотые слитки. И только на станции Сарепта удалось окружить вагоны с мародерами и принудить их сдать ценности⁶⁸⁸.

Можно было считать, что поведение представителей советской власти основывалось на советском декрете о национализации банков от 14 декабря 1917 г., когда «в интересах правильной организации народного хозяйства» банковское дело было объявлено государственной монополией⁶⁸⁹. Но лишь отчасти. Эта схема действий опиралась, во-первых, на наблюдавшийся ими механизм действий органов власти в период Первой мировой войны. Но что особенно примечательно, что в этом проявились и представления о правах собственности.

Поведение майкопского атамана генерала Данилов и есаула Мурзаева, которые 4-5 января 1918 г. покинули Майкоп, прихватив ценности из казначейства, может считаться исключительным для Белого лагеря⁶⁹⁰. Стоит обратить внимание, что Данилов и Мурзаев были казаками. Для них эти деньги были войсковыми. Они считали себя вправе взять их.

Во время Шенкурского антисоветского восстания (Архангельская губ.) его руководитель Максим Ракитин также посчитал возможным изъять ценности из местного казначейства⁶⁹¹. Он был местным жителем, считал себя представляющим шенкурских крестьян, а наличность была земской.

Основанное на тех же представлениях столкновение между казаками и иногородними произошло в октябре 1917 г. в станице Цимлянской. Из Новочеркасска прибыло на двух автомобилях около 20 казаков для вывоза денег и ценностей из цимлянского станичного казначейства. Уже организовавшаяся местная неказачья организация, названная автором Рабоче-Крестьянский совет, воспрепятствовала этому. Разломав крышу сарая, представители этого «совета», порезали колеса машин. Приехавшие скрылись на подворьях цимлянских казаков. Но после переговоров новочеркасцам было позволено уехать, не выполнив задуманного⁶⁹².

Основанием для принятия на себя ответственности за судьбу ценностей могло быть только ощущение правомерности этого, а себя – обладающего достаточной легитимностью. Крымское краевое правительство белых при наступлении крас-

ных (в данном случае Красной армии в союзе с Н. Махно) в апреле 1919 г. в полном составе намеревалось убыть в эмиграцию, предварительно оголив казначейство. Это вызвало негодование командующего союзными войсками в Крыму французского генерала Труссона, который даже пошел на то, что арестовал министров, требуя вернуть «крымскую казну»⁶⁹³.

Таким образом, если гибель 26-ти бакинских комиссаров, рассмотренная под этим углом зрения, уже не выглядит столь уж уникальным событием истории 1918 г., то может не стоит ее описывать с помощью инструментария из арсенала теорий заговора, искать тайные пружины и злостное сокрытие фактов.

Еще раз о методе коллективного свидетеля

Основной идеей книги в части методики работы с документами личного происхождения является обоснование метода коллективного свидетеля. Не претендуя на полноту его проработки, авторы стремились привлечь внимание к самой проблеме разработки специальной методики в отношении этого вида источников. Метод в том виде, в котором он представлен в данной монографии, создан не на кончике пера, а в ходе обобщения большого массива архивных документов. Поэтому пока основным достижением является полученный с его помощью богатый эмпирический материал.

Приведенный в заключение пример применения этого метода покажет его возможности.

Одной из революционных легенд Екатеринослава является бой с гайдамаками за здание почтамта, который вошел в официальную советскую историю как бой красногвардейцев по ликвидации последнего очага контрреволюции в городе. События 28 декабря 1917 г. настолько туманны, что спустя всего 13 лет Истпарт безуспешно пытался восстановить последовательность событий и фамилии лидеров красногвардейских отрядов.

Сотрудников этого учреждения, в основном неместных жителей, не участвовавших в этих событиях, волновал и даже нервировал вопрос о том, что не удастся выстроить четкую картину столь важного события. Было не ясно, какова последовательность событий, кто командовал отрядами красногвардейцев, и какова была их численность. Многие екатеринославцы подтверждали, что они участвовали в этом бою, но конкретных имен назвать не могли. Один из ветеранов, отличившийся ироничностью замечаний сказал в 1931 г., если послушать, то под почтой было 2 тыс., а в действительности человек 150⁶⁹⁴.

Практически все участники вечеров воспоминаний утверждали, что они и есть участники боя, но их рассказы противоречили друг другу. Они многое недоговаривали по причинам 1) непонимания того, что произошло; 2) рассчитывая, что слушатели не хуже их помнят события; 3) обходя наиболее «скользкие» моменты прошлого. За счет сложения большого числа рассказов и выстраивания такой модели события, которая бы удовлетворяла большинство вариантов, получается такая картина. В тот момент солдат в городе почти не осталось – разбежались и разъехались по домам. В городе противостояли гайдамаки и рабочие. Существовало двоевластие – ревком, возглавлявшийся В. Авериним (в ряде документов этот орган называется объединенным комитетом завкомов⁶⁹⁵) и власть Центральной рады. Это типично для провинции. В чем были едины обе власти, так это в борьбе с многочисленными анархистскими полубандитскими группами, которые в городе и в окрестностях занимались экспроприациями, чем провоцировали обывателей на создание дружин самообороны.

Накануне 28 декабря произошел инцидент с «украинским» броневиком. Его угнали рабочие и спрятали на территории Брянского завода. Делегация украинских социал-демократов во главе с Мир-Сандомирским Екатеринославские гайдамаки как представитель власти потребовала у красноармейцев вернуть его и сдать пулеметы и ручные гранаты⁶⁹⁶. Ультиматум истекал в 2 часа дня, потом начнется бомбардировка

завода. Председатель Екатеринославского военно-революционного комитета Э.О. Квиринг ответил отказом.

Около двух начался обстрел, но снаряды перелетали завод и падали у казарм военнопленных. Вместо того чтобы разбегаться, народ наоборот стал бежать на территорию завода, разбирать винтовки и «постреливать понемногу». В тот момент гайдамаки захватили телефонную станцию. Как отмечал В. Аверин: «Они были народ военный, расставляли патрули и умели ловить». От пулеметного огня уже погиб тов. Рывкин, но пленных офицеров-гайдамаков разоружали и отпускали – такая была общая линия. Штаб ревкома расположился в здании городского самоуправления – напротив почтамта. Там находились Квиринг, Яковлев, Гопнер, Ройзман, Бек. После совещаний и сомнений Аверин и Гринбаум поехали на переговоры на почтамт, но оказались захваченными в плен в здании почтамта, где располагался штаб гайдамаков. В здании напротив располагался совет, где уже скапливались рабочие отряды.

Утром началась страшная пальба из всех видов оружия. Во время этой перестрелки между почтамтом и зданием совета остатки гарнизона (228-го и 271-го полков) сохраняли полный нейтралитет. Поход Жуковского в казармы для агитации солдат показал, что им эта драка глубоко безразлична. Он долго говорил, после этого несколько солдат взяли оружие и пошли охранять вокзал, а он все сомневался, правильно ли поступил, призывая их к активности.

Еще ночью в ревком позвонил представитель городской управы и «в качестве третьей державы» предложил посредничество в урегулировании конфликта. После вмешательства представителя городского самоуправления стрельба прекратилась. Перелом произошел, когда Квиринг сообщил гайдамакам о том, что на подходе эшелон с подкреплением из Москвы, чем внес растерянность в их ряды. Аверин заявил, что после того, что произошло, надо посоветоваться с рабочими и для этого ехать на заводы. Гайдамаки со скрипом согласились и отпустили его и Гринбаума. В конце концов гайдамаки сдались и были

разоружены. Их было более 300 чел.⁶⁹⁷ Столкновение с гайдамаками закончилось их физической ликвидацией – красногвардейцы расстреливали арестованных и тех, кто пытался скрыться. Как сказал участник событий Захарченко: «В городе был штаб Духонина, и вообще делали что нужно» (1956)⁶⁹⁸.

Итак, судя по всему, главная причина сложности реконструкции екатеринославских событий, с которой Истпарт столкнулся в 1930-е гг., в том, что боя фактически не было; противники в основном занимались переговорами или вели незначительную перестрелку. Бой был выдуман для большего эффекта и для того, чтобы объяснить гибель гайдамаков.

***

Таким образом, использование метода коллективного свидетеля базируется, прежде всего, на существование большого массива документов, объединенных объектно-субъектной общностью. Используемые как комплекс эти материалы приобретают качественно новые черты. Описания прошлого лицами, оказавшимися когда-то в прошлом в одном месте в одно время, отличаются полнотой и углом зрения, чем нивелируют погрешности и случайности. Их субъективизм переходит в новое качественное состояние. В итоге, теряется то, чем всегда отпугивало частное свидетельство – изъяны восприятия и памяти, и сохраняется то, что может дать новое видение прошлого – вкус и живое дыхание человеческих судеб.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из следствий Гражданской войны стало появление на месте огромной Российской империи нового Советского государства, аналогов которому не имелось в истории мировых обществ. Нам хотелось обратить усиленное внимание на то, что в ходе Гражданской войны в полной и обостренной форме реализовались культурные архетипы, сформировавшиеся в России и сохранявшиеся в латентном состоянии в ходе ее тысячелетнего развития. Речь идет о гражданском милитаризме – распространности военных идеалов и ценностей внутри гражданского общества. Формирование гражданского милитаризма в недрах российского общественного сознания, как и все процессы социальной эволюции, приобретения этносом форм социальной сплоченности и установок коллективной психология – результат не одного столетия.

Гражданская война не просто усилила уже сложившийся культурный архетип. Именно с 1917 г. формируется очередной слой российской культурной архитектоники: происходит качественное изменение гражданского милитаризованного сознания, когда внешний и внутренний враги становятся не различимы, более того, внутренний враг видится более опасным и, главное, достижимым для уничтожения.

Сложившиеся в ходе Гражданской войны жизненные обстоятельства, воздействуя на сознание многих людей, оказавшихся в сходных ситуациях, вырабатывают у них характерные особенности психологии. Поэтому очень важно обозначить

факторы, определяющие процессы и механизм формирования нового идентификационного состояния комбатантов в годы Гражданской войны в стране уже сформировавшегося и укорененного милитаризованного общественного сознания. К ним можно отнести изменения социального статуса миллионов людей, разрушение социальных структур, что влекло за собой изменение их социальной идентичности. Российское общество, вопреки убеждениям большевиков, не имело ярко выраженного классового размежевания. Более того, оно было остановлено революцией. Перед лидерами «белого» и «красного» движений стала задача заново создать классовую основу проводимой ими политики, дать своим адептам новую социальную идентичность. Именно в годы Гражданской войны стали развиваться представления о классовой идентичности не по роду нынешней деятельности субъекта, а по его происхождению и даже «классовому чутью». В соответствии с требованиями времени, граждане новой России стремились усвоить и «улучшить» свою идентичность, четко отождествить себя с одной из воюющих сторон, то есть самоидентифицироваться, выстроить для себя новую идентификационную модель.

Мемуары, личные бумаги и записки революционного периода имеют немало проблемных зон: тенденциозность, заидеологизированность, обрывочность, неточность фактов, имен и дат и пр. Но все вышеперечисленные изъяны не являются причиной пренебречь ими как историческим источником. В их пользу говорит их доля в архивных собраниях, массовость и то, что их авторами были представителями нескольких групп населения: люди разных национальностей с разным уровнем образования и предшествующим опытом, мужчины и женщины, в разное время включившиеся в события. За счет «наложения» картинок прошлого уходят огрехи и частности, остается основное. Можно выстроить цепь событий, объединив нарративы многих авторов, и понять смысл случившегося. Конфликтующие между собой «картинки» прошлого тоже не уходят в отвал, ведь часто можно понять природу нестыковок. Критика свиде-

тельств, нахождение такого объяснения историческим перипетиям, которое снимает конфликт между противоречащими друг другу свидетельствами, добавляет стереоскопичность видению прошлого. Таким образом, проанализированные как совокупность исторических источников с помощью данного метода частные свидетельства приобретают некоторую дозу объективности. Конечно, осуществленная таким образом реконструкция может иметь изъяны, связанные с неизбежными лакунами, вызванными историческими обстоятельствами: никого из свидетелей некоего важного события могло и не оказаться среди повествующих. Но это не отменяет наших попыток. Собранный материал показал информативную ценность документов личного происхождения, что, несмотря на заключающуюся в них предсказуемую тенденциозность, они могут быть полноценным историческим источником, содержащим информацию не только антропологического характера, но и конкретно-исторические сведения.

ПЕРЕЧЕНЬ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

**Архив политических документов Управления делами
Президента Азербайджанской Республики (АПД УДПАР)**

Ф. 268. Партийный архив Азербайджанского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1895-1991.

Ф. 276. Комиссия по истории Октябрьской революции и АзКП(б). 1917-1939.

Ф. 456. Партийный архив Азербайджанского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). 1895-1957.

**Архивное собрание Дома Русского Зарубежья им. А.И.
Солженицына (АСДРЗ)**

Ф. 1. Всероссийская мемуарная библиотека (воспоминания, дневники, письма русских эмигрантов).

Государственный архив Латвии (ГАЛ)

Ф. РА-44. Политотдел Латышской стрелковой советской дивизии. 1918-1922.

Ф. РА-45. Комиссия по истории красных латышских стрелковых полков. 1914-1991.

Ф. РА-200. Институт истории партии при ЦК КП Латвии. Партийный архив ЦК КПА. 1941-1991.

**Государственный архив новейшей истории Псковской
области (ГАНИПО)**

Ф. 1. Псковский губком РКП(б). 1918-1927.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. Р-5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов. 1859–1944.

Государственный архив Архангельской области. Отдел документации социально-политической истории (ГАО ОДСПИ)

Ф. 8660. Коллекция воспоминаний и личных документов северян. Оп.3. Воспоминания о гражданской войне. 1895–2009.

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО)

Ф. Р-55. Черноярский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (уисполком). 1918–1919

Ф. Р-216. Ленинский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (уисполком). 1919–1928

Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО)

Ф. П-24. Днепропетровский областной филиал института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)У (Испарт), 1905–1939.

Ф. Р-2166. Криворожская районная комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, 1928–1935.

Ф. Р-2185. Днепропетровская областная комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, 1932–1936.

Ф. Р-3493. Воспоминания о революционных событиях на Екатеринославщине, 1899–1992.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

Ф. Р-411. Коллекция документов по истории революционного движения и Гражданской войне на Кубани и Черноморье. 1902–1983

Государственный архив Одесской области (ГАОО)

Ф. П-13. Воспоминания участников революционного движения, Октябрьской революции, Гражданской войны и социалистического строительства на Одесчине. 1910-1991.

Государственный архив Псковской области (ГАПО)

Ф. Р-590. Исполком Псковского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1917-1927.

Ф. Р-1231. Плюсский уездный исполком Псковской губернии. 1918-1922.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО)

Ф. 46. Атаманская канцелярия (Канцелярия войскового наказного атамана), 1625-1920.

Ф. 519. Ростовская окружная судебнo-следственная комиссия, г. Ростов-на-Дону, 1918-1920.

Ф. 830. Попов Иван Дмитриевич – товарищ председателя Ростовского-на-Дону губернского отдела «Союза русского народа», казак станицы Митякинской области войска Донского, титулярный советник, 1907-1916.

Ф. 841. Ажинов Василий Александрович (1866-24.10.1931) – генерал-майор, представитель Всевеликого войска Донского при Кубанском краевом правительстве (атаман донской зимовой станицы), 1736, 1738, 1897-1905, 1920.

Ф. Р-2992. Ростовская-на-Дону городская комиссия помощи демобилизованным красноармейцам и бывшим красным партизанам. 1925–1935.

Государственный архив Саратовской области (ГАСО)

Ф. Р-3586. Личный архив Антонова-Саратовского Владимира Павловича (1884-1965).

Государственный исторический архив Латвии (ГИАЛ)

Ф. 800. Комиссия по эвакуации торговых и промышленных предприятий г. Риги. 1915-1917.

Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ)

Ф. 21. Коллекция документов по истории революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1925-1983

Национальный архив Республики Адыгея (НАРА)

Ф. Р-1114. Коллекция воспоминаний участников установления советской власти, Гражданской войны и социалистического строительства в Адыгее. 1917-1924.

Ф. П-1123. Партийный архив Адыгейского областного комитета КПСС. 1946-1991.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК)

Ф. Р-75. Калмыцкая областная партизанская комиссия. 1930–1935

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)

Ф. Р-1774. Краснодарский крайком ВКП(б) – КПСС. 1937-1974.

Ф. Р-2830. Истпартотдел Краснодарского окружкома, крайкома ВКП(б). 1923-1939.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)

Ф. 12. Отдел истории партии Северокавказского крайкома, Ростовского обкома ВКП(б) (Истпарт). 1899-1957.

Ф. 912. Личный фонд Дмитрия Петровича Жлобы. 1925–1932.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГАРСО-А)

Ф. Р-44. Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при Северо-Осетинском областном исполкоме. 1926–1935

Ф. Р-852. Коллекция воспоминаний участников революций и войн. 1925-1966

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 71. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ); Оп. 35. Редакция издания «Гражданская война в СССР». 1931–1991

ЛИТЕРАТУРА И ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Абальянц [А.А.]*. Восстание Бердянского Союза увечных воинов в начале апреля 1918 года // Вестник Первопоходника. Los Angeles, Декабрь 1965 – Январь 1966. №№ 51-52. URL: <http://wap.1914.borda.ru/?1-12-360-00000576-000-0-0>.
2. *Абдурагимов Г.А.* Кавказская Албания – Лезгистан. История и современность. СПб, 1995.
3. *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005.
4. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920) / Отв. ред. Н. Агамалиев. Баку, 1998.
5. *Аманжолова Д.* Национальный вопрос в годы гражданской войны в России. URL: <http://his.1september.ru/2003/19/1.html>
6. *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. М., 1994.
7. *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989.
8. Асланбек Шерипов: Опыт характеристики личности и деятельности А. Шерипова в связи с нар.-рев. движением в Чечне / Ефрем Эшба ; [Послесл. И. Марыхуба (Мархолия)]. 3-е изд., доп. Сухуми, 1990.
9. *Атаев А.-К.* Незабываемые дни. Воспоминания. Махачкала, 1959.
10. *Ахиезер А.С.* Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4-5.

11. *Бабель И.Э.* Мой первый гусь // *Конармия.* Элиста, 1986.
12. *Бгажба О.Х., Лакоба С.З.* История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
13. *Бирюков С.* «Модернизационная милитократия» или «турецкий путь» для России. URL: <http://www.apn.ru/publications/article21979.htm>
14. Борьба за Советы на Севере (1918-1919) / Истпарт Архангельского Губкома ВКП(б). Архангельск, 1926.
15. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1973.
16. *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: социалистический эксперимент (20-е годы). Майкоп, 1994.
17. *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
18. *Булдаков В.П.* Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917 – 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2011.
19. *Васильченко С.Ф.* Речи Тихого Дона. М., 1919.
20. *Вебер М.* Основные социологические понятия // *Вебер М.* Избр. произв. М., 1990.
21. *Вилков А.А.* Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997.
22. *Волков-Муромцев Н.* Юность. От Вязьмы до Феодосии. Paris, 1983.
23. *Вольфсон С.Я.* Интеллигенция как социально-экономическая категория. М.-Л., 1926.
24. *Врангель П.Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. В 2 т.: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2003. Т. 1. С. 268-269.
25. *Гаммер М.* Шамилъ. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана / Перевод с англ. М., 1998.
26. *Гасанов Б.К.* Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917-1920 годах: идеология, практика, исторические судьбы и уроки. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1997.

27. *Гиппиус З.* Петербургские дневники // Литература русского зарубежья: Антология. Т.1. Ч.2. М., 1990.
28. *Грановская Р. М.* Элементы практической психологии. 2-е изд. Л., 1988.
29. *Гуревич А.Я.* История – нескончаемый спор. М., 2005.
30. Дневники казачьих офицеров. М., 2004.
31. Доброволицы: Сб. воспоминаний. М., 2001.
32. *Добрынин В.А.* Оборона Мугани, 1918 – 1919: записки кавказского пограничника. Париж, б.г.
33. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М., 1997. URL: <http://grachev62.narod.ru/dugin/chapt01.htm>
34. *Душкин В.* Забытые. Париж, 1983.
35. *Исецкий (Соломон) Г.А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007.
36. История Азербайджана / Под ред. И.А. Гусейнова, М.А. Дадашзаде и др. Баку, 1963. Т. 3. Ч. 1.
37. *Кантакузина Ю.* Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876-1918 / пер. с англ. М., 2007.
38. *Кондаков И.В.* Архитектоника русской культуры // Ответственные науки и современность. 1999. № 1.
39. *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917-1925 гг. М., 1992.
40. *Кукес А.* Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
41. *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Русский порядок // Полис. 1997. № 3.
42. *Ларионов В.* Последние юнкера. Франкфурт, 1984. URL: <http://www.dk1868.ru/history/larionov3.htm>.

43. *Левитов М.Н.* Корниловцы в боях летом-осенью 1919 года: Общее положение после занятия города Белгорода. URL: <http://www.dk1868.ru/history/LEVITOV.htm>
44. *Левченко В.С.* Страницы донской истории. Ростов н/Д, 1974.
45. *Ленин В.И.* О лозунге превращения империалистической войны в войну гражданскую // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26. М., 1973.
46. *Лифшиц М.* Кто виноват в убийстве 26-ти. С приложением дневника Фунтикова. Тифлис, 1926.
47. *Магомедов М.А.* О некоторых особенностях Октябрьской революции // История Отечества. 1997. №6.
48. *Магомедов Ш.М.* Уллубий Буйнакский. Махачкала, 1964.
49. *Мальков П.* Записки коменданта Кремля. 3-е изд. М., 1967.
50. *Мамет Л.П.* Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930.
51. *Моисеев С.И.* Полк рабочей Москвы. М., 1960.
52. *Моренец П.* Смех под штыком. Роман в трех частях. Ростов н/Д, 1934.
53. Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
54. *Нестор Махно.* Крестьянское движение на Украине. 1918-1921. Документы и материалы. М., 2006.
55. *Ноздрина Л.* История и трагедия Первого большевистского Бердянского Совета // Бердянск деловой. 2003. 24 апреля. №17(451).
56. *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. События на Севере в 1917-1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск, 2007.
57. *Павлович М.* Кемалистское движение в Турции // Красная новь. 1921. № 1.
58. Письма Уллубия Буйнакского. Махачкала, 1962.
59. *Платонов О. А.* Николай Второй в секретной переписке. М., 2005.

60. *Посадский А.В.* Гражданская война в России под углом зрения политической конфликтологии. URL: <http://www.onlan.ru/politologiya>
61. Сага о Кантакузиных-Сперанских / Написанная кн. М. Кантакузиным, графом Сперанским; Пер. с англ. Д. Налепиной. М.: Рос. фонд культуры: Рос. архив, 2004.
62. *Сенявская Е.С.* Бытовая религиозность на войне (На примере двух мировых и советско-афганской войны) // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996.
63. *Слободин В.П.* Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М., 1996.
64. *Симонова Т.* Беспощадное истребление, поголовное выселение // Независимая газета. НВО. 2002. 5 марта. URL: http://nvo.ng.ru/history/2002-03-15/5_destruction.html
65. *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана и Советская власть: борьба и сотрудничество (1917-1921 гг.). Махачкала, 2004.
66. *Тахо-Годи А.А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.
67. *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1993.
68. *Толстой А.Н.* Гадюка. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_0100.shtml
69. *Турчин П.* Выстоять – исторический долг // Эксперт. 2010. № 16-17.
70. *Фадеев А.А.* Разгром: Роман. М., 1968.
71. Флот в Белой борьбе / Сост., предисл., комм. С.В. Волкова. М., 2002.
72. *Фонотов А.Г.* Россия: От мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.
73. *Ханаху Р.А., Цветков О.М.* Исторический феномен в современном преломлении // СОЦИС. 1995. № 11.
74. *Хейвуд Э.* Политология: глоссарий по книге. М., 2005. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/884/word/militarizm>

75. *Хёсле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. №10.
76. *Хомизури Г.П.* Миф о двадцати шести // Республика Армения. 1993. 23, 25 и 28 сентября. URL: 26.itmc.ru/Myth.doc
77. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2 т. Нью-Йорк, 1954.
78. *Шатуновская О. Г.* Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская / сост.: Д. Кутьина, А. Бройдо, А. Кутьин. La Jolla (Calif.): DAA Books, 2001.
79. *Шестов Н.И.* Политический миф теперь и прежде / Под ред. проф. А.И. Демидова. М., 2005.
80. *Шидловский С.Н.* Записки белого офицера. СПб, 2007.
81. *Широкорад А.Б.* Великая речная война. 1918–1920 годы. М., 2006.
82. *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989.
83. *Щукин С.* [протоиерей]. О «волках в овечьей шкуре» (образцовая проповедь). Ростов н/Д, 1919.
84. Я ставлю крест... М.: Воениздат, 1995.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Деферативные источники (от англ. *deferred* – отсроченный, перенесенный на другой срок) – документы личного происхождения, время появления которых и описываемые события разделяет существенный хронологический промежуток.

² *Зарецкий Ю.П.* Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Человек второго плана в истории. Вып. 4: Сб. научных статей. Ростов н/Д: Логос, 2007. С. 13.

³ Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (далее – ГААО ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 136.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-411сч. Оп. 2. Д. 221. Л. 1-71.

⁶ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 21. Д. 251. Л. 50-56, 125.

⁷ Подлинник: Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 958; машинописная копия: ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 21. Д. 252. Л. 1-33.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 958. Л. 3. Все даты в дневниках и переписке военнослужащих Добровольческой армии даны по старому стилю.

⁹ Там же. Л. 2, 8, 11, 19, 25 об., 28.

¹⁰ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 1311, 1312.

¹¹ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 21. Д. 252. Л. 34-119.

¹² Там же. Л. 41-42.

¹³ *Платонов О. А.* Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 361, 364.

¹⁴ Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (далее – АПД УДПАР). Ф. 268. Оп. 23. Д. 423. Л. 42-43.

¹⁵ *Моренец П.* Смех под штыком. Роман в трех частях. Ростов н/Д, 1934. С. 464.

¹⁶ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1319. Л. 9.

- ¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5881 (2180 Д. за 1760, 1864-1944).
- ¹⁸ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 145. Оп. 1. Д. 45-65; Ф. 153. Оп. 1. Д. 569.
- ¹⁹ *Гиппиус З.* Петербургские дневники // Литература русского зарубежья: Антология. Т.1. Ч.2. М., 1990. С. 223.
- ²⁰ ГАОО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 136.
- ²¹ ГАОО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 12 об.
- ²² *Моисеев С.И.* Полк рабочей Москвы. М.: Воениздат, 1960. С. 65.
- ²³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 1007.
- ²⁴ Научный архив Североосетинского института социальных и гуманитарных исследований им В.А. Абаева (далее – НА СОИГСИ). Ф. 21. Оп. 1. Д. 125.
- ²⁵ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 56 об.
- ²⁶ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 159.
- ²⁷ См.: *Вольфсон С.Я.* Интеллигенция как социально-экономическая категория. М.-Л., 1926.
- ²⁸ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 338. Л. 7-8.
- ²⁹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 830. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 22 об., 23, 26-27.
- ³⁰ ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; Д. 4. Л. 1 об., 51; Д. 11. Л. 14-15, 111, 194, 223.
- ³¹ *Грановская Р. М.* Элементы практической психологии. 2-е изд. Л., 1988. С. 86, 88-89.
- ³² *Гуревич А.Я.* Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // *Гуревич А.Я.* История – нескончаемый спор. М., 2005. С. 763, 765, 768.
- ³³ Необходимо отметить, что в этих документах можно встретить разную степень полноты и точности указания данных автора текста. Это могут быть: только фамилия, фамилия с инициалами, фамилия с именем и отчеством и даже номером партбилета и занимаемой должностью; но иногда попадались воспоминания, принадлежность которых установить было невозможно. При наличии соответствующей информации цитирование архивных документов сопровождается указанием фамилии и инициалов автора, даты составления текста.
- ³⁴ Публикации и анализу писем такого рода посвящены сборники документов. См.: *Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг.; Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям.*
- ³⁵ *Морозова О.М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д., 2010.

-
- ³⁶ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.
- ³⁷ Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). Ф. П-24. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.
- ³⁸ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 146-149.
- ³⁹ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 73. Л. 41.
- ⁴⁰ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 45. Л. 7.
- ⁴¹ Вывод о переломе в содержании революционных мемуаров, приходящемся на 1928 г., сделан не только на основании южнороссийского материала, но и исследователями Н.А. Бутениным и Н.Д. Бутениной, работавших с воспоминаниями о Гражданской войне в Приморье. См.: *Морозова О.М.* Два акта драмы. С. 11, 27; *Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д.* Партизанское движение в Приморье глазами современников (по материалам 20-х – начала 30-х гг. XX в.) // Проблемы отечественной истории: Материалы научной конференции. Уссурийск, 2005. URL: www.uspri.ru/study...fac/motherlandhist_chair/method_docs_sbornik.rtf.
- ⁴² АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 4. Л. 2, 5.
- ⁴³ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.
- ⁴⁴ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 100. Л. 6-9.
- ⁴⁵ Ерзкян Арамаис Арутюнович (1879-1938). В 1898г. окончил тифлисскую Нерсисяновскую семинарию, в том же году вступил в РСДРП. В 1903-1920 гг. примыкал к меньшевикам, участвовал в V съезде РСДРП (1907). В 1916 г. был избран гласным городской думы Тифлиса, после Февральской революции 1917г. был членом рабочего совета, затем – Закавказского сейма. В 1920-1930 гг. был земнаркомом Армянской ССР, в 1931-1933гг. – председателем исполкома горсовета Еревана. Жертва сталинских репрессий, погиб в тюрьме. См.: *Дадаян Х.* Армяне и Баку (1850-е гг. – 1920 г.). Ереван, 2007.
- ⁴⁶ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 3. Л. 2.
- ⁴⁷ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 35. Л. 30.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1122. Л. 37.
- ⁴⁹ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 227. То же: Ф. 456. Оп. 18. Д. 26. Л. 1.
- ⁵⁰ Что могла представлять собой нелегальная библиотека, показывают материалы жандармского управления. В шкафчике молодого рабочего Алексея Красникова при обыске были найдены номер «Дневника социал-демократа», брошюра «Больничные кассы в Германии» и «31 открытка с разными изображениями, касающимися обеспечения рабочих в России и на Западе, страхования рабочих, влияния усталости на число увечий и разными другими тому подобными изображениями». См.: ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 364; Оп. 2. Д. 6. Л. 1.
- ⁵¹ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 345. Л. 44-45.
- ⁵² ГАДО. Ф. П-24. Оп. 2. Д. 29. Л. 1-7.
- ⁵³ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 129. Л. 2, 7 об.

-
- ⁵⁴ ГАДО. Ф Р-3493. Оп. 1. Д. 25. Л. 25.
- ⁵⁵ Там же. Л. 2, 6, 8.
- ⁵⁶ ГАДО. Ф. Р-2166. Оп. 1. Д. 104. Л. 14.
- ⁵⁷ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 274. Л. 1.
- ⁵⁸ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 73. Л. 36.
- ⁵⁹ Там же. Л. 42.
- ⁶⁰ ГАДО. Ф. Р-2166. Оп. 1. Д. 403. Л. 1-2.
- ⁶¹ Толстой А.Н. Гадюка. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_0100.shtml
- ⁶² Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. №10. С. 112.
- ⁶³ Хейвуд Э. Политология: глоссарий по книге. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/884/word/militarizm>
- ⁶⁴ См.: Бирюков С. «Модернизационная милитократия» или «турецкий путь» для России. URL: <http://www.apn.ru/publications/article21979.htm>
- ⁶⁵ См.: Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 159.
- ⁶⁶ Турчин П. Выстоять – исторический долг // Эксперт. 2010. № 16-17.
- ⁶⁷ Фонотов А.Г. Россия: От мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 99.
- ⁶⁸ Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М.: Трим, 1993. С.76-77.
- ⁶⁹ См. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
- ⁷⁰ См. Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. URL: <http://grachev62.narod.ru/dugin/chapt01.htm>
- ⁷¹ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С.602-618.
- ⁷² Ахизер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 55-56.
- ⁷³ Ленин В.И. О лозунге превращения империалистической войны в войну гражданскую // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26. М., 1973. С. 362.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Хёсле В. Указ. соч. С. 112-23.
- ⁷⁶ Посадский А.В. Гражданская война в России под углом зрения политической конфликтологии. URL: <http://www.on-lan.ru/politologiya>
- ⁷⁷ Фадеев А.А. Разгром: Роман. М., 1968. С. 7.
- ⁷⁸ Там же. С. 13.
- ⁷⁹ Бабель И.Э. Мой первый гусь // Конармия. Элиста, 1986. С. 22, 24.
- ⁸⁰ Лапкин В.В., Пантин В.И. Русский порядок // Полис. 1997. № 3. С.77.
- ⁸¹ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 226.

---

⁸² *Аманжолова Д.* Национальный вопрос в годы гражданской войны в России. URL: <http://his.1september.ru/2003/19/1.html>

⁸³ *Мамет Л.П.* Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930. С. 91; *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917-1925 гг. М., 1992. С. 111-112.

⁸⁴ См. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1973.

⁸⁵ См.: *Ханаху Р.А., Цветков О.М.* Исторический феномен в современном преломлении // СОЦИС. 1995. № 11.

⁸⁶ *Аманжолова Д.* Указ. соч. URL: <http://his.1september.ru/2003/19/1.html>

⁸⁷ Цит. по: *Гасанов Б.К.* Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917-1920 годах: идеология, практика, исторические судьбы и уроки. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1997. С. 21.

⁸⁸ *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: социалистический эксперимент (20-е годы). Майкоп, 1994. С. 382, 384, 386.

⁸⁹ *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 40-41.

⁹⁰ Национальная политика России... С. 247.

⁹¹ *Вилков А.А.* Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997. С. 88.

⁹² *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 242.

⁹³ *Левитов М.Н.* Корниловцы в боях летом-осенью 1919 года: Общее положение после занятия города Белгорода. URL: <http://www.dk1868.ru/history/LEVITOV.htm>

⁹⁴ Архивное собрание Дома Русского Зарубежья (далее – АСДРЗ). Ф. 1. Д. Е-91. Л. 12.

⁹⁵ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 116, 121-122, 125.

⁹⁶ Там же. Л. 148.

⁹⁷ Там же. Л. 186.

⁹⁸ Там же. Л. 48, 49, 55, 123, 125, 126.

⁹⁹ *Вернадский В.И.* Дневники. 31 января 1919 г. – 4 апреля 1920 г. URL: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/1920_01-1920_04.html.

¹⁰⁰ Автор дневника другого белого офицера, имя которого осталось неизвестным, ошибочно приписанный в архивной описи А. Моллеру.

¹⁰¹ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 21. Д. 252. Л. 56.

¹⁰² Там же. Л. 107.

¹⁰³ ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 9. Л. 199.

¹⁰⁴ Сага о Кантакузиных-Сперанских / Написанная кн. М. Кантакузиным, графом Сперанским; Пер. с англ. Д. Налепиной. М., 2004. С. 331, 346.

-
- ¹⁰⁵ ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 3. Л. 95, 96 об., 99 об.
- ¹⁰⁶ *Пилкин В.К.* В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918-1920. М., 2005. С. 33, 35, 40, 41, 220.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 143-144, 201, 220, 270.
- ¹⁰⁸ Великая Россия. 1919. 7(20) сентября. № 291.
- ¹⁰⁹ Там же. 1919. 17 (30) сентября. № 298.
- ¹¹⁰ Там же. 1919. 6 (19) сентября. № 290; 27 сентября (10 октября). № 307.
- ¹¹¹ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 118. Л. 78 об.
- ¹¹² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 723. Л. 22.
- ¹¹³ *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 387-388.
- ¹¹⁴ АСДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. Е-144/6. Л. 256, 280; Д. Е-144/7. Л. 306, 329; Д. Е-144/10. Л. 383.
- ¹¹⁵ *Душкин В.* Забытые. Париж, 1983. С. 27, 46.
- ¹¹⁶ *Пилкин В.К.* Указ. соч. С. 351.
- ¹¹⁷ Там же. С. 343, 359, 362, 476.
- ¹¹⁸ *Андреевский В.М.* Автобиографические воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 7. URL: http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp#_ftnref18.
- ¹¹⁹ *Кантакузина Ю.* Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876-1918 / пер. с англ. М., 2007. С. 15.
- ¹²⁰ *Душкин В.* Указ. соч. С. 28.
- ¹²¹ *Шульгин В.В.* 1920 // *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989. С. 300.
- ¹²² ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 34. Л. 23 об., 24.
- ¹²³ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 2. Д. 215. Л. 7.
- ¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1208. Л. 13 об.
- ¹²⁵ НАРА. Ф. Р-1114. Оп. 1. Д. 5. Л. 114.
- ¹²⁶ Цит. по: *Магомедов Ш.М.* Уллубий Буйнакский. Махачкала, 1964. С. 124-125.
- ¹²⁷ Письма Уллубия Буйнакского. Махачкала, 1962. С. 12-13.
- ¹²⁸ Там же. С. 17-18.
- ¹²⁹ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 627, 637.
- ¹³⁰ НАРК. Р-75. Оп. 1. Д. 9. Л. 3. Курсив мой – О.М.
- ¹³¹ *Магомедов Ш.М.* Указ. соч. С. 22.
- ¹³² ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 88. Л. 13.
- ¹³³ *Исецкий (Соломон) Г.А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 78, 81, 192 и др.
- ¹³⁴ *Темирязев Б.* Повесть о пустяках. Берлин: Петрополис, 1934. С. 103.
- ¹³⁵ *Душенко К.В.* Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. М., 2006. С. 479.

- ¹³⁶ *Шестов Н.И.* Политический миф теперь и прежде / Под ред. проф. А.И. Демидова. М., 2005. С. 154.
- ¹³⁷ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 84. Л. 3-4.
- ¹³⁸ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 36. Л. 76-77.
- ¹³⁹ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 118. л. 1-31.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 21.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 13, 14.
- ¹⁴² Там же. Л. 29.
- ¹⁴³ Там же. Л. 6, 7.
- ¹⁴⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 10. Л. 119-120.
- ¹⁴⁵ *Чистиков А. Н.* «Надо арестовывать осторожно»: судебная ответственность советской бюрократии 1917-1920 гг. // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории: Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова. СПб., 2008. С. 126-127.
- ¹⁴⁶ *Ефимова Г.* Военный Комиссар Крашинская // ОКНО. 2007. № 10.
- ¹⁴⁷ Латсон-Крашинский Освальд Петрович (1892-1938). Дивинтендант (1935). Латыш. Член ВКП(б) с февраля 1918 г. Из народных учителей. Участник Первой мировой войны. В июле 1917 г. назначен полковым писарем. Последний чин в старой армии – рядовой. С декабря 1917 г. – начальник 1-го отделения канцелярии Наркомата по военным и морским делам. В Красной армии добровольно с февраля 1918 г. В годы войны занимал должности: в 1918 г. – председателя хозяйственной комиссии по снабжению Красной армии в районе станции Дно, заведующего отделом снабжения Порховского уездного военного комиссариата, начальника снабжения 2-й Новгородской стрелковой дивизии. См.: *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937-1941. Биографический словарь. М., 2012. С. 398.
- ¹⁴⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 549. Л. 68.
- ¹⁴⁹ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-216. Оп. 3. Д. 4. Л. 24; Ф. Р-55. Оп. 5. Д. 56. Л. 13.
- ¹⁵⁰ ГАВО. Ф. 216. Оп. 3. Д. 4. Л. 1.
- ¹⁵¹ ГАВО. Ф. Р-55. Оп. 5. Д. 23. Л. 12.
- ¹⁵² ГАВО. Ф. Р-216. Оп. 3. Д. 4. Л. 1.
- ¹⁵³ ГАВО. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 56. Л. 46.
- ¹⁵⁴ ГАВО. Ф. Р-216. Оп. 3. Д. 4. Л. 84.
- ¹⁵⁵ ГАВО. Ф. Р-55. Оп. 5. Д. 105. Л. 40-41.
- ¹⁵⁶ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 7. Д. 146. Л. 86.
- ¹⁵⁷ Государственный архив Латвии (далее – ГАЛ). Ф. РА-200. Оп. 3. Д. 3. Л. 11.
- ¹⁵⁸ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 230. Л. 109. 0615

-
- ¹⁵⁹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 36. Л. 57.
- ¹⁶⁰ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 88 б. Л. 82.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 452, 447.
- ¹⁶² НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 340. Л. 2.
- ¹⁶³ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 88 б. Л. 374.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 430.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 160.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 37.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 90.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 331-335.
- ¹⁶⁹ *Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана / Перевод с англ. М., 1998. С. 309.*
- ¹⁷⁰ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 84. Л. 6.
- ¹⁷¹ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 2. Д. 221. Л. 55.
- ¹⁷² ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 2. Д. 221. Л. 56-57.
- ¹⁷³ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 2. Д. 221. Л. 57.
- ¹⁷⁴ Лучко Евгений Архипович, 1898 г.р., окончил в мае 1916 г. четырехлетнее Ташкентское военное училище; за два с половиной года службы из прапорщиков стал есаулом. В 1916-1917 гг. на Кавказском фронте в боях не участвовал; занимался исключительно писарской штабной и интендантской работой, о чем сообщал в официальной Краткой записке, которая заменяла офицерам-добровольцам традиционный послужной список. Чин подьесаула он получил 12 марта (по ст. ст.) 1918 г. за один день до пленения его отряда, входившего в состав войск Кубанского правительства. Из России не эмигрировал или вернулся в СССР после эмиграции. Жил в Крыму. Женился в конце 1930-х гг. Арестован в 1941 г. Дальнейшая судьба неизвестна.
- ¹⁷⁵ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 2. Д. 240. Л. 100-102; Д. 251. Л. 80-83, 105, 108, 129 об.
- ¹⁷⁶ Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (далее – ХДНИ НАРА). Ф. 1123. Оп. 2. Д. 9. Л. 132.
- ¹⁷⁷ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 136. Л. 12, 13, 16.
- ¹⁷⁸ ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 7. Л. 13 об.-14 об.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 19.
- ¹⁸⁰ ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.
- ¹⁸¹ ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 7. Л. 13 об.
- ¹⁸² ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 5. Л. 236-237.
- ¹⁸³ ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 7. Л. 19 об.
- ¹⁸⁴ ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 5. Л. 246.
- ¹⁸⁵ ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 29. Л. 365 об.-367.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 368.
- ¹⁸⁷ ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 5. Л. 175.

---

¹⁸⁸ Там же. Л. 126.

¹⁸⁹ Там же. Л. 62, 74, 129, 163.

¹⁹⁰ ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 17. Л. 5-6.

¹⁹¹ ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 29. Л. 239.

¹⁹² Сохранившаяся и поныне теоретическая и методологическая неопределенность дефиниций, описывающих оценочные характеристики общественного сознания, определила сосуществование терминов «картина мира», «когнитивная карта», «мировоззрение», «менталитет» и пр. Философско-теоретически эти понятия можно (при желании) достаточно определенно развести, но при рассмотрении феноменов прошлого в предметной области истории их неопределенность компенсируется индивидуальностью и многоаспектностью исторической реальности.

¹⁹³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. Мн., 2002. С. 232, 245-249; *Его же.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Январь 1919 г. – март 1920 г. Мн., 2002. С. 163-174.

¹⁹⁴ *Инполитов Г.М.* Морально-психологическое состояние офицеров Добровольческой армии в период ее формирования (ноябрь 1917 – февраль 1918 гг.): к постановке проблемы // Армагеддон. Кн. 9. М., 2001. С. 75-94; *Войнов В.М.* Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 51-64; *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005; *Постникова О.А.* Борьба с нравственными изъятиями в морально-психологическом состоянии белого офицерства в годы Гражданской войны на Юге России // Известия Самар. науч. центра РАН. Т. 12. №12. 2000. С. 114-118; *Ее же.* К вопросу о нравственном облике участников Гражданской войны на Юге России // Гражданская война в России (1917-1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия. С. 269-278.

¹⁹⁵ ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

¹⁹⁶ Там же. Л. 9 об.

¹⁹⁷ *А.В.* Дневник обывателя // АРР. Т. IV. С.260.

¹⁹⁸ Если собеседником генерала Шкуро был бывший командир 22-го Кубанского пластунского батальона Постовский, то он известен тем, что еще летом 1917 г. от имени казаков и офицеров своего батальона написал открытое письмо Верховному главнокомандующему А.А. Брусилову ультрапатриотического содержания. Военный министр А.Ф. Керенский назывался в нем «Пожарским земли Русской»; Германия – насильником всей Вселенной, и т.д. Письмо содержало призыв поддержать наступление для победы, которая нужна во имя всеобщего братства, равенства и свободы. Таким образом, и генерал Постовский не был монархистом. ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 21. Д. 251. Л. 43 об., 44, 44 об.

-
- ¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 153. Л. 3.
- ²⁰⁰ По-видимому, А.Н. – это начальник 1-го подрайона Никольский.
- ²⁰¹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 40. Л. 18-20.
- ²⁰² Михайлов И.В. Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. Сб. памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002. С. 647.
- ²⁰³ Венус Г.Д. Война и люди: Семнадцать месяцев с дроздовцами // Я ставлю крест... М., 1995. С. 206, 247, 267, 291, 319; Шульгин В.В. Дни. 1920. С. 300.
- ²⁰⁴ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 2. Д. 220. Л. 23, 28.
- ²⁰⁵ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР в 1930-1931 годы. М., 2000. С. 73, 77, 109, 173.
- ²⁰⁶ Елисеев Ф.И. С Хоперцами: Воспоминания о Гражданской войне // Дневники казачьих офицеров. М., 2004. С. 385.
- ²⁰⁷ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 2. Д. 221. Л. 17; ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 175.
- ²⁰⁸ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 169, 224-225.
- ²⁰⁹ ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 958. Л. 26; ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 168, 175, 226.
- ²¹⁰ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 21. Д. 252. Л. 50-51.
- ²¹¹ Там же. Л. 73.
- ²¹² Там же. Л. 67.
- ²¹³ Напр.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 12-13.
- ²¹⁴ Абинякин Р.М. Социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. С. 413-414.
- ²¹⁵ Так о нем отзывался сотрудник Освага А. Дроздов. См.: Дроздов А. Интеллигенция на Дону // АРР. Т. II. С. 57.
- ²¹⁶ Великая Россия. 1919. 22 сент. (5 окт.). № 303.
- ²¹⁷ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май – октябрь 1918 г. Мн., 2002. С. 149.
- ²¹⁸ Абинякин Р.М. Социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства. С. 413-414.
- ²¹⁹ Ответы на анкету баронессы М.П. Врангель о положении русских эмигрантов (1928–1931 гг.) № 4. В Польше. Не ранее 15 декабря 1928 года // Цит. по: Квакин А.В. Документы из коллекции баронессы Марии Врангель Гуверовского архива США по истории российского зарубежья. URL: <http://www.kvakin.ru/Documents/maria.doc>.
- ²²⁰ Пилкин В.К. Указ. соч. С. 71, 116.
- ²²¹ Шестов Н.И. Указ. соч. С. 386.
- ²²² Абинякин Р.М. Социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства. С. 418.

- ²²³ Дроздовский М.Г. Дневник. URL: http://militera.lib.ru/db/drozдовsky_mg/index.html.
- ²²⁴ Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Б.м., 1953. С. 385.
- ²²⁵ Мокиевская-Зубок З.С. Гражданская война в России, эвакуация и «сидение» в Галлиполи глазами сестры милосердия военного времени (1917-1923) // Добровольцы: Сб. воспоминаний. М., 2001. С. 268.
- ²²⁶ ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 4. Л. 16, 16 об.
- ²²⁷ Пилкин В.К. Указ. соч. С. 370.
- ²²⁸ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4208. Л. 2.
- ²²⁹ Пилкин В.К. Указ. соч. С. 79, 96.
- ²³⁰ ЦГАРСО-А. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5. Л. 15, 20-21, 23-24, 29-30, 35.
- ²³¹ Елисеев Ф.И. С Хоперцами... С. 242-243.
- ²³² Пилкин В.К. Указ. соч. С. 67.
- ²³³ Пепеляев А.Н. Из дневника // Илин (Якутск). 1991. №3. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1991-3/25.htm>
- ²³⁴ ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 9. Л. 50-53; Д. 15. Л. 3-4.
- ²³⁵ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 15, 124, 126, 136, 169.
- ²³⁶ Квакин А. «Белый рыцарь» – «черный ворон» – «милый Петруша» (Письма генерала П.Н. Врангеля жене, баронессе О.М. Врангель). URL: kvakin.ru/Documents/vrangel_family.doc.
- ²³⁷ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 21. Д. 252. Л. 51.
- ²³⁸ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2 т. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. Т. 2. С. 399.
- ²³⁹ Сенявская Е.С. Бытовая религиозность на войне (На примере двух мировых и советско-афганской войны) // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996. С. 135.
- ²⁴⁰ Душкин В. Указ. соч. С. 15, 27-29.
- ²⁴¹ Волков-Муромцев Н. Юность. От Вязьмы до Феодосии. Paris, 1983. С. 322.
- ²⁴² Вернадский В.И. Указ. соч. URL: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/1920_01-1920_04.html
- ²⁴³ ГАКК. Ф. Р-411сч. Оп. 21. Д. 252. Л. 35.
- ²⁴⁴ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 717. Л. 31.
- ²⁴⁵ См.: Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М., 1996. С. 66.
- ²⁴⁶ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 116, 121-122.
- ²⁴⁷ Там же. Л. 140, 141, 142.
- ²⁴⁸ Волков-Муромцев Н. Указ. соч. С. 347; Шидловский С.Н. Записки белого офицера. СПб, 2007. С. 45.
- ²⁴⁹ Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. В 2 т.: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2003. Т. 1. С. 268-269.

- ²⁵⁰ *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 432.
- ²⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 117. Л. 28 об., 32, 64 об., 66 об.
- ²⁵² ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 325. Л. №, 4; *Баронесса Фрейтаг фон Лорингофен*. Из дневника // АРР. Т. 2. С. 219.
- ²⁵³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. С. 238.
- ²⁵⁴ *Коростылёва Л.А.* Проблема самореализации личности в системе наук о человеке // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылёвой. СПб: СПбГУ, 1997. С. 4.
- ²⁵⁵ Выдержки из дневника Начальника Осведомительного отдела штаба Уфимской группы войск и редактора газеты «Уфимец» поручика Савинцева за ноябрь 1920 – январь 1921 гг. о настроениях в рядах белой интеллигенции. URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=2708>
- ²⁵⁶ *Ларионов В.* Последние юнкера. Франкфурт, 1984. URL: <http://www.dk1868.ru/history/larionov3.htm>.
- ²⁵⁷ *Синегуб А.* Защита Зимнего дворца // АРР. Т. IV. С. 165, 166.
- ²⁵⁸ *Кожевин В.Л.* Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения // Вестник Омского университета. Вып. 3. Омск, 1999. С. 83-84.
- ²⁵⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.
- ²⁶⁰ ГАЛ. Ф. РА-200. Оп. 3. Д. 130. Л. 20.
- ²⁶¹ Там же. Л. 23 об.-24.
- ²⁶² ГАЛ. Ф. РА-200. Оп. 3. Д. 6. Л. 69.
- ²⁶³ ГАЛ. Ф. РА-200. Оп. 3. Д. 130. Л. 15, 16, 18 об.
- ²⁶⁴ Там же. Л. 17 об. – 18.
- ²⁶⁵ Там же. Л. 21 об. – 22.
- ²⁶⁶ Там же.
- ²⁶⁷ Там же. Л. 23 об.-24.
- ²⁶⁸ Попов Дмитрий Иванович (1892 – 1921), балтийский матрос, начальник Боевого отряда ВЧК, активный участник восстания левых эсеров в Москве в 1918 г.
- ²⁶⁹ ГАЛ. Ф. РА-45. Оп. 2. Д. 318. Л. 5.
- ²⁷⁰ Там же. Л. 55.
- ²⁷¹ Сибирская советская энциклопедия. Б.м., 1932. Т. 3. С. 24-26.
- ²⁷² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 150. Л. 17 об.
- ²⁷³ ГАЛ. Ф. РА-200. Оп. 9. Д. 1354. Л. 2, 3.
- ²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 150. Л. 7 об.; ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 654. Л. 46.
- ²⁷⁵ По воспоминаниям П. Малькова, коменданта Смольного, а потом и Кремля, охрана Смольного поначалу состояла из матросов, но потом их становилось все меньше и меньше: их отправляли на Дон и Украину для борьбы с

контрреволюцией. Вероятно, это было связано с неуправляемостью «красы и гордости революции» и с сильным влиянием анархистов. Мальков искал часть, в которой был бы сильный рабочий костяк, и нашел латышских стрелков. К марту 1918 г. в Смольном несли службу 500 латышей из 1-го коммунистического отряда. 9-й Латышский стрелковый полк нес службу при переезде советского правительства в Москву. Но в конце сентября 1918 г. командование Латышской дивизии предлагало для несения караульной службы в Кремле сменить один латышский полк другим: 9-й – на 2-й Латышский стрелковый советский полк. По версии Малькова, они рвались на фронт. Однако затем он связал смену революционной лейб-гвардии с раскрытием заговора Локкарта, который пытался в середине августа 1918 г. установить контакт с Берзиным, командиром артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой дивизии, и подкупить охрану Кремля. Дескать, англичане намеривались использовать национальные чувства латышей, их предполагаемую неприязнь к русскому народу (!). Деньги были им переданы в сумме 1200 тыс. руб. После окончания дела, видимо, чтобы не провоцировать латышей, Я.М. Свердлов разрешил создать на эти деньги фонд единовременных пособий семьям латышских стрелков, павших во имя революции или получившим увечья; потратить часть средств на издание агитационной литературы, создание клуба и на культурно-просветительские цели. Видимо, в связи с этим Свердлов вскоре принял решение перевести в Кремль Первые пулеметные курсы из Лефортово: народ надежный, коммунисты из рабочих, и постоянно сменяемый. С 1919 г. охрана Ленина состояла из чекистов. См.: *Мальков П.* Записки коменданта Кремля. 3-е изд. М., 1967. С. 53–54, 56, 87, 95, 129, 236–237.

²⁷⁶ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 654. Л. 52.

²⁷⁷ Там же. Л. 45–58; Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-3586. Оп. 1. Д. 202.

²⁷⁸ ГАЛ. Ф. РА-45. Оп. 4. Д. 34. Л. 4-17.

²⁷⁹ Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. С. 26-28.

²⁸⁰ Шкильтер Карл Юрьевич, историк. Родился 14 июня 1891 г. в Латвии, латыш. Член КПСС с 1917 г. В годы Гражданской войны находился во Владивостоке, позже работал в латышском секторе Белорусской АН, директором государственной библиотеки БССР им. В. И. Ленина. Исключен из рядов КП(б)Б в октябре 1937 г. Арестован 3 декабря 1937 г. и по постановлению внесудебного органа от 10 сентября 1940 г. заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. Сведений о его дальнейшей судьбе не имеется. Реабилитирован в 1957 г. Верховным судом БССР. Восстановлен в рядах КПСС в 1957 г. См.: Возвращенные имена. Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / Под ред. академика АН Беларуси А.С. Махнач. Мн.: Навука і тэхніка, 1992. С. 112.

-
- ²⁸¹ ГАЛ. Ф. РА-200. Оп. 3. Д. 6. Л. 30-32, 40-41, 45-54.
- ²⁸² Там же. Л. 1, 8, 11, 12; Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГАРСО-А). Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 541. Л. 32.
- ²⁸³ Правда. 1918. 15 октября. № 222.
- ²⁸⁴ *Морозова О.М.* Два акта рамы. С. 120.
- ²⁸⁵ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 120.
- ²⁸⁶ *Левченко В.С.* Страницы донской истории. Ростов н/Д, 1974. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000007/st019.shtml>.
- ²⁸⁷ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 241.
- ²⁸⁸ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 82. Л. 4-5.
- ²⁸⁹ Там же. Л. 5.
- ²⁹⁰ ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 95. Л. 10.
- ²⁹¹ ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 3. Л. 88 об., 89.
- ²⁹² ГАЛ. Ф. РА-200. Оп. 3. Д. 130. Л. 11 об.
- ²⁹³ *Щукин С.* [протоиерей]. О «волках в овечьей шкуре» (образцовая проповедь). Ростов н/Д, 1919. С. 3-9.
- ²⁹⁴ *Васильченко С.Ф.* Речи Тихого Дона. М., 1919. С. 5, 9, 12.
- ²⁹⁵ ГАПО. Ф. Р-1231. Оп. 1. Д. 1. Л. 143, 210.
- ²⁹⁶ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 254. Л. 15.
- ²⁹⁷ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 12. Л. 74, 185.
- ²⁹⁸ *Левитов М.Н.* Указ. соч. URL: <http://www.dk1868.ru/history/LEVITOV.htm>
- ²⁹⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 9. Л. 31-32.
- ³⁰⁰ Там же. Л. 104, 123, 126.
- ³⁰¹ ГАЛ. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
- ³⁰² ГАПО. Р-590. Оп. 1. Д. 571. Л. 5.
- ³⁰³ Там же. Л. 26, 64.
- ³⁰⁴ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 254. Л. 2.
- ³⁰⁵ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 372. Л. 94-97.
- ³⁰⁶ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 298. Л. 16.
- ³⁰⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 40. Л. 21, 11.
- ³⁰⁸ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 372. Л. 38-42.
- ³⁰⁹ Роль турецких военных специалистов в событиях Гражданской войны освещена в работе Н.П. Эмирова (*Эмиров Н.П.* Установление советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917-1920 гг.). М., 1949).
- ³¹⁰ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 132. Л. 8.
- ³¹¹ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 121. Л. 37.
- ³¹² *Симонова Т.* Беспощадное истребление, поголовное выселение // Независимая газета. НВО. 2002. 5 марта. URL: http://nvo.ng.ru/history/2002-03-15/5_destruction.html
- ³¹³ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 886. Л. 240-242.

-
- ³¹⁴ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 78. Л. 2-3.
- ³¹⁵ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 36. Л. 79, 90.
- ³¹⁶ Там же. Л. 80.
- ³¹⁷ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 886. Л. 449.
- ³¹⁸ Там же. Л. 470.
- ³¹⁹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 541. Л. 32, 33.
- ³²⁰ Там же. Л. 32, 33.
- ³²¹ Борцы за власть Советов в Дагестане: сб. Махачкала, 1987. С.283.
- ³²² ЦГА РСО-А. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 19. Л. 41-45.
- ³²³ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 20. Л. 98, 135-137.
- ³²⁴ *Бгажба О.Х., Лакоба С.З.* История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007. С. 268.
- ³²⁵ *Мустафа Бутбай.* Воспоминания о Кавказе: Записки турецкого разведчика. Перевод с турецкого академика З. М. Буянитова. Махачкала, 1993. Цит. по: *Абдурагимов Г.А.* Кавказская Албания – Лезгистан. История и современность. СПб, 1995. URL: <http://www.lekia.ru/str63.html>. Дата обращения: 22.02.2010.
- ³²⁶ Шервашидзе (Чачба) Александр Константинович (1867 – 1968), правнук правителя Абхазского княжества Келеш-бея Чачба, первый профессиональный художник среди абхазов. В избрании его главой Комитета общественной безопасности, а потом Абхазского национального совета сыграло ведущую роль то, что он считался местоблюстителем княжеского престола Абхазии.
- ³²⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2с. Д. 728. Л. 18.
- ³²⁸ *Доного М. М.* Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: Автореферат ... доктора исторических наук. М., 2008. С. 28.
- ³²⁹ *Дугричилов М.* Сказания о Дагестане. Свобода в поисках признания. Политический портрет Гейдара Баммата. URL: http://www.sogratl.net/publ/md/Book/Skazania_14.pdf.
- ³³⁰ Асланбек Шерипов: Опыт характеристики личности и деятельности А. Шерипова в связи с нар.-рев. движением в Чечне / Ефрем Эшба ; [Послел. И. Марыхуба (Мархолия)]. Сухуми, 1990. С. 160-161.
- ³³¹ *Дибиров М.-К.* История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997. С.48.
- ³³² В работах указываются разные даты появления армии Юсуф-Иззет-паши в Дагестане: июнь – июль 1918 г. и сентябрь 1918 г.
- ³³³ Цит. по: Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920) / Отв. ред. Н. Агамалиев. Баку, 1998. С. 47.
- ³³⁴ Цит. по: *Демоян Г.* Турция и Карабахский конфликт в конце XX – начале XXI веков. Историко-сравнительный анализ. Ер., 2006. С. 39.

³³⁵ Цит. по: *Абдурагимов Г.А.* Кавказская Албания – Лезгистан. История и современность. СПб, 1995. URL: <http://www.lekia.ru/str59.html>.

³³⁶ Документ № 425. Военно-политический обзор положения Дагестана и Северного Кавказа, составленный начальником генерального штаба военного министерства азербайджанского Мусаватистского правительства // Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане в 1917—1921 гг.: сборник документов и материалов / ред. Г.-А. Д. Даниилов; Ин-т истории, языка и литературы Дагест. филиала АН СССР. Ин-т истории партии при Дагест. обкоме КПСС – филиал НМЛ при ЦК КПСС; Архивный отд. МВД ДА ССР. М., 1958. С. 362-364.

³³⁷ *Абдуллаев К.* Смерть «летучего голландца Востока». URL: <http://www.easttime.ru/countries/int/3/9/79.html>.

³³⁸ ЦГА РСО-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

³³⁹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; Д. 8. Л. 13, 18, 19, 21, 25; Д. 10 Л. 9 и др.

³⁴⁰ Отлучение Энвер-паши, Нури-паши и их родного дяди Халил-паши, бывшего командующего группой войск, действовавших на Кавказе и в Месопотамии, от высокой турецкой политики продолжалась недолго. Стремясь выйти из международной изоляции, Мустафа Кемаль использовал их контакты и присутствие на территории бывшей Российской империи для установления связи с Москвой (*Демоян Г.* Указ. соч. С. 51).

³⁴¹ *Демоян Г.* Указ. соч. С. 44.

³⁴² *Шмулевич А.* Кровь Красной Поляны. Первая попытка реванша. Осуществление. URL: <http://www.apn.ru/publications/article20486.htm>.

³⁴³ *Магомедов М.А.* О некоторых особенностях Октябрьской революции // История Отечества. 1997. №6. С. 88.

³⁴⁴ *Павлович М.* Кемалистское движение в Турции // Красная новь. 1921. № 1. С. 218.

³⁴⁵ *Тарасов С., Ермолаев Д.* По следам Бакинской коммуны // Российские вести. 2009. №2 (1944); *Абдуллаев К.* Указ. соч. URL: <http://www.easttime.ru/countries/int/3/9/79.html>.

³⁴⁶ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 36. Л. 83.

³⁴⁷ *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана и Советская власть: борьба и сотрудничество (1917-1921 гг.). Махачкала, 2004.

³⁴⁸ *Тахо-Годи А.А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С.120.

³⁴⁹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 11, 23.

³⁵⁰ *Сулаев И.Х.* Указ. соч. С.115.

³⁵¹ *Атаев А.-К.* Незабываемые дни. Воспоминания. Махачкала, 1959. С.99.

³⁵² Большевицкое руководство. Переписка. 1912-1927: Сб. док. / Сост. А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк и др. М., 1996. С. 122; *Демоян Г.* Указ. соч. С. 54.

- ³⁵³ *Абдуллаев К.* Указ. соч. URL: <http://www.easttime.ru/countries/int/3/9/79.html>.
- ³⁵⁴ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 28. Л. 111.
- ³⁵⁵ ЦГАРСО-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 20.
- ³⁵⁶ *Добрынин В.А.* Оборона Мугани, 1918 – 1919: записки кавказского пограничника. Париж, б.г.
- ³⁵⁷ История Азербайджана / Под ред. И.А. Гусейнова, М.А. Дадашзаде и др. Баку, 1963. Т. 3. Ч. 1. С. 188-193.
- ³⁵⁸ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 98-100.
- ³⁵⁹ *Микоян А.И.* События на Мугани // Юность. 1969. №1-2.
- ³⁶⁰ Азербайджанская Демократическая Республика (1918 - 1920). Баку, 1998. С. 80.
- ³⁶¹ Талыши – потомки местных аборигенных племен; талышский язык был отнесен Б.В. Миллером к северо-западной группе иранских языков; исповедуют ислам шиитского толка.
- ³⁶² *Булдаков В.П.* Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917 – 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2011.
- ³⁶³ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 58. Л. 1-32.
- ³⁶⁴ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 119. Л. 1- 44.
- ³⁶⁵ По традиции, существовавшей в дореволюционное время, этнических азербайджанцев именовали тюрками или закавказскими татарами.
- ³⁶⁶ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 28. Л. 43.
- ³⁶⁷ В 1919 г. Ширали Ахун-заде (Ахундов) стал техническим секретарем Персидской КП «Адалат». См.: АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 127.
- ³⁶⁸ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 28. Л. 26.
- ³⁶⁹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 139-140.
- ³⁷⁰ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 28. Л. 36.
- ³⁷¹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 35, 31.
- ³⁷² АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 154. 3662
- ³⁷³ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 50, 52.
- ³⁷⁴ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 172. Л. 150.
- ³⁷⁵ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 68.
- ³⁷⁶ *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 84. Нумерация страниц дана по копии книги из коллекции Slavic Library of The Miami University (Oxford, OH, USA).
- ³⁷⁷ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 27, 28; *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 89.
- ³⁷⁸ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 132.
- ³⁷⁹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 53.
- ³⁸⁰ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 125-126.
- ³⁸¹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 160.
- ³⁸² АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 172. Л. 156; Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 140.

-
- ³⁸³ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 136 об.
- ³⁸⁴ *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 72, 80/1.
- ³⁸⁵ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 166.
- ³⁸⁶ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 71.
- ³⁸⁷ *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 92.
- ³⁸⁸ *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 88-89.
- ³⁸⁹ О Моисее Бочарникове сохранились высказанные знавшими его людьми противоречивые суждения. Для одних он – боевой парень, для других – голворез; по мнению Донского: «полуанархист и коммунист, а в прошлом активный мародер». АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 184.
- ³⁹⁰ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 190.
- ³⁹¹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 51.
- ³⁹² АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 75.
- ³⁹³ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 128. Л. 96-97.
- ³⁹⁴ Об этом человеке В.А. Добрынин и советские мемуаристы сообщают противоречивые сведения. По сведениям Кожемяко и Шахрамонова правый эсер Орлов-Пасынин оказался в Мугани с мандатом Временного правительства как комиссар по продовольствию, так и застрял. Большевики за ним установили «военно-политический контроль», назначив к нему комиссаром Ломакина. Это был тучный человек, ходивший в гражданской одежде, в пенсне и тросточкой. Добрынин дает Орлову полный букет компрометирующих характеристик: еврей, немецко-британский шпион, ведущий коммунистическую пропаганду. Он называет его штабс-ротмистром бароном Розеном, который в Мугани действовал под именем полковника графа Орлова-Пасечного, якобы назначенного генералом Пржевальским, а в действительности был швейцарским евреем Соломоном Шинке, осужденным окружным судом в Кутаисе за подделку банковского билета в 1909 г. Но Добрынин и советские ветераны едины в одном, при нем в Муганской советской армии была введена железная дисциплина.
- ³⁹⁵ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 46-48.
- ³⁹⁶ Тут имелись в виду шахсевенские отряды, стремившиеся прорваться в Мугань с юга.
- ³⁹⁷ *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 98-100.
- ³⁹⁸ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 211.
- ³⁹⁹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 93-94; Д. 33. Л. 33, 122, 181-182.
- ⁴⁰⁰ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 38; Д. 31. Л. 14.
- ⁴⁰¹ *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 151.
- ⁴⁰² АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 28. Л. 71; Оп. 18. Д. 33. Л. 255-256.
- ⁴⁰³ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 176.
- ⁴⁰⁴ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 186.
- ⁴⁰⁵ Там же. Л. 78.

-
- 406 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 170; Оп. 18. Д. 33. Л. 170.
- 407 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 150.
- 408 Там же. Л. 113.
- 409 Там же. Л. 205.
- 410 Там же. Л. 237.
- 411 Там же. Л. 140.
- 412 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 172.
- 413 *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 157.
- 414 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 57.
- 415 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 59; Д. 33. Л. 187-189, 209.
- 416 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 56; см. также: Д. 33. Л. 220.
- 417 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 58, 191, 202, 203.
- 418 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 194, 199-202; Оп. 18. Д. 33. Л. 39, 202, 203, 219- 220.
- 419 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 151.
- 420 В сводке о положении в Дагестане за июль 1919 г. сказано, что в ответ на арест 35 чел. в Дагестане в Мугани были взяты в заложники «белые офицеры». Угроза их расстрела должна была защитить дагестанских пленников, но пятеро все равно были расстреляны, в т.ч. У. Буйнакский, О. Лещинский и др. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 36. Л. 32-34.
- 421 *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 93.
- 422 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 92.
- 423 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 190.
- 424 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 56.
- 425 Там же. Л. 56.
- 426 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 141, 169; Оп. 18. Д. 30. Л. 83-84; Д. 33. Л. 168.
- 427 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 108-109.
- 428 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 139-140; Оп. 18. Д. 30. Л. 6; Д. 33. Л. 119-120.
- 429 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 108-109.
- 430 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 82, 57-58.
- 431 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 72, 98.
- 432 Там же. Л. 53-54.
- 433 История Азербайджана. Т. 3. Ч. 1. С. 279.
- 434 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 180.
- 435 *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 91.
- 436 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 104.
- 437 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 32, Д. 33. Л. 184, 189, 232.
- 438 Там же. Л. 48.
- 439 ХДНИ НАРА. Ф. П-1293. Оп. 1-л. Д. 30. Л. 628.

- 440 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 5, 243.
- 441 АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 8-9.
- 442 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 19-20.
- 443 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 117.
- 444 Там же. Л. 1-2, 4.
- 445 Там же. Л. 138.
- 446 *Агуренко Б.П.* Егор Мурлычев: Повесть о ростовских подпольщиках. Ростов н/Д., 1980; *Его же.* Смерти смотрели в лицо: Док. повесть. Ростов н/Д., 1979; *Бреслав Б.А.* Из тюремных настроений // В годы подполья. М.: Политиздат, 1964; За власть трудового народа! Очерки истории партийных организаций Дона. В 2 ч. Ростов н/Д, 1973; *Драбкина Е. Я.* Баллада о большевистском подполье. М., 1968; *Москатов П., Шаблиевский Г., Карагодская М.* Рабочий класс Дона в борьбе за Советскую власть. Краткий исторический черк. Ростов н/Д., 1957; *Козлов И. А.* В крымском подполье. М., 1948; *Плотников И. Ф.* Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920). М., 1968; *Солодянкин А.Г.* Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960; и др.
- 447 ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 177. Л. 38.
- 448 ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 372. Л. 17-18.
- 449 ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 73. Л. 4-5, 11, 29, 30, 34; Д. 372. Л. 64, 65 и др.
- 450 ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.
- 451 ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 211. Л. 4-7, 10, 12.
- 452 ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 101. Л. 9-13; Д. 101 а. Л. 1-4; Д. 177. Л. 39.
- 453 Вечернее время (Ростов-на-Дону). 1919. 23 апр. № 251.
- 454 ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 530. Л. 14-15.
- 455 *Моренец П.* Указ. соч. С. 216.
- 456 Там же. С. 180.
- 457 Там же. С. 31-32, 34-35.
- 458 ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 530. Л. 8.
- 459 ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 106. Л. 6-7.
- 460 Там же. Л. 1.
- 461 Борьба за Советы на Севере (1918-1919) / Истпарт Архангельского Губкома ВКП(б). Архангельск, 1926. С. 118.
- 462 ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 507. Л. 81.
- 463 *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. События на Севере в 1917-1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск, 2007. С. 435.
- 464 ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 21. Л. 63-64, 67-68.
- 465 *Моренец П.* Указ. соч. С. 57.
- 466 ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 177. Л. 33.
- 467 ГАРО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

- ⁴⁶⁸ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 177. Л. 45; Д. 181. Л. 69; Д. 195. Л. 52.
- ⁴⁶⁹ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 297. Л. 1-6.
- ⁴⁷⁰ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 177. Л. 49.
- ⁴⁷¹ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 195. Л. 52-53.
- ⁴⁷² ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 177. Л. 52.
- ⁴⁷³ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 159. Л. 6.
- ⁴⁷⁴ Там же. Л. 8, 9.
- ⁴⁷⁵ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 507. Л. 70.
- ⁴⁷⁶ Нужно отметить, что в 1936 г. такой знаток историко-партийной проблематики как Я.Н. Раенко высказывал сомнения по поводу измены В. Абросимова. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 530. Л. 7.
- ⁴⁷⁷ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 177. Л. 56.
- ⁴⁷⁸ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 177. Л. 65-68; Д. 507. Л. 30-34; *Моренец П.* Указ. соч. С. 274.
- ⁴⁷⁹ *Шатуновская О. Г.* Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская / сост.: Д. Кутьина, А. Бройдо, А. Кутьин. La Jolla (Calif.): DAA Books, 2001. С. 108, 419.
- ⁴⁸⁰ *Моренец П.* Указ. соч. С. 273.
- ⁴⁸¹ Там же. С. 296.
- ⁴⁸² НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 88 а. С. 198.
- ⁴⁸³ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 21. Л. 86.
- ⁴⁸⁴ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 88 б. Л. 92, 109, 132, 176, 181, 484, 487, 488; ЦДНИКК. Ф. Р-1774. Оп. 2. Д. 324. Л. 5, 6.
- ⁴⁸⁵ Национальный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 289. Л. 29-34.
- ⁴⁸⁶ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 106. Л. 5; Д. 177. Л. 81.
- ⁴⁸⁷ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 258. Л. 3.
- ⁴⁸⁸ Надежда Николаевна Колесникова (1882 - 1964), в 1918 г. нарком просвещения Бакинского совета; в 1919 г. – председатель Астраханского губкома, член Временного Военно-революционного комитета.
- ⁴⁸⁹ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 5. Л. 56.
- ⁴⁹⁰ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 110. Л. 13-14.
- ⁴⁹¹ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 105-108.
- ⁴⁹² Там же. Л. 17.
- ⁴⁹³ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 109-111.
- ⁴⁹⁴ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 36. Л. 76-77; Оп. 17. Д. 14. Л. 167.
- ⁴⁹⁵ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 165. Л. 11-15.
- ⁴⁹⁶ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 51. Л. 8.
- ⁴⁹⁷ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 103а. 1-9.
- ⁴⁹⁸ Правильно: Каландадзе; было несколько революционеров и большевиков с такой фамилией – Ф., Мириан, Ваню.

-
- ⁴⁹⁹ Там же. Л. 10.
- ⁵⁰⁰ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 11.
- ⁵⁰¹ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 10-11, 17.
- ⁵⁰² АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 21.
- ⁵⁰³ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 175. Л. 33-59.
- ⁵⁰⁴ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 82. Л. 1-11.
- ⁵⁰⁵ Флот в Белой борьбе / Сост., предисл., комм. С.В. Волкова. М., 2002. С. 317-373.
- ⁵⁰⁶ История Азербайджана / Под ред. И.А. Гусейнова, М.А. Дадашзаде и др. Баку, 1963. Т. 3. Ч. 1. С. 182.
- ⁵⁰⁷ *Широкоград А.Б.* Великая речная война. 1918–1920 годы. М., 2006. С. 200-201.
- ⁵⁰⁸ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 15, 17.
- ⁵⁰⁹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 64.
- ⁵¹⁰ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 12. Л. 5-6; Оп. 17. Д. 14. Л. 145.
- ⁵¹¹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 46.
- ⁵¹² АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 102; Оп. 17. Д. 11. Л. 165-166.
- ⁵¹³ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 52. Л. 8.
- ⁵¹⁴ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 103.
- ⁵¹⁵ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 160; Д. 14. Л. 30.
- ⁵¹⁶ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 5. Д. 52. Л. 1-4.
- ⁵¹⁷ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 75-76.
- ⁵¹⁸ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 50.
- ⁵¹⁹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 47-48.
- ⁵²⁰ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 1. Л. 39. Л. 39 об.
- ⁵²¹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 120-121, 123, 126-127.
- ⁵²² Астраханки и туркменки (или киржимы) – парусные плоскодонные лодки для хождения под парусом длиной около 12-14 м и шириной до 3-4 м. У астраханок было две или три мачты, а у туркменок – одна, которая находилась близко от кормы.
- ⁵²³ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 69.
- ⁵²⁴ Там же. Л. 50-51.
- ⁵²⁵ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 1. Л. 65.
- ⁵²⁶ Там же. Л. 39. Л. 39 об.
- ⁵²⁷ Флот в Белой борьбе. С. 344-346.
- ⁵²⁸ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 142-143.
- ⁵²⁹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 43.
- ⁵³⁰ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 50.
- ⁵³¹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 172.
- ⁵³² АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 50; Д. 11. Л. 172.
- ⁵³³ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 101, 112-113.

-
- 534 АПД УЛПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 85-90.
535 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 7.
536 Там же. Л. 167-169.
537 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 136.
538 Там же. Л. 24 об.
539 Там же. Л. 85.
540 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 72; Оп. 17. Д. 11. Л. 161.
541 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 73-76.
542 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 7; Д. 14. Л. 50.
543 Флот в Белой борьбе. С. 395.
544 АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 3. Д. 78. Л. 9 об. – 10.
545 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 73; Оп. 17. Д. 1. Л. 63.
546 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 101.
547 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 166.
548 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 17.
549 Там же. Л. 23.
550 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 124.
551 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 116, 180.
552 См.: АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 128. Л. 65-78.
553 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 94.
554 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 12.
555 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10.
556 Вдова Алеши Джапаридзе находилась вместе с ним на пароходе «Иван Колесников» и была одновременно с мужем и другими деятелями Бакинской коммуны арестована в Красноводске, до марта 1919 г. содержалась в тюрьме, потом отпущена.
557 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 171.
558 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 4. Л. 11; Д. 11. Л. 74-75.
559 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 52-56; Д. 11. Л. 69-75; Д. 13. Л. 1-2.
560 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 81, 83; Д. 12. Л. 1-2.
561 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 17.
562 Там же. Л. 20-21.
563 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 99.
564 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 13. Л. 2-4, 7-9.
565 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 116-120.
566 Там же. Л. 140-145, 171.
567 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 135.
568 Там же. Л. 84-88.
569 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 40 об.
570 Там же. Л. 139.
571 АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 605. Л. 2.

-
- 572 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 128. Л. 95.
573 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 127.
574 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 150-151.
575 Там же. Л. 140-145, 171.
576 Там же. Л. 85.
577 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 1. Л. 60.
578 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 8.
579 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 122.
580 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 101.
581 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 103. 1032
582 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 10. Л. 35.
583 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 119.
584 Там же. Л. 109-111, 112-114, 120-121.
585 Там же. Л. 118.
586 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 14. Л. 122.
587 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 63.
588 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 104; Оп. 17. Д. 10. Л. 22, 61-62; Д.
11. Л. 124; Д. 14. Л. 85.
589 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 126-127.
590 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 1. Л. 27.
591 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 11. Л. 167-170.
592 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 17. Д. 1. Л. 64.
593 АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 62-67.
594 Флот в Белой борьбе. С. 381.
595 Там же. С. 357.
596 ГАЛ. Ф. РА- 45. Оп. 5. Д. 7. Л. 92-94.
597 Там же. Л. 94-95.
598 «Через трупы врага на благо народа»: Сб. док. Т. 2. М., 2010. С. 681.
599 ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336.
600 Там же. Л. 1.
601 Там же. Л. 242-243.
602 Там же. Л. 9.
603 Там же. Л. 102 об.
604 Там же. Л. 105 об. – 106.
605 Там же. Л. 164.
606 Там же. Л. 110.
607 Там же. Л. 202.
608 Там же. Л. 58.
609 См.: Абальянц [А.А.]. Восстание Бердянского Союза увечных воинов в начале апреля 1918 года // Вестник Первопоходника. Los Angeles, Декабрь

1965 – Январь 1966. №№ 51-52. URL: <http://wap.1914.borda.ru/?1-12-360-00000576-000-0-0>.

⁶¹⁰ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 77 об. – 78 об.

⁶¹¹ Там же. Л. 213.

⁶¹² Там же. Л. 221.

⁶¹³ Там же. Л. 251.

⁶¹⁴ Архив РАН. Ф. 543. Оп. 6. Л. 79. Л. 2.

⁶¹⁵ Там же. Л. 2, 2 об.

⁶¹⁶ См.: Анархисты: Документы и материалы. Т. 2. М., 1999. С. 220; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921. Документы и материалы. М., 2006. С. 918.

⁶¹⁷ *Кукес А.* Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 12.

⁶¹⁸ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 528.

⁶¹⁹ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 69.

⁶²⁰ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 227. Л. 4.

⁶²¹ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 175. Л. 3.

⁶²² АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 226. Л. 7-9. О том же: Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 14.

⁶²³ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 159.

⁶²⁴ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 172. Л. 163-165.

⁶²⁵ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 175. Л. 4-11.

⁶²⁶ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 207. Л. 1-10.

⁶²⁷ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 196-197.

⁶²⁸ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 207. Л. 11-12, 14.

⁶²⁹ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 175. Л. 30.

⁶³⁰ Каспийская флотилия состояла из двух канонерок и нескольких сторожевых судов. Если большинство команд были достаточно инертны в вопросах политики, то посыльный корабль «Асхабад» (командир Ефремов) был настоящим контрреволюционным гнездом. АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 273. Л. 2 об.

⁶³¹ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 32. Л. 11.

⁶³² АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 273. Л. 3-3 об.

⁶³³ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 32. Л. 23-24.

⁶³⁴ Там же. Л. 21.

⁶³⁵ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 39. Л. 1-11, 22.

⁶³⁶ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 20. Л. 45.

⁶³⁷ Там же. Л. 20.

⁶³⁸ Н.И. Осиповский, бывший адъютант Григория Константиновича Петрова (1892-1918) оставил воспоминания о событиях последнего года жизни своего командира. В декабре 1917 г. Петров приехал в Воронеж с мандатом, подпи-

санним В.И. Лениным, на формирование из демобилизованных фронтовиков частей, которые должны выступить против отрядов Каледина. Петров выполнил задачу и стал во главе 1-й Донской революционной армии, которая предприняла наступление на Новочеркасск. После создания Донской советской республики Петров вернулся в Москву и получил направление на Украину, в Харьков. Но перед отъездом Петров посетил Рязань, где жили его родители и бывшая жена. В Рязани его арестовал штаб левых эсеров Попова, хотя сам Петров также принадлежал к партии левых эсеров. Не исключено, что это было связано с деятельностью Петрова на посту начальника рязанской милиции в апреле-декабре 1917 г. После длительных переговоров с Москвой эсеры освободили Петрова. На Украине отряды Петрова вели бои с немцами и гайдамаками. Использованный Осиповским прием, когда он сначала пишет, что «в пух и прах разбили противника», а потом – «отступили на станцию Люботин, где попали в окружение», характерен для подобных мемуаров, когда было не принято упоминать поражения. Из окружения удалось выйти с помощью бронепоезда под командованием Макиевской, под ураганным огнем которого прорвались по железной дороге на Харьков. В марте Петров был сильно контужен и со штабом Антонова-Овсеенко отправлен в Москву. Петров выздоровел в апреле, выведенный из Украины отряд стоял в Борисоглебске. Получив мандат военного комиссара Бакинского района от Совета Народных Комиссаров РСФСР, Петров выехал в Баку, забрав из своего отряда латышскую батарею, отряд черноморских моряков, пехоту, всего 700-800 чел. АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 22. Л. 103-106.

⁶³⁹ См., напр.: АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 408. Л. 2.

⁶⁴⁰ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 227. Л. 11.

⁶⁴¹ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 121. Л. 37 об.

⁶⁴² АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 32. Л. 23.

⁶⁴³ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 20. Л. 34.

⁶⁴⁴ Там же. Л. 46.

⁶⁴⁵ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 20. Л. 70; Д. 51. Л. 6; АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 39. Л. 22.

⁶⁴⁶ Фиолетов Иван Тимофеевич (1884-1918), с мая 1917 г. – председатель Союза нефтепромышленных рабочих; с апреля 1918 г. – комиссар по делам народного хозяйства Бакинского СНК.

⁶⁴⁷ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 93, 96.

⁶⁴⁸ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 20. Л. 45.

⁶⁴⁹ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 121. Л. 37 об.

⁶⁵⁰ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 20. Л. 70.

⁶⁵¹ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 175. Л. 30.

⁶⁵² АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 22. Л. 128.

-
- ⁶⁵³ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 273. Л. 3.
- ⁶⁵⁴ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 20. Л. 47.
- ⁶⁵⁵ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 22. Л. 128.
- ⁶⁵⁶ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 51. Л. 8.
- ⁶⁵⁷ Прибывшие на этих судок сорганизовались в 1-й Кавказский железный полк, который стал носить имя Петрова. Батальонами в нем командовали Н. Ананченко и Б. Шеболдаев, сумевший избежать ареста во время эвакуации. Полк воевал под Кизляром против Л.Ф. Бичерахова. Остальные части носили партизанский нерегулярный характер, поэтому в бою с белыми погибло много красноармейцев – им не приходили на помощь. Остатки полка вернулись в Астрахань, участвовали в обороне Царицына, там погибли почти все, вспоминал Багдасар Овчян. АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 408. Л. 2; Ф. 276. Оп. 2. Д. 22. Л. 98-100.
- ⁶⁵⁸ *Лифшиц М.* Кто виноват в убийстве 26-ти. С приложением дневника Фунтикова. Тифлис, 1926. С. 23.
- ⁶⁵⁹ Б. Овчян подтверждает название судна, на которое были погружены деньги из казначейства. АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 92. Но участвовавший в вывозе ценностей Муса Абдулович Манеров упоминал баркас «Лейля», на который они были погружены (1929). АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 408. Л. 2.
- ⁶⁶⁰ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 51. Л. 6.
- ⁶⁶¹ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 408.
- ⁶⁶² АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 20. Л. 45.
- ⁶⁶³ Ханбудагов Эюб Ширин оглы (1893-1937), уроженец Гянджи, образование – Бакинское мореходное училище; в 1918 г. сторонник Бакинской коммуны; в 1919 г. скрывался в горах; в 1920-1921 гг. – председатель Азербайджанской чрезвычайной комиссии; 1922-1924 гг. – председатель ЦК Коммунистической партии Азербайджана. В 1924 г. выдвинул лозунг приоритетного продвижения национальных кадров: всех тюрок перевести в высшую категорию работников вне зависимости от квалификации и стажа. Таким способом Ханбудагов хотел преодолеть предвзятость в отношении тюркских рабочих и служащих, а также разработать систему мер по установлению смычки между азербайджанским рабочим классом и деревней. Он также критиковал забюрократизированность партаппарата и его растущую оторванность от масс. Ханбудагов был подвергнут жесткой критике и направлен на учебу в Москву в Институт красной профессуры. В 1929 г. признал свою ошибку. В 1926 г. вернулся на работу в Закрайком ВКП(б), работал на хозяйственных должностях. В 1936 г. был арестован НКВД СССР по обвинению в национализме. В 1937 г. прошло два суда над ним. В соответствии с приговором первого был лишен свободы сроком на 5 лет; второго – приго-

---

ворен к смертной казни и в том же году он был расстрелян. Реабилитирован в 1957 г. См.: АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 141. Л. 9.

⁶⁶⁴ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 165. Л. 8.

⁶⁶⁵ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 110. Л. 26.

⁶⁶⁶ Ларионов Павел Григорьевич, моряк, с декабря 1919 г. – начальник Астраханского Губернского Отдела внутреннего управления.

⁶⁶⁷ АПД УДПАР. Ф. 268. Оп. 23. Д. 121. Л. 39.

⁶⁶⁸ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 175. Л. 38.

⁶⁶⁹ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 62.

⁶⁷⁰ АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 24. Л. 15; Оп. 5. Д. 67. Л. 9 об.

⁶⁷¹ Все подлинные обстоятельства гибели бакинских комиссаров стали известны ещё в 1922 г., когда были опубликованы результаты работы специальной комиссии ВЦИК РСФСР под руководством правого эсера В.А. Чайкина, целью расследования которого был сбор доказательств о непричастности эсеров к гибели комиссаров. Чайкин первым опубликовал книгу о расстреле 26 бакинских комиссаров.

⁶⁷² Фунтиков Федор Андреевич, 1876 г.р., б. машинист, эсер с 1905 г. В 1918 г. участвовал в свержении советской власти, опираясь на союз фронтовиков и боевые группы эсеров. После окончания Гражданской войны жил на родину в Нижнее Поволжье, арестован по доносу дочери-комсомолки. Процесс над ним состоялся в Баку в апреле 1926 г. Фунтикова обвинили и в расправе над 9-ю коммунарами в Асхабаде 24 июля 1918 г., в сотрудничестве с англичанами. Расстрелян по приговору суда.

⁶⁷³ АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 10. Д. 43. Л. 59.

⁶⁷⁴ Бердянск: трагические страницы без привычных шаблонов. URL: <http://gorod-online.net/nuwspoln.php?nuws=100&number=258>

⁶⁷⁵ *Ноздрин Л.* История и трагедия Первого большевистского Бердянского Совета // Бердянск деловой. 2003. 24 апреля. №17(451).

⁶⁷⁶ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 48.

⁶⁷⁷ Там же. Л. 50-51.

⁶⁷⁸ *Абальянц [А.А.]*. Указ. соч. URL: <http://wap.1914.borda.ru/?1-12-360-00000576-000-0-0>.

⁶⁷⁹ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 77 об. – 78 об.

⁶⁸⁰ *Хомизури Г.П.* Миф о двадцати шести // Республика Армения. 1993. 23, 25 и 28 сентября. URL: 26.itmc.ru/Myth.doc

⁶⁸¹ ГАДО. Ф. Р-2166. Оп. 1. Д. 355. Л. 19-20.

⁶⁸² *Мелия А.А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004. С. 46-47.

⁶⁸³ *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 223.

-
- ⁶⁸⁴ Государственный исторический архив Латвии. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1. Л. 17-20.
- ⁶⁸⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Л. 43. Л. 177.
- ⁶⁸⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 26. Л. 6 об.
- ⁶⁸⁷ См.: ГАОО. Ф. П-13. Оп. 3. Д. 60.
- ⁶⁸⁸ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 101. Л. 2-7.
- ⁶⁸⁹ Сб. улож. 1917. № 10. Ст. 150.
- ⁶⁹⁰ ХДНИ НАРА. Ф. 1123. Оп. 2. Д. 2. Л. 60.
- ⁶⁹¹ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 324. Л. 2.
- ⁶⁹² ГАРО. Ф. Р-2992. Оп. 1. Д. 2315. Л. 11 об.-12.
- ⁶⁹³ Журнал заседания Совета министров Крымского краевого правительства. 16 апреля 1919 г. // АРР. Т. 2. С. 135-141.
- ⁶⁹⁴ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.
- ⁶⁹⁵ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 372. Л. 19.
- ⁶⁹⁶ Броневик («подрывной автомобиль») прибыл из Александровска для помощи местным националистам и был поставлен у пожарной части, которая находилась около тюрьмы. Гайдамаки задирали и провоцировали рабочих. Броневик ездил вокруг совета и все время гудел. 25-го (называется и другая дата – 26) декабря местные красногвардейцы организовали его похищение: некий Ильченко напоил караул, и машина была захвачена. Его вывезли в «люльку». По словам В. Аверина, обычно все захваченное тащили на Брянский завод, туда же притащили и броневик. ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 35. Л. 16, 30.
- ⁶⁹⁷ ГАДО. Ф. Р-3493. Оп. 1. Д. 25. Л. 60-62; Ф. П-24. Оп. 1. Д. 35. Л. 16-25; Д. 73. Л. 2.
- ⁶⁹⁸ ГАДО. Ф. Р-3493. Оп. 1. Д. 25. Л. 30-31.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Гражданский милитаризм в России, его роль, специфика и проявления в Гражданской войне	29
Глава 2. Информативный потенциал синхронных документов: постановка эвристических задач и методы их решения	75
Глава 3. советские и белоэмигрантские мемуары: взаимная критика источников	167
Заключение	312
Перечень архивных фондов	315
Литература и опубликованные источники	320
Примечания	326
Оглавление	355

Научное издание

**Ермоленко Татьяна Федоровна,
Морозова Ольга Михайловна**

**ПОГОНЫ И БУДЕНОВКИ:
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
ГЛАЗАМИ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ И КРАСНОАРМЕЙЦЕВ**

Корректор А. Яковлева
Верстка С. Шестак
Дизайн обложки О. Морозова

Подписано в печать ____ . ____ . ____
Формат 60×84/16. Гарнитура Таймс
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5
Тираж ____ экз.

Издательство _____
_____

Отпечатано в _____